

Артур Конан Дойль

Собрание сочинений в восьми томах. Том 5

Артур Конан Дойль

Собрание
сочинений
в восьми
томах

Том 5

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

(Перевод В. Станевич)

Глава I

О том, как паршивую овцу изгнали из стада

Большой колокол в Болье звонил. Далеко-далеко разносились по лесу его певучие, все нарастающие звуки. Работники, добывавшие торф в Блэкдауне, и рыбаки на Эксе слышали, как в знойном летнем воздухе дальний звон гудит то громче, то слабее. В тех местах звуки эти были привычными, столь же привычными, как болтовня соек или крик выпи. Однако и рыбаки и крестьяне поднимали головы, вопросительно переглядываясь, ибо Angelus уже отзвучал, а до вечера было еще далеко. Почему же звонит большой колокол в Болье, если тени уже не короткие, но еще и не длинные?

Группами возвращались монахи в монастырь. По травянистым аллеям, вдоль которых росли искривленные дубы и покрытые лишайником березы, спешила одетая в белое братия на призыв колокола. Монахи покинули виноградники и давальню, телятники и бычьи хлевы, ямы, где брали глину, солеварни, даже дальние кузницы в Соулее и Мызу св. Леонарда и все устремились в монастырь. Это не было неожиданностью: быстроногий вестник обежал в прошлую ночь самые отдаленные владения аббатства и оставил каждому монаху вызов на третий час после полудня. Столь спешного вызова не помнил даже сторож старик Афанасий, вот уже много лет чистивший дверной молоток у ворот, а он начал его чистить через год после битвы при Баннокберне.

Чужеземец, ничего не знающий ни о монастыре, ни о его огромных богатствах, все же, глядя на братьев-монахов, мог бы составить себе представление о лежавших на них разнообразных обязанностях и об их деятельности на широко раскинувшихся монастырских землях, центром которых являлось старинное аббатство. И когда они, склонив головы и беззвучно шевеля губами, по двое и по трое неторопливо входили в его ворота, лишь на очень немногих не было следов повседневного труда. У двоих кисти рук и рукава были забрызганы красноватым виноградным соком. Бородатый монах нес в руках топор с широким топорищем, на спине — вязанку хвороста, а рядом с ним шагал другой, держа под мышкой ножницы для стрижки овец, причем белые шерстинки налипли на его еще более белую одежду. По дороге тянулась длинная, нестройная вереница людей с лопатами и мотыгами, а позади всех два монаха тащили огромную корзину с только что пойманными карпами, ибо это было под пятницу и надлежало наполнить пятьдесят деревянных тарелок и насытить столько же дюжих едоков. Во всей этой толпе едва ли нашелся бы хоть один монах, не испачканный и не уставший, но аббат Бергхерш был требователен и к себе и к другим.

А тем временем в просторном, высоком покое, предназначенном для особо важных случаев, нетерпеливо расхаживал сам аббат, стискивая на груди длинные, бледные, нервные пальцы. Его осунувшееся, изнуренное раздумьями лицо с ввалившимися щеками говорило о том, что человек этот действительно поборол в себе внутреннего врага, с которым каждому из нас суждено встретиться, и все же тяжело пострадал в этой борьбе. Сокрушив свои страсти, он почти что сокрушил самого себя. Однако каким бы хрупким ни казался его облик, в глазах под нависшими бровями время от времени вспыхивала бешеная энергия, напоминавшая людям о том, что он из воинственного рода и что его брат-близнец сэр Бартоломью Бергхерш принадлежит к числу тех прославленных суровых воинов, которые водрузили крест св. Георгия перед воротами Парижа. Сжав губы и нахмутив лоб, аббат шагал взад и вперед по дубовому полу, словно живое воплощение аскетического духа, а большой колокол продолжал греметь и гудеть над его головой. Наконец звон прекратился, завершившись тремя размеренными ударами, и не успело затихнуть их эхо, как аббат стал бить в маленький гонг, который ему подал келейник.

— Что, братия собралась? — спросил аббат на англофранцузском диалекте, который был принят в монастырях того времени.

— Пришли, — ответил белец; глаза его были опущены, и руки скрещены на груди.

— Все?

— Тридцать два инок и пятнадцать послушников, преподобный отец. Брат Марк из спикария болен лихорадкой и не смог прийти. Он сказал...

— Что бы он ни сказал, лихорадка или нет, а он обязан был явиться по моему зову. Его дух должно сломить, как и дух многих в этой обители. Но и ты сам, брат Франциск, как мне сообщили, дважды что-то сказал вслух, когда за трапезой читали жития самых почитаемых святых. Что ты можешь привести в свое оправдание?

Келейник стоял молча и смиренно, все так же скрестив руки на груди.

— Одну тысячу Ave и столько же Credo. Прочтешь их стоя, с воздетыми руками, перед алтарем пресвятой Девы. Может быть, это напомнит тебе, что творец наш дал нам два уха и только один рот, как бы указывая на двойную работу ушей в сравнении со ртом. Где наставник послушников?

— Во дворе монастыря, преподобный отец.

— Попроси его сюда.

Сандалии келейника застучали по деревянному полу, и окованная железом дверь взвизгнула на своих петлях. Вскоре она снова открылась, и вошел невысокий, коренастый монах с массивным, волевым лицом и властными движениями.

— Вы посылали за мной, преподобный отец?

— Да, брат Иероним, я хотел бы, чтобы с этим делом было покончено по возможности без шума, но все же пусть оно послужит для всех назиданием.

Аббат перешел на латынь, ибо этот язык своей древностью и торжественностью больше подходил для обмена мыслями между двумя людьми, занимающими в ордене высокие посты.

— Может быть, самое лучшее — не допускать послушников? — предложил наставник. — Как бы упоминание о женщине не отвлекло их ум от благочестивых размышлений и не обратило их помыслы к мирскому злу!

— Женщины! Женщины! — простонал аббат. — Святое христианство справедливо назвало их *radix malorum*. Начиная с Евы какой прок был от них? А кто подал жалобу?

— Брат Амвросий.

— Благочестивый и праведный юноша.

— Светильник и пример для каждого послушника.

— Пусть тогда вопрос будет разрешен согласно нашим древним монастырским обычаям. Пусть викарий и его помощник введут братьев в соответствии с их возрастом, а также брата Иоанна, обвиняемого, и брата Амвросия, обвинителя.

— А послушники?

— Пусть соберутся в северной аркаде. Постой! Пусть помощник викария пошлет к ним псаломщика Фому и тот почитает им из «*Gesta beati Benedicti*». Это удержит их от неразумной и вредной болтовни.

Аббат снова остался один и склонил худое, серое лицо над иллюстрированным молитвенником. Он пребывал в той же позе, пока старейшие монахи медленно и с невозмутимым видом входили в комнату и рассаживались на длинных дубовых скамьях, тянувшихся вдоль стен. На дальнем конце в двух высоких креслах, таких же массивных, как и кресло аббата, хотя и не украшенных столь изысканной резьбой, сидели наставник послушников и викарий — полный, осанистый священник с темными игривыми глазами и густой порослью курчавых черных волос вокруг тонзуры. Между ними стоял худощавый, бледный монах, которому было, как видно, не по себе, он переминался с ноги на ногу и нервно похлопывал себя по подбородку зажатой в руке длинным свитком пергамента. Аббат сверху смотрел на ряды лиц, по большей части загорелых и невозмутимых, — их равнодушный взор и гладкая кожа свидетельствовали о безмятежном однообразии их жизни. Затем он обратил нетерпеливый, пылающий взгляд на бледнолицего монаха, стоявшего перед ним.

— Жалоба подана тобой, как я узнал, брат Амвросий, — сказал он. — Да осенит нас нынче своею благодатью святой Бенедикт, патрон нашего монастыря, и да поможет он нам в наших решениях. Сколько пунктов обвинения?

— Три, преподобный отец, — ответил монах вполголоса.

— Ты изложил их согласно обычаю?

— Они записаны на пергаменте.

— Пусть пергамент отдадут брату викарию. Введи брата Иоанна, надо, чтобы он выслушал, в чем его обвиняют.

Следуя приказу аббата, один из бельцов распахнул двери, и вошли еще двое, а между ними шагал молодой послушник мощного телосложения, рослый, рыжий, темноглазый; на смелом, резко очерченном лице было странное выражение не то насмешки, не то недоверия. Откинутый капюшон лежал на плечах, а ряса, не стянутая сверху, открывала округлую мускулистую шею, жилистую и бурую, точно сосновая кора. Из широких рукавов одежды выступали покрытые рыжеватым пухом мускулистые руки, а распахнувшаяся сбоку белая одежда открывала тяжелую, узловатую ногу в уколах и царапинах от ежевики. Поклонившись аббату, быть может, скорее шутливо, чем почтительно, рыжий детина устремился к резному налою, поставленному для него в стороне, и замер — прямой, безмолвный, положив руки на золотой колокольчик, которым пользовались во время богослужения, совершаемого в покоях аббата. Взгляд его темных глаз быстро скользнул по собравшимся и наконец, блеснув угрюмо и угрожающе, задержался на лице его обвинителя. Викарий поднялся и, медленно развернув исписанный пергамент, принялся читать басовитым и торжественным голосом, а приглушенный шорох и движение среди братьев свидетельствовали о том интересе, с каким они следили за чтением.

— «Обвинения, выдвинутые во второй четверг после праздника Успения в год от рождества господа нашего Иисуса Христа тысяча триста шестьдесят шестой против брата Иоанна, ранее известного как Хордл Джон, или Джон из Хордла, ныне же состоящего послушником в святом монашеском ордене цистерцианцев. Прочитаны в тот же день в аббатстве Болье в присутствии его преподобия аббата Бергхерша и всего ордена.

Сей брат Иоанн обвиняется в следующем:

Во-первых, что когда на вышеупомянутом празднике Успения послушникам было подано слабое пиво из расчета по одной кварте на четверых, брат Иоанн выпил залпом весь кувшин, нанеся тем ущерб брату Павлу, брату Порфирию и брату Амвросию, бывшим едва в состоянии потом съесть соленую треску, ввиду их чрезвычайной жажды».

При этом торжественном обвинении послушник поднял руку, губы у него дрогнули, и даже невозмутимые старшие братья переглянулись и кашлянули, чтобы скрыть улыбку.

Лишь аббат сидел в своем кресле хмурый и неподвижный, с замкнутым лицом и сосредоточенным взглядом.

— «Затем, после того, как наставник послушников сказал упомянутому Джону из Хордла, что он должен в течение двух дней ограничиваться в пище трехфунтовым караваем хлеба и бобами, ради вящей славы и чести св. Моники, матери блаженного Августина, он заявил в присутствии брата Амвросия и других, что-де пусть двадцать тысяч чертей заберут эту самую Монику, мать блаженного Августина, да и всякую иную святую, если она будет встречать между человеком и его куском мяса. После того как брат Амвросий упрекнул его за столь кощунственное пожелание, он схватил Амвросия и держал его лицом вниз над пискаторием, или же рыбным прудом, столь долгое время, что оный брат успел прочесть единожды «Отче наш» и четырежды «Богородицу», дабы укрепить свою душу перед грозящей ему смертью».

При столь тяжком обвинении по рядам одетых в белое братьев пробежал шепот и жужжание; однако аббат поднял длинную дрожащую руку.

— Что дальше? — спросил он.

— «Затем, в праздник св. Иакова Меньшего, меж девятым часом и вечерней, упомянутый брат Иоанн был замечен на Брокенхерстской дороге, неподалеку от места известного под названием Хэтчетс Понд, беседующим с особой другого пола, оказавшейся девицей по имени Мэри Соулей, дочерью королевского лесничего. После всяких смешков да шуточек оный брат Джон взял оную Мэри Соулей на руки и перенес через реку, чем доставил величайшее блаженство диаволу и нанес глубокий вред своей душе. Сие своевольное и скандальное грехопадение засвидетельствовано тремя братьями из нашего ордена».

В комнате наступила гробовая тишина, монахи качали головами и закатывали глаза, что говорило об их благочестивом ужасе. Аббат посмотрел суровым, пронизывающим взглядом из-под сдвинутых седых бровей.

— Кто может поручиться, что все это правда?

— Во-первых, я, — ответил обвинитель. — И еще брат Порфирий, он сопровождал меня, и брат

Марк из спикария, он был настолько ошеломлен и смущен таким зрелищем, что сейчас лежит в лихорадке.

— А женщина? — спросил аббат. — Разве она не разразилась жалобами и проклятиями оттого, что монах так унизил свое достоинство?

— Да нет, она ласково улыбнулась ему и поблагодарила. Это могу подтвердить и я и брат Порфирий.

— Можешь? — воскликнул аббат резким и гневным голосом. — Можешь? Значит, ты забыл тридцать пятое правило нашего ордена, а оно гласит, что в присутствии женщины следует отворачивать лицо и опускать глаза долу? Забыл? Говори! Если бы взоры твои были устремлены на твои сандалии, как мог бы ты видеть улыбку, о которой болтаешь? Неделя заточения в келье, ложные братья, неделя на ржаном хлебе и чечевице, двойные заутрени, может быть, помогут вам вспомнить об уставе, которому вы обязаны подчиняться!

При этой внезапной вспышке гнева оба свидетеля опустили головы на грудь и сидели подавленные. Аббат отвел от них глаза и посмотрел на обвиняемого, который смело встретил их гневный, пронизывающий взгляд; в лице его была решимость и твердость.

— Что ты можешь сказать, брат Иоанн, в ответ на столь тяжелые обвинения?

— Весьма мало, преподобный отец, весьма мало, — ответил послушник, который говорил по-английски с грубым западносакским акцентом. Монахи, которые все до одного были англичанами, наострили уши при звуках его простонародного и все же непривычного говора, а щеки аббата вспыхнули краской гнева, и он ударил ладонью по дубовой ручке своего кресла.

— Что я слышу? — воскликнул аббат. — Разве можно говорить на таком языке в стенах столь древнего и прославленного монастыря? Благородство и ученость всегда шли рука об руку, и, если утрачено одно, бесполезно искать другое.

— На этот счет мне ничего не известно, — сказал рыжий детина. — Знаю только, что слова эти ласкают мой слух, ибо так говорили до меня мои предки. С вашего дозволения я либо буду говорить так, как говорю, либо совсем замолчу.

Аббат погладил свое колено и кивнул, как человек, когда он что-либо решил зачеркнуть, но не забывать об этом.

— Что касается эля, — продолжал Джон, — то я вернулся с поля разгоряченный и не успел даже распробовать его, как уже увидел дно кувшина... Может быть, я и обронил что-нибудь насчет отрубей и бобов, что они плохой корм и мало годятся для человека моего роста. Правда и то, что я поднял руку на этого шута горохового брата Амвросия, но, как вы сами видите, особого ущерба ему не причинил. А касательно девицы тоже правда — я перенес ее через реку: на ней были чулки и башмаки, а на мне — только деревянные сандалии, которым от воды никакого вреда нет. Я бы считал позором и для мужчины и для монаха не протянуть ей руку помощи.

И он посмотрел вокруг с тем полушутливым выражением, которое не сходило с его лица в течение всего разбирательства.

— Незачем продолжать, — заявил аббат. — Он во всем сознался. Мне остается только определить меру наказания, которого заслуживает его дурное поведение.

Он поднялся, и два ряда монахов последовали его примеру, испуганно косясь на разгневанного прелата.

— Джон из Хордла, — загремел он, — за два месяца твоего послушничества ты показал себя монахом-отступником и человеком, недостойным носить белое одеяние, ибо оно является внешним символом незапятнанности духа. Поэтому белая одежда будет совлечена с тебя, ты будешь извергнут в мирскую жизнь, лишен преимуществ духовного звания, и у тебя отнимется твоя доля благодати, осеменяющей тех, кто живет под охраной святого Бенедикта. Отныне дорога в Болье для тебя закрыта, и твое имя будет вычеркнуто из списков ордена!

Пожилым монахам приговор этот показался ужасным: они настолько привыкли к безопасной и размеренной жизни аббатства, что за его пределами оказались бы беспомощными, как дети. Из своего благочестивого оазиса они сонно взирали на пустыню жизни, полную бурь и борьбы, неприютную, беспокойную, омраченную злом. Однако у молодого послушника были, видимо, иные мысли, ибо глаза его заискрились и улыбка стала шире. Но это только подлило масла в

огонь — настоятель разъярился еще пуще.

— Такова будет твоя духовная кара! — воскликнул он. — Но при такой натуре, как твоя, надо воздействовать на более грубые чувства, и раз ты уже не находишься под защитой святой церкви, сделать это будет нетрудно. Сюда, бельцы Франциск, Наум, Иосиф! Схватить его, связать ему руки! Тащите его прочь, и пусть лесники и привратники палками изгонят его из наших владений!

Когда упомянутые три брата двинулись к нему, чтобы выполнить приказ аббата, улыбка исчезла с лица послушника, и он стрельнул направо и налево своими неистовыми карими глазами, словно затравленный бык. Затем из глубины его груди вырвался крик, он рванул к себе тяжелый дубовый налой и замахнулся им, отступив на два шага, чтобы никто не мог напасть на него сзади.

— Клянусь черным распятием из Уолтема, — завопил он, — если хоть один из вас, мошенников, коснется меня пальцем, я расколю ему череп, как лесной орех!

В этом парне с его дюжими, узловатыми руками, громовым голосом и рыжей щетиной на голове было что-то настолько грозное, что все три брата подались назад от одного его взгляда, а ряды белых монахов пригнулись, словно тополя в бурю. Только аббат ринулся вперед, сверкая глазами, но викарий и наставник послушников повисли у него на руках и увлекли подальше от опасности.

— Он одержим дьяволом! — кричали они. — Бегите, брат Амвросий и брат Иоахим! Позовите Хью-мельника, и Уота-лесника, и Рауля со стрелами и с арбалетом. Скажите им, что мы опасаемся за свою жизнь! Бегите! Скорее! Ради пресвятой Девы!

Однако бывший послушник был не только стратегом, но и человеком действия. Прыгнув вперед, он метнул свое громоздкое оружие в брата Амвросия и в тот миг, когда и налой и монах с грохотом рухнули на пол, выскочил в открытую дверь и помчался вниз по витой лестнице. Мимо дремавшего возле своей кельи привратника брата Афанасия как будто пронеслось видение: его ноги мелькали, одежда развевалась; но не успел Афанасий протереть глаза, как беглец проскочил сторожку и со всей скоростью, какую допускали его деревянные сандалии, помчался по дороге в Линдхерст.

Глава II

Как Аллейн Эдриксон вышел в широкий мир

Никогда еще мирная атмосфера старинного цистерцианского монастыря так грубо не нарушалась. Никогда еще не бывало в нем восстаний столь внезапных, столь кратких и столь успешных. Однако аббат Бергхерш был человеком слишком твердого характера, он не мог допустить, чтобы мятеж одного смельчака поставил под угрозу установленный распорядок в его обширном хозяйстве. В нескольких горьких и пылких словах он сравнил побег их лжебрата с изгнанием наших прародителей из рая и заявил прямо, что если братия не одумается, то еще кое-кого может постигнуть такая же судьба, и они окажутся в таком же греховном и гибельном положении. Выступив с этим назиданием и вернув свою паству к состоянию надлежащей покорности, он отпустил собравшихся, дабы они возвратились к обычным трудам, и удалился в свой покой, чтобы обрести в молитве духовную поддержку для выполнения обязанностей, налагаемых на него высоким саном.

Аббат все еще стоял на коленях, когда осторожный стук в дверь кельи прервал его молитвы.

Недовольный, он поднялся с колен и разрешил стучавшему войти; но, когда он увидел посетителя, его раздраженное лицо смягчилось, и он улыбнулся по-отечески ласково.

Вошедший, худой белокурый юноша, был выше среднего роста, стройный, прямой и легкий, с живым и миловидным мальчишеским лицом. Его ясные серые глаза, выражавшие задумчивость и чувствительность, говорили о том, что это натура, сложившаяся в стороне от бурных радостей и горестей грешного мира. Однако очертания губ и выступающий подбородок отнюдь не казались женственными. Может быть, он и был порывистым, восторженным, впечатлительным, а его нрав — приятным и общительным, но наблюдатель человеческих характеров настаивал бы на том, что в нем есть и врожденная твердость и сила, скрывающиеся за привитой монастырем мягкостью манер.

Юноша был не в монастырском одеянии, но в светской одежде, хотя его куртка, плащ и штаны были темных тонов, как и подобает тому, кто живет на освященной земле. Через плечо на широкой кожаной лямке висела сума или ранец, какие полагалось носить путникам. В одной руке он держал толстую, окованную железом палку с острым наконечником, в другой — шапку с крупной оловянной бляхой спереди, на бляхе было вытиснено изображение Рокамадурской Божьей матери.

— Собрался в путь, любезный сын мой? — сказал аббат. — Нынче поистине день уходов. Не странно ли, что за какие-нибудь двенадцать часов аббатство вырвало с корнем свой самый вредный сорняк, а теперь вынуждено расстаться с тем, кого мы готовы считать нашим лучшим цветком?

— Вы слишком добры ко мне, отец мой, — ответил юноша. — Будь на то моя воля, никогда бы я не ушел отсюда и дождал бы до конца своих дней в Болье. С тех пор, как я себя помню, здесь был мой родной дом, и мне больно покидать его.

— Жизнь несет нам немало страданий, — мягко отозвался аббат. — У кого их нет? О твоём уходе скорбим мы все, не только ты сам. Но ничего не поделаешь. Я дал слово и священное обещание твоему отцу Эдрику-землепашцу, что двадцати лет от роду отправлю тебя в широкий мир, чтобы ты сам изведал его вкус и решил, нравится ли он тебе. Садись на скамью, Аллейн, тебе предстоит утомительный путь.

Повинуясь указанию аббата, юноша сел, но нерешительно и без охоты. Аббат стоял возле узкого окна, и его черная тень косо падала на застеленный камышом пол.

— Двадцать лет тому назад, — заговорил он снова, — твой отец, владелец Минстеда, умер, завещав аббатству три надела плодородной земли в Мэлвудском округе. Завещал он нам и своего маленького сына с тем, чтобы мы его воспитывали, растили до тех пор, пока он не станет мужчиной. Он поступил так отчасти потому, что твоя мать умерла, отчасти потому, что твой старший брат, нынешний сокман Минстеда, уже тогда обнаруживал свою свирепую и грубую натуру и был бы для тебя неподходящим товарищем. Однако отец твой не хотел, чтобы ты остался в монастыре навсегда, а, возмужав, вернулся бы к мирской жизни.

— Но, преподобный отец, — прервал его молодой человек, — ведь я уже имею некоторый опыт в церковном служении.

— Да, любезный сын, но не такой, чтобы это могло закрыть тебе путь к той одежде, которая на

тебе, или к той жизни, которую тебе придется теперь вести. Ты был привратником?

— Да, отец.

— Молитвы об изгнании демонов читал?

— Да, отец мой.

— Свещеносцем был?

— Да, отец мой.

— Псалтырь читал?

— Да, отец мой.

— Но обетов послушания и целомудрия ты не давал?

— Нет, отец мой.

— Значит, ты можешь вести мирскую жизнь. Все же перед тем, как покинуть нас, скажи мне, с какими дарованиями уходишь ты из Болъе? Некоторые мне уже известны. Ты играешь на цитоло и на ребеке. Наш хор онемееет без тебя. Ты режешь по дереву, гравировешь?

На бледном лице юноши вспыхнула гордость искусного мастера.

— Да, преподобный отец, — отозвался он, — благодаря доброте брата Варфоломея я режу по дереву и слоновой кости и могу кое-что сделать из серебра и бронзы. У отца Франциска я научился рисовать на пергаменте, на стекле и на металле, а также узнал, какими эссенциями и составами можно предохранить краски от действия сырости и мороза. У брата Луки я заимствовал некоторое умение украшать насечкой сталь и покрывать эмалью ларцы, дарохранительницы, диптихи и триптихи. Кроме того, у меня есть небольшой опыт в переплетном деле, гранении драгоценных камней и составлении грамот и хартий.

— Богатый список, ничего не скажешь! — воскликнул настоятель, улыбаясь. — Какой клирик из Оксфорда или Кембриджа мог бы похвастаться тем же? Что касается начитанности, тут ты, боюсь, не достиг таких же успехов.

— Да, отец мой, читал я немного. Все же, благодаря нашему доброму викарию, я не вовсе не грамотен. Я прочел Оккама, Брэдвардина и других ученых мужей, а также мудрого Дунса Скотта и труд святого Фомы Аквинского.

— Но какие знания о предметах мира сего почерпнул ты из своего чтения? В это высокое окно ты можешь увидеть кусок леса и дымы Бэклерсхарда, устье Экса и сияющие морские воды. И вот я прошу тебя, Аллейн, скажи, если кто-нибудь сел бы на судно, поднял паруса и поплыл по тем водам, куда бы он надеялся приплыть?

Юноша задумался, концом палки он начертил план на камышинах, покрывавших пол.

— Преподобный отец, — ответил он, — этот человек приплыл бы к тем частям Франции, которые находятся во владении его величества короля. Но если он повернет на юг, он сможет добраться до Испании и варварских стран. На север у него будут Фландрия, страны Востока и земли московитов.

— Верно. А что было бы, если бы он, достигнув владений короля, продолжал путь на восток?

— Он прибыл бы в ту часть Франции, которая до сих пор является спорной, и мог бы надеяться, что доберется до прославленного города Авиньона, где пребывает наш святейший отец, опора христианства.

— А затем?

— Затем он прошел бы через страну аллеманов и Великую римскую империю в страну гуннов и литовцев-язычников, за которой находятся великая столица Константина и королевство нечистых последователей Махмуда.

— А дальше, любезный сын?

— Дальше находится Иерусалим, и Святая земля, и та великая река, истоки которой в Эдеме.

— А потом?

— Преподобный отец, я не знаю. Мне кажется, оттуда уже недалеко и до края света!

— Тогда мы еще можем кое-чему научить тебя, Аллейн, ласково сказал аббат. — Знай, что многие удивительные народы живут между этими местами и краем света. Там есть еще страна амазонок, и страна карликов, и страна красивых, но свирепых женщин, убивающих взглядом, как василиск. А за ними царства Пресвитера Иоанна и Великого Хама. Все это истинная правда, ибо я узнал ее от благочестивого христианина и отважного рыцаря сэра Джона де Мандевиля, который дважды останавливался в Болье по пути в Саутгемптон и обратно, и он рассказывал нам о том, что видел, с аналоя в трапезной, хотя многие честные братья не могли ни пить, ни есть, столь поражены были они его странными рассказами.

— Мне очень бы хотелось узнать, отец мой, что может быть на самом краю света.

— Есть там предивные вещи, — важно отвечал аббат, — но никогда не предполагалось, что люди будут спрашивать о них. Однако у тебя впереди долгая дорога. Куда же ты отправишься в первую очередь?

— К брату, в Минстед. Если он в самом деле такой безбожник и насильник, тем более важно отыскать его и попробовать, не смогу ли я хоть немного изменить его нрав.

Аббат покачал головой.

— Сокман из Минстеда заслужил в округе дурную славу, — сказал он. — Если уж ты решил пойти к нему, то берегись, как бы он не сбил тебя с тесной тропы добродетели, по которой ты научился идти. Но ты под защитой господней, в беде и смятении всегда взирай на господа. Паче всего, сын мой, избегай силков, расставленных женщинами, — они всегда готовы поймать в них безрассудного юношу! А теперь опустишься на колени и прими благословение старика.

Аллейн Эдриксон склонил голову, и аббат вознес горячие мольбы, прося небо охранить эту молодую душу, уходившую ныне навстречу грозному мраку и опасностям мирской жизни.

Ни для того, ни для другого все это не было пустой формальностью. Им казалось, что за пределами монастыря, среди людей, действительно царят лишь насилие и грех. Мир полон физических, а еще более — духовных опасностей. Небеса казались в те времена очень близкими. В громе и радуге, в урагане и молнии нельзя было не видеть прямого выражения воли божьей. Для верующих сонмы ангелов, исповедников и мучеников, армии святых и спасенных постоянно и зорко взирали на своих борющихся братьев на земле, укрепляли, поддерживали и ободряли их. Поэтому, когда юноша вышел из комнаты аббата, на сердце у него стало легче, и он почувствовал прилив мужества, а тот, провожая его до площадки лестницы, в заключение поручил его защите святого Юлиана, покровителя путешественников.

Внизу, в крытой галерее аббатства, монахи собрались, чтобы пожелать Аллейну счастливого пути. Многие приготовили подарки на память. Тут был брат Варфоломей с распятием из слоновой кости редкой художественной работы, брат Лука с псалтырью в переплете из белой кожи, украшенной золотыми пчелами, и брат Франциск с «Избиением младенцев», весьма искусно изображенным на пергаменте.

Все эти дары были уложены на дно дорожной сумы, а сверху краснолицый брат Афанасий добавил хлеб, круг сыра и маленькую флягу прославленного монастырского вина с голубой печатью. Наконец, после рукопожатий шуток и благословений Аллейн Эдриксон зашагал прочь от Болье.

На повороте он остановился и обернулся. Вот перед ним столь хорошо знакомые строения, дом аббата, длинное здание церкви, кельи с аркадой, мягко озаренные заходящим солнцем. Он видел также плавный и широкий изгиб Экса, старинный каменный колодец, нишу со статуей пресвятой Девы, а посреди всего этого кучку белых фигур, махавших ему на прощание. Внезапно глаза юноши затуманились, он повернулся и пустился в путь; горло у него сжималось, и на сердце было тяжело.

Глава III

Как Хордл Джон нашел сукновала из Лимингтона

Однако не в природе вещей, чтобы двадцатилетний паренек, с кипящей в жилах молодой кровью, проводил первые часы свободы, печалась о том, что он оставил позади. Задолго до того, как Аллейн перестал слышать звон монастырских колоколов, он уже решительно шагал вперед, помахивая палкой и насвистывая так же весело, как птицы в чаще. Стоял один из тех вечеров, которые действуют возвышающе на человеческую душу. Косые лучи солнца, падая сквозь листву, рисовали на дороге хрупкие узоры, пересеченные полосами золотистого света. Далеко впереди и позади Аллейна густые ветви деревьев, местами уже медно-красные, перекидывали свои широкие арки над дорогой. Тихий летний воздух был насыщен смолистым запахом огромного леса. Порой коричневатый ручеек с плеском вырывался из-под корней, пересекал дорогу и снова терялся во мхах и зарослях ежевики. Кроме однообразного писка насекомых и ропота листьев, всюду царило глубокое безмолвие, сладостное и успокаивающее безмолвие природы.

А вместе с тем везде кипела жизнь, огромный лес был переполнен ею. То маленький юркий горностаи мелькнет у самых ног, спеша по каким-то своим лесным делам; то дикая кошка, распластавшись на дальней ветке дуба, тайком следит за путником желтым недоверчивым глазом. Один раз из чащи выскочила кабаниха с двумя поросятами, бежавшими за ней по пятам, в другой раз из-за стволов вышел, изящно ступая, рыжий олень и стал озиаться вокруг бесстрашным взглядом существа, живущего под защитой самого короля. Аллейн весело взмахнул палкой, и рыжий олень, видно, сообразив, что король-то все-таки далеко, ринулся обратно в чащу.

Теперь юноша отошел уже на значительное расстояние от самых дальних владений монастыря. Тем более был он удивлен, когда за очередным поворотом тропы увидел человека в знакомой монастырской одежде, сидевшего возле дороги на куче хвороста.

Аллейн отлично знал каждого из монахов, но это лицо было для него новым; багровое и надутое, оно то и дело меняло свое выражение, как будто человек этот чем-то крайне озабочен. Вот он воздел руки к небу и яростно потряс ими, потом два раза соскакивал с хвороста на дорогу и бросался вперед. Когда он вставал на ноги, Аллейн видел, что его одежда ему длинна и непомерно широка, полы тащились по земле, били по лодыжкам, так что, даже подобрав рясу, незнакомец мог идти только с трудом. Он попытался припустить бегом, но сразу же запутался в длинном одеянии, перешел на неуклюжий шаг и в конце концов снова плюхнулся на хворост.

— Молодой друг, — сказал он, когда Аллейн поравнялся с ним, — судя по твоей одежде, едва ли можно предположить, что ты знаешь что-нибудь насчет аббатства Болье.

— Вы ошибаетесь, друг, — отозвался клирик, — я провел всю свою жизнь в его стенах.

— Да что ты! Тогда, быть может, ты назовешь мне имя одного монаха — огромный такой, гнусный болван, конопатый, руки, точно грабли, глаза черные, волосы рыжие, а голос, как у приходского быка. По-моему, двух таких не сыщешь в одном монастыре.

— Это может быть только брат Иоанн, — ответил Аллейн. — Надеюсь, он ничем не обидел вас?

— Конечно, обидел, да еще как! — воскликнул незнакомец, соскакивая с груды хвороста. — Разве это не обида? Он похитил все мое платье до последней тряпки и бросил меня здесь в этой вот белой широченной юбке, а мне совестно к жене возвращаться, она подумает, что я донашиваю ее старье. И зачем только я повстречался с ним!

— Но как же это случилось? — спросил молодой клирик, едва удерживаясь от смеха при виде разгневанного незнакомца, наряженного в широченное белое одеяние.

— А случилось вот как, — сказал тот, снова опускаясь на кучу хвороста. — Я шел этой дорогой, надеясь засветло добраться до Лимингтона, и тут увидел этого рыжего мошенника, сидящего там же, где мы сидим сейчас. Проходя мимо него, я снял шапку и почтительно поклонился, подумав, что это, может быть, кто-нибудь из преподобной братии и он погружен в молитву; но незнакомец окликнул меня и спросил, слышал ли я о новой индульгенции во славу и в честь цистерцианцев.

«Нет, не слыхал», — говорю. «Тогда тем хуже для твоей души!» — ответил он и завел длинный рассказ насчет того, что ввиду особых добродетелей аббата Бергхерша папа будто бы издал

такой декрет: каждому, кто, надев одежду монаха из Болье, пробудет в ней столько времени, сколько нужно, чтобы прочесть семь псалмов Давида, обеспечено место в царствии небесном. Услышав это, я опустился на колени и стал умолять, пусть даст мне надеть его одежду, на что он после долгих уговоров согласился, причем я уплатил ему три марки, а он обещал на них вновь вызолотить икону священномученика Лаврентия. Когда я надел его рясу, мне не оставалось ничего другого, как дать ему мою добротную кожаную куртку и штаны, ибо он уверял, что продрог до костей да и не подобает ему стоять нагишом, пока я читаю молитвы. Едва он натянул мое платье, а сделал он это с великим трудом, ибо я в длину почти такой же, как он в ширину, — едва он натянул его, а я еще не дошел до конца второго псалма, как обманщик пожелал мне успехов в моей новой одежде и со всех ног помчался прочь от меня по дороге. Я же мог бежать не быстрее, чем если бы был зашит в мешок; и вот я здесь сижу и, вероятно, буду сидеть до тех пор, пока не заполучу обратно свое платье.

— Нет, друг, не надо так огорчаться, — сказал Аллейн, похлопав безутешного по плечу. — Вам следует снова обменять рясу на куртку в аббатстве, если у вас поблизости не найдется какого-нибудь приятеля.

— Приятель-то есть, — отозвался тот, — и неподалеку, но я не хотел бы обращаться к нему с такой просьбой: у его жены чересчур длинный язык и она будет до тех пор сплетничать на этот счет, пока я уже не смогу показаться ни на одном из рынков от Фордингбриджа до Саутгемптона. Но если вы, добрый сэр, из милосердия свернули бы немного в сторону с вашего пути, вы оказали бы мне неоплаченную услугу.

— Я сделаю это от всего сердца, — с готовностью ответил Аллейн.

— Тогда идите, пожалуйста, вон по той тропинке влево, а потом по оленьей тропе вправо. Вы увидите под высоким буком хижину угольщика. Назовите ему, добрый сэр, мое имя — «Питер-сукновал из Лимингтона» и попросите у него смену одежды, чтобы я мог немедленно продолжать свой путь. По некоторым причинам он ни за что не откажет мне.

Аллейн зашагал по указанной тропинке и вскоре увидел бревенчатую хижину угольщика. Угольщика не было дома, он заготавливал в лесу хворост. Но его жена, румяная, живая особа, собрала необходимую одежду и связала в узел. Аллейн Эдриксон, стоя на пороге открытой двери, смотрел на жену угольщика с большим интересом и некоторой опаской, ибо никогда еще не находился так близко к женщине. Быстро двигались ее полные, красные руки, платье на ней было из какой-то скромной шерстяной ткани, медная брошка величиной чуть не с круг сыра блестела на груди.

— Питер-сукновал! — повторяла она. — Подумать только! Ну, будь я женою Питера, я бы показала ему, как отдавать свое платье первому проходившему, который попросит об этом. Но он всегда был дураком, этот бедняга, хотя мы и очень благодарны ему за то, что он помог нам похоронить нашего второго сына Уота — он был у него в учениках в Лимингтоне в год черной смерти. А вы-то кто, молодой господин?

— Я клирик и направляюсь из Болье в Минстед.

— Скажите! Значит, тебя вырастили в монастыре. Я сразу догадалась. Вижу, как ты краснееешь и опускаешь глаза. Наверное, монахи научили тебя бояться женщин, будто они прокаженные! Какой стыд! Ведь этим они оскорбляют своих собственных матерей! Хорош был бы мир, если б изгнать из него всех женщин!

— Бог не допустит, чтобы это когда-нибудь случилось, — сказал Аллейн.

— Аминь, аминь! А ты красивый паренек, и скромность тебя еще больше красит. Видно по твоему лицу, что не пришлось тебе всю жизнь трудиться на ветру, да под дождем, да под знойным солнцем, как моему бедному Уоту.

— Я в самом деле очень мало видел жизнь, добрая госпожа.

— Нет ничего дороже твоей свежести и чистоты. Вот одежда для Питера, он может занести ее, когда опять будет в наших местах. Пресвятая Дева! Посмотри, какая пыль на твоей куртке. Нет женщины, которая присматривала бы за тобой, сразу видно! Вот! Так будет лучше! А теперь чмокни меня, мальчик.

Аллейн наклонился и поцеловал ее, ибо поцелуй служил в те времена обычным приветствием и, как много спустя отметил Эразм, был более распространен в Англии, чем в какой-либо другой стране. Все же кровь у него застучала в висках, и, уходя, он подумал о том что ответил бы аббат Бергхерш на столь откровенное приглашение. Он все еще испытывал внутренний

трепет от этих новых ощущений, когда, выбравшись на большую дорогу, увидел зрелище, от которого все эти мысли сразу вылетели у него из головы.

Немного дальше того места, где он оставил незадачливого сукновала, он снова увидел его: Питер топал ногами и бесновался в десять раз сильнее, чем прежде, однако сейчас на нем уже не было широченного белого одеяния и никакой верхней одежды вообще, а короткая шерстяная рубашка и кожаные башмаки. Вдалеке по дороге убегала долговязая фигура. Под мышкой убежавший мужчина держал узел, а другую руку прижимал к боку, словно изнемогал от хохота.

— Вон он! — вопил Питер. — Глядите на него! Будьте свидетелем! За это его посадят в Винчестере в тюрьму! Смотрите, как он убегает с моим плащом!

— Кто это? — крикнул в ответ Аллейн.

— Да проклятый брат Иоанн, кто же еще! Что он мне оставил из одежды? Меньше, чем каторжнику в руднике. Двойной вор, он выманил меня даже из моей рясы!

— Но все же, друг, это была его ряса, — возразил Аллейн.

— А какая мне польза от того? Он все забрал: рясу, куртку, штаны — все. Мерси ему, что оставил хоть рубашку да башмаки. Не сомневаюсь, он еще вернется и за ними.

— Но как же это случилось? — в изумлении осведомился Аллейн.

— Вы принесли одежду? Будьте милосердны, отдайте мне поскорее. Теперь сам папа ее от меня не получит, пусть посылает хоть всю коллегия кардиналов. Как случилось? Едва вы ушли, как ненавистный Иоанн возвращается бегом, и когда я открыл рот, чтобы упрекнуть его, он спрашивает, может ли это быть, чтобы служитель божий расстался со своим одеянием и сменил его на куртку мирянина. Я, говорит, отошел только на минутку, чтобы на свободе помолиться. Тут я стащил с себя его рясу, а он, притворяясь, будто ужасно спешит, тоже начал раздеваться, но когда я сбросил его балахон, он тут же схватил его и убежал, даже не завязав тесемок, и оставил меня в таком горестном положении. Притом он без удержу хохотал, словно квакала огромная лягушка; но я бы поймал его, будь у меня дыхание не столь же коротким, сколь длинны его ноги.

Молодой человек слушал этот рассказ о нанесенной сукновалу обиде, изо всех сил стараясь сохранять серьезность; однако, глядя на этого сморщенного, краснолицего человечка, который держался с такой важностью, юноша почувствовал приступ неудержимого смеха и вынужден был прислониться к стволу дерева. Сукновал посмотрел на него торжественно и скорбно, но, заметив, что он беззвучно смеется, поклонился с подчеркнутой иронической вежливостью и в новой одежде пошел прочь деревянным шагом. Аллейн следил за ним, пока тот не стал едва виден; затем он отер слезы смеха и решительно двинулся дальше.

Глава IV

Как саутгемптонский бейлиф прикончил двух бродяг

Дорога, по которой шел Аллейн, была гораздо безлюднее, чем другие дороги королевства, особенно те, что соединяли меж собой более крупные города. Все же время от времени Аллейн встречал путников, не раз его обгоняли вереницы мулов с вьюками и группы всадников, двигавшихся в том же направлении, что и он. Один раз ему попался нищенствующий монах в коричневой рясе; он прихрамывал и, увидев Аллейна, стал жалобно умолять, пусть тот подаст ему мелкую монетку на покупку хлеба и тем спасет от голодной смерти. Но Аллейн торопливо прошел мимо: в монастыре его научили избегать нищенствующих монахов, кроме того, из сумы попрошайки торчала огромная полуобглоданная баранья кость, доказывавшая, что он лгун. Как ни спешил юноша прочь, он все же услышал, как тот проклинал его именем четырех святых евангелистов. И так ужасны были эти проклятия, что Аллейн, перепуганный, заткнул уши и бежал до тех пор, пока монах не превратился в коричневое пятнышко на желтой дороге.

Подалее, на опушке леса, он увидел корабейника с женой, сидевших на поваленном дереве. Тюк с товарами служил им столом, и они с аппетитом уплетали огромный паштет, запивая его каким-то напитком из каменного кувшина. Корабейник при виде проходившего мимо Аллейна отпустил соленую шутку, а жена его пискливо окликнула юношу, приглашая присоединиться к ним, причем муж, вдруг перейдя от шутливости к бешенству, начал колотить жену своей дубинкой. Аллейн зашагал дальше, опасаясь, что ревнивый супруг разъярится еще больше, и на сердце у него стало очень тяжело. Куда бы он ни поглядел, казалось, он всюду в отношениях человека к человеку видит только несправедливость, насилие и жестокость.

Но когда он, горестно размышляя об этом и тоскуя о сладостной тишине монастыря, вышел на полянку, окруженную кустарником, ему открылось зрелище, наиболее странное из всего увиденного им до сих пор. Неподалеку от дороги тянулись густые заросли, а над ними торчали четыре человеческие ноги, обтянутые двухцветными штанами — одна половина желтая, другая черная. Но самым странным Аллейну показалось то, что вдруг прозвучала заразительно веселая мелодия и четыре ноги начали дергаться и извиваться в такт музыке.

Обойдя на цыпочках заросли, он, пораженный, увидел двух мужчин, плясавших стоя на голове, причем один играл на виоле, другой — на дудке, да так весело и складно, словно оба спокойно сидели на скамьях. Созерцая столь неестественное зрелище, Аллейн даже перекрестился, но ему едва удалось сохранить серьезность, когда оба плясуна заметили его и, подпрыгивая, к нему направились. На расстоянии длины меча от него каждый перекувырнулся в воздухе, упал на ноги и самодовольно улыбнулся, прижимая руки к сердцу.

— Мы ждем награды, награды, о рыцарь с изумленным взором! — воскликнул один из них.

— Мы ждем дара, принц! — заорал другой. — Мы примем любой пустяк — хотя бы кошелёк с червонцами или даже кубок, украшенный камнями.

Аллейн вспомнил то, что он читал об одержимых демоном — как они прыгают, извиваются, несут непонятный вздор. Он уже подумал было о заклинаниях, которые предписывалось произносить при подобных встречах с одержимыми; но, взглянув на его испуганное лицо, они громко расхохотались, опять встали на голову и насмешливо щелкнули каблуками.

— Никогда не видал акробатов? — спросил тот, что был постарше, чернобровый, смуглый и гибкий, словно ветка орешника. — Зачем же пугаться, будто мы отродье дьявола?

— Зачем пугаться, милоч? Отчего такой страх, мой сахарный? — подхватил другой, вертлявый, долговязый малый с бегающими, жуликоватыми глазами.

— Верно, господа, зрелище это для меня новое. Когда я увидел ваши ноги над кустами, я глазам своим не поверил. Ради чего проделываете вы такие штуки?

— Не промочив горло, и не ответишь, — воскликнул более молодой, становясь на ноги. — Это весьма пересохший вопрос, красавчик мой! Но что я вижу? Фляжка, фляжка — клянусь всеми чудесами! — Он протянул руку к Аллейну и, выхватив флягу из его сумы, отбил горлышко и опрокинул себе в рот добрую половину содержимого. Остаток он протянул товарищу, тот допил вино, а затем к удивлению клирика, которое все росло, сделал вид, будто проглатывает и фляжку, да так искусно, что Аллейн видел собственными глазами, как она исчезла у него в горле. Правда, через мгновение он швырнул ее через голову и перехватил под своей левой ногой.

— Благодарим вас за вино, добрый сэр, — сказал он, — и за ту любезную готовность, с какой вы его предложили. Возвращаясь к вашему вопросу, можем сообщить вам, что мы странствующие актеры и жонглеры, мы выступали с большим успехом на ярмарке в Винчестере, теперь отправляемся в Рингвуд, на большую ярмарку, которая там бывает на Михайлов день. А так как наше искусство требует большой точности и мастерства, мы не можем и дня пропустить, не упражняясь в нем, для чего отыскиваем какое-нибудь тихое, укромное местечко и там делаем привал. И вот вы видите нас; для нас же нисколько не удивительно, что вы, ничего не зная о кувыркании, поражены: ведь и многие прославленные бароны, герцоги, маршалы и рыцари, побывавшие даже в Святой земле, единодушно уверяли, что никогда не видали столь изящного и благородного зрелища. Если соблаговолите сесть на этот пенек, мы будем продолжать наши упражнения.

Аллейн охотно последовал этому указанию и сел между двумя огромными узлами с одеждой бродячих актеров: там были камзолы из огненного шелка и кожаные пояса, украшенные медными и жестяными бляхами. А жонглеры уже снова стояли на головах, скакали по траве, напрягая шеи, и вместе с тем наигрывали на своих инструментах, превосходно соблюдая такт и лад. Аллейн вдруг заметил, что из одного узла высовывается угол какого-то инструмента, — он узнал цитру, извлек ее, настроил, и вскоре ее звуки присоединились к веселой песенке, которую играли плясуны. Тогда они побросали собственные инструменты и, опершись ладонями о землю, запрыгали все быстрее и быстрее, покрикивая, чтобы он играл живее, и, наконец, все трое так устали, что вынуждены были остановиться.

— Хорошо играешь, милашка! — воскликнул молодой. — У тебя струны поют, когда ты их касаешься, редко кто так умеет. Откуда ты знаешь эту мелодию?

— А я ее и не знал. Я просто следовал звукам, которые слышал.

Оба уставились на него с таким же удивлением, с каким он перед тем смотрел на них.

— Значит, у тебя здорово тонкий слух, — сказал один. — Мы давно желали встретить такого вот человека. Хочешь присоединиться к нам, и вместе потрусим в Рингвуд? Работа у тебя будет легкая, каждый день будешь получать два пенса и вечером мясо на ужин.

— Кроме того, пива, сколько влезет, — добавил другой, — а по воскресеньям — фляжку гасконского.

— Да нет, не смогу я. Мне предстоит другая работа. Я и так тут с вами слишком замешкался, — ответил Аллейн и снова решительно зашагал по дороге.

Они побежали было за ним, предлагая сначала четыре пенса в день, потом шесть, но он только улыбался и качал головой, тогда они, наконец, отстали. Оглянувшись, он увидел, что тот, который был поменьше, взобрался на плечи к молодому, вместе они стали ростом чуть не в десять футов, и так они стояли и махали ему вслед, прощаясь. Он помахал им в ответ и заспешил дальше, а на сердце у него стало легче после встречи с этими странными людьми, целью которых было развлекать других.

Несмотря на обилие мелких приключений, Аллейн прошел еще очень мало. Однако молодого клирика, привыкшего к столь спокойному существованию, что нехватка пива или замена одного хора другим уже казались событиями чрезвычайной важности, быстрая смена теней и света, которыми полна жизнь, поразила и глубоко заинтересовала. Казалось, целая пропасть отделяет эту кипучую, изменчивую жизнь от давно устоявшегося монастырского уклада, сводившегося к чередованию трудов и молитв. Несколько часов, протекших после того, как он в последний раз взглянул на колокольню аббатства, постепенно заполнили его память настолько, что как бы вытеснили долгие месяцы однообразной жизни в монастыре. И когда он на ходу стал есть мягкий хлеб, извлеченный из дорожной сумы, его удивило, что в хлебе все еще сохранялось тепло монастырской печи.

Миновав Пенерлей, состоявший из трех домиков и амбара, он достиг границы лесов, за которыми простирались однообразные заросли вереска, и эти розовые пятна перемежались с бронзой увядающих мхов. Слева по-прежнему тянулась лесная чаща, но дорога уходила от нее в сторону и вилась по открытым местам. Солнце на западе стояло низко, над лиловой тучей, его мягкий, чистый свет озарял вересковые заросли и поблескивал по краю опушки, превращая засохшие листья в чешуйки мертвого золота, сверкавшие тем ярче, чем глубже чернели за ними провалы лесных глубин. Для мудрого взора увядание не менее прекрасно, чем цветение и рост, и смерть — не менее, чем жизнь. Именно эта мысль прокралась в душу Аллейна, когда он созерцал осенний пейзаж и восхищался его прелестью. Однако ему некогда было любоваться слишком долго этим зрелищем: как-никак до ближайшей деревенской гостиницы оставалось еще добрых шесть миль. Юноша присел на обочину дороги, поел хлеба и

сыра, а затем с облегченной сумой поспешил дальше.

Оказалось, что в открытой низине путников больше, чем в лесу. Сначала он встретил двух доминиканцев в длинных черных одеждах, они проплыли мимо, опустив взоры, что-то бормоча, и даже не взглянули на него. Затем появился рослый монах, может быть, минорит, с огромным пузом; он шагал не спеша и смотрел по сторонам с видом человека, который пребывает в ладу с собой и со всеми людьми. Он остановил Аллейна и осведомился, верно ли, что в этих местах где-то неподалеку есть гостиница, известная своими тушеными угрями. Когда клирик ответил, что да, он слышал о соулейских угрях, монах зачмокал губами и поспешил дальше. За ним по пятам следовали трое работников, они шли плечо к плечу и несли лопаты и мотыги. Работники пели очень стройно примитивную хоровую песню, но их английский язык был так неотесан и груб, что слуху юноши, воспитанного в монастыре, показался каким-то варварским иноземным наречием. Один из них нес птенчика выпы, пойманного на торфяном болоте, и они предложили его Аллейну за мелкую серебряную монету. Он был рад, когда благополучно миновал их: торговаться среди вересковых зарослей с этими буйными рыжебородыми и синеглазыми парнями было бы довольно неприятно.

Однако не всегда следует больше всего опасаться самых здоровенных и неотесанных людей. Работники посмотрели ему вслед голодными глазами, а затем поплелись дальше, медленно и неуклюже, как оно и свойственно саксам. Хуже пришлось Аллейну при встрече с хромым калекой, который ковылял по дороге; он был, видимо, до того стар и слаб, что даже ребенок мог бы его не бояться. Однако, когда Аллейн обогнал его, тот вдруг просто со злости бросил ему вслед проклятие, и зазубренный камень пролетел мимо его уха. И так отвратительна была беспричинная ярость этого скрюченного создания, что наш клирик почувствовал озноб и бежал, пока до него уже не могли долететь ни камни, ни слова. Ему стало казаться, что в Англии у человека нет защиты, кроме силы его собственных кулаков и быстроты ног. В монастырях он слышал гуманные разговоры о законе, о его могуществе, стоящем выше могущества прелатов и баронов, но не видел пока никаких признаков этого закона. Что за польза от закона, думал юноша, как бы красиво он ни был написан на пергаменте, если нет служителей закона, чтобы внедрять его в жизнь. Однако в этот же вечер, еще до захода солнца, он стал свидетелем того, насколько неумолимы клещи английского закона, когда им удается захватить виновного.

Если пройти милью или около того по вересковой пустоши, дорога неожиданно ныряет на дно оврага, по которому быстро бежит ручей с коричневатой водой. Вправо от него стоял и стоит до сих пор древний курган, или могильник, покрытый густой щетиной вереска и папоротника. Аллейн, спускаясь по склону, вдруг заметил, что ему навстречу, с противоположного откоса, спускается старуха; она устало прихрамывала и тяжело опиралась на палку. Дойдя до берега ручья, она остановилась, беспомощно озираясь направо и налево и ища брода. Против сбегавшей вниз тропинки в воде лежал камень, но для ее старческих, дрожащих ног он находился слишком далеко от берега. Дважды она пыталась шагнуть на него, дважды отступала и, наконец, в отчаянии опустила наземь и в тоске стала ломать руки. Там она и сидела, когда Аллейн достиг переправы.

— Идите сюда, матушка, — позвал он, — не так уж тут опасно переходить!

— Увы, добрый юноша, — отозвалась она, — глаза иной раз подводят меня. Я хоть и вижу там в воде камень, но не могу сказать точно, где он лежит.

— Ну, этому легко помочь, — весело отозвался Аллейн, легко поднял старуху, ибо годы сильно иссушили ее, и перенес на другой берег. Он не мог не заметить, что, когда он опустил ее наземь, колени у нее подогнулись и ей едва удалось выпрямиться, опираясь на свою палку.

— Вы ослабели, матушка, — заметил он. — Верно, издалека идете?

— Из Уилтшира, дружок, — пояснила она дрожащим голосом, — три дня была я в пути. А иду к сыну, он один из королевских лесных смотрителей в Брокенхерсте. И всегда уверял, что будет заботиться обо мне, когда я состарюсь.

— И это справедливо, мамаша, ведь вы заботились о нем в его юности. А когда вы ели в последний раз?

— В Линдхерсте. Увы, мои деньги пришли к концу, и я смогла получить на них у монахинь только миску похлебки из отрубей. Все же я надеюсь, что нынче же доберусь до Брокенхерста, где смогу иметь все, что душе угодно; ведь, сэр, мой сын — благородный человек, у него доброе сердце, и для меня слаще всякой еды мысль о том, что на нем дорогой зеленый камзол и что он служит самому королю.

— Но ведь до Брокенхерста не близкий свет, — сказал Аллейн. — Вот у меня остались хлеб и сыр, возьмите, и еще один пенни, он даст вам возможность поужинать. Господь бог да будет с вами!

— Пусть будет с вами господь бог, юноша! — воскликнула старуха. — Пусть он пошлет радость вашему сердцу, как вы порадовали мое.

Она отвернулась, все еще бормоча благословения, и Аллейн видел, как сухонькая фигурка и ее длинная тень, спотыкаясь, поднимаются по склону.

Он и сам двинулся было дальше, но его взгляду вдруг предстало странное зрелище, и по коже забегали мурашки.

Из зарослей на старом кургане на него смотрели два лица; заходящее солнце ярко освещало их, подчеркивая каждую черту и морщинку. Одно принадлежало старообразному человеку с жидкой бородкой, крючковатым носом и большим багровым родимым пятном на виске, второй был негр — в те дни их крайне редко можно было встретить в Англии, особенно в южных областях. Аллейн читал, что есть на свете чернокожие люди, но никогда ни одного негра не видел и не в силах был отвести глаз от его толстых, выпяченных губ и сверкающих белизною зубов. Пока он смотрел, эта пара ловко выбралась из кустов и стала красться к нему с явно преступными намерениями, и клирик, решив избежать встречи, заторопился дальше.

Не успел он подняться на склон, как услышал за своей спиной внезапный шум драки и слабый голос, призывавший на помощь. Окинув взглядом дорогу, он увидел на ней старуху с ее развевающимся по ветру красным шарфом; оба негодяя — белый и черный — старались отнять у нее подаренную Аллейном монетку и убогие мелочи, представлявшие хоть какую-нибудь ценность. При виде жалкой старухи, тщетно пытавшейся оказать сопротивление, в сердце Аллейна вспыхнуло столь жгучее негодование, что даже голова закружилась. Бросив наземь суму, он перепрыгнул обратно через ручей и устремился на двух негодяев, размахивая палкой и сверкая глазами.

Однако разбойники были, как видно, не склонны отпустить свою жертву, не выполнив своих злостных намерений. Негр, повязав алый шарф старухи вокруг черной головы, стоял посреди тропки, держа наготове длинный тусклый нож, тогда как другой, размахивая суковатой дубиной, осыпал Аллейна бранью, предлагая подойти поближе. Но и без вызова кровь у юноши кипела. Ринувшись на чернокожего, он ударил его с такой силой, что тот выронил нож на дорогу и, взыв, отскочил на безопасное расстояние. Однако второй бандит, как видно, более решительного нрава, бросился на клирика, обхватил его вокруг пояса, словно медведь лапами, и крикнул своему сотоварищу, чтобы тот поспешил к нему на подмогу и всадил пленнику нож в спину. Тут негр приободрился, поднял свой кинжал и снова, крадучись, стал подбираться к Аллейну, ступая неслышно, с жадной убийства в глазах; а тем временем белый и его пленник, вцепившись друг в друга, раскачивались из стороны в сторону. Однако в самый разгар схватки, когда Аллейн уже приготовился к тому, что вот-вот ощутит между лопатками ледяное лезвие ножа, внезапно донесся топот копыт; чернокожий в ужасе взвизгнул и, что было сил, помчался прочь, через вереск. Разбойник с родимым пятном попытался вырваться, Аллейн услышал, как у него застучали зубы, и почувствовал, как сразу обмякло его тело. Поняв, что приближается помощь, клирик стиснул разбойника еще крепче и наконец придавил его к земле; тут он оглянулся, желая узнать, откуда все эти обнадеживающие звуки. По идущей под уклон дороге на рослой вороной лошади скакал галопом высокий дородный мужчина в мундире из лилового бархата. Он ловко пригнулся к шее лошади и при каждом ее скачке вздергивал плечи, как будто он поднимал коня, а не тот нес всадника. Бросив быстрый взгляд, Аллейн успел заметить, что на нем белые замшевые перчатки, бархатный берет с кудрявым белым пером и широкая, расшитая золотом перевязь на груди. Следом скакало еще шестеро всадников, по двое в ряд, одетых в скромные коричневые куртки, и у каждого из-за правого плеча торчал длинный желтый лук. С громом проскакали они по откосу, перемахнули через ручей и приблизились к месту схватки.

— Одного поймал! — сказал их предводитель, спрыгнув со взмыленного коня, и схватил белого разбойника за полу куртки. — Это один из них. Я узнал его по чертовой отметине над бровью. Где твои веревки, Питеркин? Так! Свяжи ему руки и ноги. Пришел его последний час. А вы, молодой человек, кто вы такой?

— Я клирик, сэр, иду из Болье.

— Клирик! — воскликнул другой. — Ты из Оксфорда или из Кембриджа? А есть у тебя от принципала твоей коллегии письмо, разрешающее тебе просить милостыню? Ну-ка, покажи. — Лицо у него было квадратное, суровое, с кустистыми бакенбардами и очень недоверчивыми

глазами.

— Я из аббатства Болье, и мне просить милостыню незачем, — пояснил Аллейн, который весь трепетал теперь, когда драка была кончена.

— Тем лучше для тебя. — отвечал тот. — А ты знаешь, кто я?

— Нет, сэр, не знаю.

— Я закон! — И он важно покивал головой. — Я английский закон и глашатай Его милости Королевского величества Эдуарда Третьего.

Аллейн низко склонился перед представителем короля.

— Поистине вы явились вовремя, уважаемый сэр, — сказал он. — Еще немного — и они прикончили бы меня.

— Но тут должен быть еще второй! — воскликнул всадник в лиловом мундире. — Он чернокожий. Один — моряк, тот, что с родимым пятном, а другой негр, служивший у него поваром, вот парочка, за которой мы охотимся.

— Негр убежал вон в ту сторону, — сказал Аллейн, указывая на курган.

— Он не мог уйти далеко, сэр бейлиф, — заявил один из лучников, натягивая тетиву. — Прячется где-нибудь поблизости, черный язычник. Он отлично знает, что у наших лошадей четыре копыта, а у него только два.

— Значит, мы сцапаем его, — ответил бейлиф. — Пока я бейлиф в Саутгемптоне, никто не скажет, что какой-нибудь растратчик, грабитель, вор или убийца ушел целым и невредимым от меня и моего отряда. Пусть негодяй валяется тут. А вы, мои ребята, стройтесь-ка да возьмитесь за луки, я приглашаю вас на такую охоту, какая бывает только у короля. Ты, Ховет, становись слева, а ты, Томас из Редбриджа, — справа. Так! Стреляйте в вереск, поверху и понизу, меткому стрелку — кувшин вина.

Однако лучникам пришлось искать недолго. Негр забился в яму на склоне холма и мог бы лежать довольно уютно, если бы не красный шарф у него на голове. Когда он приподнялся, чтобы взглянуть сквозь кустарник на своих врагов, яркий цвет шарфа привлек внимание бейлифа, который издал протяжный возглас, прищепил коня и ринулся вперед, держа в руке меч. Поняв, что его обнаружили, негр выскочил из своего убежища и громадными прыжками что было мочи помчался вниз, мимо выстроившихся лучников, держась, однако, по крайней мере на расстоянии ста шагов от них. Двое, которые находились по обе стороны Аллейна, натянули луки так неторопливо, как если бы им предстояла стрельба по мишени на деревенской ярмарке.

— Семь ярдов упреждения на ветер, Хэл, — сказал один из лучников, с уже седеющей головой.

— Пять, — ответил другой и пустил стрелу.

Аллейн почувствовал, как судорога сжала ему горло, ибо желтая жилка словно пронзила бегущего насквозь; но он еще продолжал мчаться вперед.

— Семь, дуралей, — прорычал первый лучник, и его тетива запела, как струна арфы.

Чернокожий высоко подпрыгнул, выбросил вперед руки и ноги и плашмя упал среди вереска.

— Чок-в-чок, под лопатку! — пояснил лучник и не спеша пошел за своей стрелой.

— Старый пес лучше всего когда он сдох, — заметил бейлиф из Саутгемптона, и они направились обратно к дороге. — Значит, нынче вечером разопьем кварту лучшего малмсея, Мэтью Этвуд. А он действительно мертв, ты уверен в этом?

— Мертв, как Понтий Пилат, уважаемый сэр.

— Ладно. А теперь о другом воре. Деревьев для него хватит, да у нас времени мало. Вытащи-ка свой меч, Томас из Редбриджа, и снеси ему голову.

— Одна просьба, милостивый сэр, одна просьба! — воскликнул приговоренный.

— Какая же? — спросил бейлиф.

— Хочу покаяться в своем преступлении. Действительно, я и мой черный повар, оба с судна «La Rose de gloire» из Саутгемптона, напали на фландрского купца и украли все его пряности, а также бархатные и шелковые ткани, за что, как нам хорошо известно, вы законно и преследуете нас.

— От твоего признания мало пользы, — мрачно заметил бейлиф. — Ты совершил преступление в моем округе и должен умереть.

— Но ведь, сэр, — заметил Аллейн, у которого даже губы побелели от этих кровавых происшествий, — суд еще не рассматривал его дело.

— Юный клирик, — отозвался бейлиф, — вы говорите о делах, в которых ничего не смыслите. Верно, он еще не являлся в суд, но суд явился к нему. Он бежал от закона, и теперь он вне закона. Не касайся того, что не твоя забота. Но какая же у тебя просьба, негодяй, о чем ты хочешь просить?

— В моем башмаке, достопочтенный сэр, спрятана щепка от судна, на котором апостола Павла прибило к острову Мелит. Мне продал эту щепку за два нобля один моряк, плававший в Левант. И я умоляю: вложите мне в руку эту щепку, чтобы я умер, все еще держа ее. Тогда вечное спасение будет обеспечено не только мне, но и тебе, ибо я никогда не перестану ходатайствовать за тебя.

По приказу бейлифа, с разбойника сняли башмак и внутри, там, где выгиб ступни, действительно лежала завернутая в кусок ткани длинная темная щепка. При виде ее лучники сняли шапки, а бейлиф, вручая ее разбойнику, благоговейно перекрестился.

— Если бы так случилось, — сказал он, — что благодаря несравненным заслугам святого апостола Павла твоя запятнанная грехами душа все же получит доступ в рай, надеюсь, ты не забудешь о том посредничестве, какое мне обещал. Держи в памяти также и то, что ты должен молиться именно за бейлифа Герварда, а не за шерифа Герварда, это мой двоюродный брат. А теперь, Томас, прошу тебя, поторапливайся. У нас впереди долгий путь, а солнце уже село.

Аллейн смотрел, потрясенный, на всю эту сцену: на одетого в бархат чиновника, на группу суровых лучников, сдерживавших своих коней, и на вора со связанными за спиной руками и спущенной с плеч курткой. У обочины стояла старуха и снова повязывала голову красным шарфом. И вот раздался резкий сильный визг: один из лучников выдернул меч из ножен и шагнул к обреченному. Клирик, охваченный ужасом, поспешил прочь; но не успел он отойти на достаточное расстояние, как услышал тупой удар и тут же предсмертный хрип и свист угасающего дыхания. Минуту спустя бейлиф и четверо его лучников проскакали мимо, возвращаясь в Саутгемптон, двое же были оставлены, чтобы вырыть могилу. Когда всадники проезжали, Аллейн заметил, что один из них вытирает меч о гриву своего коня. При виде этого он почувствовал невыносимую дурноту и, присев на обочине дороги, разрыдался, ибо его нервы не выдержали. Как ужасна жизнь в мире, подумал он; трудно сказать, кто страшнее — разбойники или блюстители закона.

Глава V

Как в «Пестром кобчике» собралась странная компания

Уже наступила ночь, и луна светила между разорванными бегущими облаками, когда Аллейн Эдриксон наконец добрался до лесной гостиницы на окраине Линдхерста: он стер себе ноги и чувствовал мучительную усталость. Длинное и низкое здание гостиницы стояло несколько в стороне от дороги, а у входа пылали два факела, как бы приветствуя путников. Из окна торчал длинный шест с привязанным к нему пучком зелени — знак того, что в гостинице продаются спиртные напитки. Когда Аллейн подошел ближе, он увидел, что дом сложен из неотесанных бревен и внутри мерцает свет, пробивающийся наружу сквозь все щели и скважины. Крыша соломенная, убогая; но в странном контрасте с ней под карнизом тянулись деревянные, роскошно расписанные щиты с геральдическими стропилами и перевязями и андреевскими крестами, а также всевозможными геральдическими девизами. У двери была привязана лошадь, багровые отблески ярко озаряли ее темную голову и терпеливые глаза, а корпус терлся в тени.

Аллейн приостановился на проезжей дороге, раздумывая, как ему быть. Он знал, что до Минстеда, где жил его брат, остается еще несколько миль. С другой стороны, он не видел брата с детства, а в слухах о нем было мало утешительного. Заявиться к нему и просить пристанища в столь поздний час, — едва ли удачное начало. Не лучше ли переночевать здесь, в этой гостинице, и отправиться в Минстед завтра утром. Если брат примет его — что ж, очень хорошо. Он пробудет у него некоторое время и постарается быть ему полезным. Если же, наоборот, сердце брата ожесточено против Аллейна, — ему останется только продолжать свой путь и найти наилучшее применение своему мастерству рисовальщика и писца. А через год он сможет вернуться в монастырь, ибо такова была последняя воля его отца. Сначала монастырское воспитание, потом, когда ему исполнится двадцать лет, год жизни в миру, затем свободный выбор между миром и монастырем — таков странный путь, намеченный для него отцом. Но как бы там ни было, иного выхода не существовало. И если уж надо подружиться с братом, то лучше подождать до утра и тогда постучаться к нему.

Сколоченная из досок дверь была приоткрыта, но когда Аллейн приблизился к ней, изнутри донесся столь громкий гомон голосов и взрывы грубого хохота, что юноша в нерешительности остановился на пороге. Собрав все свое мужество и сказав себе, что место это общественное и он имеет такое же право войти сюда, как и всякий другой, Аллейн распахнул дверь и вошел.

Хотя этот осенний вечер был сравнительно теплым, на широком открытом очаге трещала, стреляя искрами, огромная груда дров, причем отдельные клубы дыма уходили в примитивную трубу, но большая часть валила прямо в комнату, и дым стоял стеной, так что человек, вошедший снаружи, едва мог продохнуть. На очаге кипел и булькал огромный котел, распространяя вкусный, манящий запах. Вокруг него сидело человек десять — двенадцать самых разных возрастов и сословий. Когда Аллейн вошел, они встретили его такими криками, что он остановился, вглядываясь в них сквозь пелену дыма и недоумевая, что могла означать столь бурная встреча.

— Тост! Тост! — вопил какой-то малый грубого вида в рваной куртке. — Еще раз все выпьем меду или эля за счет последнего гостя!

— Таков уж закон «Пестрого кобчика», — орал другой. — Эй, сюда, госпожа Элиза! Новый гость пришел, а нет ни глотка для всей компании.

— Все, что прикажете, господа, я подам все, что прикажете, — ответила хозяйка, суетливо вбегая в комнату с охапкой кожаных кружек в руках. — Чего же вам подать? Пива для лесных братьев, меду для певца, водки для жестянщика и вина для остальных? Таков здесь старинный обычай, молодой господин. Так принято в «Пестром кобчике» вот уже много лет, компания пьет за здоровье последнего гостя. Вы не откажетесь выполнить этот обычай?

— Что ж, добрая госпожа, — отозвался Аллейн, — я бы не нарушил обычая вашего дома, но должен признаться: мой кошелек весьма тощ. Если двух пенсов хватит, я буду очень рад выполнить то, что от меня требуется!

— Заявлено прямо и сказано смело, мой неопытный монашек, — проревел чей-то бас, и на плечо Аллейна легла тяжелая рука.

Подняв глаза, он увидел подле себя своего недавнего сотоварища по монастырю, отступника Хордла Джона.

— Клянусь колючкой с распятия в Гластонбери! Плохие времена пришли для Болье, — сказал тот. — Только и было мужчин в их стенах, что ты да я, и в один день они избавились от обоих. Я ведь наблюдал за тобой, юноша, и знаю, что хоть лицо у тебя и ребячье, а из тебя может выйти настоящий мужчина. Конечно, есть еще аббат. Правда, я недолюбливаю его, а он меня, но кровь у него в жилах горячая. И теперь среди оставшихся он единственный мужчина. Прочие, что это такое?

— Праведные люди, — ответил Аллейн строго.

— Праведные люди? Праведные кочерыжки! Праведные стручки бобовые! Какое у них дело? Только прозябать, да жрать, да жиреть. Если это называть праведностью, так и кабаны в этом лесу годятся для святцев! Ты думаешь, ради такой жизни даны мне крепкие руки да широкие плечи или тебе твоя голова? В мире есть немало работенки, а сидя за каменными стенами ее не делаешь.

— Зачем же ты тогда пошел к монахам? — спросил Аллейн.

— Вот честный вопрос, и на него я дам честный ответ. Я пошел к ним потому, что Мэри Олспей из Болдера вышла за горбуна Томаса из Рингвуда и бросила некоего Джона из Хордла за то, что он кутила и бродяга, и нельзя надеяться, что он будет хорошим супругом. Вот почему я, любя ее и будучи человеком горячим, удалился от мира; и вот почему, обдумав все на досуге, я рад, что опять вернулся в этот мир. Горе тому дню, когда я сменил куртку йомена на белую рясу монаха.

Пока он говорил, снова вошла хозяйка, неся большой поднос с кружками и флягами, наполненными до краев коричневым элем и рубиновым вином. За хозяйкой следовала служанка с высокой стопкой деревянных тарелок и деревянными ложками, которые стала раздавать присутствующим.

Двое из них, одетые в полинявшие от непогоды куртки лесников, сняли с очага большой котел, а третий, вооружившись огромным оловянным черпаком, положил каждому порцию нарезанного ломтиками мяса, от которого валил пар. Взяв свою долю и кружку с элем, Аллейн удалился в угол и сел на стоявшие там козлы; тут он мог спокойно поужинать, наблюдая эту странную трапезу, столь непохожую на те трапезы, к которым он привык в монастыре и которые совершались в безмолвии и строгом благочинии. Помещение скорее напоминало конюшню. На низком, закопченном и почерневшем потолке он увидел несколько квадратных люков с дверцами, к ним вели грубо сколоченные лестницы. В стены из неотесанных и некрашенных досок были местами в беспорядке натканы большие деревянные гвозди, и на них висели верхняя одежда, сумы, кнуты, уздечки и седла. Вверху, над очагом, было прибито шесть или семь деревянных щитов с нарисованными на них различными гербами. Грязь и копоть, покрывавшие их не в одинаковой мере, свидетельствовали о том, что повешены они в разное время. Никакой мебели Аллейн не заметил, кроме одного длинного кухонного стола и полка с грубой глиняной посудой, а также нескольких деревянных скамей и козел, чьи ножки глубоко ушли в мягкий глиняный пол; освещение, помимо очага, состояло из трех факелов, воткнутых в подставки на стенах, они мерцали и потрескивали, издавая сильный запах смолы. Все это казалось воспитаннику монастыря новым и странным, но самым интересным был пестрый круг гостей, сидевших перед огнем и поедавших свои порции мяса. Здесь находилась группа скромных, обычных путников, каких в ту ночь вы встретили бы в любой гостинице на английской земле от края ее и до края; но для Аллейна они как бы представляли тот неведомый мир, от которого его так часто и так строго предостерегали. Однако, на основании того, что он видел, этот мир не казался ему в конце концов чем-то таким уж дурным.

Трое-четверо из сидевших у огня были, очевидно, лесниками и объездчиками — загорелые и бородатые люди с живым, зорким взглядом и быстрыми движениями, подобными движениям оленей, среди которых проходит их жизнь. У самого очага расположился бродячий музыкант средних лет, в выцветшем платье из нориджского сукна; камзол до того сел, что уже не сходил ни у горла, ни на поясе. Лицо у него было обветренное и опухшее, а водянистые глаза навывкате свидетельствовали о том, что существование его протекает неподалеку от кувшина с вином. Одной рукой он прижимал к себе позолоченную арфу — арфа была вся в пятнах, и на ней не хватало двух струн, — а другой жадно вычерпывал ложкой содержимое своей тарелки. Рядом с ним сидели еще двое, примерно того же возраста, у одного плащ был оторочен мехом, что придавало ему достойный вид, которым, он, должно быть, дорожил больше, чем удобством, ибо то и дело запахивался в плащ, невзирая на жар от пылающих дров в очаге. У другого, одетого в грязно-рыжий длинный просторный камзол, было хитрое, лисье лицо, с жадными подмигивающими глазами и острой бородкой. Подле него сидел Хордл Джон и еще три нечесаных грубых парня со свалывшимися бородами и растрепанными космами — это были вольные работники с соседних ферм, ибо кое-где еще сохранились посреди

королевских поместий участки мелких землевладельцев. Эту компанию дополнял крестьянин, одетый в грубую куртку из овчины и старомодные штаны, и молодой человек в полосатом плаще с зубчатыми полами и в разноцветных штанах, глядевший вокруг с глубоким презрением; одной рукой он то и дело подносил к носу флакон с нюхательной солью, другая держала ложку, которой он усердно работал. В углу, на связке соломы, раскинув руки и ноги, лежал человек необычайно жирный, он густо храпел и, видимо, находился в последней стадии опьянения.

— Это Уот, рисовальщик, — пояснила хозяйка, садясь подле Аллейна и указывая черпаком на храпевшего толстяка. — Он рисует гербы и вывески. Увы мне, что я имела глупость доверять ему! А теперь скажите-ка, молодой человек, что, по-вашему, за птица пестрый кобчик и подходящее ли это название для моей гостиницы?

— Ну, — ответил Аллейн, — кобчик — родич орла и сокола. Я хорошо помню, как ученый брат Варфоломей — а он глубоко проник во все тайны природы — однажды показал мне такую птицу, когда мы вместе шли неподалеку от Винни Риджа.

— Ага, сокола или, допустим, орла? И пестрый, то есть двух различных цветов? Так сказал бы всякий, но только не эта бочка вранья. Он пришел ко мне, видите ли, и заявил, что если я предоставлю ему галлон эля, чтобы подкрепить его силы во время работы, а также доску и краски, он нарисует мне благородного пестрого кобчика и я смогу повесить его вместе с гербами над дверью гостиницы. И я, дура несчастная, дала ему и эля и все, что он потребовал, и оставила одного — ведь он уверял, будто человека никак нельзя тревожить, если ему предстоит важная работа. Вернулась я, а кувшин-то с целым галлоном эля пуст, сам он валяется вот как сейчас, а перед ним на полу доска с этим жутким девизом...

Она подняла доску, прислоненную к стене, и показала грубый набросок костлявой птицы, тощей и голенастой, с пятнистым телом.

— Неужели это похоже на ту птицу, которую ты видел? — спросила она.

Аллейн, улыбаясь, покачал головой.

— Нет, — продолжала хозяйка, — и ни на какое-либо пернатое создание. Это скорее всего похоже на ощипанную курицу, подохшую от куриного тифа. Что бы сказали такие господа, как сэр Николас Борхэнт или сэр Бернард Брокас из Рошкура, кабы они увидели такую штуку, а может быть, даже и его величество король собственной персоной: он ведь частенько проезжает верхом по этой дороге и любит своих соколов, как родных сыновей? Пропала бы тогда моя гостиница!

— Дело это поправимое, — сказал Аллейн. — Прошу вас, добрая госпожа, дайте мне эти три горшка с краской и кисть, я посмотрю, что можно сделать с этой мазней.

Госпожа Элиза недоверчиво посмотрела на него, словно опасаясь нового подвоха, но так как эля он не попросил, она все же принесла краски и стала смотреть, как он заново грунтует доску, в то же время она рассуждала о людях, собравшихся перед очагом.

— Этим четверым лесникам скоро пора; они живут в Эмери Даун, за милю или побольше отсюда. Они доезжачие при королевской охоте. Музыканта зовут Флойтинг Уилл. Сам он с севера, но уж много лет бродит по лесам от Саутгемптона до Крайстчерча. Много пьет и мало платит, но у вас сердце перевернулось бы, если бы вы услышали, как он поет песню о Хенди Тобиасе. Может, он и споет ее, когда эль его согреет.

— А кто эти, рядом с ним? — спросил Аллейн, крайне заинтересованный. — Тот, в отороченном мехом плаще, у него такое умное почтенное лицо?

— Он торгует пилюлями, целебными мазями, средствами от насморка и флюсов и всякими-всякими лекарствами. На его рукаве, как видите, знак святого Луки, первого врача. Пусть добрый святой Фома Кентский подольше убережет меня и моих близких от необходимости обращаться к нему за помощью. Он сегодня вечером здесь, так как собирал травы. Другие — тоже, кроме лесников. А сосед его — зубодер. Сумка на поясе у него полна зубов, он выдрал их на ярмарке в Винчестере. Уверена, что там больше здоровых, чем испорченных, он слишком скор на руку, да и зрение слабовато. Здоровяка рядом с ним я вижу в первый раз. Все четверо на этой стороне вольные работники, трое работают у бейлифа, который на службе у сэра Болдуина Редверса, а четвертый, тот, в овчине, говорят, один крепостной из центральных графств, он убежал от своего хозяина. Наверно, ему скоро срок стать свободным человеком.

— А тот? — шепотом спросил Аллейн, — наверно, это очень важная особа, ведь он как будто

презирает всех и вся?

Хозяйка посмотрела на него материнским взглядом и покачала головой.

— Плохо знаете вы людей, — сказала она, — иначе вам было бы известно, что как раз мелкота и задирает нос, а не важные особы. Взгляните на эти щиты на моей стене и под моими карнизами, каждый из них — герб какого-нибудь благородного лорда или доблестного рыцаря, которые когда-либо ночевали под моей крышей. Но более мягких и нетребовательных людей я не видала: они ели мою свинину и пили мое вино с самым довольным видом, а оплачивая счета, отпускали шутку или любезное словцо, а это дороже всякой выгоды. Вот настоящие аристократы. А коробейник или медвежий вожак сейчас начнет клясться, будто в вине чувствуется извесь, а в эле — вода, и в конце концов, хлопнув дверью, уйдет с проклятием вместо благословения. Вот тот юноша — школяр из Кембриджа, там людей стараются поскорее выпроводить с кое-какими знаниями, они разучились работать руками, изучая законы римлян. Однако мне пора идти стелить постели. Да охраняют вас святые угодники и да будут успешны ваши начинания.

Предоставленный самому себе, Аллейн подтащил свои козлы к тому месту, которое было ярко освещено одним из факелов, и продолжал работать с присущим опытному мастеру удовольствием, в то же время прислушиваясь к разговорам у очага. Крестьянин в овчине, просидевший весь вечер в угрюмом безмолвии, выпив флягу эля, так разгорячился, что заговорил очень громко и сердито, сверкая глазами и сжимая кулаки.

— Пусть сэр Хамфри из Ашби сам пашет свои поля вместо меня, — кричал он. — Довольно замку накрывать своею тенью мой дом! Триста лет мой род изо дня в день гнул спину и обливался потом, чтобы всегда было вино на столе у хозяина и он всегда был сыт и одет. Пусть сам теперь убирает со стола свои тарелки и копает землю, коли нужно.

— Правильно, сын мой, — отозвался один из вольных работников. — Вот кабы все люди так рассуждали!

— Он с удовольствием продал бы вместе со своими полями и меня! — крикнул крепостной голосом, охрипшим от волнения. — «Мужа, жену и весь их приплод», как сказал дуралей бейлиф. Никогда вола с фермы не продавали так легко. Ха! Вот проснется он однажды темной ночью, а пламя ему уши щекошет, ведь огонь — верный друг бедняка, и я видел дымящуюся гряду пепла там, где накануне стоял такой же замок, как и Ашби.

— Вот это храбрый малый! — воскликнул другой работник. — Не боится высказать вслух то, что люди думают. Разве не все мы произошли от чресл Адамовых, разве у нас не та же плоть и кровь и не тот же рот, которому необходима пища и питье? Так при чем же тут разница между горностаевым плащом и кожаной курткой, если то, что они прикрывают, одинаковое?

— Ну да, Дженкин, — отозвался третий, — разве не один у нас враг — хоть под плащом и рясой, хоть под шлемом и панцирем? Нам одинаково приходится бояться и тонзуры и кольчуги. Ударь дворянина — и закричит поп, ударь попа — и дворянин схватится за меч. Это ворюги-близнецы, они живут нашим трудом.

— Прожить твоим трудом не так-то просто, Хью, — заметил один из лесников, — ты же полдня попиваешь мед в «Пестром кобчике».

— Все лучше, чем красть оленей, хотя кое-кто и поставлен их сторожить.

— Если ты, свинья, посмеешь обвинять меня, — заорал лесник, — я тебе уши отрежу раньше, чем палач, слышишь, мордастый болван?

— Господа, господа, тише, — небрежно и нараспев остановила их госпожа Элиза, из чего явствовало, что подобные перепалки между ее гостями происходили каждый вечер. — Не кипятитесь и не ссорьтесь, господа! Берегите добрую славу этого дома.

— А уж если дело дойдет до отрезания ушей, найдутся и другие, чтобы сказать свое слово, — вмешался третий работник. — Все мы люди вольные, и я держу пари, что дубинка йомена не хуже, чем нож лесника. Клянусь святым Ансельмом! Плохо было бы, если бы нам пришлось гнуть спину не только перед господами, а и перед слугами наших господ.

— Нет надо мной господина, кроме короля, — заявил лесник. — И только подлый предатель откажется служить королю Англии...

— А я не знаю английского короля, — ответил человек по имени Дженкин. — Что это за

английский король, коли его язык ни одного слова по-английски выговорить не может? Помните, как в прошлом году он приезжал в Мэлвуд со своими маршалами, верховным судьей и сенешалом и своими двадцатью четырьмя телохранителями? Однажды в полдень стою я у ворот Фрэнклина Суинтона, смотрю — он едет, по пятам за ним йомен-доезжачий. «Ouvrе!», — кричит, — «Ouvrе!» — или что-то в этом роде и делает мне знаки, что, дескать, отпри ворота. А потом еще «мерси», словно он мне ровня. А ты толкуешь, будто он король Англии.

— Дивлюсь я на вас, — воскликнул школяр из Кембриджа высоким голосом, растягивая слова, как было принято говорить у них в классе. — Это же допотопный, хриплый, рычащий язык. Что касается меня, то клянусь ученым Поликарпом, мне легче дается древнееврейский, а потом, может быть, арабский!

— А я не позволю сказать дурного слова против старого короля. Не дам! — заорал Хордл Джон, словно проревел бык. — Что за беда, коли ему нравятся ясные глазки и хорошенькая мордочка? По крайней мере один из его подданных не уступит ему в этом деле, я знаю. Если не может он говорить, как англичанин, зато, я утверждаю, что он умеет сражаться, как англичанин. И он стучался в ворота Парижа в то время, как некоторые пьяницы посиживали у себя в Англии по трактирам, дули эль и только ворчали да рычали.

Эта громкая речь, произнесенная человеком столь мощного сложения и свирепого вида, несколько укротила антикоролевскую партию, люди погрузились в угрюмое молчание, и в наступившей тишине Аллейну удалось расслышать часть разговора, происходившего между лекарем, зубодером и менестрелем.

— Сырую крысу, — говорил лекарь, — вот что я всегда прописываю во время чумы, сырую крысу. Только сначала надо распороть ей брюшко.

— А разве не следует ее сначала сварить, высокоученый сэр? — спросил зубодер. — Сырая крыса — уж очень гадкое и отвратное кушанье.

— Да это же не для еды, — воскликнул врач с глубоким негодованием. — Зачем человеку есть такую пакость?

— В самом деле, зачем? — подхватил музыкант сделав долгий глоток из своей пивной кружки.

— Крысу нужно прикладывать к язвам и опухолям. Ибо крыса, заметьте себе, питается дохлятиной у нее есть природное влечение или сродство со всем, что гниет, поэтому вредоносные соки переходят из человека в эту тварь.

— И этим можно излечиться от черной смерти, учитель? — спросил Дженкин.

— Ну да, поистине можно, сынок.

— Тогда я очень рад, что никто не знал об этом. Черная смерть — самый надежный друг, какой когда-либо существовал в Англии у простого народа.

— Как так? — удивился Хордл Джон.

— Знаешь, приятель, сразу видно, что ты никогда не работал руками, а то не стал бы и спрашивать. Если б половина деревенского люда перемерла, другая половина могла бы выбирать, на кого и как ей работать и за какое жалованье. Потому я и говорю, что чума — лучший друг бедняков.

— Верно, Дженкин, — подхватил еще один вольный работник, — но не все и хорошо, что она с собой несет. Мы же знаем, из-за чумы пахотные земли превратились в пастбища и стада овец, с одним-единственным пастухом бродят там, где раньше сотни людей получали и работу и плату.

— Ну, особой беды в этом нет, — отозвался зубодер. — Ведь овцы дают многим людям заработок. Тут нужен не только пастух, нужен стригач и клеймовщик, нужен кожевник, лекарь, красильщик, валяльщик, ткач, купец и еще куча других.

— В таком случае, — заметил один из лесников, — люди на бараньем жестком мясе себе зубы сточат, тогда найдется работенка и для зубодера.

Раздался всеобщий взрыв смеха по адресу зубного врача, в это время музыкант опер о колено свою облезлую арфу и начал щипать струны, наигрывая какую-то мелодию.

— Место Флойтингу Уиллу, сыграй нам что-нибудь веселое!

— Да, да. «Девушку из Ланкастера», — предложил один.

— Или «Святого Симеона и дьявола».

— Или «Шутку Хенди Тобиаса».

Однако все эти предложения жонглер оставил без ответа, он продолжал сидеть, глядя в потолок отсутствующим взором, словно припоминая какие-то слова. Затем, внезапно скользнув рукой по струнам, он запел песню, столь грубую и столь гадкую, что не успел кончить первый куплет, как наш целомудренный юноша вскочил на ноги; его лицо пылало.

— Разве можно петь такие песни? — воскликнул он. — Да еще вам, старику, — ведь вы должны пример подавать другим!

Когда он такими словами прервал певца, на лицах путников отразилось глубокое недоумение.

— Клянусь святым Дайконом Хамполским, наш бессловесный клирик отверз уста, — сказал один из лесников. — А что дурного в этой песне? Чем она оскорбила твою младенческую душу?

— Да эти стены никогда и не слыхали более нежной и благопристойной песни, — заявил другой. — И как можно так говорить в гостинице?

— А вы что, хотели бы послушать литанию, любезный клирик, — бросил третий, — или с вас хватило бы и хорала?

Жонглер отложил свою арфу, он был в негодовании.

— Что это, мальчишка будет мне проповеди читать? — крикнул он, гневно глядя на Аллейна. — Безусый сопляк смеет дерзить мне, человеку, который пел на всех ярмарках от Твида до Трента и дважды был упомянут Высочайшим советом менестрелей в Беверли? Сегодня я больше не пою!

— Нет, споете, — возразил один из вольных работников. — Эй, госпожа Элиза, принесите-ка бокал самого лучшего напитка, какой у вас найдется, чтобы Уилл мог прочистить себе глотку. Продолжайте свою песню, а если нашему клирику с лицом девчонки песня не нравится — скатертью дорога, пусть возвращается, откуда пришел.

— Нет, постой, не спеши, — вмешался Хордл Джон. — В этом деле есть две стороны. Может, мой юный товарищ слишком поспешил со своими упреками, ибо он рано попал в монастырь и мало знает грубые нравы и слова мирян. А все-таки в том, что он сказал, есть своя правда, ведь вы и сами знаете, что песенка была не из пристойных. Поэтому я буду защищать его, и на дорогу он не выйдет, и здесь его слух не будет оскорблен.

— Да неужели, ваша высокая и всемогущая милость. — насмешливо отозвался один из йоменов, — неужели вы и вправду отдаете такой приказ?

— Клянусь пресвятой Девой, — заметил другой, — по-моему, вы оба рискуете очутиться на дороге в самом близком будущем.

— И вас еще так отделают, что вы и ползти-то по ней будете с трудом, — пригрозил третий.

— Нет-нет, я уйду! Я уйду! — поспешно заявил Аллейн, увидев, что Хордл Джон неторопливо засучивает рукав, обнажая руку толщиной с баранью ляжку. — Я не хочу, чтобы вы ссорились из-за меня.

— Тише, парень, — шепнул ему Джон. — Плевал я на них. Они воображают, будто у них такая сила, что ее и девать некуда. Стань здесь и освободи мне место.

Оба лесника и вольные работники поднялись со своей скамьи, а госпожа Элиза и странствующий лекарь бросились между обеими партиями, мягко уговаривая и успокаивая их; но в эту минуту кто-то резко рванул дверь «Пестрого кобчика», и внимание всей компании было отвлечено от этой ссоры вновь прибывшим, столь бесцеремонно ввалившимся к ним гостем.

Глава VI

Как Сэмкин Эйлвард держал пари на свою перину

Это был человек среднего роста, очень массивно и мощно сложенный, грудь колесом, широченные плечи. Его выдубленное непогодой бритое лицо загорело настолько, что стало орехового цвета; длинный белый шрам, тянувшийся от левой ноздри к уху, отнюдь не смягчал резкие черты. Глаза у вошедшего были светлые, пронизательные, в них порою вспыхивало что-то угрожающее и властное, рот выражал твердость и суровость — словом, это было лицо человека, всегда готового смело встретить опасность. Прямой меч на боку и военный лук за плечами свидетельствовали о его профессии, а помятый стальной шлем показывал, что он не в отпуску, а явился прямо с полей сражений. Белый кафтан с пунцовым изображением льва св. Георгия посередине прикрывал его широкую грудь, а только что сорванная веточка ракитника, украшавшая шлем, вносила в мрачные, побывавшие в боях доспехи черточку мягкости и веселости.

— Эй! — воскликнул он, сощурившись, точно сова, от внезапного яркого света. — С добрым вечером, приятели! Что я вижу? Здесь женщина! Клянусь своей душой!

И он мгновенно обхватил госпожу Элизу за талию и стал пылко целовать. Но, случайно заметив служанку, он тут же отпустил хозяйку и, приплясывая, бросился следом за девушкой, которая в смятении вскарабкалась по одной из лестниц и опустила тяжелую крышку люка на своего преследователя. Тогда он вернулся и снова приветствовал хозяйку с особой любезностью и удовольствием.

— La petite перепугалась, — сообщил он. — Ах, c'est l'amour, l'amour. Проклятая привычка говорить по-французски, он так и липнет к языку. Надо смыть его добрым английским элем. Клянусь эфесом, в моих жилах нет ни капли французской крови. Я истинно английский лучник. Мое имя Сэмкин Эйлвард, и скажу вам, mes amis, мое сердце радуется до самого донышка, что я опять ступаю по нашей доброй старой земле. Я только сегодня сошел с галеры в Хайте и бросился целовать добрую коричневую землю, как только сейчас целовал тебя, ma belle, ибо вот уже восемь лет, как я не видел родины. От одного запаха этой земли я снова оживаю. Но где же мои шестеро мошенников? *Holà, en avant!*

Услышав его приказ, шестеро молодцов, одетых как обыкновенные поденщики, торжественно прошествовали в комнату; каждый нес на голове огромный узел. Они выстроились по-военному, а храбрый воин встал перед ними и, сурово глядя на них, начал проверять узлы.

— Номер один — французская перина с двумя стегаными одеялами.

— Вот, досточтимый сэр, — отозвался один из носильщиков, опуская наземь в углу объемистый узел.

— Номер два — семь эллов красного турецкого сукна и девять — золотой парчи. — Положи рядом с первым. Добрая госпожа, прошу тебя, дай каждому из этих людей по фляге вина или по кружке эля. Номер три — штука белого генуэзского бархата и двенадцать эллов пунцового шелка. Эй ты, мошенник! Кайма в грязи! Ты, наверно, задел об стену!

— Что вы! Нет! Достойнейший сэр! — воскликнул носильщик и в испуге отпрянул, ибо лучник смотрел на него свирепым взглядом.

— А я говорю — да, собака! Клянусь тремя царями! У меня на глазах человек испустил дух, хотя был менее виноват! Если бы тебе самому пришлось пройти через все труды и муки, через которые прошел я, чтобы заполучить эти вещи, ты был бы поосторожнее. Клянусь своими десятью пальцами, что за каждую из них заплачено французской кровью по весу! Номер четыре — кропильница, серебряный кувшин, золотая пряжка и церковный покров, расшитый жемчугом. Я нашел их, друзья, в церкви Сен-Дени при разграблении Нарбонны и прихватил с собою, чтобы они не попали в руки злодеям. Номер пять — плащ, подбитый горностаем, золотой кубок на подставке и с крышкой и шкатулка с розовым сахаром. Складывай вместе и поаккуратнее. Шесть — денежный ящик, три фунта лимузинских золотых украшений, пара сапог с серебряными бляшками и, наконец, запас постельного полотняного белья. Все, подсчет окончен! Вот вам серебряная мелочь — и можете идти!

— Идти куда, достойный сэр? — спросил один из носильщиков.

— Куда? К черту на рога, если пожелаете. Какое мне дело? Ну, ma belle, пора ужинать. Парочку холодных каплунов и копченой свинины или что хотите и один или два графина

настоящего гасконского. У меня есть кроны в кошельке, моя прелесть, и я намерен их тратить, а пока вы будете собирать ужин, принесите вина. *Buvons*, мои храбрые парни, каждый из вас чокнется со мной и выпьет бокал до дна.

От такого предложения, в любое время сделанного компании, собравшейся в английской гостинице, едва ли кто-нибудь откажется. Пустые фляги были унесены и вернулись полными, так что пена капала через край. Два лесника и три работника торопливо проглотили свои порции и вышли вместе, ибо жили они далеко, а час был поздний, но остальные сдвинулись теснее, оставив почетное место справа от менестреля для щедрого гостя. Тот снял стальной шлем и кольчугу и вместе с мечом, колчаном и луком положил их в угол поверх своей разнообразной добычи. Сейчас, когда он сидел, вытянув толстые, несколько кривые ноги к огню, распахнув зеленую куртку и держа в узловатом кулаке кружку вина, он казался воплощением уюта и доброго товарищества. Его жесткие черты смягчились, темные завитки густых волос, скрытых до того шлемом, падали на массивную шею. Ему могло быть лет сорок, хотя изнурительный труд и еще более изнурительные удовольствия оставили на его лице свои мрачные следы. Аллейн перестал рисовать пестрого кобчика; все еще держа в руке кисть, он удивленно разглядывал странного гостя, такого непохожего на всех, кого он встречал до сих пор. В его каталоге человеческих типов были люди хорошие и плохие, а здесь перед ним сидел человек, то свирепый, то ласковый, с проклятием на устах и улыбкой во взоре. Как же понять его?

Лучник случайно поднял глаза и заметил вопросительный взгляд, брошенный на него молодым клириком. Он поднял свой бокал и выпил, весело блеснув белозубой улыбкой.

— *A toi, mon garçon!* — воскликнул он. — Наверно, никогда не видел военных, что так устался на меня?

— Никогда не видел, — признался Аллейн, — хотя много слышал об их смелых делах.

— Клянусь эфесом, — воскликнул тот, — если бы ты переплыл через пролив, ты бы увидел, что солдат на том берегу — как пчел вокруг летка. Ты не смог бы пустить ни одной стрелы на улицах Бордо, чтобы не попасть в лучника, оруженосца или рыцаря. Там увидишь больше щитов, чем длиннополых кафтанов.

— А где вы раздобыли все эти красивые штуки? — осведомился Хордл Джон, указывая на груды вещей в углу.

— Там, где для храброго парня еще немало кой-чего найдется, если он не будет зевать. Где смельчак всегда хорошо заработает и ему не надо ждать, когда хозяин заплатит, а стоит лишь протянуть руку и самому о себе позаботиться. Да, вот уж это приятная, достойная жизнь. И я пью сейчас за моих старых товарищей, да помогут им святые. Встаньте все, *mes enfants*, иначе вас постигнет моя немилость. За сэра Клода Латура и его Белый отряд!

— За сэра Клода Латура и его Белый отряд! — крикнули путники и выпили до дна свои бокалы.

— Дружно выпито, *mes braves*. Я обязан еще раз наполнить ваши бокалы, раз вы осушили их, за моих дорогих парней в белых куртках. *Holà, mon ange!* Принеси-ка еще вина и эля. Как это поется в старинной песне?

Пью от души теперь яЗа гусиные серые перьяИ за родину серых гусей.

Он проревел эти строки хриплым, отнюдь не мелодичным голосом и закончил взрывом хохота.

— Думаю, что я более способный лучник, чем певец, — сказал он.

— Кажется, я припоминаю этот напев, — заметил менестрель, пробегая пальцами по струнам. — Надеюсь я не оскорблю вас, ваше преподобие, — обратился он к Аллейну, язвительно усмехнувшись, — если с любезного разрешения всей компании рискну спеть эту песню.

Не раз в последующие дни Аллейн Эдриксон снова видел в своем воображении эту сцену, несмотря на гораздо более странные и потрясающие события, которые вскоре обрушились на него: краснолицый жирный музыкант кучка людей вокруг него, лучник, отбивающий пальцем такт, и в центре — мощная широкоплечая фигура Хордла Джона, то ярко озаренная багровым светом, то исчезающая в тени благодаря прихотливой игре пламени, — память юноши не раз с восхищением возвращалась к этой картине. В то время он восторженно дивился тому, как искусно жонглер скрывает отсутствие двух струн на своем инструменте, и той теплоте и сердечности, с какой исполняет маленькую балладу о лучнике, тоскующем по своей родине.

Баллада звучала примерно так:

Так что ж сказать о луке? Он в Англии сработан, лук. Искуснейшие руки Из тиса выгнули его. Поэтому сердцем чистым Мы любим наш тис смолистый И землю тиса своего. Что скажем о веревке? Веревку в Англии сплели С терпеньем, со сноровкой. Веревка лучникам мила. Пусть чаша идет вкруговую За нашу кудель золотую, За край, где конопля росла. Что о стреле мы скажем? Калили в Англии ее На страх отрядам вражьи. Она всех прочих стрел острей... Пью от души теперь я За гусиные серые перья И за родину серых гусей. А что сказать о людях? Мы в доброй Англии росли, Мы нашу землю любим. Мы лучники, и нрав наш крут... Так пусть же наполнятся чаши — Мы выпьем за родину нашу, За край, где лучники живут!

— Отлично спето, клянусь моим эфесом! — восторженно заорал лучник. — Не раз я слышал по вечерам эту песню в былые военные времена и позднее, в дни Белого отряда, когда Черный Саймон из Норвича запевал, а четыреста лучших лучников из всех спускавших стрелу с тетивы громогласно подхватывали припев. Я видел, как старик Джон Хоуквуд, тот самый, который водил половину отряда в Италию, стоял, посмеиваясь в бороду, и слушал до тех пор, пока опять не застучали тарелки. Но, чтобы понять весь вкус этой песни, надо самому быть английским лучником и находиться далеко от родины, на чужой земле.

В то время как менестрель пел, госпожа Элиза и служанка положили столешницу на двое козел, потом на ней оказались ложка, вилка, соль, доска для резания хлеба и, наконец, блюдо с горячим аппетитным кушаньем. Лучник принялся за него, как человек, умеющий ценить добрую пищу, что не помешало ему, однако, так же весело продолжать болтовню.

— Все-таки удивительно, — воскликнул он, — почему вы все, здоровенные парни, сидите дома и почесываете спину, когда за морями вас ждут такие дела! Взгляните на меня? Велик ли мой труд? Натянуть тетиву, направить стрелу, пустить ее в цель. Вот и вся песня. То же самое, что вы делаете ради собственного удовольствия воскресными вечерами на деревенском стрельбище.

— А как насчет жалованья? — спросил один из работников.

— Ты видишь, что дает мне мое жалованье? Ем все самое лучшее и пью всласть, угощаю друзей и не требую, чтобы угощали меня. На спине моей девчонки застегиваю шелковое платье. Никогда не будет рыцарь дарить своей даме сердца такие наряды и украшения, какие дарю я. Что ты скажешь насчет этого, парень? И насчет всех этих вещей в углу? Ты видишь их собственными глазами. Они из Южной Франции, отняты у тех, с кем я воевал. Клянусь эфесом! Друзья, мне кажется, моя добыча говорит сама за себя.

— Как видно, это и вправду выгодная служба, — заметил зубодер.

— Tête bleu! Ну да, еще бы! А потом не забудьте о возможных выкупах! Взять хотя бы дело под Бринье года четыре назад, когда наши солдаты прикончили Иакова Бурбонского и перебили его армию. Почти все наши люди захватили в плен кто графа, кто барона, кто рыцаря. Питер Карсдейл, бывший перед тем, как его перевезли на континент, обыкновенной неотесанной деревенщиной и по-прежнему ловивший английских блох, наложил свои лапы на господина Амори де Шатонвиля которому принадлежит половина Пикардии, и вытянул из него пять тысяч крон, да еще и коня со сбруей. Правда французская шлюха выманила у Питера деньги так же быстро, как француз уплатил их, но что из этого? Клянусь звоном струн! Было бы очень плохо, если б деньги существовали не для того, чтобы их тратить, и куда же, как не на женщин, верно, *ma belle*?

— Нам было бы и впрямь очень худо без наших храбрых лучников: они же приносят в нашу страну богатство и приятные обычаи, — отозвалась госпожа Элиза, на которую непринужденность и открытость лучника произвели глубокое впечатление.

— A toi, *ma chérie*, — сказал он, прижав руку к сердцу. — *Holà*. А вон и малютка выглядывает из-за двери. A toi aussi, *ma petite*! Mon Dieu, у девчонки хороший цвет лица.

— Тут есть одно непонятное обстоятельство, уважаемый сэр, — начал своим пискливым голосом студент из Кембриджа, — и очень хотелось бы, чтобы вы его разъяснили: насколько мне известно, лет шесть тому назад в городе Бретиньи был заключен мир между нашим милостивым монархом и французским королем. Ввиду этого кажется особенно странным, когда вы рассказываете во всеуслышание о войне и войсках, раз между нами и французами никакой ссоры нет.

— Значит, я лгу? — отозвался лучник и положил свой нож.

— Боже упаси! — поспешно воскликнул студент. — *Magna est veritas sed rara*. Это означает на латинском языке, что все лучники — предпочтенные люди. Я обратился к вам в поисках познаний, ибо мое ремесло — учение.

— Боюсь, что в этом ремесле ты еще ученик, — заявил воин, — ибо за морем любое дитя ответит тебе на твой вопрос. Узнай же, что хотя между нашими землями и Францией, может быть, и существует мир, но внутри самой Франции идет постоянная война, ведь в стране междоусобицы, и ее терзают банды живодеров, обманщиков, брабантцев и всяких иных авантюристов. А когда каждый хватается за горло и любой баронишка, которому грош цена, идет с барабанным боем воевать против кого ему угодно, было бы невероятно, если бы пятьсот отважных английских парней не смогли заработать себе на жизнь. Теперь, когда сэр Джон Хоуквуд с молодцами из Восточной Англии и с ноттингемскими лесниками поступил на службу к маркизу Монферратскому, чтобы сражаться против государя Миланского, у нас, правда, осталось всего каких-нибудь сотни две, но я надеюсь, что смогу привезти отсюда людей для пополнения Белого отряда. Клянусь зубом апостола Петра, не может быть, чтобы я не нашел многих хампширцев, готовых стать под красный стяг святого Георгия, тем более если сэр Найджел Лоринг из Крайстчерча снова наденет кольчугу и поведет нас.

— О, тогда вам в самом деле повезло бы! — заметил один из лесников. — Недаром говорят, что, кроме принца и, может, доброго старого сэра Джона Чандоса, во всем нашем войске не было человека столь испытанной храбрости.

— Это истинная правда, каждое слово, — подтвердил лучник. — Я сам собственными глазами видел его на поле брани, и ни один человек не выказал такого мужества, *mon Dieu!* Глядя на него или слыша его мягкий голос, вы никак не поверили бы, что с самого отплытия из Оруэлла и до самого наступления на Париж, иначе говоря, ровнехонько за двадцать лет, не было ни одной схватки, атаки, вылазки, засады, штурма или сражения, в которых бы он не явился главным участником! Сейчас я направляюсь в Крайстчерч с письмом к нему от сэра Клода Латура. Сэр Латур спрашивает, не согласится ли он занять место сэра Джона Хоуквуда; и больше шансов на то, что он согласится, если я приведу с собой двух-трех подходящих людей. Вот скажи ты, лесник: разве ты не променяешь свою распиловку на более благородное занятие?

Лесник покачал головой.

— У меня в Эмери Даун жена и дети, — пояснил он. — Я не брошу их ради такого рискованного дела.

— Ну, а вы, юноша? — спросил лучник.

— Да нет, я человек мирный, — ответил Аллейн Эдриксон. — Кроме того, мне предстоит другая работа.

— Ах, чума вас заберит! — прорычал воин, грохнув о стол свою флягу с такой силой, что тарелка запрыгала. — И какая дурь, дьявол их заберит, нашла на людей? Почему вы все торчите у очага и клюете носом, словно вороны вокруг дохлой кобылы, когда стоит только шаг шагнуть, и вас ждет настоящая мужская работа? Стыд и срам! Все вы лодыри и бездельники! Клянусь эфесом, должно быть, настоящие люди из Англии все уже перекочевали во Францию, а те, кто остался, на самом деле бабье, переодетое в кафтаны да штаны.

— Слушай, лучник, — заявил Хордл Джон, — ты уже солгал не раз и не два, и за это, а также потому, что мне много кой-чего в тебе не нравится, я чувствую сильное искушение положить тебя на обе лопатки.

— Клянусь эфесом, вот я наконец и нашел подходящего человека. А потом, ей-богу, ты наверняка лучше, чем я думал, если сможешь положить меня на обе лопатки, мой мальчик. Я одержал больше побед, чем у меня пальцев на ногах, и за семь долгих лет в Отряде не нашлось никого, кто бы вывалил меня в пыли.

— Довольно ты хвастался да бахвалился, — сказал Хордл Джон, вставая и сбрасывая куртку. — Я докажу тебе, что в Англии остались люди получше тех, кто уходил грабить во Францию.

— *Pasques Dieu!* — воскликнул лучник, расстегивая куртку и пристально глядя на своего противника, как знаток и ценитель мужественности. — Я только раз видел до сих пор у мужчины такое тело. С вашего разрешения, мой рыжеволосый друг, мне было бы очень жаль обменяться с вами ударами; и я охотно допускаю, что никто в целом отряде не перетянет вас на канате; пусть это послужит утешением для вашей гордости. С другой стороны, я имею основания думать, что за последние несколько месяцев ты вел спокойную жизнь, и мои

мускулы покрепче твоих. Я готов побиться об заклад, что возьму верх. Если только ты не струсишь.

— Струшу? Ах ты, болван! — зарычал Большой Джон. — Да я еще не видел того человека, перед которым бы струсил. А ну-ка, выходи и посмотрим, кто из нас крепче.

— А заклад?

— Не на чем мне биться об заклад. Выходи из любви к делу и ради удовольствия.

— Не на чем? — удивился лучник. — Но у тебя есть то, что я ценю превыше всего: твое огромное тело, которое я хочу завербовать. Слушай, мой мальчик. У меня тут с собой французская перина, мне было очень трудно сохранить ее все эти годы. Я раздобыл перину при разграблении Иссудена, и у самого короля нет такой постели. Если ты победишь — она твоя. Но если победа будет за мной, то ты клянешься, взяв лук и стрелы, отправиться со мной во Францию и служить там в Белом отряде до тех пор, пока он не будет распущен.

— Вот это честное пари! — закричали в один голос путники и отодвинули скамьи и козлы, чтобы освободить место борцам.

— Ну, солдат, тогда распрощайся со своей периной, — сказал Хордл Джон.

— Э, нет, я и постель сохраняю и тебя заполучу в Отряд, сколько ни скаль зубы, а ты потом будешь всю жизнь благодарить меня за это. Так как же, схватимся за ворот и за локоть, или сойдемся вплотную, или как придется?

— Иди ты к черту со своими хитростями, — сказал Джон, разводя и сжимая свои большие красные руки. — Стой, где стоишь, увидишь, как я тебя сейчас обхвачу.

— Обхватывай как можешь, — согласился лучник, выходя на свободное место и не спуская зорких глаз с противника.

Он сбросил зеленую куртку, и его торс прикрывала лишь красная шелковая рубашка с широким вырезом вокруг шеи и без рукавов. Верхняя часть тела Хордла Джона была обнажена, и его мощная фигура с напрягшимися мускулами, выступающими, словно извилистые, сучковатые корни дуба, возвышалась над лучником. Будучи почти на фут ниже Джона, тот все же производил впечатление человека большой силы, а у его белой кожи был особый шелковистый блеск, которого не доставало более тяжелому телу бывшего монаха; но вдобавок он отличался быстротой движений и ловкостью многоопытного бойца; поэтому, глядя на гордый поворот его головы и блеск глаз, было ясно, что он уверен в удаче. Трудно было бы в тот вечер найти во всей Англии двух более достойных друг друга соперников.

Большой Джон стоял посередине круга, его взгляд был угрюм и грозен, рыжие волосы встали дыбом, как щетина, а лучник легким и быстрым шагом переходил то направо, то налево, согнув колени и вытянув вперед руки. Затем, внезапным броском, столь стремительным и свирепым, что глаз едва мог уловить его, он ринулся на врага и обхватил его одной ногой. При равных силах от такого удара один из противников должен был упасть; но Хордл Джон оторвал лучника от себя, словно крысу, и швырнул через всю комнату так, что тот стукнулся головой о деревянную стену.

— Ma foi! — воскликнул воин, проводя рукой по своим кудрям, — ты был уже недалеко от перины. Еще немного, и у этой милой гостиницы появилось бы еще одно окошко.

Ничуть не укрощенный, он снова приблизился к Джону, но теперь уже более осторожно, чем в первый раз. Сделав ложный выпад, чтобы отвлечь внимание противника, он вдруг прыгнул на него, обхватил ногами его талию, а руками бычью шею, в надежде быстрым толчком опрокинуть его наземь. Яростно взревев, Хордл Джон так стиснул врага своими огромными ручищами, что чуть было не раздавил; затем поднял и бросил на пол с такой силой, что мог бы сломать ему кости, если бы лучник, сохраняя полное самообладание, не вцепился ему в предплечья, чтобы задержать свое падение. Поэтому он упал на ноги и не потерял равновесия, хотя толчок сотряс все его тело и, казалось, каждый сустав закрипел. Затем он отскочил подальше от опасного врага, но Джон, разгоряченный схваткой, ринулся за ним, как бешеный, и тем сам дал опытному вояке то преимущество, к которому он и стремился. Когда бывший монах снова бросился на него, лучник увернулся от больших красных рук, наклонился и, обхватив врага вокруг бедер, перекинул его через свое плечо, используя не только яростный наскок противника, но и свою натренированность в этом ловком приеме. Аллейну почудилось, будто Джон вдруг обрел крылья и полетел; когда он пронесся по воздуху, размахивая огромными руками и ногами, сердце юноши замерло; уж, наверное, ни один человек не падал

с такой силой, ничего, однако же, себе не повредив. Ибо как ни крепко сколочен был Хордл, он, несомненно, сломал бы себе шею, если бы не ткнулся головой в грудь пьяного менестреля, который мирно дремал в углу, не подозревая обо всех этих волнующих событиях. Незадачливый музыкант внезапно разбуженный, выпрямился, издав пронзительный вопль, а Хордл Джон отскочил обратно на середину круга с такой же быстротой, с какой вылетел из него.

— Я требую еще одной схватки, клянусь всеми святыми! — крикнул он, воздевая руки.

— Не согласен, — ответил лучник, натягивая одежду. — Я удачно выкарабкался из этой истории и скорее готов биться с здоровенным наваррским медведем, чем с тобой.

— Это была хитрость! — заорал Джон.

— Конечно, хитрость, клянусь моими десятью пальцами! Хитрость, благодаря которой к Отряду прибавится еще один настоящий мужчина.

— Ну, этой проделке я никакого значения не придаю, — ответил Джон, — ведь я уже час назад решил отправиться с тобой, раз жизнь там настоящая и веселая. Но я бы охотно заполучил французскую перину.

— Не сомневаюсь, *top amì*, — сказал лучник, возвращаясь к своей пивной кружке. — Твое здоровье, парень, и будем друг другу добрыми товарищами! Но, *holà*, что болит у нашего друга, у него такое сердитое лицо?

Незадачливый музыкант сидел и уныло растирал себе грудь, глядя вокруг отсутствующим взором, и было ясно, что он не знает ни где он, ни что с ним приключилось.

Вдруг его растерянное лицо озарилось вспышкой сознания, он поднялся и заковылял к двери.

— Берегитесь эля! — произнес он хриплым шепотом, предостерегающе поднял палец и помахал им, обращаясь к остальным. — О пресвятая Дева, берегитесь эля!

Затем, прижав руки к ушибленному месту, он выбежал в ночной мрак под взрыв хохота, к которому весело присоединились и победитель и побежденный. Лесник и оба работника также были готовы пуститься в путь, а остальные улеглись на одеялах, которые госпожа Элиза и служанка постелили им на полу. Аллейн, уставший от всех сегодняшних неожиданных волнений, скоро забылся крепким сном; он прерывался лишь видениями мелькающих ног, бранящихся нищих, свирепых разбойников и многих странных людей, встреченных им в «Пестром кобчике».

Глава VII

Три приятеля идут через лес

Едва рассвело, как деревенская гостиница ожила: ни за что не стали бы люди терять целый час дневного света, ибо в те времена освещение было скудным и дорогим. Когда госпожа Элиза поднялась, оказалось, что другие опередили ее: дверь была распахнута, и ученый студент из Кембриджа уже исчез, причем его мысли были, видимо, слишком заняты высокими предметами древности, так что он не вспомнил о тех четырех пенсах, которые ему надлежало уплатить за стол и ночлег. Пронзительный вскрик хозяйки, обнаружившей это обстоятельство, а также кудахтанье кур, вбежавших в открытую дверь, и были первыми звуками, прервавшими сон путников.

Когда вчерашняя компания поднялась, ее участники быстро начали расходиться. Лекарю привели из соседней конюшни сытого мула, покрытого красной попоной; он сел на мула с достойным видом, и тот иноходью удалился по Саутгемптонской дороге. Зубодер и менестрель спросили себе по глотку эля и вместе отправились на ярмарку в Рингвуд, причем у старого жонглера после вчерашней выпивки совсем пожелтели белки глаз и отекло лицо. Однако лучник, который выпил больше всех, был весел, словно кузнецик: поцеловав хозяйку и еще раз загнав служанку на чердак, он отправился к ручью, и, когда вернулся, вода стекала у него с лица и волос.

— Holà, мой миролюбец! — окликнул он Аллейна. — Куда ты направляешь стопы свои нынче утром?

— В Минстед, — ответил юноша. — Там у меня брат, Саймон Эдриксон, он тамошний сокман, и я хочу немного пожить у него. Прошу вас, добрая госпожа, скажите, сколько я вам должен?

— Должен? Вот выдумал! — воскликнула она, стоя с воздетыми руками перед доской, на которой Аллейн рисовал в прошлый вечер. — Скажи лучше, чем я отплачу тебе, добрый юноша! Да, вот это настоящий пестрый кобчик, и в когтях у него даже зайчонок, клянусь жизнью! Ты в самом деле рисуешь искусно и изящно!

— А красный глаз видите? — воскликнула служанка.

— Ну да, и раскрытый клюв!

— И взъерошенные крылья, — добавил Хордл Джон.

— Клянусь эфесом, — заявил лучник, — птица как живая!

Молодой клирик радостно зарделся, слыша все эти похвалы: они были простодушны и грубоваты, и все же насколько сердечнее и доброжелательнее, чем все, что он слышал от придирчивого брата Иеронима или скудословного аббата. Как видно, есть много доброго и много злого в этом мире, о котором ему говорили так мало хорошего. Хозяйка и слышать не хотела ни о какой плате за постель и ужин, а лучник и Хордл Джон положили свои руки ему на плечи и повели к столу, где им был подан завтрак, состоявший из копченой рыбы, блюда со шпинатом и кувшина с молоком.

— Я не удивлюсь, мой друг, — сказал лучник, передавая Аллейну большой кусок рыбы на ломте хлеба, — если окажется, что ты и читать умеешь по-писаному, раз ты так ловко управляешься с красками и кистями.

— Я посрамил бы добрых монастырских братьев, если бы не умел, — ответил Аллейн. — Я же был их учеником целых десять лет.

Лучник посмотрел на него с огромным уважением.

— Удивительно! — сказал он. — И притом на лице у тебя нет ни волоска и кожа, как у девушки. Я могу попасть в цель на триста пятьдесят шагов из вот этой игрушки и на четыреста двадцать — из большого боевого лука; а вот насчет грамоты — ни в какую: собственного имени не прочту. Во всем Отряде был только один парень, который умел читать, но при взятии Вентадура он упал в колодец, а это доказывает, что не пристала солдату грамотность, хотя клирику она и необходима.

— Этот фокус я тоже немного знаю, — заявил Большой Джон. — Хотя и пробыл у монахов слишком мало, чтобы наостриться как следует.

— Вот мы сейчас и попробуем, — сказал лучник и извлек из-под своей рубашки сложенный прямоугольником кусок пергамента.

Он был туго перевязан широкой лентой пунцового шелка и накрепко запечатан с обоих концов большой сургучной печатью. Джон долго и усердно разглядывал надпись на обратной стороне пергамента, сдвинув брови, как их сдвигает человек при огромном умственном напряжении.

— Так как я за последнее время читал маловато, — заявил он наконец, — я бы не хотел объяснять подробно, что тут написано. Одни скажут одно, другие — другое, так же как один лучник любит тис, а другой будет стрелять только стрелами из ясеня. Что касается меня, то, судя по виду и длине строк, я бы сказал, что это стих из какого-нибудь псалма.

Лучник покачал головой.

— Едва ли, — возразил он, — не думаю, чтобы сэр Клод Латур послал меня в такую даль, за море, всего-навсего со стихом из псалма. На этот раз, приятель, ты явно промахнулся. Дай-ка малышу. Ставлю в заклад свою перину, что он тут вычитает больше твоего.

— Что ж, это написано по-французски, — сказал Аллейн, — и правильным почерком, каким пишут клирики. Тут сказано следующее: «A le moult puissant et moult honorable chevalier, Sir Nigel Loring de Christchurch, de son très fidèle amis Sir Claude Latour, capitaine de la Compagnie blanche, châtelain de Biscar, grand seigneur de Montchâteau, vavasseur de le renommé Gaston, Compte de Foix, tenant les droits de la haute justice, de la milieu, et de la basse». На нашем языке это означает вот что: «Могущественному и предостойному рыцарю, сэру Найджелу Лорингу из Крайстчерча, от его преданнейшего друга сэра Клода Латура, капитана Белого отряда, владельца замка Бискар, знатного лорда Моншато и вассала прославленного Гастона графа Фуа, владеющего полномочиями высокого, среднего и низшего суда».

— Вы слышите? — торжествующе воскликнул лучник. — Он именно так и должен был написать!

— Теперь я вижу, что это действительно то самое, — заявил Джон, снова разглядывая пергамент. — Хотя мне трудно понять, что такое «высокий, средний и низший суд».

— Клянусь эфесом, ты понял бы, будь ты Жак Простак. Низший суд означает, что ты можешь вымогать у виновного деньги, средний — что ты можешь пытаться его, а высший — что можешь его убить. Вот смысл этих слов. Это письмо я и должен доставить; а теперь, раз вы очистили тарелки, нам пора пускаться в путь. Ты пойдешь со мной, mon gros Jean. А что до тебя, малыш, то куда ты направляешься, как ты сказал?

— В Минстед.

— Ах да! Я хорошо знаю эту лесную местность, хотя сам родился в округе Изборн, что в Чичестере, возле самой деревни Мидхерст. Но я слова плохого не скажу о хамптонских жителях, ибо во всем Отряде не найдется лучших товарищей и более искусных стрелков, чем те несколько человек, которые научились именно в этих местах натягивать тетиву. Мы отправимся, парень, с тобой в Минстед, это уж не такой крюк.

— Я готов, — ответил Аллейн, очень довольный, что на большой дороге его будет сопровождать столь надежная компания.

— Но я не готов. Я должен пристроить свою добычу в этой гостинице, ибо хозяйка, как видно, женщина честная. *Holà, ma chérie*, я хотел бы оставить у вас свои золотые вещи, свой бархат, свой шелк, перину, кадилницу, кувшин, постельное белье и все остальное. Я возьму с собой только деньги в холщовой сумке и шкатулку с розовым сахаром — ее мой капитан посылает в подарок леди Лоринг. Вы сохраните мои сокровища до моего возвращения?

— Я спрячу их в самый надежный тайник, добрый лучник. Когда бы вы ни вернулись, они будут ждать вас.

— Вы истинный друг! — воскликнул лучник, беря ее руку. — Вот это *bonne amie*. Хороши английская земля и английские женщины, а также французское вино и французская добыча. Я скоро вернусь, мой ангел. Человек я одинокий, моя прелесть, и когда-нибудь, когда с войнами будет совсем покончено, я обоснуюсь... Ах, *méchante, méchante*. Вон *la petite* заглядывает в щелку. Ну, Джон, солнце уже стоит над деревьями; когда сигнальщик протрубит «Лучники, вперед», ты должен действовать расторопнее, чем нынче.

— Я только и жду этого, — сердито заявил Хордл Джон.

— Итак, нам пора уходить. *Adieu, ma vie*. Эти два ливра покроют все расходы, и еще останется на ленты к ближайшей ярмарке. Не забывай Сэма Эйлварда, ибо его сердце будет вечно принадлежать тебе одной и тебе тоже, *ma petite*! А теперь — вперед, и пусть святой Юлиан пошлет нам еще такие же хорошие места для стоянки.

Солнце уже поднялось над лесами Эшерста и Денни и уже ярко светило, хотя восточный ветер нес приятную свежесть и золотые листья целыми пучками вспыхивали на деревьях. На главной улице Линдхерста путникам пришлось с трудом прокладывать себе дорогу, ибо городок так и кишел гвардейцами, конюхами и доезжачими королевской охоты. Сам король остановился в замке Мэлвуд, но многие из его свиты вынуждены были искать пристанища где придется — хотя бы в сельских хижинах и шалашах. То там, то тут маленький герб в окне без стекла показывал, что здесь остановился рыцарь или барон. Гербы прочитывались лучше, чем надпись, потому что лучник, как и большинство людей его возраста, был хорошо осведомлен относительно общепринятых геральдических знаков.

— Вон «Голова сарацина» сэра Бернарда Брокаса, — заявил он. — Я видел его в последний раз во время схватки при Пуатье лет десять тому назад, он держался очень мужественно. Он состоит королевским конюшим и может нехудо спеть веселую песню, хотя его не сравнить с сэром Джоном Чандосом: тот всех опередит и за столом и в седле. А вот три ласточки на лазурном поле — это, должно быть, кто-то из семьи Латтреллов. Судя по лунному серпу, вероятно, второй сын старого сэра Хью; у него стрела прошла через лодыжку при взятии Роморантена — он ринулся в драку, прежде чем оруженосец успел надеть ему ножные латы. А вот петушиное перо — старинный знак Де Бреев. Я служил под началом сэра Томаса де Брея, тот был весел, как сорока, и страстный фехтовальщик, пока так не растолстел, что доспехи на него не лезли.

Так болтал лучник, пробираясь со своими двумя спутниками среди брыкающихся лошадей, суетливых конюхов, пажей и оруженосцев, которые повсюду стояли кучками и спорили о достоинствах хозяйских коней и охотничьих собак. Когда они проходили мимо старинной церкви, стоявшей на холме слева от деревенской улицы, двери церкви распахнулись, вышли толпы верующих и стали спускаться по извилистой тропе; они шли от обедни и шумели, как огромная стая пискливых соек. Увидев открытые церковные двери. Аллейн преклонил колени и снял шляпу; но не успел он дочитать «Ave», как его спутники исчезли за поворотом тропы, и ему пришлось бегом догонять их.

— Что это, — спросил он, — ни слова молитвы перед открытой дверью дома божия? Как же вы можете надеяться, что он благословит ваш сегодняшний день?

— Друг мой, — отозвался Хордл Джон, — я так много молился за последние два месяца, не только днем, но и во время утрени, вечерни и всех других служб, что у меня чуть голова не отвалилась от поклонов. По-моему, я немного перемолился.

— Как можно быть слишком религиозным? — воскликнул Аллейн с глубокой серьезностью. — Только благочестие действительно и приносит нам пользу. Человек равен скоту, если он живет со дня на день, ест, пьет, дышит, спит. Лишь когда он поднимается над собой и созерцает себя своими духовными очами, он становится поистине человеком. Подумай, как это было бы печально, если б кровь Искупителя пролилась напрасно.

— Боже правый, парень краснеет, точно девица, а проповедует, точно целая коллегия кардиналов! — воскликнул лучник.

— Я и правда краснею оттого, что существо столь слабое и недостойное, как я, пытается объяснить другому вещи, которые ему самому представляются очень трудными.

— Хорошо сказано, *mon garçon*. Кстати, что касается убийства Спасителя, то это была прескверная история. Добрый падре во Франции прочел нам по записи всю правду о ней. Солдаты настигли его в саду. Может быть, апостолы Христовы и были людьми святыми, но как воинам им грош цена. Правда, один, сэр Петр, действовал как настоящий мужчина; но — если только его не оклеветали — он отсек слуге всего лишь ухо, а рыцарь не стал бы хвалиться таким подвигом. Клянусь десятью пальцами! Будь я там с Черным Саймоном из Нориджа и несколькими отборными людьми из Отряда, мы бы им показали! А если уж ничего бы не смогли поделать, мы бы этого лжерыцаря, сэра Иуду, так истыкали английскими стрелами, что он проклял бы тот день, когда взял на себя столь подлое поручение.

Молодой клирик улыбнулся, слушая, с какой серьезностью рассуждает его спутник.

— Когда бы Он хотел помощи, — сказал Аллейн, — Он мог бы призвать с небес сонмы архангелов. Так зачем Ему ваш убогий лук и стрелы? А кроме того, вспомните Его

собственные слова: «Поднявший меч от меча и погибнет».

— А разве для мужчины это не самая лучшая смерть? — удивился лучник. — Кабы моя воля, я хотел бы пасть именно так; но, заметь, не во время какой-нибудь случайной стычки, а в большом суровом сражении, чтобы над нами развевалось прославленное знамя со львом, впереди пылала орифламма, а вокруг раздавался боевой клич товарищей и свист стрел. И пусть меня сразит меч, копьё или стрела, ибо я счел бы позором умереть от железного ядра, от огнемёта, или бомбарды, или подобного же несолдатского оружия. Их дурацким грохотом и дымом только ребят пугать.

— Даже в монастырской тиши я много слышал об этих страшных машинах, — сказал Аллейн. — Говорят, хотя мне трудно поверить, будто они посылают ядро вдвое дальше, чем лучник может пустить стрелу, и пробивают непроницаемую броню.

— Это правда, мой мальчик. Но пока бомбардир насыплет свой дьявольский порошок, вложит ядро и подожжет фитиль, я успею выпустить шесть стрел, а может быть, и восемь, так что в конце концов преимущество у него небольшое. Однако не буду отрицать, что когда берешь город, хорошо иметь подкрепление в виде нескольких бомбард. Рассказывали, что под Кале они пробивали в стенах такие бреши, что можно было голову просунуть. Но взгляните, друзья, перед нами по этой дороге наверняка прошел тяжелораненый.

И действительно: вдоль лесной тропы тянулся неровный и прерывистый кровавый след, иногда это были отдельные капли, иногда большие красные сгустки, размазанные на увядших листьях или алевшие на белых кремнистых камнях.

— Наверно, подбитый олень, — заметил Джон.

— Нет, я достаточно знаю лес и могу сказать, что сегодня утром никакой олень не проходил по этой дороге. Вместе с тем — кровь свежая. А это что?

Все трое остановились, прислушиваясь, повернув головы. Среди безмолвия огромного леса раздавался какой-то хлещущий, свистящий звук попеременно с болезненными стонами, причем голос человека временами поднимался до высоких нот и переходил в какое-то дрожащее пение. Путники поспешили на голос и, поднявшись на холмик, увидели внизу источник столь странных звуков.

Посреди тропы медленно шагал рослый человек, плечи его были низко опущены, пальцы стиснуты. Его окутывала длинная одежда из белого холста, с белым капюшоном, на котором был изображен алый крест. Ряса была спущена с плеч, и от вида этих плеч могло сделаться дурно: плоть превратилась в кровавое месиво, кровь пропитывала одежду и стекала на землю. За ним следовал другой, ростом поменьше, седоватый, тоже одетый в белое. Он тянул по-французски какую-то унылую песню, а в конце каждой строки замахивался толстой веревкой с кожаными узелками и бил своего спутника по плечам до тех пор, пока снова не выступала кровь. Не смущаясь тем, что три путника, пораженные, смотрят на них, те двое на тропе внезапно поменялись ролями, ибо второй, окончив свою песню, развязал собственную рясу, а веревку передал первому; теперь тот запел и стал хлестать товарища веревкой, изо всех сил замахиваясь обнаженной тяжелой, мускулистой рукой. Так, избивая друг друга по очереди, совершали они свой мученический путь через прекрасные леса, под душистыми сводами увядающих буков, где само величие и мощь природы как будто должны были служить человечеству укором за безрассудные стремления и бесцельно растраченные силы.

Зрелище на тропе было новым и для Хордла Джона и для Аллейна Эдриксона, но лучник отнесся к нему легко, как к явлению довольно обычному.

— Это бичующие себя монахи, иначе называемые флагеллантами, — пояснил он. — Удивительно, как вы раньше не встречались ни с одним из них; за морем они попадают на каждом шагу. Я слышал, что англичан среди них нет, они все из Франции, Италии, Богемии. En avant, camarades, надо с ними поговорить.

Когда три приятеля нагнали монахов, Аллейн услышал погребальную песнь, которую пел избивающий, в конце каждой строки опуская тяжелую веревку на спину избиваемого, а стоны страдальца как бы вторили этой песне. Она была на старофранцузском языке и звучала примерно так:

Or avant, entre nous tous frères
Battons nos charognes bien fort
En remembrant la grant misère
De Dieu et sa piteuse mort,
Qui fut pris en la gent amère
Et vendus et trais à tort
Et bastu sa chair,
Vierge et dère
Au nom de ce battons plus fort.

В конце веревка переходила в руки другого флагелланта, и все начиналось сначала.

— Право же, преподобные отцы, вы сегодня уже достаточно отхлестали друг друга, — сказал лучник по-французски, когда они поравнялись с монахами. — Вся дорога в крови, точно прилавок мясника на ярмарке святого Мартина. Зачем вы так себя истязаете?

— C'est pour vos péchés — pour vos péchés, — прогудели монахи, посмотрели на путников печальными, тусклыми глазами, а затем продолжали свой кровавый труд, невзирая на обращенные к ним просьбы и уговоры.

Видя, что все увещания ни к чему не приводят, трое друзей поспешили дальше, предоставив этим странным путникам выполнять свою тяжелую задачу.

— Боже мой! — воскликнул лучник. — Да если собрать всю кровь, которую я пролил во Франции, так наберется целый бочонок, но вся она была пролита в горячем бою, и я бы еще очень подумал, стоит ли терять ее капля по капле, как эти монахи. Клянусь эфесом, наш юноша побелел, как пикардийский сыр. Что с тобой, mon cher?

— Ничего, — ответил Аллейн. — Просто я жил слишком спокойно и не привык к подобным зрелищам.

— Ma foi! — воскликнул тот. — Никогда не видел человека, столь сильного в речах и столь слабого сердцем.

— Ошибаешься, друг, — возразил Большой Джон, — это не слабость, я хорошо знаю его: у него сердце не менее мужественное, чем у тебя или у меня, но в башке у него побольше, чем будет когда-нибудь в твоём котелке, поэтому он во многое проникает глубже, чем мы с тобой, и оно гнетет его сильнее, чем нас.

— Конечно, каждому тяжело смотреть на этакое зрелище, — сказал Аллейн, — видеть, как эти праведные люди, сами не совершившие никакого греха, страдают за чужие грехи. Они святые, если в наше время еще можно назвать кого-нибудь этим высоким словом.

— А я так ни во что не ставлю их занятие! — воскликнул Хордл Джон. — Ну кто стал лучше от их воя и бичеваний? Когда они не истязают себя, они, ручаясь, такие же, как все монахи. Пусть не били бы себя да выбили бы из сердца гордыню.

— Клянусь тремя царями, в том, что ты говоришь, есть смысл, — заметил лучник. — Кроме того, будь я Bon Dieu, мне, по-моему, едва ли доставило бы удовольствие видеть, как этот бедняга срывает себе мясо с костей, и я решил бы, что, наверное, он очень плохого мнения обо мне, если думает мне угодить истязаниями, точно начальник военной полиции. Нет, клянусь эфесом! Я бы с гораздо большим удовольствием посмотрел на какого-нибудь веселого лучника, который никогда не обидит поверженного врага и никогда не побоится здорового и сильного.

— Вы, конечно, не имеете в виду ничего греховного, — отозвался Аллейн. — И если речи ваши несдержанны, то не мне судить вас. Но разве вы не видите, что в этом мире есть враги, кроме французов, и тем больше славы тому, кто победит их? Разве для рыцаря или оруженосца тот день, когда он на турнире возьмет верх над семерыми, не будет днем гордости и торжества? А мы здесь на турнире жизни, и против нас выступает семь черных врагов: сэр Гордыня, сэр Алчность, сэр Обжорство, сэр Блуд, сэр Гнев, сэр Зависть и сэр Лениность. Пусть человек победит этих семерых, и он получит первый приз из рук нежнейшей царицы красоты — может быть, от самой девы Марии. Вот ради чего эти люди умерщвляют свою плоть, а также — чтобы подать пример тем из нас, кто слишком себя изнеживает. Повторю еще раз: они святые, божьи святые, и я склоняю голову перед ними.

— Очень хорошо сказано, mon petit, — ответил лучник. — Я не слышал более справедливых слов с тех пор, как умер старик Дон Бертран, а был он одно время капелланом Белого отряда. Очень храбрый был человек, но во время битвы при Бринье его проткнул насквозь солдат из Энэ. За это, когда мы прибыли в Авиньон, к его святейшему папе, того солдата отлучили от церкви; но так как мы не знали ни его имени, ни кто он, а только одно: что был под ним серый в яблоках конь, боюсь, не постигло ли отлучение кого-то другого.

— Значит, ваш отряд удостоился тогда преклонить колени перед нашим святейшим отцом папой Урбаном, опорой и средоточием христианства? — с интересом спросил Аллейн. — Может быть, вам и самому удалось узреть его величественный лик?

— Я дважды видел его, — ответил лучник, — такой тощенький, крысоватый, на подбородке струпья. В первый раз мы выжали из него пять тысяч крон, хотя он очень сопротивлялся. Во

второй раз попросили десять тысяч, но пришли к соглашению только через три дня, и я лично считаю, что лучше бы нам тогда просто разграбить дворец. Помню, управляющий его двором и кардиналы вышли вперед и спросили нас, согласимся мы взять семь тысяч, папское благословение и полное отпущение грехов или десять, но с бесповоротным отлучением и притом по всей форме. Мы были единодушного мнения, что лучше десять тысяч и проклятие, но сэра Джона как-то удалось уговорить, и мы получили отпущение и благословение — вопреки своей воле. Может, оно и к лучшему, ибо Отряд тогда очень нуждался в отпущении грехов.

Благочестивый юноша Аллейн был глубоко возмущен рассказом лучника. Он невольно посматривал вверх и по сторонам, нет ли где-нибудь тех вспышек молнии и ударов грома, которые, судя по «Acta Sanctorum», обычно прерывают кощунственные речи безбожников. Но осеннее солнце изливало на землю свои яркие лучи как обычно, а бурая тропа мирно лежала перед ними, уводя в шелестящий, осыпанный золотом лес. Казалось, природа слишком поглощена собственными делами и совершенно равнодушна к тому, что достоинство римского папы оскорблено.

Все же Аллейн почувствовал на сердце некоторую тяжесть и укоры совести за то, что слушал подобные слова и уже тем согрешил. Все, что было внушено ему за двадцать лет монастырского воспитания, восставало против такого попустительства. Лишь после того, как он, бросившись наземь перед одним из придорожных распятий, горячо помолился и о себе и о лучнике, темное облако, омрачавшее его душу, рассеялось.

Глава VIII

Три друга

Пока он читал молитвы, его спутники ушли вперед; однако молодая кровь и свежий утренний воздух пробуждали и в нем жажду быстрых движений. Держа в одной руке палку, а в другой суму и слегка подпрыгивая, бежал он с развевающимися кудрями по лесной тропе, живой и грациозный, как молодой олень. Однако идти далеко ему не пришлось: за одним из поворотов он вдруг очутился перед домиком, стоявшим у края дороги; дом был окружен деревянным забором, возле которого задержались Большой Джон и Эйлвард-лучник, и на что-то пристально смотрели. Когда юноша поравнялся с ними, он увидел двух мальчуганов — одного лет девяти, другого немного старше; они стояли перед домом, каждый держал палку в левой руке, вытянутой на уровне плеча, оба безмолвные и неподвижные, словно две маленькие статуи. Это были хорошенькие голубоглазые белокурые ребята, стройные, крепкие, покрытые здоровым загаром, что говорило о жизни в лесу.

— Перед вами два молодых ученика какого-нибудь старого лучника! — радостно воскликнул Эйлвард. — Вот правильный способ воспитывать детей. Клянусь эфесом, я сам не смог бы их учить лучше, если бы этим занялся!

— А что тут происходит? — спросил Хордл Джон. — Они словно окаменели, но, я полагаю, едва ли они чем-то уж настолько поражены.

— Да нет, они просто упражняют левую руку, чтобы научиться крепко держать лук. Так и меня заставлял упражняться мой отец. Шесть дней в неделю я держал в вытянутой руке его палку, и рука словно наливалась свинцом. Holà, дети мои! А вы сколько можете выдержать?

— Пока солнце не будет вон над той липой, добрый господин, — ответил старший мальчик.

— А кем же вы будете? Лесорубами? Лесничими?

— Солдатами! — крикнули они в один голос.

— Клянусь бородой моего отца, вы щенята чистых кровей! Отчего же вы так горячо желаете быть солдатами?

— Чтобы сражаться со скоттами, — пояснили они. — Папа пошлет нас бить скоттов.

— А почему именно скоттов, милые мальчуганы? Мы видели французские и испанские галеры не дальше, чем в Саутгемптоне, но чтобы скотты так уж скоро появились в этих местах, я сомневаюсь.

— У нас счеты со скоттами, — сказал старший. — Это скотты отрезали папе по три пальца на каждой руке.

— Верно, ребята, так оно и было, — произнес низкий голос за спиной Аллейна.

Обернувшись, путники увидели костистого человека с ввалившимися щеками и болезненным лицом; он незаметно появился позади них. С этими словами он поднял обе руки и показал их: на каждой большой палец, указательный и безымянный были оторваны.

— Ma foi, приятель! — воскликнул Эйлвард. — Кто же это так постыдно обошелся с тобой?

— Сразу видно, что ты, приятель, родился далеко от шотландских болот! — ответил незнакомец с горькой усмешкой. — К северу от Хамбера нет ни одного человека, который бы не знал о злодеяниях этого дьявола Дугласа, Черного лорда Джеймса.

— А как же вы попали к нему в руки?

— Я родом с севера, из города Беверли, Холдернесского прихода, — ответил он. — Было такое время, когда от Трента до Твида не нашлось бы более меткого стрелка, чем Робин Хиткот. И, видите, он меня, как и многих других бедных лучников, стоявших на англо-шотландской границе, лишил возможности держать в руках топор или лук. Все же король дал мне домик вот здесь, в южной части страны, и, если угодно будет господу, мои два паренька когда-нибудь рассчитаются за меня. Сколько стоят папины большие пальцы, ребятки?

— Двадцать убитых скоттов, — ответили они в один голос.

— А остальные?

— Половину.

— Когда они будут в силах согнуть мой военный лук и попасть в белку за сто шагов, я пошлю их служить к Джонни Коплэнду, губернатору Карлайла, клянусь моей душой! Я бы отдал все свои остальные пальцы, чтобы увидеть Дугласа под градом их стрел.

— Дай бог вам дожить до этого, — сказал лучник. — И послушайте меня, старого солдата, mes enfants, примите мой совет: налегайте на лук всем телом, пусть бедро и ляжка работают не меньше, чем предплечье. И еще научитесь, прошу вас, стрелять так, чтобы стрела падала сверху вниз, ибо хотя лучнику иногда и надо стрелять прямо и в упор, ему чаще приходится иметь дело с гарнизоном, находящимся за городской стеной, или с арбалетчиком, заслонившимся щитом, и вы можете надеяться, что причините ему вред, только если ваша стрела упадет на него как будто прямо из облаков. Я уже недели две не натягивал тетивы, но все же могу показать вам, как это делается.

Он отвязал свой лук, передвинул колчан наперед, затем решительно посмотрел вокруг, ища мишень. Неподалеку под развесистым дубом стоял пожелтевший, старый пенек. Лучник прикинул на глаз расстояние, затем извлек из колчана три стрелы и так быстро пустил их друг за другом, что первая еще не успела достичь цели, а последняя была уже на тетиве. Каждая стрела прошла высоко над дубом; из трех две глубоко вонзились в пеня, а третью, подхваченную порывом ветра, отнесло на два-три шага в сторону.

— Ловко! — воскликнул северянин. — Слушайте его, ребята! Он мастер своего дела. Ваш папа согласен с каждым его словом.

— Клянусь эфесом, — отозвался Эйлвард, — если я примусь учить стрельбе из лука, мне целого дня не хватит. У нас в Отряде есть стрелки, которые попадут в любую щелку и любой винтик в доспехах тяжеловооруженного всадника, начиная со шлема и до наколенников. Но, с вашего разрешения, друзья, мне следует собрать свои стрелы, ибо каждая стоит пенни и человеку небогатому едва ли положено оставлять их воткнутыми в придорожный пеня. Нам пора в путь, и я от всего сердца надеюсь, что вы воспитаете как надо этих двух ястребков и что они будут готовы к охоте даже на такую дичь, о которой вы говорили.

Расставшись с беспальным лучником и его потомством, путники зашагали дальше между разбросанными хижинами Эмери Дауна, а затем вышли на широкие пустоши, заросшие вереском и высоким папоротником, где среди небольших холмов паслись полудикие черные лесные свиньи. В этом месте леса отступали вправо и влево, дорога поднималась в гору, и резкий ветер обдувал покатым склон. На фоне черной, жирной земли особенно ярко пылали пурпуром и желтизной широкие полосы папоротника. Царственная самка оленя, которая там паслась, подняла морду с белым лбом и вопрошающе посмотрела на путников. Аллейн с восторгом разглядывал гибкое прекрасное создание; однако пальцы лучника играли с колчаном, а в глазах вспыхнул свирепый инстинкт, побуждающий человека к убийству.

— Tête Dieu! — прорычал он. — Будь мы во Франции или даже в Гиени, мы бы уже раздобыли к ужину свежую ножку, что очень важно при нашем мясопусте. Законно там или нет, но я намерен пустить стрелу.

— А я сначала переломлю эту твою палку о свое колено! — воскликнул Хордл Джон, кладя свою ручищу на лук. — Разве так можно? Слушай, я родился в лесу и знаю, чем такие штуки кончаются. В нашем местечке Хордле двое поплатились глазами, а третий — своей шкурой. Когда я в первый раз тебя увидел, я, честное слово, не почувствовал особой любви к тебе, но с тех пор я научился очень уважать тебя, и поэтому мне не хотелось бы видеть, как тебя обрабатывают живодеры лесничие.

— Рисковать своей кожей — мое ремесло, — пробурчал лучник; все же он откинул колчан на бедро и повернулся лицом к западу.

Они шли, а тропа все поднималась, из зарослей вереска она то выводила в рощицы падубков и тисов, то снова бежала через вереск. Сердце радовалось, слыша веселое посвистывание дроздов, когда они стремительно перелетали из одних кустов в другие. Время от времени дорогу путникам преграждал янтарно-желтый ручей с заросшими папоротником берегами, и пегий зимородок озабоченно перепархивал с одного берега на другой, или серая задумчивая цапля, надутая и важная, стояла по лодыжки в воде среди осоки. Болтали сороки, громко ворковали лесные голуби, пролетая над самой головой, и отовсюду, из каждой придорожной канавы, раздавалось равномерное постукивание лесного столяра — большого зеленого дятла. По мере того как тропа поднималась, кругозор распахивался с обеих сторон все шире, желтые

леса и заросли вереска спускались до далеких дымков Лимингтона и до глубокого туманного канала, тянувшегося у самого горизонта, а к северу леса словно откатывались уступами, роща поднималась над рощей, туда, где далеко-далеко белый шпиль Солсбери выступал жестко и четко на безоблачном небе. У Аллейна, жизнь которого протекала до сих пор на прибрежной низменности, свежий воздух возвышенностей и широта свободных далей пробуждали такое ощущение жизни и такую радость бытия, что его молодая кровь бурно бежала по жилам. Даже тяжеловесного Джона затронула красота дороги, а лучник весело насвистывал или мурлыкал отрывки из французских любовных песен, притом так фальшивил, что напугал бы самую смелую девушку, когда-либо внимавшую серенадам.

— А мне нравится этот северянин, — заметил он наконец. — Он умеет ненавидеть. Видно по лицу и по глазам, что он полон горечи. Люблю человека, у которого есть желчь в печени.

— О нет! — вздохнул Аллейн. — Не лучше ли, если бы у него было в сердце хоть немного любви?

— Я этого не отрицаю. Клянусь, никто не скажет, что я был предателем крылатого божества. Пусть человек любит прекрасный пол. Ей-богу, на то женщины и созданы чтобы их любили, от косы до шнурка на башмаке. И я очень рад, что добрые монахи воспитали тебя так мудро и хорошо.

— Да нет, я имел в виду не мирскую любовь, а пусть бы его сердце смягчилось по отношению к тем, кто обидел его.

Лучник покачал головой.

— Человек должен любить людей своего племени, — пояснил он, — но не годится англичанину любить скотта или француза. Ma foi! Если бы ты видел толпу нитсдэлских всадников на их галловейских клычах, ты бы не говорил о любви к ним. Я бы охотнее заключил в свои объятия самого Вельзевула. Боюсь, топ гагсон, что тебя плохо воспитывали в Болье, ведь уж епископ-то, наверное, знает лучше, чем аббат, что хорошо и что дурно, а я сам, своими собственными глазами видел, как епископ Линкольнский зарубил шотландского всадника боевым топором, а это, согласись, был довольно странный способ выказать ему свою любовь.

Аллейн не знал, что ответить на столь решительное суждение о действиях высокопоставленного представителя церкви.

— Значит, вы воевали против скоттов? — спросил он.

— А как же! Я впервые пустил стрелу в сражении, когда мне было на два года меньше, чем тебе, у Невиллс Кросса, под командованием лорда Мобрея. А позднее — под началом коменданта Беруика Джона Коплэнда, того самого, о котором говорил наш друг; именно он потребовал выкуп за короля скоттов. Ma foi! Солдатская работа — дело грубое, но хорошая школа для того, кто захотел бы стать отважным и приобрести военную мудрость.

— Я слышал, что скотты — опытные воины, — заметил Хордл Джон.

— Топором и копьем они владеют превосходно, лучших я не знаю, — ответил лучник. — И они с мешком муки и рашпером на перевязи меча могут совершать такие переходы, что за ними не угонишься. На пограничных землях убирать урожай приходится с серпом в одной руке и топором в другой, и урожай бывает беден, а говядины мало. Но вот лучники они никудышные, они даже из арбалета не умеют целиться, не то что из боевого лука; потом они по большей части бедняки, даже из дворян лишь очень немногие могут купить себе такую вот добрую кольчугу, как я ношу, и им трудно противостоять нашим рыцарям, у которых на плечах и груди стоимость пяти шотландских ферм. Все они вооружены одинаково, и это самые достойные и отважные люди во всем христианском мире.

— А французы? — осведомился Аллейн; для него легкая болтовня лучника была полна той привлекательности, какую слова человека деятельного имеют для отшельника.

— Французы — тоже стоящий народ. У нас были во Франции большие удачи, и привело это к хвастовству, да похвальбе, да пустым разговорам у лагерных костров; но я всегда замечал, что чем больше люди знают, тем меньше говорят. Я видел, как французы сражались и в открытом поле, и при взятии и защите городов и замков, в ночных вылазках, засадах, подкопах и рыцарских боях на копьях. Их рыцари и оруженосцы, скажу тебе, парень, во всех отношениях не хуже наших, и я мог бы назвать многих из свиты Дюгесклена, которые в сражении копьями не уступили бы лучшим воинам английской армии. С другой стороны, их простой народ так придавлен налогами на соль и всевозможными чертовыми пошлинами, что еле дышит. Только

болван может воображать, будто если в мирное время приучить человека быть трусом, так тот на войне станет вести себя, как лев. Стриги их, точно овец, они овцами и останутся. Если бы дворяне не взяли верх над бедняками, весьма возможно, что мы не взяли бы верх над дворянами.

— Но что же там за народ, почему он позволил богатым так оседлать себя? — заметил Большой Джон. — Хотя я и сам всего лишь бедный английский простолюдин, а все же кое-что знаю насчет всяких там хартий, обычаев, свобод, прав и привилегий... Если они нарушаются, все понимают, что настала пора покупать наконецники для стрел.

— Ну да, но законники во Франции не менее сильны, чем военные. Клянусь эфесом! Человеку там больше приходится бояться чернильницы первых, чем оружия вторых. В их сундуках всегда найдется какой-нибудь пергамент, доказывающий, будто богач обязан стать еще богаче, а бедняк — беднее. В Англии это бы не прошло, но по ту сторону пролива люди смиренные.

— А скажите, добрый сэра, какие еще народы вы видели во время своих путешествий? — спросил Аллейн Эдриксон.

Его молодой ум жаждал ясных жизненных фактов после столь долгого изучения умозрительной философии и мистики, которому он должен был предаваться в монастыре.

— Я видел нидерландца, и ничего плохого как о солдате о нем сказать не могу. Он медлителен и тяжел на подъем, и его не заставишь ринуться в бой ради ресниц какой-нибудь красотки или звона струны, как это бывает у более пылких южан. Но *ma foi*! Коснись его мотков шерсти или посмейся над его бархатом из Брюгге, и все эти толстые бюргеры зажужжат и зароятся, как пчелы вокруг летка, готовые наброситься на тебя, словно это главное дело их жизни. Матерь божья! Они показали французам при Куртре, да и в других местах, что столь же искусно умеют владеть сталью, как и сваривать ее.

— А испанцы?

— Они тоже отважные солдаты, тем более что им в течение нескольких веков приходилось ожесточенно обороняться против проклятых последователей черного пса Махмуда, которые все время напирали на них с юга, и все еще, насколько я знаю, удерживают большую часть страны в своих руках. Я имел с ними дело на море, когда они приплыли в Уинчелси, и добрая королева со своими придворными дамами сидела на скалах и смотрела вниз, на нас, точно это была игра или турнир. Но, клянусь эфесом, зрелище было достойное, ибо все, что в Англии есть лучшего, оказалось в тот день на воде. Мы отплыли в челнах, а вернулись на больших галерах — это были четыре корабля из пятидесяти крупных испанских судов, а больше двух десятков бежали от креста святого Георгия еще до захода солнца. Но теперь, юноша, я ответил на твои вопросы, и мне кажется — пора тебе отвечать мне. Пусть между нами все будет ясно и понятно. Я человек, который бьет прямо в цель. Ты видел в гостинице, какие вещи у меня были с собой. Выбирай любую, кроме шкатулки с розовым сахаром для леди Лоринг, — и ты получишь эту вещь, если отправишься со мной во Францию.

— Нет, — сказал Аллейн. — Я бы охотно отправился с вами во Францию и куда бы вы ни захотели, хотя бы чтобы послушать ваши рассказы, да и потому, что вы оба — мои единственные друзья вне монастырских стен; но это, право же, невозможно, у меня есть долг по отношению к моему брату, ведь отец и мать у меня умерли, и он старший. Кроме того, когда вы зовете меня с собой во Францию, вы не представляете, как мало толку вам будет от меня: ведь ни по воспитанию, ни по своей природе я не гожусь для ратных дел, а там, как видно, происходят постоянные раздоры.

— Всею виною мой дурацкий язык! — воскликнул лучник. — Будучи сам человеком неученым, я невольно говорю о клинках и мишенях, ибо такова моя работа. Но заверяю тебя, что на каждый свиток пергамента в Англии их во Франции приходится двадцать. А на каждую нашу статую, резной камень, раку с мощами и вообще любой предмет, который может порадовать взгляд ученого клирика, во Франции их приходится сотни. При разграблении Каркассонна я видел целые комнаты, набитые рукописями, но ни один человек из Белого отряда не мог прочесть их. Опять же я назвал бы Арль, Ним и много других городов, где стоят огромные арки и крепостные сооружения, воздвигнутые в старину людьми-великанами, пришедшими с юга. Разве я не вижу, как у тебя загорелись глаза и как тебе хотелось бы взглянуть на все это? Пойдем же со мной, и, клянусь своими десятью пальцами, ты увидишь эти чудеса все до единого.

— Конечно, мне бы хотелось взглянуть на них, — отозвался Аллейн, — но я иду из Болье с определенной целью, и я должен остаться верен своему долгу, как вы верны своему.

— Подумай и о том, mon ami, — настойчиво продолжал Эйлвард, — что ты можешь сделать там много добра: ведь в Отряде триста человек, и никогда ни один из них не слышал слова о милости божьей, а святой Деве хорошо известно, что никогда еще никакая группа людей в этой милости так не нуждалась. Уж, наверно, один долг стоит другого. Ведь брат твой обходился без тебя все эти годы и, насколько я понимаю, ни разу не потрудились дойти до Болые, чтобы повидать тебя, из чего ясно, что не очень-то он в тебе нуждается.

— Да и потом, — подхватил Джон, — минстедский сокман стал притчей во языцех по всему лесному краю, от Брэмшоу-Хилл до Холмслей-Уока. Он пьяница, отчаянный буян и сквалыга, каких мало.

— Тем более я должен постараться исправить его, — сказал Аллейн. — Не нужно, друзья, этих уговоров, что до меня, то поверьте, мне очень хочется во Францию, и для меня было бы радостью отправиться с вами. Но, право же, право, я не могу, и я здесь прошусь с вами, ибо та квадратная башня над деревьями справа, наверно, и есть Минстедская церковь, и я пойду вон по той тропинке через лес.

— Ну что ж, да хранит тебя господь, мой мальчик! — воскликнул лучник, прижимая Аллейна к своему сердцу. — Я скор и в любви и в ненависти. И, видит бог разлуки терпеть не могу.

— А разве нам не следовало бы все-таки подождать здесь, — предложил Джон, — и посмотреть, как еще тебя примет твой братец? Может быть, он будет так же не рад твоему приходу, как крестьянка, когда является поставщик королевского двора и реквизирует ее добро?

— Нет, нет, — запротестовал Аллейн, — не ждите меня, если я туда пошел, я там останусь.

— Все-таки не худо будет тебе знать, куда мы направляемся, — сказал лучник. — Мы сейчас будем идти лесами все на юг, пока не выйдем на дорогу в Крайстчерч, потом двинемся по ней, а к ночи, надеюсь, доберемся до замка сэра Уильяма Монтекьюта, герцога Солсберийского, где коннетаблем сэра Найджел Лоринг. Там мы и пристанем, и в ближайшие месяц-два, пока мы будем готовиться к обратному путешествию во Францию, ты, наверно, сможешь нас там найти.

Аллейну было в самом деле очень тяжело расставаться с этими двумя новыми, но душевными друзьями, и столь сильным оказалось столкновение между чувством долга и влечением сердца, что он не осмеливался поднять глаза, ибо опасался изменить своему решению. Лишь когда он ушел далеко вперед и его окружали уже только стволы деревьев, он оглянулся и все-таки увидел сквозь листву своих друзей вдаль на дороге. Лучник стоял, скрестив руки, его лук торчал из-за плеча, солнце ярко горело на его шлеме и на кольцах его кольчуги. Рядом с ним высился завербованный им Джон, все еще в домотканой, не по росту одежде сукновала из Лимингтона, длинные руки и ноги словно вылезали из этого убогого платья. Аллейн еще смотрел на них, когда они круто повернули и зашагали рядом по дороге.

Глава IX

О том, что в Минстедском лесу иногда случаются странные вещи

Тропа, по которой предстояло идти молодому клирику, тянулась через великолепный строевой лес, где гигантские стволы дубов и буков образовали во всех направлениях как бы длинные коридоры, а их ветви изгибались, словно своды величественного собора, возведенного самой природой. На земле лежал ковер зеленейшего и мягчайшего мха, усыпанного опавшими листьями, бодро пружинившего под ногами путника. Тропинкой этой, как видно, пользовались так редко, что она местами совсем исчезала в траве, и ее рыжеватая бороздка снова появлялась между стволами уже где-то далеко впереди. Здесь, в глубинах лесного края, было очень тихо. Безмолвие нарушалось лишь легким шелестом веток и далеким воркованием диких голубей, и только раз Аллейн услышал где-то в стороне веселый охотничий рог и резкий лай собак.

Не без волнения смотрел он на окружавшую его красоту, ибо, несмотря на уединенную жизнь в монастыре, он знал достаточно о былом могуществе его рода, знал и то, что когда-то власть его предков, бесспорно, распространялась на все эти земли. Его отец был чистокровным саксом и возводил свою родословную к Годфри Мэлфу, владевшему поместьями Бистерн и Минстед в те времена, когда норманны впервые ступили окованной железом ногой на английскую землю. Однако часть владений их семьи была отторгнута: в этом округе насадили леса, и он стал собственностью короля, другие земли были конфискованы за предполагаемое участие Мэлфа в неудавшемся мятеже саксов. И судьба предка стала прототипом для судьбы потомков. В течение трех веков их владения все сокращались, иногда в результате вторжения феодалов или самого короля, иногда вследствие пожертвований в пользу церкви, вроде того дара, с помощью которого отец открыл врата аббатства Болье для своего младшего сына. Так семья эта постепенно утратила свое значение, но у них все еще оставался старинный помещичий дом, несколько ферм и рощица, где можно было пасти сотню свиней — «*sylva de centum porcis*», — как писалось в старинных семейных бумагах. А главное, старший брат все еще мог держаться гордо, потому что оставался свободным владельцем земель, не подчиняющимся никакому феодальному властителю и ответственным только перед королем. Зная все это, Аллейн испытал легкую гордость довольно земного характера, впервые окидывая взглядом ту землю, с которой сроднилось столько его предков. И зашагал быстрее, весело крутя палку и озираясь на каждом повороте, в ожидании, что вот-вот появятся следы бывшего гнезда саксов. Но вдруг остановился, так как из-за дерева выскочил с диким видом какой-то человек, вооруженный дубинкой, и преградил ему дорогу. Это был свирепый силач-крепостной в шапке и куртке из недубленой овечьей шкуры и широких кожаных штанах до пят.

— Стой! — заорал он, замахиваясь тяжелой дубиной, чтобы подкрепить свое приказание. — Кто ты, и как ты смеешь так свободно разгуливать по этому лесу? Куда ты идешь и по какому делу?

— А ради чего мне отвечать на твои вопросы, приятель? — ответил Аллейн, насторожившись.

— Ради того, что твой язык может спасти твою башку, но где же это я видел твое лицо?

— Всего только накануне вечером мы встретились в гостинице «Пестрый кобчик», — отозвался клирик, вспомнив крепостного, который был так откровенен во вред себе.

— Клянусь пресвятой Девой, так и есть! Ты тот самый мальчишка-клирик, и ты еще сидел молчком в уголке, а потом стыдил музыканта. Что у тебя в суме?

— Ничего ценного...

— Откуда я знаю, что ты не врешь, клирик? Покажи-ка.

— Не покажу.

— Дурак! Да я могу разобрать тебя на косточки, как цыпленка! Забыл, что мы тут одни и до людей далеко? Хотя ты и клирик, разве это тебе поможет? Или ты хочешь лишиться не только суммы, но и жизни?

— Я ни с чем не расстанусь без борьбы.

— Борьбы, говоришь? Между петухом со шпорами и цыпленком, только что вылупившимся из яйца! Твою воинственность живо из тебя выбьют.

— Если бы ты попросил во имя милосердия, я бы сам дал тебе, что смог! — воскликнул Аллейн. — Но так — ни одного фартинга ты не получишь по моей доброй воле, а когда я увижусь с братом — он сокман Минстеда, — он сразу поднимет шум, слух о тебе пойдет из деревни в деревню, из округа в округ, и тебя, наконец, схватят как обыкновенного разбойника, потому что ты бич этих мест.

Изгой опустил дубинку.

— Брат сокмана? — проговорил он, задыхаясь. — Клянусь ключами святого Петра, да пусть бы лучше рука моя отсохла и язык отнялся, чем я бы ударил или изругал тебя. Если ты брат сокмана, тогда все будет в порядке, ручаюсь, хоть у тебя и поповский вид.

— Я брат ему, — повторил Аллейн. — Но если бы я не был им, разве это причина, чтобы убить меня на королевской земле?

— А я за короля и всех знатных господ яблочного зернышка не дам, — пылко крикнул крепостной, — столько зла я видел от них, и злом я отплачу им! Я верный друг своих друзей и, клянусь пресвятой Девой, жестокий враг тому, кто мне враг.

— Поэтому ты самый жестокий враг самому себе, — сказал Аллейн. — Прошу тебя, ведь ты, видимо, знаешь моего брата, так укажи мне самую короткую тропинку к его дому.

Крепостной только что хотел ответить, когда в лесу за их спиной пропел охотничий рожок, и Аллейн на мгновение увидел темный бок и белую грудь царственного оленя, промелькнувшего между дальними стволами деревьев. Через минуту из чащи выскочила стая косматых шотландских борзых — с десятков или полтора. Собаки бежали по свежему следу, опустив носы к земле и задрав хвосты. Когда они поравнялись с Аллейном, лес вдруг ожил и наполнился громкими звуками: топотом копыт, треском кустарника и короткими, резкими окриками охотников. Вплотную к стае собак скакали начальник охоты и псари, они гикали, торопя более вялых собак и подбадривая вожakov на том резком, полуфранцузском жаргоне, на котором говорили охотники и лесники. Аллейн все еще в удивлении глядел на них, слушая их громкие возгласы: «Ищи, Баярд», «Ищи, Померс», «Ищи, Лебри», — которыми они подгоняли своих любимых псов; но тут группа верховых, с треском ломая кусты, выскочила прямо к тому месту, где стояли он и крепостной.

Впереди ехал всадник лет пятидесяти — шестидесяти, загорелый, со следами многих боев и бурь. У него был высокий лоб мыслителя, а ясные глаза блестели из-под свирепо нависших бровей. Борода, в которой было уже много седых прядей, упрямо торчала вперед, выдавая страстность натуры, а удлинённое, с тонкими чертами лицо и твердо очерченный рот свидетельствовали о том, что среди троих это главный. Он держался прямо, по-солдатски, а в посадке была та небрежная грация, которая присуща людям, проводящим жизнь в седле. Будь он даже в обычном платье, его властное лицо и горящий взор выдали бы в нем человека, рожденного, чтобы править. А сейчас каждый, глядя на его шелковый камзол, усыпанный золотыми лилиями, на бархатный плащ, подбитый королевским горностаем, и на серебряных львов, украшавших сбрую его коня, безошибочно узнал бы в нем благородного Эдуарда, наиболее воинственного и могущественного в длинном ряду монархов-воинов, правивших англо-нормандским народом.

При виде короля Аллейн снял шапку и склонил голову, а крепостной сложил руки на своей дубинке, глядя отнюдь не с приязнью на группу дворян и свитских рыцарей, ехавших позади государя.

— На! — воскликнул Эдуард, натянув поводья своего мощного вороного — *Le cerf est passé? Non? Ici, Brocas; tu parles anglais.*

— Где олень, балбесы? — спросил человек с грубым смуглым лицом, ехавший возле короля. — Если вы его спугнули и он побежал обратно, вы поплатитесь ушами.

— Он прошел вон у той разбитой березы, — ответил Аллейн, указывая рукой, — собаки бежали за ним по пятам.

— Ну, хорошо, — воскликнул Эдуард, снова по-французски; ибо, хотя и понимал по-английски, но так и не научился выражаться на столь варварском и корявом языке. — Даю слово, сэры, — продолжал он, повернувшись в седле и обращаясь к своей свите, — или я не знаю лесной охоты, или это был самец в шесть тинов и самый лучший из всех, каких мы сегодня подняли. Золотое изображение Губерта тому, кто первый возвестит о смерти оленя!

Он тряхнул поводьями и с громом ускорился, а рыцари в надежде выиграть королевский приз,

припав к шеям своих коней, помчались вперед таким галопом, какого только могли добиться хлыстом и шпорой. Они ускакали по длинной зеленой просеке; мелькнули лошади, гнедые вороные и серые, всадники, одетые в бархат всевозможных оттенков, в меха и шелк, медные отблески на охотничьих рогах, вспышки ножей и копий... Задержался только один чернобровый барон Брокас; заставив коня сделать скачок, он очутился на расстоянии вытянутой руки от крепостного и вдруг стегнул его хлыстом по лицу.

— Шапку долой, пес, шапку долой, — прошипел он, — когда монарх достаивает взглядом такое ничтожество, как ты!

Затем пришпорил коня, ринулся в кусты и был таков, только сверкнули подковы да взлетели опавшие листья.

Крепостной принял жестокий удар молча, не отшатнулся, словно для него удар хлыста — право первородства и неизбежное наследие. Все же его взор загорелся и он яростно погрозил костистой рукой вслед удалявшемуся всаднику.

— Подлая гасконская собака, — пробормотал он, — будь проклят день, когда ты и твоя шайка ступили на землю свободной Англии! Я знаю твою конуру в Рошкюре. Настанет ночь, когда я сделаю над тобой и твоим семейством то, что ты и все твое сословие сотворили со мной и моими близкими. Пусть господь поразит меня, если я не уничтожу тебя, французский разбойник, твою жену и детей и все, что есть под крышей твоего замка!

— Остановись! — воскликнул Аллейн. — Не произноси имени господа твоего вместе с греховными угрозами. И все-таки это был удар труса, от него может закипеть кровь и развязаться язык у самого миролюбивого человека. Я поищу какие-нибудь лекарственные травы и приложу к твоему рубцу, чтобы уничтожить боль.

— Нет, есть только одно средство уничтожить ее, и будущее, может быть, его пошлет мне. Но послушай клирик, если ты хочешь повидать брата, тебе надо спешить: сегодня там сборище, и его дружки будут ждать его до того, как тени передвинутся с запада на восток. Прошу тебя, не задерживай его, ведь если все эти здоровенные молодцы окажутся на месте без главаря — будет очень худо. Я бы отправился с тобой, но, говоря по правде я уж тут расположился и не хотел бы двигаться с места. Вон та тропинка между дубом и колючками выведет тебя из леса на его поле.

Аллейн поспешно зашагал в направлении, указанном этим буйным и непокорным человеком, который остался в лесу на том же месте, где они встретились. Ему стало особенно тяжело не только от этой встречи, не только потому, что всякое проявление злобы и ненависти было невыносимо для его мягкой натуры, но и потому, что разговор о брате вызвал в нем тревогу; брат как будто являлся главарем какой-то шайки разбойников или вожаком какой-то партии, враждебной государству. Из всего, что он наблюдал до сих пор в мире, больше всего удивляла его и казалась наиболее странной именно та ненависть, которую, по-видимому, испытывал один класс к другому. Все речи работников, лесников и крепостного, которые он слышал в гостинице, были речами мятежников, а теперь назвали имя его брата, словно он был центром общего недовольства. Ведь и в самом деле, простой народ по всей стране уже устал от изысканных игр, которым рыцари предавались так долго за его счет. Пока рыцари и бароны являлись силой, охранявшей королевство, их еще можно было терпеть, но сейчас, когда всем людям стало известно, что великие битвы во Франции выиграны английскими йоменами и валлийскими копейщиками, военная слава — единственная, к которой когда-либо стремились всадники в стальных доспехах, как будто покинула их класс. Состязания и турниры в былые времена производили немалое впечатление на простой народ, но теперь победитель в тяжелых доспехах и пернатом шлеме уже не вызывал ни страха, ни почтения у людей, чьи отцы и братья стреляли при Креси или Пуатье и видели, что самое горделивое рыцарство во всем мире не способно противостоять оружию дисциплинированных крестьян. Мощь перешла в другие руки. Покровитель превратился в покровительствуемого, и вся феодальная система, пошатываясь, брела к гибели. Поэтому гневный ропот низших классов и постоянное недовольство, выливавшееся в местные беспорядки и нарушения законов, через несколько лет достигли своего предела в великом восстании Тайлера. То, что поразило Аллейна в Хампшире, открылось бы путнику в любом английском графстве, от Ла-Манша до границ Шотландии.

Аллейн шел по тропинке, и с каждым шагом, приближавшим его к родному дому, которого он никогда не видел, его дурные предчувствия росли; вдруг деревья начали редеть, лес сменился широкой зеленой луговиной, где в солнечных лучах лежало пять коров и свободно бродили стада черных свиней. Луговину пересекала быстрая лесная речка с бурой водой, через нее был переброшен грубо сколоченный мост, а на том берегу лежало другое поле покато спускавшееся к длинному, стоявшему в низине деревянному дому, покрытому соломой, и с

пустыми оконницами. Аллейн глядел на дом; юноша раскраснелся, глаза его заблестели — перед ним, несомненно, был отчий дом. Синий виток дыма поднимался над отверстием в соломенной крыше — это был единственный признак жизни, да еще огромный охотничий пес, который спал на цепи у входа. В золотистом свете осеннего солнца дом казался таким мирным и тихим, каким Аллейн нередко рисовал его себе в своих мечтах.

Однако приятные грезы юноши были нарушены чьими-то голосами: два человека вышли из лесу чуть справа от него и направились через поле в сторону моста. У одного была белокурая развевающаяся борода и длинные волосы до плеч такого же цвета; его платье из добротного сукна и уверенные манеры показывали, что это человек с положением, а темные тона одежды и отсутствие всяких украшений резко отличали его от королевской свиты с ее мишурным блеском. Рядом с ним шла женщина, высокая, с тонкой и грациозной фигурой и чистыми спокойными чертами лица. Ее волосы, черные, как вороново крыло, были собраны на затылке под легкий розовый колпачок, голова гордо сидела на стройной шее, шаг был длинный и упругий, как у дикого лесного существа, не ведающего усталости. Она держала перед собой согнутую в локте левую руку, обтянутую алой бархатной перчаткой, а на кисти сидел маленький коричневый сокол, взъерошенный и испачканный, и женщина на ходу поглаживала его и ласкала. Когда она вышла на солнечный свет, Аллейн увидел, что ее легкая одежда с темно-розовыми разрезами была с одной стороны, от плеча до подола, вся облеплена землей и мхом. Он стоял в тени дуба и смотрел на нее, не отрываясь, приоткрыв рот, ибо эта женщина казалась ему самым прекрасным и прелестным существом, какое способна создать фантазия. Такими он представлял себе ангелов и пытался их изобразить в монастырских служебниках, но здесь перед ним было уже нечто земное — хотя бы этот взъерошенный сокол и запачканное платье, при виде которого он ощущал такую нервную дрожь и трепет, каких никогда не смогли бы вызывать грезы о сияющих и незапятнанных духовных существах. Пусть добрую, тихую, терпеливую мать-природу презирают и поносят, но приходит время — и она прижимает к груди свое самое заблудшее дитя.

Мужчина и женщина быстро пересекли луговину, направляясь к мосту, он шел впереди, она — следом за ним, на расстоянии одного-двух шагов. У моста они остановились и простояли несколько минут, глядя друг на друга, занятые серьезным разговором. Аллейн и читал и слышал, что бывает любовь и любовники. Эти двое, без сомнения, были ими — золотобородый мужчина и молодая особа с холодным, гордым лицом. Иначе зачем им бродить вдвоем по лесу или так взволнованно беседовать у сельского ручья? Однако по мере того, как он наблюдал за ними, не зная, выйти ли ему из своего укрытия или найти другую тропинку к дому, он вскоре усомнился в справедливости своих первоначальных предположений. Мужчина, рослый и плечистый, загораживал вход на мост, он сопровождал свои слова нетерпеливыми, пылкими жестами, а в его бурном низком голосе иногда звучали угроза и гнев. Она бесстрашно стояла против него, все еще поглаживая птицу; однако дважды бросила через плечо быстрый вопрошающий взгляд, словно ища помощи. И молодой клирик был так взволнован этим немим призывом, что вышел из-за деревьев и пересек луговину, не зная, как ему быть, и вместе с тем не желая уклоняться, раз кто-то в нем нуждается. Но те двое были настолько заняты друг другом, что не заметили его приближения; и лишь когда он уже оказался совсем рядом с ними, мужчина грубо обхватил женщину за талию и притянул к себе, она же, напрягши свое легкое, упругое тело, отпрянула и в ярости ударила его, причем сокол в колпачке вскрикнул, поднял взъерошенные крылья и стал сослепу клевать куда попало, защищая свою госпожу; однако и птица и девушка едва ли могли бы справиться с нападавшим на них противником, а он, громко расхохотавшись, одной рукой сжал ее кисть, другой рванул девушку к себе.

— У самой красивой розы самые длинные шипы, — сказал он. — Тихо, малютка, а то я могу тебе сделать больно. Плати-ка сакскую пошлину на земле саксов, моя гордая Мод, за всю свою гордыню да жеманство.

— Ах вы грубиян! — прошипела она. — Низкий, невоспитанный мужик. Так вот каковы ваша заботливость и гостеприимство! Да я лучше выйду за клейменого раба с полей моего отца. Пустите, говорю... Ах, добрый юноша само небо послало вас. Заставьте его отпустить меня. Честью вашей матери прошу вас, защитите меня и заставьте этого обманщика отпустить меня!

— Я буду защищать вас с радостью, — ответил Аллейн. — Как вам не стыдно, сэр, удерживать эту девицу против ее воли?

Мужчина обратил к нему лицо — в его выразительности и ярости было что-то львиное. Этот человек с золотой гривой спутанных волос, пылающим синим взором и четкими чертами крупного лица показался Аллейну самым красивым на свете; и все же в выражении его лица было что-то до того зловещее и беспощадное, что ребенок или животное, наверное, испугались бы. Он нахмурился, его щеки вспыхнули, в глазах сверкнуло бешенство, выдававшее натуру буйную и неукротимую.

— Молодой дуралей! — воскликнул он, все еще прижимая к себе женщину, хотя вся ее съезжившаяся фигура говорила об ужасе и отвращении. — Лучше не суйся в чужие дела. Советую идти куда шел, иначе тебе же хуже будет. Эта маленькая шлюха со мной пришла и со мной останется.

— Лгун! — воскликнула женщина и, опустив голову вдруг яростно впиалась зубами в удерживавшую ее широкую смуглую руку.

Он отдернул руку с проклятием, а девушка вырвалась и скользнула за спину Аллейна, ища у него защиты, словно дрожащий зайчонок, который увидел над собой сокола, застывшего в воздухе перед тем, как ринуться на него.

— Убирайся с моей земли! — зарычал мужчина, не обращая внимания на кровь, капавшую с его пальцев. — Что тебе здесь нужно? Судя по одежде, ты, видно из тех проклятых клириков, которыми кишит вся страна, словно гнусными крысами, вы подглядываете, вы суετε свой нос в то, что вас не касается, вы слишком трусливы, чтобы сражаться, и слишком ленивы, чтобы работать. Клянусь распятием! Будь моя воля я бы прибил вас гвоздями к воротам аббатства. Ты, бритый, ведь не мужчина и не женщина. Возвращайся поскорее к своим монахам, пока я не тронул тебя, ибо ты ступил на мою землю и я могу прикончить тебя, как обыкновенного взломщика.

— Значит это ваша земля? — спросил Аллейн, задыхаясь.

— А ты намерен оспаривать это, собака? Может надеешься хитростью или обманом вышвырнуть меня с моих последних акров? Так знай же, подлый плут, что нынче ты осмелился встать на пути того, чьи предки были советниками королей и военачальниками задолго до того, как эта гнусная разбойничья банда норманнов явилась в нашу страну и послала таких ублюдков и псов, как ты проповедовать, будто вор вправе оставить за собой свою добычу, а честный человек совершает грех, если старается вернуть себе свою собственность.

— Значит, вы и есть Минстедский сокман?

— Да, я; и сын сокмана Эдрика, чистокровного потомка тана Годфри, и единственной наследницы дома Алюрика, чьи предки несли знамя с изображением белого коня в ту роковую ночь, когда наш щит был пробит и наш меч сломан. Заявляю тебе, клирик, что мой род владел этой землей от Брэмшоу-Вуд до Рингвудской дороги; и клянусь душой моего отца, будет весьма удивительно, если я позволю себя одурачить и отнять то небольшое, что осталось. Пошел отсюда, говорю тебе, и не суйся в мои дела.

— Если вы сейчас покинете меня, — зашептала ему на ухо женщина, — вам никогда уже не зваться мужчиной.

— Разумеется, сэр, — начал Аллейн, стараясь говорить как можно мягче и убедительнее, — если вы столь достойного происхождения, то и вести себя должны достойно. Я совершенно уверен, что вы в отношении этой дамы только пошутили и теперь разрешите ей покинуть ваши владения или одной, или в моем обществе, если ей понадобится в лесу провожатый. Что касается происхождения, то мне гордыня не подобает, и то, что вы сказали о клириках, справедливо, но все же правда состоит в том, что я не менее достойного происхождения, чем вы.

— Собака! — зарычал разъяренный сокман. — На всем юге нет ни одного человека, кто бы мог приравнять себя ко мне!

— И все же я могу, — возразил Аллейн, улыбаясь, — потому что я также сын сокмана Эдрика, я прямой потомок тана Годфри и единственной дочери Алюрика из Брокенхерста. Бесспорно, милый брат, — продолжал он, протягивая руку, — ты будешь приветствовать меня теперь теплее. Ведь осталось всего две ветви на этом старом-престаром сакском стволе.

Но старший брат с проклятием оттолкнул протянутую руку, и по его искаженному яростью лицу скользнуло выражение коварства и ненависти.

— Значит, ты и есть тот молокосос из Болье, — сказал он. — Я должен был догадаться раньше по твоему елейному лицу и подхалимским разговорам, тебя, видно, заездили монахи, и ты слишком труслив в душе, чтобы ответить резкостью на резкость. У твоего отца, бритоголовый, несмотря на все его ошибки, все же было сердце мужчины; и в дни его гнева немногие решались смотреть ему в глаза. А ты!.. Взгляни, крыса, на тот луг, где пасутся коровы, и вон на тот, подальше, и на фруктовый сад возле самой церкви. Известно ли тебе, что все это выжали из твоего умирающего отца жадные попы как плату за твое воспитание в монастыре?

Я, сокман, лишен моих земель, чтобы ты мог сюсюкать по-латыни и есть хлеб, ради которого пальцем не шевельнул. Сначала ты ограбил меня, а теперь являешься ко мне и начинаешь проповедовать и хнычешь и, может быть, присматриваешь еще одно поле для своих преподобных друзей. Мошенник! Да я на тебя свору собак спущу! А пока — сойди с моей дороги, чтобы я тебя в порошок не стер.

С этими словами он бросился вперед, отшвырнул юношу и снова схватил женщину за руку. Но Аллейн, быстро, как молодой охотничий пес, кинулся к ней на помощь, схватил за другую руку и поднял окованную железом палку.

— Говори что хочешь, — процедил он сквозь зубы, — может быть, я ничего лучшего и не заслужил, но клянусь надеждой на спасение моей души, что сломаю тебе руку, если ты не отпустишь девушку.

В его голосе зазвенела такая угроза и в глазах вспыхнул такой огонь, что было ясно: удар последует немедленно за словами. На миг кровь множества поколений пылких танов заглушила кроткий голос учения о кротости и милосердии. Аллейн почувствовал, как бурное упоение потрясло его нервы, а к сердцу прилила горячая радость, когда его истинное «я» на миг порвало путы навыков и воспитания, так долго сдерживавшие его. Брат отскочил, он озирался направо и налево, ища камень или палку, которые могли бы послужить ему оружием; не найдя ничего подходящего, он повернулся и помчался со всех ног к своему дому, в то же время свистя изо всех сил в свисток.

— Скорей! — задыхаясь, проговорила женщина. — Бежим, друг, пока он не вернулся.

— Ну нет, пусть вернется, — воскликнул Аллейн, — ни перед ним, ни перед его собаками я не отступлю ни на шаг!

— Скорей, скорей! — кричала она и потянула его за локоть. — Я знаю его: он вас убьет. Ради пресвятой Девы, скорей, ну хоть ради меня, я же не могу уйти и оставить вас здесь!

— Тогда пойдем, — согласился он, и они побежали вдвоем, желая укрыться в лесу.

Когда они достигли кустарника на опушке, Аллейн обернулся и увидел брата — тот снова выскочил из дома, и солнце золотило его голову и бороду. В правой руке у него что-то вспыхивало, и возле порога он наклонился, чтобы спустить черного пса.

— Сюда, — прошептала женщина с тревогой, — через кусты к тому ветвистому ясеню. За меня не бойтесь, я могу бежать так же быстро, как вы. А теперь — в ручей прямо в воду, до щиколоток, чтобы собака потеряла след, хотя, я думаю, она такая же трусливая, как и ее хозяин.

Тут женщина первая прыгнула в узкий ручей и быстро добежала до его середины; коричневая вода журчала заливая ей ноги, и она протянула руки к цепким ветвям ежевики и молодых деревьев. Аллейн следовал за ней по пятам, в голове у него все шло кругом после столь мрачного приема и крушения всех его планов и надежд. И все таки, как ни суровы были его размышления, он не мог не подивиться, глядя на мелькающие ноги его водительницы и на ее хрупкую фигурку. Девушка наклонялась то туда то сюда, ныряла под ветви, перепрыгивала с камня на камень с такой легкостью и ловкостью, что ему было очень трудно поспевать за ней. Наконец, когда он уже начал задыхаться, она, выйдя на мшистый берег, бросилась наземь между двумя кустами падубка и виновато посмотрела на свои мокрые ноги и запачканную юбку.

— Пресвятая Дева, — сказала она, — что же мне делать? Матушка меня на целый месяц запрет в моей комнате и заставит работать над гобеленом с изображением девяти храбрых рыцарей. Она уже обещала это сделать на прошлой неделе, когда я попала в болото, а вместе с тем она знает, что я терпеть не могу вышивания.

Аллейн, все еще стоявший в воде, посмотрел на грациозную бело-розовую фигурку, на извивы черных волос и на поднятое к нему гордое, выразительное лицо девушки, так доверчиво и открыто смотревшей на него.

— Лучше нам двинуться дальше, — сказал юноша, он может догнать нас.

— Не догонит. Теперь мы уже не на его земле, да и в таком огромном лесу он не сможет угадать, в какую сторону мы пошли. Но как вы... он же был в ваших руках... почему вы не убили его?

— Убить его? Моего родного брата?

— Почему бы и нет? — И ее зубы сверкнули. — Вас он же убил бы. Я знаю его и видела это по его глазам. Будь у меня такая палка, я бы попыталась, да и, наверное, мне удалось бы. — Она взмахнула стиснутой в кулак белой рукой и угрожающе сжала губы.

— Я и так в душе уже раскаиваюсь в том, что сделал, — сказал он, садясь рядом с ней и закрывая лицо руками. — Да поможет мне бог! Все, что есть во мне самого дурного, точно всплыло на поверхность. Еще минута — и я ударил бы его: сына моей матери, человека, которого я мечтал прижать к моему сердцу! Увы! Я все-таки оказался таким слабым!

— Слабым? — удивилась она, подняв черные брови. — Я думаю, что даже мой отец — а он очень строг в вопросах мужской отваги — не сказал бы этого про вас. Вы думаете, сэр, мне приятно слушать, как вы жалеете о содеянном вами; могу вам только посоветовать вернуться вместе со мной и помириться с этим сокманом, отдав ему вашу пленницу. Не досадно ли, что женщина, такое ничтожество, может встать между двумя мужчинами одной крови!

Простак Аллейн только глаза раскрыл, услышав этот внезапный взрыв женской горечи.

— Нет, госпожа, — ответил он, — это было бы хуже всего. Неужели нашелся бы мужчина столь низкий и трусливый, что не помог бы вам в беде? Я восстановил брата против себя, а теперь, увы, видимо, и вас оскорбил своими неловкими речами. Но уверяю вас, госпожа, я рвусь в обе стороны и едва могу понять, что же произошло.

— Да и я могу только дивиться, — сказала она с легким смешком. — Вы появляетесь, словно рыцарь в песнях жонглеров, и становитесь между девицей и драконом, а спрашивать и отвечать уже некогда. Пойдемте, — продолжала она, вскакивая и разглаживая смятое платье, — пойдемте вместе через рощу, может быть, мы встретим Бертрана с конями. Если бы у бедного Трубадура не слетела подкова, всей этой истории не случилось бы. Нет, я хочу опереться на вашу руку: теперь, когда все благополучно кончилось, я чувствую такой же страх, как и мой храбрый Роланд. Посмотрите, как тяжело он дышит, его перышки взъерошены. Мой маленький рыцарь не допустит, чтобы его даму обидели.

Она продолжала болтать, обращаясь к своему соколу, а Аллейн шагал рядом с ней и время от времени поглядывал украдкой на эту царственную и своенравную женщину. Затем она смолкла, и они продолжали свой путь по бархатистой торфяной почве, все углубляясь в огромный Минстедский лес, где старые, покрытые лишайниками буки бросали черные круги теней на озаренную солнцем траву.

— И вам не хочется послушать мою историю? — спросила она наконец.

— Если вам угодно будет рассказать ее, — ответил он.

— О, — воскликнула она, покачав головой, — если это так мало вас интересует, отложим до другого раза!

— Да нет, — горячо возразил он, — мне очень хочется послушать ее.

— И вы имеете право на это, ведь вы из-за нее потеряли благосклонность брата. И все-таки... Впрочем, насколько я понимаю, вы клирик, и мне следует видеть в вас духовное лицо и говорить с вами как с духовником. Так знайте же, что ваш брат хотел, чтобы я стала его женой. Не столько из-за моих достоинств, сколько потому, что этот человек корыстолюбив и надеялся приумножить свое состояние, запустив руку в железный сундук моего отца — хотя пресвятой Деве известно, как мало он там нашел бы. Но отец — человек гордый, он доблестный рыцарь и испытанный воин, потомок одного из старейших родов, и для него этот человек из простой семьи и низкого происхождения... О, я глупая! Я же забыла, что он ваш брат!

— Ничего, не беспокойтесь на этот счет, — сказал Аллейн, — все мы дети одной праматери — Евы!

Ручьи могут течь из одного источника, и все же иные бывают чистыми, а иные мутными, — торопливо пояснила она. — Короче говоря, мой отец отверг все его искательства, не хотела выходить за него и я. Тогда он поклялся отомстить, и так как он известен как человек опасный и всегда окружен всякими негодьями, отец запретил мне охотиться с соколом и без сокола в любой части леса к северу от Крайстчерчской дороги. Однако случилось так, что нынче утром мы спустили моего маленького Роланда, и он полетел за крупной цаплей, а мы с моим пажем Бертраном поскакали следом, в мыслях у нас была только охота, и мы не заметили, как

очутились в Минстедских лесах. Это бы не беда, но мой конь Трубадур напоролся копытом на острый сук, заржал и сбросил меня наземь. Взгляните на мое платье, это уже третье, которое я испачкала за неделю. Горе мне, когда моя камеристка Агата его увидит.

— А что же было дальше, госпожа? — осведомился Аллейн.

— Ну, Трубадур умчался — я, падая, наверно, задела его шпорами, — а Бертран погнался за ним изо всех сил. Когда я поднялась с земли, рядом со мной оказался ваш брат собственной особой. Он заявил, что я нахожусь на его земле, но говорил при этом столь вежливые слова и вел себя так галантно, что убедил меня пойти к нему под гостеприимный кров его дома и там ждать возвращения паж. Милостью святой Девы и заступничеством покровительницы моей, святой Мандалины, я решительно остановилась перед дверью его дома, хотя, как вы видели, он старался затащить меня к себе. А потом — ух... — Она съежилась и задрожала, точно в приступе лихорадки.

— Что случилось? — воскликнул Аллейн, тревожно озираясь.

— Ничего, мой друг ничего! Я просто вспомнила, как укусила ему руку. Я бы охотнее укусила живую жабу или ядовитую змею! Я теперь возненавижу навсегда свои губы! А вы, как смело вы действовали и как быстро! Как вы кротки, когда дело касается вас самих!.. Как отважно защищаете другого! Будь я мужчиной, я бы очень хотела поступать, как вы.

— Это пустяки, — ответил он, испытывая тайный трепет от похвалы своей спутницы. — Ну а вы, что же вы намерены делать?

— Неподалеку отсюда есть огромный дуб, я думаю, что Бертран приведет туда лошадей. Там обычно встречаются охотники, это давно известное место. А потом поеду домой, и уж сегодня никакой соколиной охоты больше не будет. А пока мы проскачем галопом двенадцать миль, все просохнет — и ноги и платье.

— А ваш отец?

— Ни слова я ему не скажу. Вы его не знаете. Верно одно: он не такой своевольный и не поступил бы, как я. Конечно, он стал бы мстить за меня. Однако не к нему я обращаюсь за этим. Какой-нибудь рыцарь на рыцарском поединке или на турнире, быть может, пожелает носить мои цвета, и я тогда скажу ему, что, если он в самом деле жаждет добиться моей благосклонности, есть неотмщенная обида и обидчик — сокман из Минстеда. Так мой рыцарь получит возможность выказать доблесть, как это любят отважные рыцари, мой долг будет уплачен, отец ничего не узнает, а одним негодяем на свете станет меньше. Скажите, разве это не честный план?

— Нет, госпожа, он недостоин вас. Как может такая женщина, как вы, помышлять о насилии и мести? Ведь кто-то должен быть мягким и добрым, жалеть и прощать? Увы! Этот мир — суровый, жестокий мир, и лучше бы мне не выходить из своей монастырской кельи. Когда подобные слова произносят такие уста, мне чудится, будто ангел милосердия проповедует учение дьявола.

Она рванулась в сторону, словно жеребенок, впервые почувствовавший удила.

— Благодарю вас за вашу речь, молодой господин, — сказала она с легким реверансом, — я отлично понимаю вас, вы глубоко огорчены тем, что встретили меня, и видите во мне служительницу дьявола. Мой отец — тяжелый человек, когда разгневается, но он никогда еще так не обзывал меня. Может быть, это было бы его правом и обязанностью, но, во всяком случае, не вашими. Поэтому, раз вы столь дурного мнения обо мне, лучше всего, если вы свернете на ту тропинку слева, а я пойду дальше по этой; ведь ясно, что я для вас компания неподходящая.

И, опустив веки, она с достоинством, несколько не соответствовавшим ее испачканной юбке, быстро заскользила по грязной тропе, а Аллейн растерянно смотрел ей вслед. Тщетно ждал он, что она обернется или замедлит шаг, — она продолжала свой путь, сурово выпрямившись, и вскоре настолько удалилась, что ее белое платье едва мелькало среди листвы. Тогда, поникнув головой, с тяжелым сердцем, он уныло побрел по другой тропе, браня себя за то, что своей грубостью и неловкостью оскорбил ее, хотя меньше всего на свете хотел этого.

Так шел он некоторое время, смущенный, упрекая себя, его душа трепетала от нахлынувших на него новых мыслей, страхов и удивительных чувств, когда позади него чуть зашуршали листья; он обернулся и увидел опять это грациозное, легконогое создание — девушка шла за ним по пятам, склонив, как и он, гордую головку воплощенное смирение и раскаяние.

— Я не буду обижать вас, даже слова не промолвлю, — сказала она. — Но я вынуждена быть подле вас, пока мы в лесу.

— Нет, вы не можете меня обидеть, — ответил он, снова согретый уже тем, что видит ее. — Это мои грубые слова обидели вас, но я провел жизнь среди мужчин и, право же, при всем желании едва умею смягчать свою речь ради слуха дамы.

— А тогда откажитесь от своих слов, — поспешно предложила она, — признайтесь, что я была права, когда желала, чтобы вы отомстили.

— Нет, я не могу этого сделать, — ответил он решительно.

— Кто же тогда груб и жесток? — торжествующе воскликнула она. — Как вы холодны и суровы, хотя так молоды! Верно, вы не просто клирик, а какой-нибудь епископ либо по крайней мере кардинал. Вам бы иметь не обычную палку, а епископский посох и не шапку, а митру. Да уж ладно, ладно, ради вас я прощаю вашего брата и буду мстить только самой себе за своеволие. Вечно я попадаю в опасные положения. Это вас удовлетворит, сэр?

— Вот теперь говорит ваша истинная сущность, — ответил он, — и вам даст больше радости такое прощение, чем любая месть.

Она покачала головой, словно вовсе не была в этом уверена, а затем слегка вскрикнула, но в ее голосе было больше удивления, чем удовольствия:

— А вон и Бертран с лошадьми!

По склону спускался одетый в зеленое мальчишка паж, его глаза сияли, длинные кудри развевались. Он сидел на высоком гнедом коне и вел на поводу горячую серую лошадь под дамским седлом; бока у обоих животных лоснились от пота после долгой скачки.

— Я везде искал вас, дорогая леди Мод, — сказал паж тонким голоском, соскочив с седла и держась за стремя. — Трубадур умчался, и только у самого Холмхилла мне удалось поймать его. Надеюсь, вы целы и невредимы?

При этом он вопросительно взглянул на Аллейна.

— Да, Бертран, — отозвалась она, — благодаря этому любезному незнакомцу. А теперь, сэр, — продолжала она, вскакивая в седло, — нехорошо, если я расстанусь с вами, ничего не добавив. Клирик вы там или нет, но вы вели себя сегодня, как истинный рыцарь. Сам король Артур и весь его Круглый стол не смогли бы сделать больше. Может быть, и отец или его родственники хотя бы в виде маленькой благодарности будут иметь возможность защитить ваши интересы. Он, правда, небогат, но его уважают, и у него есть могущественные друзья. Скажите мне, каковы ваши намерения, и посмотрим, не сможет ли он оказать вам поддержку.

— Увы, госпожа, о каких намерениях теперь может быть речь? Есть у меня на свете всего два друга, они направились в Крайстчерч, там я, вероятно, и нагоню их.

— А где находится Крайстчерч?

— Поблизости от замка, принадлежащего храброму сэру Найджелу Лорингу, коннетаблю герцога Солсберийского.

К его удивлению, она звонко расхохоталась, дала шпоры коню и поскакала вдоль просеки, а паж последовал за ней. Она не произнесла ни слова, но, уже скрываясь среди деревьев, слегка обернулась и на прощание помахала ему рукой. Долго стоял он, не двигаясь, в надежде, что она все-таки вернется; однако топот копыт смолк, и в лесу воцарилась глубокая тишина, которую нарушал только легкий шелест и шорох опадающих листьев. Наконец Аллейн повернулся и направился к большой дороге — это был теперь другой человек, а совсем не тот беззаботный юноша, свернувший с дороги всего каких-нибудь три часа назад.

Глава X

Как Хордл Джон встретил человека, за которым готов был бы пойти

Аллейн не мог в течение года возвратиться в Болье, а если бы он показался в окрестностях Минстеда, то рисковал бы тем, что брат спустит на него свору собак. Поэтому юноша действительно чувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Он мог повернуть на север, на юг, восток и запад, куда угодно, — всюду его ждало холодное и унылое одиночество. Правда, аббат положил на дно его сумы десять серебряных крон, завернув их в листья латука. Но разве на них проживешь целых долгих двенадцать месяцев! Во всем этом мраке была только одна светлая точка — его верные товарищи, с которыми он расстался утром; и если ему удастся снова отыскать их, все будет хорошо. За день произошло много приключений, но до заката еще было далеко. Когда человек в пути с рассвета, за день можно многое сделать. Если Аллейн пойдет очень быстро, он успеет нагнать своих друзей раньше, чем они доберутся до места. Поэтому он двинулся дальше, то шагом, то бегом. Во время отдыха он догрыз корку, оставшуюся от монастырского хлеба, и запил ее водой из лесного ручья.

Нелегко и непросто было пробираться через огромный лес, тянувшийся с востока на запад, на двадцать миль, а с севера на юг, от Брэмшоу до Лимингтона, на добрых шестнадцать. Однако Аллейну повезло, он нагнал лесника с топором на плече, шагавшего в том же направлении. Следуя за лесником, Аллейн миновал Болдервуд-Уок, известный своими старыми ясенями и тисами, прошел через Марк-Эш с его гигантскими буками и через найтвудские рощи, где какой-нибудь дуб-великан казался просто высоким деревом и лишь одним из своих многочисленных статных братьев. Лесник и Аллейн шагали бок о бок, только изредка переговариваясь, ибо в своих размышлениях были далеки друг от друга, как полюсы. Крестьянин иногда начинал болтать об охоте, о барсуках, о сероголовых коршунах, вивших гнезда в Вуд-Фидлее, и об огромном улове сельди, который привезли рыбаки в лодках с Питтс-Дип. Но мысли молодого клирика были заняты братом, собственным будущим, а больше всего этой странной, неистовой и нежной женщиной, столь внезапно ворвавшейся в его жизнь и столь же внезапно из нее исчезнувшей. Он был настолько рассеян и отвечал так невпопад, что лесник начал что-то насвистывать и вскоре свернул на тропу, которая вела в Берли, оставив Аллейна одного на большой дороге в Крайстчерч.

И юноша двинулся по ней дальше со всей быстротой, на какую был способен, надеясь, что с любого поворота, с любой горки вот-вот увидит своих утренних спутников. Между Винни Риджем и Ринфилд-Уоком леса становятся особенно густыми и глухими и подступают к самой дороге, но вдаль открываются широкие серовато-коричневые торфяные пустоши, на которых темными пятнами выделяются отдельные купы деревьев; эти пустоши поднимаются друг над другом удлиненными изгибами и тянутся до темной линии более далеких лесов. Тучи насекомых плясали, жужжа, в золотистом свете осени, воздух был полон птичьим писком и пением. Крупные, поблескивающие стрекозы проносились над дорогой или висели над ней, трепеща крыльями и сверкая тельцами. Однажды морской орел с белой шеей, клекоча, проплыл в небе над головой Аллейна, стайка коричневых дроф высунулась из кустов и, то вспархивая, то неловко ковыляя, снова скрылась с пронзительным писком и хлопаньем крыльев.

Попадались ему на большой дороге и люди — нищие и гонцы, коробейники и лудильщики, по большей части веселый народ: для каждого, в том числе и для Аллейна, у них находились и соленая шутка и дружеское приветствие. Поблизости от Шотвуда он нагнал пятерых моряков, они шли из Пула в Саутгемптон — суровые краснолицые парни; эти моряки обратились к нему на жаргоне, который он понимал с трудом, и предложили ему выпить из большого кувшина, из которого только что пили сами, и не хотели отпускать, пока он не зачерпнул содержимое кувшина своей жестяной кружкой; сделав глоток, юноша чуть не задохнулся, раскашлялся, по щекам его побежали слезы.

Затем он встретил коренастого мужчину верхом на гнедой лошади; в правой руке мужчина держал четки и длинный двуострый меч, звякавший об его железное стремя. По черной одежде и восьмиконечному кресту на рукаве Аллейн узнал в нем одного из рыцарей-госпитальеров, чей орденский дом находился в Бадсли. Проезжая мимо, рыцарь поднял два пальца и сказал: «Benedico, fili mi». Аллейн снял шапку и преклонил колено, глядя с глубоким почтением на человека, посвятившего свою жизнь борьбе с неверными. Бедный простодушный юноша еще не знал, что между тем, за кого человек выдает себя, и тем, каков он на самом деле, существует огромная разница и что госпитальеры завладели немалой частью богатств злополучных тамплиеров, были слишком избалованы и вовсе не собирались менять свои дворцы на походные палатки, и винные подвалы Англии — на безводные пустыни Сирии. Но порой неведение драгоценнее мудрости, ибо Аллейн, шагая дальше, утверждался в мыслях о

возвышенной духовной жизни: он рисовал себе, чем ради нее пожертвовал этот человек, и укреплял свою душу его примером, хотя едва ли стал бы это делать, если бы знал, что госпитальер больше думает о мальвазии, чем о мамелюках, и об оленине, чем о победах.

В окрестностях Виверли-Уок поля снова сменились лесами, а с юга стала подниматься большая туча, сквозь края которой просвечивало солнце; затем звонко шлепнулось на дорогу несколько крупных капель, и прошумел короткий ливень, капли падали попеременно с листьями. Аллейн, озираясь в поисках убежища, увидел густые и высокие кусты падуба, они образовали как бы навес, и земля под ним была так суха, что суше не могло бы быть и в доме. Под этим навесом уже сидели на корточках двое, и они махали Аллейну, чтобы он присоединился к ним. Приблизившись, он увидел, что перед ними лежат пять сухих селедок, большая краюха пшеничного хлеба и стоит кожаная фляга с молоком; но незнакомцы, вместо того, чтобы приступить к еде, как будто совсем забыли о ней: раскрасневшись и размахивая руками, сердито спорили они о чем-то. По одежде и повадкам в них нетрудно было узнать странствующих студентов, которых в те времена было полным-полно в каждой европейской стране. Один был долговяз и тощ, с меланхолическим выражением лица, другой — жирен и гладок, говорил очень громко и имел вид человека, не терпящего возражений...

— Поди сюда, добрый юноша, — воскликнул он, — поди сюда! *Vultus ingenui puer*. Пусть тебя не пугает лицо моего дорогого родственничка. *Foenum habet in cornu*, как сказал поэт Гораций; но все же ручаюсь, что он вполне безобиден.

— Заткни свою глотку! — воскликнул другой. — Уж если дело дошло до Горация, то мне вспоминается другая строка: *Loquaces si sapiat!* — неплохо? А по-английски это значит: человек разумный должен-де избегать болтунов. Но если бы все люди были разумными, то ты оказался бы печальным исключением.

— Увы, Дайкон, боюсь, что твоя логика так же слаба, как твоя философия или твое богословие. Ей-богу, трудно хуже защищать свое утверждение, чем это делаешь ты. Слушай: допустим, *propter argumentum*, что я болтун, тогда правильный вывод такой: все должны избегать меня, а ты не избегаешь и в настоящую минуту поедаете вместе со мной селедки под кустами, *ergo*, человек ты неразумный, а я как раз об этом и жужжу в длинные твои уши с тех пор, как смотрю на твои тощие щеки.

— Ах вот как! — воскликнул его товарищ. — Язык у тебя работает не хуже мельничного колеса! Подсаживайся, друг, и возьми селедку, — обратился он к Аллейну, — но сначала заметь себе, что с этим связаны особые условия.

— А я-то надеялся, — сказал Аллейн, впадая в тот же шутливый тон, — что с этим связаны ломоть хлеба и глоток молока.

— Только послушай его, только послушай! — воскликнул толстый коротышка. — Вот как дело обстоит, Дайкон! Остроумие, парень, все равно что зуд или потница. Я распространяю его вокруг себя, это точно аура. Говорю тебе, кто бы ни приблизился ко мне на расстояние семнадцати шагов, в него попадет искра. Взгляни хотя бы на самого себя. Более унылого человека я не встречал, однако за одну неделю и ты изрек три вещи, которые звучат нехудо, да еще одну — в тот день, когда мы покинули Фордингбридж, и от которой я и сам не отказался бы.

— Довольно, трещотка несчастная, довольно! — остановил его другой. — Молоко ты, друг, получишь и хлеб тоже вместе с селедкой, но ты должен рассудить нас беспристрастно.

— Если он возьмет селедку, то должен судить беспристрастно, мой премудрый собрат, — заявил толстяк. — Прошу тебя, добрый юноша, скажи нам, ученый ли ты клирик, и если да, то где ты учился — в Оксфорде или в Париже.

— Кое-какой запас знаний у меня есть, — ответил Аллейн, берясь за селедку, — но ни в одном из этих мест я не был. Меня воспитали монахи-цистерцианцы в аббатстве Болье.

— Фу! Фу! — воскликнули студенты в один голос. — Что это за воспитание?

— *Non cuivis contingit adire Corinthum*, — пояснил Аллейн.

— А знаешь, брат Стефан, кой-какая ученость у него есть, — сказал меланхолик бодрее. — И он может оказаться вполне справедливым судьей, ибо ему незачем поддерживать одного из нас. Теперь внимание, дружище, и пусть твои уши работают так же усердно, как твоя нижняя челюсть. *Iudex damnatur* — ты знаешь это древнее изречение. Я защищаю добрую славу ученого Дунса Скотта против дурацких софизмов и убогих, нелепых рассуждений Уилли

Оккама.

— А я, — громко заявил другой, — защищаю здравый смысл и выдающуюся ученость высокоумного Уильяма против слабоумных фантазий грязного шотландца, который завалил крошечный запас своего ума такой грудой слов, что этот ум исчез в них, словно одна капля гасконского в бочонке воды. Сам Соломон не мог бы объяснить, что этот мошенник имеет в виду.

— Конечно, Стефен Хэпгуд, такой мудрости недостаточно! — воскликнул другой. — Это все равно, как если бы крот стал бунтовать против утренней звезды оттого, что не видит ее. Но наш спор, друг, идет о природе той тончайшей субстанции, которую мы называем мыслью. Ибо я вместе с ученым Скоттом утверждаю, что мысль в самом деле есть нечто подобное пару, или дыму, или многим другим субстанциям, по отношению к которым наши грубые телесные очи слепы. Видишь ли, то, что производит вещь, само должно быть вещью, и если человеческая мысль способна создать написанную книгу, то сама эта мысль должна быть чем-то материальным, подобно книге. Понятно ли, что я хочу сказать? Выразиться ли мне яснее?

— А я считаю, — крикнул другой, — вместе с моим достопочтенным наставником *doctor preclarus et excellentissimus*, что все вещи суть только мысли; ибо когда исчезнет мысль, скажи, прошу тебя, куда денутся вещи? Вот вокруг нас деревья, и я вижу их оттого, что мыслю о том, что вижу их. Но если я, например, в обмороке, или сплю, или пьян, то моя мысль исчезает, и деревья исчезают тоже. Ну что, попал я в точку?

Аллейн сидел между ними и жевал хлеб, а они, перегибаясь через его колени, спорили, покрасневшись и размахивая руками в пылу доказательств. Никогда не слышал он такого схоластического жаргона, таких тончайших дистинкций, такой перестрелки большими и меньшими посылками, силлогизмами и взаимными опровержениями. Вопрос гремел об ответ, как меч о щит. Древние философы, отцы церкви, современные мыслители, священное писание, арабы — всем этим каждый стрелял в противника, а дождь продолжал идти, и листья падубов стали темными и блестящими от сырости. Наконец толстяк, видимо, умаялся, ибо тихонько принялся за еду, а его оппонент, точно петух-победитель, сидящий на навозной куче, прокукарекал в последний раз, выпустив целый залп цитат и выводов. Однако его взгляд вдруг упал на пищу, и он издал вопль негодования.

— Ты вор вдвойне! — заорал он. — Ты слопал мои селедки, а у меня с самого утра во рту маковой росинки не было.

— Вот это и оказалось моим последним доводом, — пояснил сочувственно его товарищ, — моим завершающим усилием, или *peroratio*, как выражаются ораторы. Ибо если все мысли суть вещи, то тебе достаточно подумать о паре селедок, а потом вызвать таким же заклинанием кувшин молока, чтобы их запить.

— Честное рассуждение, — воскликнул другой, — и я знаю на него только один ответ. — Тут он наклонился и громко шлепнул толстяка по розовой щеке. — Нет, не обижайся, — сказал он, — если вещи — это лишь мысли, то и пощечина — только мысль и в счет не идет.

Однако последний довод отнюдь не показался убедительным ученику Оккама, он поднял с земли большую палку и стукнул реалиста по макушке. К счастью, палка оказалась столь гнилой и трухлявой, что разлетелась в щепки; однако Аллейн предпочел оставить товарищей вдвоем — пусть решают свои споры как хотят, да и солнце снова засияло. Идя по размытой дождем дороге, он оглянулся и увидел, что студенты снова размахивают руками и кричат друг на друга, но вскоре их речи перешли в неясное бормотание, а затем дорога повернула, и спорившие исчезли из глаз.

Когда он миновал Холмслей-Уок и Вутон-Хит, чаща начала редеть, между полосами леса показались пшеничные поля и широкие пастбища. То там, то здесь возле дороги он видел маленькие группы хижин, в дверях стояли работники без шапок, по земле ползали краснощекие дети. А среди рощ выступали двускатные соломенные крыши — там были дома землевладельцев, на чьих полях эти люди батрачили, но чаще местоположение этих домов выдавали столбы черного, густого дыма, свидетельствовавшие о примитивном благосостоянии хозяев.

Аллейн достиг границы лесного края, и, следовательно, теперь и до Крайстчерча было уже недалеко. Солнце низко стояло над горизонтом, и его лучи полого лежали на широко раскинувшихся, ярко зеленеющих полях; они озаряли и белорунных овец и коров, которые бродили по колено в сочном клевере, отбрасывая длинные тени. И как же был рад наш путник, увидев высокую башню Крайстчерчского монастыря, рдевшую в мягком вечернем свете! Он был еще более рад, обнаружив за поворотом своих утренних товарищей, которые сидели

верхом на поваленном дереве. Перед ними на земле было ровное местечко, и они бросали на него кубики костей и настолько увлеклись этим занятием, что, когда он подошел, даже не подняли глаз. Оказавшись поблизости, он с удивлением заметил, что лук Эйлварда висит на спине Джона, меч его — у Джона на боку, а стальной шлем надет на пенек, торчащий между ними.

— Mort de ma vie! — заорал лучник, глядя вниз, на кости. — Никогда еще так не проигрывал! Чуму на эти костяшки! Ни одного счастливого броска с тех пор, как я уехал из Наварры. Один и три! Вперед, camarade!

— Четыре и три! — крикнул Джон в ответ, считая на своих огромных пальцах. — Это выходит семь. Эй, лучник, я выиграл твой шлем! А теперь ставь на куртку!

— Mon Dieu! — прорычал тот. — Я, кажется, явлюсь в Крайстчерч в одной сорочке. — Затем, случайно подняв глаза, изумился: — Holà, боже праведный, да это же наш cher petit. Клянусь моими десятью пальцами, рад тебя видеть!

Он вскочил и порывисто обнял Аллейна, а Джон, как сакс, более сдержанный в проявлениях своих чувств, стоял на обочине, ухмыляясь, тоже довольный и веселый; только что выигранный шлем сидел задом наперед на его рыжей голове.

— Зря ходил? — продолжал восклицать Эйлвард, радостно поглаживая плечи и руки Аллейну. — Теперь уж останешься с нами?

— Я больше всего на свете хотел бы этого, — отозвался тот, чувствуя, как слезы выступают у него на глазах от такой сердечной встречи.

— Хорошо сказано, парень! — воскликнул Большой Джон. — Мы все трое отправимся на войну, а аббата из Болье пусть черт заберет! Но у тебя ноги и штаны все в грязи. По-моему, ты лазил в воду, или я ошибаюсь?

— Это правда, лазил, — ответил Аллейн, и затем, когда они пустились в путь, он поведал им со всеми подробностями обо всем, что с ним приключилось: о крепостном, о появлении короля, о встрече с братом, о его враждебности и о прекрасной девице. Лучник и Джон шагали по обе стороны от него, каждый обратив к нему одно ухо, но не успел он кончить свое повествование, как лучник вдруг круто повернул и гневно поспешил обратно по дороге, по которой они пришли.

— Куда же вы? — спросил Аллен, припустившись за ним и хватая его за полу куртки.

— Я возвращаюсь в Минстед, парень.

— А зачем? Какой в этом смысл?

— Чтобы всадить горсть стали в твоего сокмана! Как? Тащить к себе девицу против ее желания, а потом спустить собак на родного брата? Оставь меня, я пойду!

— Нет же, нет! — воскликнул Аллейн, смеясь. — Никакого вреда он девушке не причинил. Вернитесь, друг...

И так, то подталкивая его, то уговаривая, юноше удалось снова повернуть лучника лицом к Крайстчерчу. Все же тот шел, насупившись, и, лишь увидев какую-то девицу возле придорожного колодца, снова заулыбался, и мир сошел в его сердце.

— Ну а вы, — спросил Аллейн, — у вас тоже произошли какие-то перемены? Почему работник сам не несет свою насть? Где же лук, и меч, и шлем, и почему у тебя, Джон, такой воинственный вид?

— Это все игра, которой меня научил наш друг Эйлвард.

— И он оказался чересчур способным учеником, — пробурчал лучник. — Он обчистил меня так, будто я попал в руки грабителей. Но, клянусь эфесом, ты должен мне все вернуть, приятель, иначе ты вызовешь у людей недоверие к моей миссии, а я заплачу тебе за оружие по цене оружейников.

— Получай, друг, не заикайся о плате, — сказал Джон. — Просто захотелось испытать, что чувствует человек, когда он вооружен, ведь и мне предстоит носить подобные штуки.

— Ma foi! Он рожден для Отряда! — воскликнул Эйлвард. — И ловко умеет заговаривать зубы и

убеждать. А мне в самом деле как-то не по себе, когда мой тисовый лук не трется о мое бедро. Однако взгляните, mes garçons, вон на ту квадратную темную башню неподалеку от церкви. Это и есть замок герцога Солсберийского, и мне кажется, я даже отсюда вижу на флаге красного сайгака Монтекьютов.

— Да, красное на белом, — подтвердил Аллейн, прикрывая глаза ладонью, — но сайгак это или нет, поручиться не могу. Как черна огромная башня, и как ярко блестит герб на стене! Посмотрите, под флагом что-то сверкает, словно звезда!

— Ну, это стальной шлем часового, — пояснил лучник. — Но нам надо спешить, если мы хотим быть там до того, как протрубят вечернюю зорю и поднимут мост; очень возможно, что сэр Найджел, этот прославленный воин, и в стенах замка требует строгой дисциплины и туда никто не смеет войти после заката солнца.

Он зашагал быстрее, и трое друзей вскоре очутились на улицах городка, широко раскинувшегося вокруг горделивой церкви и сумрачного замка.

Случилось так, что в тот же вечер сэр Найджел Лоринг, поужинав по обыкновению еще засветло и убедившись, что два его боевых коня, тринадцать полукровок, пять испанских лошадей, три дамских верховых лошади и рослый, серый в яблоках жеребец накормлены и ухожены, позвал собак и вышел на вечернюю прогулку. Собак было шестьдесят или семьдесят, больших, маленьких, сытых и тощих — шотландские борзые, гончие, ищейки, овчарки, английские доги, волкодавы, терьеры, спаниели... Все что-то хватало, визжали, скулили — целый хор собачьих голосов, высунутые языки, помахивающие хвосты, и все это двигалось по узкой дороге, которая вела от туинхэмской псарни к берегу Эйвона. Двое слуг в красновато-коричневой одежде псарей шли в самой гуще своры, направляя ее, сдерживая и подбадривая щелканьем бича и громкими окриками. Позади следовал сам сэр Найджел, ведя под руку леди Лоринг; пара шла медленно и спокойно, как и подобало их возрасту и положению; улыбаясь одними глазами, они наблюдали за собачьей свалкой впереди них. Дойдя до моста, они остановились, оперлись локтями на каменную балюстраду и стали разглядывать свои лица, отражавшиеся в зеркальной воде, а также форелей, быстрыми зигзагами сновавших над рыжеватым дном.

Сэр Найджел был на вид человеком хрупким и невзрачным, с тихим голосом и мягкими движениями. Он настолько не вышел ростом, что даже его супруга, которую никак нельзя было назвать высокой, превосходила его на три пальца. Его наружность пострадала еще во время первых битв, в которых он участвовал: когда он через брешь в стене Бержерака вел на приступ людей герцога Дерби, тут-то на сэра Найджела и вывалили корзину извести; с тех пор он стал сутулиться и, щурясь, всегда словно вглядывался во что-то. Ему было сорок шесть лет, но благодаря постоянным упражнениям с оружием он сохранил подвижность и необычайную выносливость, так что издали казался стройным, легким и живым, словно мальчик. Однако цвет лица у него был тусклый, с желтизной, взгляд суровый и рассеянный, что свидетельствовало о тяжелых трудах под открытым небом; в маленькой остроконечной бороде, которую он носил, следуя тогдашнему обычаю, поблескивало немало седых прядей. Черты лица были мелкие, правильные, изящные, нос строгих очертаний, с горбинкой, глаза слегка нависают. Одежда его отличалась простотой и вместе с тем щеголеватостью. Фландрская шляпа из шкурки бобра с изображением пресвятой Девы Эмбрунской была резко сдвинута влево, чтобы скрыть изувеченное ухо, половину которого ему отхватил солдат-фламандец в пылу битвы под Турне. Его штаны и кафтан были фиолетового цвета, рукава с длинными манжетами свисали ниже колен. Красные кожаные туфли, элегантно заостренные, все же не отличались той экстравагантной длиной, как это вошло в моду при следующем царствовании. Талию стягивал расшитый золотом рыцарский пояс с гербом сэра Найджела — пять роз по серебряному полю, искусно выгравированные на пряжке. Таким стоял сэр Найджел Лоринг на Эйвонском мосту и непринужденно беседовал со своей супругой.

Если бы не было видно ничего, кроме этих лиц, и чужеземца спросили, какое из двух могло скорее принадлежать отважному воину, которого почитают в Европе самая грубая солдатня, он, наверное, указал бы на лицо женщины. Оно было широкое, квадратное и красное, с мохнатыми, свирепыми бровями и взглядом, как у тех, кто привык властвовать. Леди Лоринг была выше и крепче мужа. Свободная одежда из сендаля и обшитая мехом накидка не могли скрыть костистой и неженственной фигуры. Но то была эпоха воинственных женщин. Деяния Черной Агнес из Дэнбара, леди Солсбери и графини де Монфор еще жили в памяти общества. Имея перед собой такие примеры, супруги английских военачальников стали не менее воинственными, чем их мужья, и в их отсутствие командовали в своих замках с осмотрительностью и строгостью многоопытных сенешалов. Монтекьютам в их замке Туинхэм жилось очень спокойно, и им не приходилось бояться ни беглых каторжников, ни французских эскадронов — леди Мэри Лоринг об этом позаботилась. Однако даже в те времена считалось,

что если у дамы солдатский характер, то едва ли желательно, чтобы у нее было солдатское лицо. Иные мужчины утверждали, будто среди всех суровых походов и отважных деяний, в которых сэр Найджел Лоринг показал истинную меру своей храбрости, не последнее место занимает сватовство и женитьба на столь неприступной даме.

— Повторяю, дорогой мой супруг, — говорила она, стоя рядом с ним, — это неподходящее воспитание для девицы: соколы да собаки, стихи да цитра; то она поет французский рондель, то читает про подвиги Дуна Майнцского, или, например, вчера вечером, когда я вошла к ней, она ловко притворилась, будто спит, но из-под подушки выглядывал краешек свитка. И вечная отговорка: это ей-де одолжил отец Христофор из монастыря. Какая будет польза от всего этого, когда ей придется хозяйничать в собственном замке и сто человек будут разевать рты на ее говядину и пиво?

— Верно, моя милая пташка, верно, — отозвался рыцарь, извлекая конфетку из золотой бонбоньерки. — Наша девица подобна молодому жеребенку, который брыкается и скачет, охваченный жадой жизни. Дайте ей время, госпожа моя, дайте ей время...

— А мой отец, я уверена, дал бы мне просто крепких ореховых розог. Ma foi! Уж и не знаю, куда идет мир, если молодые девушки пренебрегают советами старших. Удивляюсь, как вы не поучите ее, дорогой супруг!

— Ну нет, утеха моего сердца. Я еще ни разу не поднимал руку на женщину, и было бы довольно странно, если бы я начал именно с моей собственной плоти и крови. Разве не женщина метнула мне в глаза известь, но хотя я видел, как она наклонилась, и, наверное, мог бы удержать ее, я счел недостойным для своего рыцарского достоинства мешать или препятствовать особе женского пола.

— Потаскуха! — воскликнула леди Лоринг, сжимая крупный кулак. — Жаль, меня не было при этом, я бы ей показала!

— И я тоже, будь вы подле меня, любовь моя. Но вы правы, Мод необходимо подрезать крылышки, что я и предоставляю сделать вам, когда меня уже здесь не будет; ведь, говоря по правде, эта мирная жизнь не для меня, и если бы не ваша снисходительная доброта и любовная заботливость, я бы не выдержал здесь и недели. Идут разговоры о том, что в Бордо опять будет военный смотр, и, клянусь святым апостолом Павлом, было бы очень странно, если бы на поле брани снова появились британские львы и алый столб Чандоса, а розы Лоринга не реяли бы рядом с ними.

— О горе мне, этого-то я и опасалась! — воскликнула она, внезапно побледнев. — Я ведь заметила и вашу рассеянность, и вспыхивающий взгляд, и то, что вы примеряете и собираетесь чинить старые доспехи. Подумайте, дорогой супруг, о том, что вы уже добыли немало военной славы, а мы так мало были вместе, вспомните, что на вашем теле больше двадцати шрамов от ран, полученных вами я не знаю, во скольких кровавых сражениях. Разве недостаточно сделано вами ради славы и общего блага?

— Если король, наш государь, в шестьдесят лет и милорд Чандос в семьдесят готовы взять в руки копьё и сражаться за Англию, то мне в мои годы не подобает считать свою службу оконченной. Это верно, я получил двадцать семь ран. Тем больше причин быть благодарным судьбе за то, что я до сих пор здоров и телом крепок. А бывал я во всевозможных боях и сражениях: шесть больших битв на суше, четыре на море и пятьдесят семь атак, схваток и засад. Я удерживал двадцать два города и участвовал во взятии тридцати одного. Поэтому для меня это был бы, конечно, стыд и позор, а также и для вас, ибо моя слава — ваша слава, если бы я отказался от мужского дела, раз оно должно быть исполнено. Кроме того, подумайте о том, как тощ наш кошелек, а бейлиф и управляющий каркают без конца о безлюдных фермерах и пустующих землях. Если бы не эта должность коннетабля, которую нам дал герцог Солсбери, мы едва ли могли бы вести тот образ жизни, какой подобает нашему положению. И вот поэтому, милая, тем более важно, чтобы я отправился туда, где хорошо платят и где можно взять хорошие выкупы.

— Ах, дорогой мой супруг! — сказала она, и глаза ее были полны тоски и печали. — Я надеялась, что вы наконец-то будете только моим, хоть ваша молодость и прошла вдали от меня. И все-таки мой голос, я знаю, должен звать вас на путь чести и известности, а не удерживать от завоеваний славы. Но что мне сказать теперь, когда все знают, что ваша храбрость нуждается в узде, а не в шпорах? И очень мне обидно, что вы будете разъезжать, точно обыкновенный одинокий рыцарь, хотя нет в стране человека, имеющего столь заслуженное право на квадратное знамя, только у вас не хватит денег, чтобы поддержать связанный с этим образ жизни.

— А кто в этом виноват, прелестная птичка моя? — отозвался он.

— Не вина это, а добродетель, мой дорогой супруг; разве мало добывали вы богатых выкупов и все-таки расшвыривали ваши кроны своим пажам, лучникам и оруженосцам, и через неделю у вас оставалось только на пропитание да на корм лошадям. Щедрость поистине рыцарская, но вместе с тем без денег можно ли возвыситься?

— Все это грязь и низость! — воскликнул он. — Дело не в том, чтобы возвыситься или пасть, важно выполнить свой долг и завоевать славу. Знаменитый рыцарь или одинокий воин, квадратное знамя или раздвоенное — я не придаю значения этому различию, особенно памятуя о том, что сэр Джон Чандос, лучший цветок английского рыцарства, всего лишь обыкновенный, скромный рыцарь. Но пока не расстраивайся, голубка моего сердца, возможно, что войны не будет, следует подождать вестей. Вон идут три путника, и один из них, по-моему, солдат — прямо из армии. Не узнаем ли мы от него кое-что о волнующих нас заморских делах?

Леди Лоринг подняла взор и увидела в вечерних сумерках трех приятелей: они шли плечом к плечу по дороге, серые от пыли и усталые от долгого пути, но весело болтая между собой. Средний был молод и привлекателен, с мальчишеским открытым лицом и ясными серыми глазами; он смотрел то направо, то налево, и окружающий мир, видимо, казался ему и неизведанным и интересным. Справа от него шагала огромная рыжая детина: он широко улыбался, а порой весело подмигивал; его одежда, казалось, вот-вот лопнет по всем швам, словно он был нетерпеливым цыпленком, отважно пробившим свою скорлупу. С другой стороны, опершись узловой рукой о плечо юноши, шел коренастый, крепкий лучник, загорелый, с пылким взглядом; на поясе у него висел меч, из-за плеча торчал желтый кончик тисового боевого лука. Суровое лицо, поношенный шлем, иссеченная кольчуга с алым львом св. Георгия на выцветшем фоне — все говорило яснее слов о том, что он действительно явился из страны, где идет война. Приблизившись, он смело взглянул на сэра Найджела, потом, сунув руки за свой нагрудник, подошел и отвесил порывистый и неловкий поклон даме.

— Прошу прощения, достойный сэр, — сказал он, — но я узнал вас с первого взгляда, хотя видывал вас чаще одетым в сталь, чем в бархат. Я пускал стрелы, стоя рядом с вами под Ла-Рош д'Эррьеном, под Роморантэном, Мопертюи, Ножаном, Орейем и во многих других местах.

— В таком случае, добрый лучник, рад приветствовать вас в замке Туинхэм, в комнате дворецкого вы и ваши товарищи найдете чем подкрепиться. И мне ваше лицо знакомо, хотя глаза порой так подводят меня, что я не узнаю собственного оруженосца. Вам следует отдохнуть, а затем приходите в зал и расскажите нам, что происходит во Франции, ибо я слышал, будто не пройдет и года, как наши знамена будут развеиваться южнее больших Испанских гор.

— Ходят в Бордо такие слухи, — ответил лучник, — и я видел сам, как оружейники и кузнецы работают без усталости, словно крысы в хлебном амбаре. Но я привез вам письмо от храброго гасконского рыцаря, сэра Клода Латура. А вам, леди, — добавил он, помолчав, — я привез от него шкатулку с розовым сахаром из Нарбонны и к тому же все любезные и галантные приветствия, какие доблестному кавалеру надлежит посылать прекрасной и благородной даме.

Эта маленькая речь стоила грубоватому лучнику немалых усилий и предварительной подготовки, но он мог бы и не тратить своего красноречия, ибо супруга рыцаря была не менее, чем он сам, погружена в письмо, причем каждый держал его рукой за уголок; они читали медленно, по складам, сдвинув брови и шевеля губами. Когда они дошли до конца, Аллейн, стоявший с Хордлом Джоном несколько позади, видел, как дама с трудом переводила дыхание, а сэр Найджел мягко, про себя усмехался.

— Вы видите, дорогая, — сказал он жене, — что не оставят пса в его конуре, когда что-то затевается... А что вы скажете, лучник, насчет Белого отряда?

— Сэр, раз уж вы заговорили о псах, так есть еще свора злых гончих, всегда готовых вступить в драку, если только найдется хороший охотник и натравит их. Мы много раз воевали вместе, сэр, и я знавал немало храбрецов, но никогда не видел такого отряда, как эти лесные парни. Нужно только, чтобы вы встали во главе, и тогда ничто их не удержит.

— Pardieu! — отозвался сэр Найджел. — Если они все такие, как их посланец, то подобными солдатами действительно можно только гордиться. Как вас зовут, добрый лучник?

— Сэм Эйлвард, сэр, Изборнский округ, Чичестер.

— А этот великан позади вас?

— Это Большой Джон из Хордла, лесной житель, теперь он вступил в Белый отряд.

— У него подходящая статья для воина, — сказал рыцарь-коротышка. — Слушайте, приятель, и вы, конечно, не цыпленок, но он, по-моему, сильнее. Видите вон тот огромный камень — он скатился на мост. Четверо моих лентяев слуг пытались сегодня перетащить его оттуда. Мне хотелось бы, чтобы вы вдвоем посрамили их, сдвинув его с места, хотя боюсь, что дело это слишком трудное, ибо он чрезвычайно тяжел.

И он указал на громадный неотесанный камень, лежавший возле дороги и от собственного веса глубоко погрузившийся в красноватую почву. Лучник подошел к нему, закатывая рукава своей куртки, но без особой уверенности и надежды на успех, ибо это был обломок скалы. Однако Джон левой рукой отстранил лучника, наклонился, одной правой извлек камень из его рыхлого ложа и зашвырнул далеко в реку. Камень упал в воду с мощным всплеском, его зубчатый угол высунулся из воды, а вокруг пошли пузыри и, вздымаясь и пенясь, стали разбегаться широкие круги.

— Ну и сила! — воскликнул сэр Найджел.

— Ну и сила! — воскликнула его супруга.

А Джон стоял, посмеиваясь и стряхивая комья грязи, прилипшие к пальцам.

— Я понял, что такое его руки, когда он стиснул мне ребра, — заметил лучник, — они и сейчас трещат при одном воспоминании. А вот и другой мой товарищ — весьма ученый клирик, хотя и очень молод, это Аллейн, сын Эдрика, брат минстедского сокмана.

— Молодой человек, — мрачно заявил сэр Найджел, — если вы придерживаетесь того же образа мыслей, что и ваш брат, вы не сможете переступить порог моего дома.

— Нет, достойный сэр, — поспешил возразить Эйлвард, — я ручаюсь, что ни одной сходной мысли у них нет: только сегодня родной брат спустил на него собак и выгнал его со своей земли.

— А вы тоже в Белом отряде? — спросил сэр Найджел. — Наверное, у вас еще мало военного опыта, судя по вашим глазам и поведению.

— Я бы отправился во Францию с этими вот моими друзьями, — пояснил Аллейн, — но я человек мирный — псаломщик и клирик.

— Это делу не помешает, — заметил сэр Найджел.

— Нет, конечно, добрый сэр! — радостно воскликнул лучник. — Я сам служил два срока с Арнольдом из Серволле, которого прозвали протоиереем. Клянусь эфесом! Я видел его недавно, — ряса задрана до колен, сандалии залиты кровью: он находился на передовой линии. И все же не успела просвистеть последняя стрела, как он уже опустился наземь среди умирающих, принял их исповедовать и раздавать благословения с такой быстротой, словно горох лушил. Ma foi! Многие предпочли бы, чтобы он поменьше щадил их души и побольше тела.

— Хорошо иметь в любом отряде ученого клирика, — сказал сэр Найджел. — Клянусь апостолом, есть такие трусы, которые больше думают о своем пере писца, чем об улыбке своей дамы, и выполняют свои обязанности только в надежде, что им удастся вписать новую строку в хроники или сочинить припев к романсу менестреля. Я хорошо помню, что при осаде Реттерса среди солдат оказался низенький, толстый, прилизанный клирик по имени Чосер; он был настолько привержен всяким ронделям, сирвентам и тонсонам, что ни один воин не решался отступить от стен хотя бы на шаг, пока это не было описано в его стихах и не распевалось всякой мелкой сошкой — слугами и оруженосцами — по всему лагерю. Но, птичка души моей, я рассуждаю так, будто уже все решено, хотя до сих пор не посоветовался ни с тобой, ни с матушкой. Удалимся в комнату, а эти путники напитаются всем, что окажется в нашей кладовой и погребе.

— А к вечеру похолодало, — сказала дама и пошла по дороге к замку, держа под руку своего супруга.

Трое друзей двинулись следом; Эйлвард испытывал облегчение оттого, что выполнил порученное ему дело, Аллейн дивился скромности прославленного полководца, а Джон изливал в насмешках и издевках свое презрение и разочарование.

— Что с тобой? — спросил в недоумении Эйлвард.

— Меня надули и провели, — сердито ответил Джон.

— Кто же это, несокрушимый Самсон?

— Ты, Валаам, лжепророк.

— Клянусь эфесом, — воскликнул лучник, — хотя я и не Валаам, но беседую с тем самым животным, которое разговаривало с ним! Так что же случилось и чем я тебя обманул?

— Скажи, пожалуйста, разве ты не уверял меня — вот Аллейн свидетель, — что, если я пойду с тобой на войну, ты дашь мне такого командира, которому в Англии нету равных? И вот ты приводишь меня к какому-то огрызку человека — слабому, отощавшему, и он еще должен посоветоваться с мамашей, брать ему в руки меч или не брать.

— Так вот где собака зарыта! — воскликнул лучник и громко расхохотался. — Ну, я спрошу твое мнение о нем месяца через три, если мы все останемся живы, ибо я уверен, что...

Эйлварда прервал необычайный шум, который в эту минуту раздался неподалеку на дороге, ведущей к монастырю. Донеслись низкие голоса мужчин, визг женщин, собачий вой и лай и все заглушавший, громоподобный топот, невыразимо страшный и угрожающий. Из-за угла узкой улицы выскочила стая визжащих, поджавших хвосты собак, а за ними мчался какой-то бледный горожанин, вытянув руки и растопырив пальцы, волосы у него стали дыбом, он в ужасе озирался то через правое, то через левое плечо, словно за ним гналось чудовище.

— Спасайтесь, миледи, спасайтесь! — пронзительно завопил он, проносясь мимо, словно стрела, выпущенная из лука.

А позади него неуклюже валил огромный черный медведь, за ним волочилась порванная цепь, изо рта висел багровый язык. По обеим сторонам улицы люди прятались в подворотни и двери домов. Хордл Джон подхватил на руки леди Лоринг, словно перышко, и взбежал вместе с ней на чье-то крыльцо; а Эйлвард, разразившись целым потоком французских ругательств, схватился за колчан и попытался сорвать с себя лук. Аллейн, растерявшись при виде столь неожиданного и пугающего зрелища, прижался к стене, не спуская глаз с взбесившегося животного, приближавшегося большими прыжками; в неверных сумерках оно казалось еще огромнее, его широкая пасть была разинута, из нее капала на землю пена и кровь. Только сэр Найджел, как будто не замечая всеобщего смятения, твердым шагом направился к середине дороги, держа в одной руке шелковый носовой платок, в другой — бонбоньерку. В жилах у Аллейна буквально застыла кровь, когда они встретились — человек и зверь. Медведь поднялся на задние лапы, его глаза вспыхнули страхом и ненавистью, и он занес свои тяжелые лапы над головой рыцаря, желая повалить его наземь. А тот, моргнув глазами привычке, замахнулся носовым платком и дважды ударил им животное по морде.

— Ах ты, нахал, нахал, — проговорил он с легкой укоризной.

И медведь, озадаченный и смущенный, снова опустился на четвереньки и заковылял обратно; его тут же опутали веревками медвежий сторож и толпа крестьян, бежавших следом.

Сторож был очень напуган; дело в том, что он решил выпить кружку эля в харчевне и на время своего отсутствия привязал медведя цепью к столбу, а дворняги его дразнили до тех пор, пока зверь, разъяренный и ополоумевший, не оборвал цепь и не стал кусать и бить лапами всех, кто бы ни попался ему на пути. Больше всего этот человек боялся, чтобы медведь не набросился на владельца и владелицу замка, ибо они за это могли вздернуть сторожа на дыбу или содрать с него кожу. Однако, когда он предстал перед ними, смиренно понутив голову, и попросил прощения, сэр Найджел дал ему горсть серебряной мелочи, хотя супруга его была настроена не столь милосердно, ибо чувствовала себя оскорбленной тем, как ее удалили от супруга.

Когда путники и хозяева входили в ворота замка, Джон схватил Эйлварда за рукав, и оба немного отстали.

— Я должен извиниться перед тобой, друг, — заявил Джон решительно. — Я дурак, ибо забыл о том, что самый маленький петушок может быть самым храбрым. Теперь я убедился, что за таким командиром действительно можно пойти куда угодно.

Глава XI

Как молодой пастух стерег опасное стадо

Темным был вход в Туинхэмский замок, хотя в глубине ворот пылали факелы. Они озаряли своими красными отблесками наружный двор, и сумрачные, багровые блики, мерцая, падали на арку из неотесанного камня. Над входом путники разглядели щит Монтекьютов — сайгака на серебряном поле, а по бокам — два меньших щита с красными розами многоопытного коннетабля. Когда друзья переходили подъемный мост, Аллейн заметил, что в амбразурах справа и слева поблескивает оружие, и едва они успели ступить на мощеную дорожку, как раздался хриплый рев рога и со скрипом петель, со звоном цепей конец тяжелого моста оказался в воздухе, поднятый незримыми руками. В то же мгновение заскрежетала опускаемая решетка и как бы заслонила последний свет угасающего дня. Сэр Найджел и его супруга пошли вперед в полном мраке, а толстяк слуга занялся тремя друзьями и повел их в кладовую, где мясо, хлеб и пиво были всегда наготове для путников. Сытно поужинав и окунувшись в корыто, чтобы смыть дорожную пыль, они вышли во двор, и лучник, несмотря на темноту, попытался рассмотреть стены и главную башню опытным глазом воина, знающего, что такое осады, и предъявляющего к такого рода сооружениям строгие требования. Но Аллейну и Джону казалось, что более высокой и мощной крепости человеческие руки и построить не могут.

Воздвигнутый сэром Болдуином де Редверсом в былые боевые годы двенадцатого века, когда люди придавали большое значение войнам и очень малое — комфорту, замок Туинхэм был предназначен служить цитаделью, простой и бесхитростной, непохожей на те более поздние и роскошные постройки, где воинственная мощь укрепленного замка сочеталась с великолепием дворца. Со времен Эдуардов такие здания, как замки Конуэй или Карнарвон, уж не говоря о королевском Виндзоре, показали, что можно обеспечить и роскошь в дни мира и безопасность в дни войны. Однако сооружение, которым управлял сэр Найджел, хмуро высилось над Эйвоном, почти в том же виде, как его замыслили древние англо-норманны. Тут были просторные наружный и внутренний дворы, не мощеные, а засеянные травой, чтобы могли кормиться овцы и скот, которых пришлось бы загнать внутрь в случае опасности. Дворы были окружены высокими стенами с башенками и квадратной главной башней, мрачной, без окон, возведенной на высоком холме и поэтому совершенно неприступной для нападающих. Вдоль стен, окружавших дворы, тянулись ряды убогих деревянных хибарок и сараев с косыми крышами, служивших убежищем для лучников и ратников из гарнизона крепости. Двери этих скромных жилищ были по большей части раскрыты, и на фоне желтого огня, пылавшего внутри, Аллейн видел бородатых людей, чистивших свое снаряжение; их жены выходили на порог поболтать, не выпуская из рук шитья, и длинные черные тени женщин тянулись через весь двор. Воздух был полон женскими голосами и лепетом детей, и эти звуки создавали странный контраст с бряцанием оружия и непрерывными воинственными окликами часовых, доносившимися со стен.

— По-моему, отряд школяров мог бы удерживать эту крепость от атак целого войска, — заявил Джон.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Аллейн.

— Нет, вы очень ошибаетесь. Клянусь эфесом, я видел, как в один летний вечер была взята более сильная крепость. Помню такую в Пикардии, название длинное, как целая гасконская родословная. Я служил тогда под началом сэра Роберта Ноллза, еще до Белого отряда; и мы крепко пограбили, когда взяли эту крепость. Я лично раздобыл себе большую серебряную чашу, к ней два кубка и щит из испанской стали. *Pasques Dieu!* А тут есть прехорошенькие женщины! Взгляните, вон та, на пороге! Пойду поговорю с ней! А это еще кто?

— Есть здесь лучник по имени Сэм Эйлвард? — спросил худощавый воин и, лязгая оружием, направился к ним через двор.

— Так меня зовут, приятель, — отозвался лучник.

— Тогда мне, наверное, незачем называть мое имя, — сказал тот.

— Клянусь распятием, это же Черный Саймон из Нориджа! — воскликнул Эйлвард. — Ну, как я рад тебя видеть!

Они бросились друг к другу и стали обниматься, словно медведи.

— А откуда ты взялся, старина? — осведомился лучник.

— Я тут на службе. Скажи мне, друг, это верно, что мы пойдем на французов? В караулке говорят, будто сэра Найджел опять собирается в поход.

— Вполне вероятно, mon gar, судя по тому, как идут дела.

— Слава господу! — воскликнул Саймон. — Сегодня же вечером выберу золотую цепь, чтобы возложить ее на раку моего святого. Поверишь ли, я стосковался о походе, как девушка тоскует о своем миле.

— Значит, очень уж хочется пограбить? Так растряс кошелек, что не хватает даже на выпивку? У меня на поясе висит мешочек, товарищ, запусти туда пятерню и вытащи то, в чем ты нуждаешься. Мы всегда и всем делимся друг с другом.

— Нет, друг, я ищу не французского золота, а французской крови. Мне и в могиле не будет покоя, если я еще раз не выступлю против них! Мы, воюя с Францией, всегда действовали честно и справедливо — на мужчину шли с кулаками, а перед женщиной преклоняли колени. А как было в Уинчелси, когда их галеры напали на него несколько лет назад? У меня там жила старушка мать, она приехала туда, чтобы быть поближе к своему сыну. Потом ее нашли перед собственным очагом, проткнутую насквозь французской алебардой. А от моей младшей сестры, жены брата и ее двух детей остались только кучки золы среди дымящихся развалин дома. Не буду уверять, но мы не нанесли Франции очень большого ущерба, но женщин и детей мы не трогали. Итак, старый друг, сердце у меня горит, хочу опять услышать наш былой боевой клич, и, клянусь богом, если сэра Найджел развернет свое знамя, перед тобой человек, который будет рад снова вскочить в седло.

— Да, мы вместе хорошо поработали, старый боевой конь, — заметил Эйлвард, — и, клянусь эфесом, пока не умрем, мы еще поработаем. Но скорее мы налетим на испанского вальдшнепа, чем на французскую цаплю. Ходят слухи, что Дюгесклен с лучшими копейщиками Франции встал под знамена Кастилии с их львами и башнями. Но, друг, мне кажется, мы с тобой не решили один маленький спор.

— Клянусь богом, ты прав! — воскликнул Саймон. — Я и забыл. Ведь начальник военной полиции и его люди разлучили нас во время нашей последней встречи.

— А в ответ мы поклялись вернуться к этому спору, когда снова свидимся. При тебе твой меч, а луна светит достаточно ярко для таких ночных птиц, как мы. Берегись, mon gar! Я не слышал звона стали уже больше месяца.

— Тогда выходи из тени, — сказал Саймон, извлекая меч из ножен. — Клятва — это клятва, нарушать ее не полагается.

— Клятва, данная святому, в самом деле не может быть нарушена! — воскликнул Аллейн. — Но ваша клятва дьявольская, и хотя я простой клирик, моими устами все же говорит истинная церковь, и я заявляю, что было бы смертным грехом драться из-за пустого спора. Как? Двое взрослых людей годами хранят в своем сердце злобу и хватают друг друга за горло, точно разъяренные шавки!

— Не злоба, нет, не злоба, молодой клирик, — заявил Черный Саймон. — У меня в сердце нет ни капли горечи против моего старого товарища; но спор наш, как он сказал вам, до сих пор не решен. Нападай, Эйлвард!

— Ни за что, пока я в силах стоять между вами, — воскликнул Аллейн, бросаясь вперед и заслоняя лучника. — Стыдно и грешно, когда два англичанина-христианина направляют друг на друга мечи, точно свирепые и кровожадные язычники.

— А кроме того, — заявил Хордл Джон, внезапно появившись в дверях кладовой с огромным подносом, на котором лежал пирог, — если только один из вас поднимет меч, я раздавлю того человека, как масляничную оладью. Клянусь черным крестом! Я скорее загоню его в землю, как гвоздь в створку двери, чем допущу, чтобы вы ранили друг друга.

— Ей-богу, вот странный способ проповедовать мир! — воскликнул Черный Саймон. — Смотри, как бы тебя не ранили, силач, если подойдешь ко мне со своей здоровенной дубиной. Пусть даже целый подъемный мост стукнул бы меня по макушке.

— Скажи мне, Эйлвард, — серьезно начал Аллейн, продолжая стоять с вытянутыми руками, чтобы не подпустить противников друг к другу, — из-за чего вы поспорили, и мы решим, нельзя ли договориться почтено и мирно...

Лучник взглянул сначала себе на ноги, потом на луну.

— Parbleu! — воскликнул он. — Из-за чего поспорили? Ну, mon petit, это было много лет назад, в Лимузене, и разве я могу упомянуть причину? Вот Саймон, тот сейчас тебе скажет.

— Я-то уж наверное, нет, — ответил Саймон, — у меня были другие заботы. Какие-то пререкания по поводу игры в кости, или вина, или женщины, да, приятель?

— Pasques Dieu! Ты попал в точку, — воскликнул Эйлвард. — Действительно из-за женщины; и спор должен быть продолжен, я все еще придерживаюсь того же мнения.

— А какой женщины? — спросил Саймон. — Чтоб я сдох, если я хоть что-нибудь помню.

— Из-за Бланш Роз, служанки в гостинице «У трех воронов» в Лиможе. Да благословит бог ее милое сердце. Что ж, я любил ее.

— Как и многие, — отозвался Саймон. — Теперь я вспоминаю. В тот самый день, когда мы поссорились из-за этой вертушки, она удрала с Ивэном Прайсом, такой был длинноногий валлийский оружейник. Теперь они держат гостиницу где-то на берегах Гаронны, хозяин столько дует вина, что почти не остается для посетителей.

— Вот наш спор и кончен, — сказал Эйлвард, вкладывая меч в ножны. — Валлийский оружейник, здорово! C'était mauvais goût, camarade, при том, что имелся веселый лучник и пылкий ратник и было из кого выбирать.

— Верно, старина. И хорошо, что мы можем уладить наши разногласия, ибо сэр Найджел вышел бы при первом ударе меча о меч; он поклялся, что если только в гарнизоне начнутся ссоры, он отрубит зачинщикам правую руку. А ты давно его знаешь, и знаешь, что он свое слово держит крепко.

— Mort Dieu, да! Но в кладовой есть эль, мед и вино, а слуга — веселый плут и не будет сквалыжничать из-за одной или двух лишних кварт. Vivons, mon gar, ведь не каждый день встречаются два старых друга.

Бывалые солдаты и Хордл Джон вместе двинулись вперед. Аллейн уже повернулся, чтобы идти за ними, когда кто-то коснулся его плеча, и он увидел рядом с собой юного паж.

— Лорд Лоринг приказал, — заявил мальчик, — чтобы вы следовали за мной в главный зал и там подождали его.

— А мои товарищи?

— Его приказание касалось только вас.

Аллейн двинулся за пажом на восточный конец двора, где широкая лестница вела к дверям в главный зал, наружную стену которого омывали волны Эйвона. В старину хозяину замка и его семейству предназначались только темные и мрачные подвальные помещения. Однако более цивилизованное и изнеженное поколение не желало жить взаперти в таких подвалах, и владельцы заняли главный зал и примыкающие к нему покои. Аллейн поднялся по широким ступеням вслед за своим юным проводником, тот наконец остановился перед створчатой дубовой дверью и предложил ему войти.

Войдя в зал, клирик посмотрел вокруг, однако никого не увидел и продолжал стоять в нерешительности, держа шапку в руках и разглядывая с величайшим интересом этот зал, столь непохожий на все, к чему он до сих пор привык. Канули в прошлое те времена, когда зал знатного рыцаря был всего-навсего подобием сарая с полом, покрытым камышом, и служил местом отдыха и трапезной для всех обитателей замка. Крестоносцы, узнав, что такое домашняя роскошь, и вернувшись в Англию, привезли с собой ковры из Дамаска и циновки из Алеппо, их стала раздражать отвратительная нагота их наследственных крепостей и отсутствие домашнего уюта. Но еще сильнее оказалось влияние великой французской войны; ибо как ни искусны были народы Англии в военном деле, не могло быть сомнения в том, что наши соседи стоят безмерно выше нас в искусствах, присущих мирной жизни. Целых четверть века в Англию шли потоком возвращавшиеся после войны рыцари, раненые солдаты, французские пленные дворяне, ожидавшие выкупа, и каждый оказывал какое-то влияние на домашнюю жизнь англичан, внося в нее большую утонченность, а прибывавшие на грузовых судах предметы обихода и мебель из Кале, Руана и других разграбленных городов служили нашим ремесленникам образцами для их поделок. Поэтому в большинстве английских замков, а также и в замке Туинхэм имелись комнаты, где нельзя было, кажется, желать лучшего в

отношении красоты и комфорта.

В огромном каменном камине полыхала охалка дров, треща и отбрасывая багровые отблески, которые, сливаясь со светом четырех ламп, стоявших по углам на консолях, придавали всей комнате что-то светлое и веселое. Выше начинались завитки геральдических изображений, они тянулись до резного дубового потолка с карнизами; а по обе стороны камина стояли кресла под балдахинами для хозяина и хозяйки, а также наиболее почетных гостей. По стенам висели изысканные и яркие гобелены, на них были изображены деяния сэра Бевиса из Хамптона, а за ними стояли раздвижные столы и скамьи для больших празднеств. Пол был выложен гладким кафелем, а посередине комнаты покрыт квадратным фламандским ковром в красную и черную клетку; по нему было расставлено множество кушеток, складных стульев и кресел с выгнутыми ножками. На дальнем конце зала стоял длинный черный буфет или сервант с золотыми чашами, серебряными подносами и другой драгоценной утварью. Все это Аллейн рассматривал с большим интересом; но самым любопытным ему показался столик из черного дерева, стоявший совсем близко и на котором рядом с шахматной доской и рассыпанными шахматными фигурами лежала раскрытая рукопись, написанная правильным, четким почерком клирика и украшенная на полях орнаментом и эмблемами. Напрасно Аллейн напоминал себе, где он находится и что именно здесь должно помнить правила хорошего воспитания и вежливости; эти раскрашенные прописные буквы и ровные черные строки неудержимо влекли к себе его руку, подобно тому как естественный магнит влечет к себе иголку, и не успел он опомниться, как уже держал перед глазами роман Гарэна де Монтглана и настолько погрузился в чтение, что совершенно забыл, где он и почему сюда попал.

Он пришел в себя от короткого и легкого женского смеха. Ошеломленный юноша быстро положил рукопись среди шахмат и растерянно стал озираясь. В зале было по-прежнему тихо и пусто. Он снова протянул руку к роману, и снова раздался тот же шаловливый смех. Он поднял глаза к потолку, обернулся к закрытой двери, перевел взгляд на тугие складки неподвижных гобеленов. И вдруг что-то блеснуло в углу против него, где стояло кресло с высокой спинкой; а сделав шаг или два в сторону, Аллейн увидел стройную белую руку: наблюдательница держала зеркало таким образом, что могла все видеть, сама же оставалась незримой. Подойти ли ему или сделать вид, что он ничего не замечает? Пока он колебался, зеркало исчезло, и из-за дубового стула выскользнула статная молодая особа, в ее глазах искрилось веселое озорство. Аллейн был поражен, узнав в ней ту самую девицу, с которой так грубо обошелся в лесу его брат. Правда, она была уже не в пестрой одежде для верховой езды, но в длинном, со шлейфом платье из черного брюггского бархата, с легкой белой кружевной оторочкой у ворота и у кистей рук, едва отличавшейся от ее кожи цвета слоновой кости. Если девушка и тогда показалась ему прекрасной, то стройная прелесть ее фигуры и свободная, гордая грация движений теперь еще подчеркивались богатой простотой туалета.

— А, вы явились, — сказала она, с тем же лукавством искоса взглянув на него, — и я не удивляюсь этому. Разве вам не захотелось еще раз взглянуть на девицу, которая попала в беду? О, почему я не менестрель — я бы все это изобразила в стихах, всю историю: незадачливую девицу, злого сокмана и добродетельного клирика! Тогда наша слава была бы связана навеки, и вы стали бы вторым сэром Персивалем, или сэром Галахадом, или вообще одним из тех, кто спасает дам, попавших в беду.

— То, что я сделал, — ответил Аллейн, — слишком ничтожно и не заслуживает благодарности; и все-таки скажу, вовсе не желая вас обидеть, — история эта слишком серьезная и волнующая, она не заслуживает насмешек. Я надеялся на любовь брата ко мне, но богу было угодно, чтобы все сложилось иначе. Для меня радость видеть вас опять, госпожа, и знать, что вы благополучно добрались до дому, если это действительно ваш дом.

— Да, правда, замок Туинхэм — мой дом, а сэр Найджел Лоринг — мой отец. Мне следовало сообщить вам об этом сегодня утром, но вы сказали, что направляетесь сюда, поэтому я решила промолчать и сделать вам сюрприз. Но я очень рада видеть вас! — воскликнула она, снова рассмеявшись; девушка стояла перед ним, прижав руку к сердцу, а ее прищуренные глаза весело блеснули. — Вы отступили, а потом опять шагнули вперед, не спуская взоров с вот этой моей книги, точно мышь, когда она чует сыр и все-таки боится мышеловки.

— Мне очень совестно, — сказал Аллейн, — что я решился коснуться книги.

— Ну что вы! У меня на душе потеплело, когда я увидела, как вас к ней тянет. Я была так рада, что от удовольствия даже рассмеялась. Значит, мой достойный проповедник тоже поддается искушению, подумала я; он из того же теста, что и все мы.

— Господь да поможет мне! Я слабейший из слабых, — вздохнул Аллейн. — Молю бога о том, чтобы он укрепил мои силы.

— А ради чего? — насмешливо спросила она. — Ведь вы, насколько я понимаю, вознамерились навсегда замкнуться в четырех стенах монастырской кельи, так какая вам польза, если ваши молитвы и будут услышаны?

— Ради спасения собственной души.

Она отвернулась от него, грациозно пожав плечами и махнув рукой.

— И это все? — спросила она. — Значит, вы ничуть не лучше отца Христофора и всех остальных! Собственная душа! Собственная! Мой отец служит королю, и когда он на коне врывается в гущу боевой схватки, он никогда не думает о том, чтобы спасти собственное ничтожное тело. И его мало заботит мысль, что оно может остаться на поле боя. Тогда почему же вы, воины Духа, вечно каетесь, прячетесь по кельям да подвалам и всегда заняты только самими собой, а мир, который вам следовало бы исправлять, идет своей дорогой, и никто не видит и не слышит вас? Если бы вы так же мало тревожились за свою душу, как воин за свое тело, вы приносили бы больше пользы душам других людей.

— В ваших словах, госпожа, есть доля правды, — отозвался Аллейн. — Но все-таки что, по-вашему, должны делать духовенство и церковь? Мне не ясно.

— Пусть бы они жили, как остальные люди, и так же работали, проповедуя больше своей жизнью, чем словами. Пусть бы они вышли из своего уединения, смешались с бедняками, познали те же страдания и радости, те же заботы и удовольствия, те же соблазны и волнения, что и простой народ. Пусть трудятся в поте лица своего, и гнут спину, и пахут землю, и берут себе жен...

— Увы, увы! — воскликнул Аллейн в ужасе. — Вас, наверно, отравил своим ядом этот Уиклиф, о котором я слышал столько плохого.

— Нет, я его не знаю. Я поняла это, просто глядя из окна моей комнаты и наблюдая за бедными монахами из монастыря, за их унылой жизнью, их бесцельными ежедневными трудами. И я спрашивала себя: неужели добродетель не годится ни на что иное, как засадить ее среди четырех стен, словно она дикий зверь? А если добрые будут замыкаться от мира, а злые — разгуливать на свободе, то разве не горе этому миру?

Аллейн с изумлением посмотрел на нее — щеки ее разругались, глаза блестели, и вся ее поза выражала глубокую убежденность. Но в один миг все это исчезло, и она по-прежнему весело и лукаво заулыбалась.

— Вы согласны сделать то, о чем я попрошу?

— Что именно, госпожа?

— Ох, клирик, какой же вы не галантный! Настоящий рыцарь никогда бы не спросил, а тут же бы дал клятву исполнить. Нужно только подтвердить то, что я скажу отцу.

— Подтвердить — что?

— Сказать, если он спросит, что я встретила с вами к югу от дороги в Крайстчерч. Иначе меня запрут вместе с камеристкой, и мне неделю придется сидеть в комнате и прясть, вместо того, чтобы скакать на Трубадуре по Виверли-Уок или спускать маленького Роланда на виннириджских цапель.

— Если он спросит, я ему вовсе не отвечу.

— Не ответите! Но он захочет получить ответ! Нет, уж вы не подводите меня, иначе дело для меня обернется плохо.

— Но, госпожа, — воскликнул Аллейн в глубоком отчаянии, — как я могу сказать, что это произошло к югу от дороги, когда отлично знаю, что мы встретились в четырех милях к северу!

— Так вы не скажете так, как я прошу?

— Наверное, и вы не скажете: ведь вы же знаете, что это неправда!

— Ну, мне наскучили ваши проповеди, — заявила она и удалилась, кивнув своей прекрасной головкой и оставив Аллейна до того подавленным и униженным, точно он сам предложил ей какую-то низость.

Однако не прошло и нескольких минут, как она вернулась уже совсем другая, ибо настроение у нее менялось очень быстро.

— Вот видите, мой друг, — сказала она. — Если бы вы заперлись в монастыре или в своей келье, вы сегодня не смогли бы научить капризную девицу сохранить верность правде. Разве не так? Какая цена пастырю, если он бросает своих овец?

— Это плохой пастырь, — смиренно согласился Аллейн. — Вот идет ваш достойный отец.

— И вы увидите, какая я способная ученица. Отец, я очень обязана этому молодому клирику: он оказал мне услугу и помощь сегодня утром в Минстедских лесах, в четырех милях к северу от дороги на Крайстчерч, где я не имела права находиться, ибо вы приказали мне другое.

Все это она доложила звонким голосом, а затем покосилась на Аллейна, ожидая его одобрения.

Сэр Найджел, который вошел в зал, держа под руку седоволосую даму, остановился, ошеломленный этой неожиданной вспышкой искренности.

— Ах, Мод, Мод, — отозвался он, покачав головой, — мне труднее добиться от тебя послушания, чем от тех двух сотен пьяных лучников, которые последовали за мной в Гиень. Однако тише, девочка, твоя достойная мать сейчас будет здесь, и ей незачем знать все это. Мы скроем это твоё путешествие от начальника военной полиции. Иди в свою комнату, детка, и придай себе печальный вид! Покаявшемуся грехи прощаются. А теперь, дорогая матушка, — продолжал он, когда дочь ушла, — сядьте вот здесь, у огня, ибо кровь ваша стала холоднее, чем была. Аллейн Эдриксон, я желал бы поговорить с вами, мне хотелось бы, чтобы вы поступили ко мне на службу. А вот идет — как раз вовремя — и моя достойная супруга, без ее совета я не принимаю никаких решений; это ее мысль — вызвать вас сюда.

— Я составила о вас хорошее мнение и вижу, что вы человек, на которого можно положиться, — сказала леди Лоринг. — Мой дорогой супруг действительно нуждается в ком-то, кто был бы всегда рядом с ним и, так как он уж очень мало думает о себе, заботился бы о нем и выполнял его желания. Вы повидали монастыри; для вас было бы полезно также повидать и широкий мир, прежде чем сделать между ними выбор.

— Именно по этой причине мой отец и пожелал, чтобы я на двадцатом году вышел в мир, — сказал Аллейн.

— Значит, ваш отец был человек разумный, — сказала она, — и самый лучший способ исполнить его волю — это пойти по той дороге, на которой все, что в Англии есть благородного и достойного, будет вам попутчиком.

— Вы ездите верхом? — спросил сэр Найджел, глядя на юношу своими глазами навывкате.

— Да, мне в аббатстве много приходилось ездить верхом.

— Все же есть разница между монастырской клячей и боевым конем воина. Вы поете, играете на инструментах?

— На цитоле, флейте и ребеке.

— Отлично! Гербы описываете?

— Любые.

— Тогда опишите вот это, — предложил сэр Найджел, подняв руку и указывая на один из многочисленных щитов со спаренными, строеными и счетверенными гербами, украшавших стену над камином.

— Серебряное поле, — начал Аллейн, — лазоревый пояс, обрамленный тремя ромбами и разделяющий три черных звезды. Надо всем на щите первого герба львиные лапы червленью.

— Лапы выщерблены, — уточнил сэр Лоринг, торжественно качнув головой. — Все это для человека, воспитанного в монастыре, недурно. Вы, вероятно, непритязательны и услужливы?

— Я служил всю жизнь, милорд.

— Умеете и резать по дереву?

— Я резал для монастыря два раза в неделю.

— В самом деле, примерный юноша. Да вы будете оруженосцем из оруженосцев. Скажите мне, пожалуйста, завивать волосы вы тоже умеете?

— Нет, милорд, но могу научиться.

— Это очень важно, — пояснил хозяин. — Я люблю держать свои волосы в порядке, тем более, что за тридцать лет они от тяжелого шлема на макушке слегка поредели. — Тут он снял шляпу и показал лысину, голую, как яйцо, и откровенно блестящую в отсветах камина. — Вот видите? — добавил он, повертываясь, чтобы показать узкую каемку редких волосков, которые, словно отдельные колосья на пустом поле, все-таки упорно боролись с судьбой, уничтожившей их сотоварищей. — Эти прядки нуждаются в легком смазывании и завивке, и не сомневаюсь, что, если вы взглянете сбоку на мою голову, вы при соответствующем освещении заметите места, где волосы поредели.

— Вам также придется носить кошелек, — сказала леди Лоринг, — мой дорогой супруг так щедр и добр, что готов с радостью отдать его всякому, кто попросит милостыню. Если ко всему этому прибавить некоторые сведения об охоте и обращении с лошадьми, соколами и собаками да еще смелость и галантность, подобающие вашему возрасту, то вы станете вполне подходящим оруженосцем для сэра Найджела Лоринга.

— Увы, госпожа, — ответил Аллейн, — я отлично понимаю, какую честь вы мне оказываете, сочтя меня достойным служить столь прославленному рыцарю, но я настолько чувствую свою непригодность, что не смею взять на себя обязанности, для которых, может быть, столь мало подхожу.

— Скромность и смиренность души, — сказала она, — это самые важные и самые редкие качества пажей и оруженосцев. Ваши слова доказывают, что эти качества в вас есть, а все остальное — вопрос времени и привычки. Никто вас не торопит. Переночуйте здесь, и пусть ваши молитвы помогут вам найти решение. Мы хорошо знали вашего батюшку и охотно поможем его сыну, хотя у нас мало оснований любить вашего брата-сокмана, который непрестанно разжигает в этих местах ссоры и раздоры.

— Мы едва ли сможем быть готовы к нашему путешествию раньше дня евангелиста Луки, — сказал сэр Найджел, — ибо дел предстоит очень много. Поэтому, если вы поступите ко мне на службу, у вас будет время научиться своему *devoir*. Паж моей дочери Бертран жаждет отправиться со мной, но, говоря по правде, он слишком молод для тех трудов, которые могут предстоять нам.

— А я хочу попросить вас об одном, — добавила хозяйка замка, когда Аллейн повернулся, чтобы покинуть комнату. — Насколько я понимаю, вы приобрели в Болье немало познаний.

— Очень мало, госпожа, в сравнении с теми, от кого я их получил.

— Однако для моей цели достаточно, не сомневаюсь. Я бы хотела, чтобы, пока вы здесь, вы посвящали час или два в день беседам с моей дочерью, леди Мод. Дело в том, что она несколько отстала и, боюсь, не питает особой любви к учености, за исключением нехитрых рыцарских романов, которые забивают ей голову всякими грезами о заколдованных девах и странствующих рыцарях... Правда, после дневной службы приходит из монастыря отец Христофор, но он уже очень стар годами и медлителен в речи, так что она получает мало пользы от такого учения. Я бы хотела, чтобы вы занимались в меру ваших возможностей с ней, с Агатой, моей молодой камеристкой, и с Дороти Пирпонт.

Таким образом, Аллейна назначили не только оруженосцем рыцаря, но и наставником трех девиц, что было еще дальше от того способа участвовать в жизни, какой он себе начертал. Но ему оставалось только согласиться и делать, что в его силах, и он покинул зал с пылающим лицом и смятением в мыслях, раздумывая о той гибельной стезе, по которой обречены были отныне ступать его ноги.

Глава XII

Как Аллейн научился тому, чему сам не мог научить

И вот пришли дни, когда во всех южных графствах началось волнение и суматоха, люди чистили оружие, стучали молотками. От деревни к деревне, от замка к замку быстро распространялась весть, что опять начинаются военные сборы и что едва наступит весна, как львы и лилии снова сойдутся на поле брани. Это была великая весть для воинственной древней страны, где ремеслом целого поколения являлась война, где вывоз состоял из лучников, а ввоз — из пленников. Шесть лет ее сыны скучали, обреченные на чуждую им мирную жизнь. Теперь они бросились к оружию, словно осуществляя право своего первородства. Старые солдаты Креси, Ножана и Пуатье радовались, что опять услышат зов трубы, и еще больше радовалась пылкая молодежь, которая годами томилась, слушая военные рассказы своих отцов. Перевалить через высокие горы на юге, победить укротителей горячих мавров, последовать за величайшим полководцем эпохи, увидеть залитые солнцем поля и виноградники, притом, что пограничные посты в Пикардии и Нормандии так же редки и не защищены, как леса Джебборо, — вот роскошная перспектива для племени воинов. От моря и до моря пели тетивы в крестьянских домах и звенела сталь в замках.

Не понадобилось также много времени, чтобы каждая крепость выслала своих кавалеристов и каждое село — своих пехотинцев. В последние дни поздней осени и первые дни зимы все дороги и проселки были полны звуками нагаров и труб, ржанием коней и топотом ратников. Начиная от Врекина на валлийской границе и до Котсуолдза на западе или Батсера на юге, не было ни одного холма, с которого крестьяне бы не видели яркого блеска оружия, развевающихся плюмажей и пестрых кистей. С проселков, с просек, с извилистых троп текли ручейки стали и на больших дорогах сливались в широкий поток, он все рос и увеличивался, стремясь к наиболее близкой или удобно расположенной морской гавани. А там с утра до ночи день за днем люди толпились, суетясь и работая, а большие корабли после погрузки один за другим расправляли белые крылья и мчались в открытое море среди звона цимбал, рокота барабанов и веселых возгласов тех, кто отплывал, и тех, кто ждал своей очереди. От Оруэлла до Дарта не было ни одного порта, который бы не отправил своего маленького флота с весело развевающимися флагами и вымпелами, словно суда шли на праздник. Так, в это сумрачное время года военная мощь Англии устремила к морю.

В древнем и густо населенном Хампширском округе не было недостатка ни в командирах, ни в солдатах, раз дело обещало славу или выгоду. На севере Сарацинская голова Брокасов и Алая рыба Де Рошей развевались над сильным отрядом лучников из лесов Холта, Вулмера и Харвуда. Де Борхэнт поднялся на востоке, а сэр Джон де Монтегю — на западе. Сэр Льюк де Поненж, сэр Томас Уэст, сэр Морис де Брюэн, сэр Артур Липскомб, сэр Уолтер Рамсей и дородный сэр Оливер Баттестхорн — все двигались на юг, набирая рекрутов в Андовере, Олресфорде, Одилхаме и Винчестере, а из Суссекса двигались сэр Джон Клинтон, сэр Томас Чейн и сэр Джон Фоллисли с войском вооруженных ополченцев, направляясь в порт Саутгемптон. Но больше всех был отряд добровольцев, собравшихся в замке Туинхэм, ибо имя и слава сэра Найджела Лоринга привлекали к нему самых смелых и отважных: они жаждали служить под началом столь храброго командира. Лучники из Нью-Фореста и Форест-оф-Бир, ратники из веселой местности, омываемой реками Стауром, Эйвоном и Итченом, юноши из старинных хампширских родов — все устремились к Крайстчерчу, чтобы служить под знаменем с пятью алыми розами.

И если бы теперь у сэра Найджела было поместье, которого требовал закон о рангах, он заменил бы свое раздвоенное знамя квадратным и взял бы с собой в ратное поле такую свиту, какая подобает знаменному рыцарю. Но его угнетала бедность, земля его родила скудно, сундуки пустовали, и самый замок, под крышей которого он жил, был взят в аренду. И какую же он испытывал горечь, когда видел, что меткие лучники и закаленные в боях копейщики уходят от его ворот из-за того, что у него не хватает денег на их жалованье и снаряжение. Все же письмо, доставленное Эйлвардом, дало ему полномочия, которыми он не замедлил воспользоваться. В нем сэр Клод Латур, гасконский лейтенант Белого отряда, заверял сэра Найджела, что в его распоряжении осталось достаточно средств, чтобы снарядить сто лучников и двести ратников, и вместе с тремястами ветеранами Отряда, уже находящимися во Франции, это составит силу, которой может гордиться любой командир. Тщательно и придирчиво отбирал рыцарь-ветеран солдат из множества добровольцев. Не раз взволнованно совещался он с Черным Саймоном, Сэмом Эйлвардом и другими наиболее опытными своими приверженцами, кого взять и кого оставить. Все же ко Дню всех святых, не успели еще все листья опадать на землю в просеках Виверли и Холмслея, как весь нужный состав людей был набран, и под знаменем сэра Лоринга оказался отряд самых сильных лучников из хампширских лесников, которые когда-либо натягивали тетиву боевого лука. Кроме того, двадцать хорошо

вооруженных всадников составляли кавалерию отряда, а двое юношей — Питер Терлейк из Фэрема и Уолтер Форд из Ботли — воинственные сыновья воинственных отцов — снарядились за собственный счет, чтобы быть при сэре Найдзеле и делить с Аллейном обязанности оруженосца.

Однако и сейчас, после того как отряд был сформирован, предстояло сделать еще очень многое, чтобы он мог пуститься в путь. О доспехах, мечях и копьях особенно заботиться не приходилось, ибо все это было гораздо лучше и дешевле в Бордо, чем в Англии. Но с боевыми луками дело обстояло иначе. Правда, тисовую основу можно достать и в Испании, но лучше было запастись побольше и обращаться с нею бережливее. Для каждого лука надо было захватить по три тетивы, а также наконечники для стрел, кольчуги стального плетения, стеганные изнутри стальные шлемы и налокотники, ибо все эти вещи лучнику необходимы. А главное — на много миль кругом женщины спешно шили белые верхние куртки, которыми отличались воины Белого отряда, и украшали их на груди изображением алого льва, св. Георгия. Когда все было готово и в замковом дворе произвели перекличку, старейший солдат, воевавший против французов, вынужден был признать, что еще не видел лучше вооруженного и более храброго отряда, начиная от старого рыцаря в шелковом кафтане, сидевшего на крупном боевом коне, до Хордла Джона, рекрута-великана, небрежно опиравшегося спиной на огромный черный стержень лука. Из ста двадцати человек добрая половина уже служила раньше, и особенно выделялись то там, то здесь люди, провоевавшие всю свою жизнь и участвовавшие в тех сражениях, в которых островная пехота снискала себе славу и восхищение всего мира.

Шесть долгих недель ушло на эти приготовления, и только под самый день св. Мартина все было готово для выступления. Почти два месяца провел Аллейн Эдриксон в замке Туинхэм — и этим месяцам было суждено изменить все течение его жизни, отклонить ее от того мрачного и одинокого русла, к которому оно как будто стремилось, и направить по более свободным и светлым путям. Он уже понял, что должен благословлять отца за его мудрую предусмотрительность, заставившую сына изведать мирскую жизнь, прежде чем отречься от нее.

Ибо этот мир оказался иным, чем он рисовал себе, и совершенно отличным от того, каким его изображал наставник послушников, когда громил свирепых волков, подстерегающих людей за мирными холмами Боле. В этом мире существовала, без сомнения, и жестокость, и сладострастие, и грех, и скорбь, но разве не было наряду с ними и высоких добродетелей, твердых, мужественных добродетелей, которые не боятся соблазнов и остаются верными себе во всех грубых столкновениях повседневной жизни? Какой бледной казалась по контрасту с ними безгрешность, проистекающая из неспособности грешить, или победа, состоящая в бегстве от врага! Хотя Аллейна и воспитали монахи, у него была врожденная трезвость взгляда и ум, достаточно гибкий и молодой, чтобы приходить к новым выводам и отбрасывать устаревшие. Он не мог не видеть, что люди, с которыми он был вынужден соприкасаться, пусть грубы в речах, вспыльчивы и драчливы, но по природе своей они глубже и нужнее для жизни, чем монахи с их воловьим взглядом, которые лишь воздвигались ото сна, ели и спали, из года в год все в том же тесном и затхлом круге своего существования. Аббат был хорошим человеком, но чем он лучше этого доброго рыцаря, который живет так же просто и так же твердо верен своему идеалу долга, выполняя со всей искренностью своего бесстрашного сердца то, что было необходимо выполнять? Обращаясь мысленно от служения одного к служению другому, Аллейн не ощущал, что в чем-то изменяет своим высоким жизненным целям. Правда, у него была мягкая созерцательная натура и его отталкивали мрачные военные труды, и все же в эти дни военных приказов и солдатского побратимства не было непреодолимой пропасти между священником и воином. В одном человеке могли сочетаться, не сталкиваясь, служитель божий и служитель меча. Ради чего же ему, скромному клирику, испытывать угрызения совести, если представляется такой прекрасный случай исполнить волю его отца не только в смысле ее духа, но и буквы. Он прошел через упорную внутреннюю борьбу, тревожные вопросы и полуночные молитвы, через многие сомнения и тревоги; но в результате, не пробыв и трех дней в замке Туинхэм, он уже оказался на службе у сэра Найдзеля и получил лошадь и снаряжение, которые должны были быть оплачены из его доли военной добычи. Затем он стал проводить по семь часов в сутки на турнирном поле, чтобы стать достойным оруженосцем столь достойного рыцаря. Молодой, ловкий, энергичный, полный сил, сбереженных благодаря годам чистой и здоровой жизни, он очень скоро стал управлять конем и владеть оружием настолько хорошо, что строгие воины одобрительно кивали или ставили на него против Терлейка и Форда, его сотоварищей по службе.

Но не было ли еще каких-либо соображений, влекших его в мир и прочь от монастыря? Душа человека настолько сложна, что сам он подчас едва способен разобраться в глубочайших причинах, побуждающих его к действию. Перед Аллейном открылась та сторона жизни, в отношении которой он был до сих пор невинен, как дитя, однако она имела столь важное

значение, что не могла не повлиять на него при выборе пути. Согласно взглядам монахов, женщина — это воплощение всего, чего надлежит бояться и избегать. Ее присутствие настолько способно осквернить душу, что истинный цистерцианец не должен даже поднимать глаз и смотреть на ее лицо или касаться кончика ее пальцев, иначе ему грозит отлучение от церкви и опасность смертного греха. А здесь день за днем целый час после утренней и вечерней служб он проводил в тесном общении с тремя девушками, причем все были молоды, все красивы, а следовательно, с монашеской точки зрения, тем опаснее. Однако в их присутствии у него быстро возникла к ним симпатия, он испытывал приятную непринужденность, девушки сразу отзывались на все, что в нем было лучшего и мягкого, и это наполняло его душу смутной и новой для него радостью.

Вместе с тем леди Мод Лоринг была нелегкой ученицей. Даже для мужчины постарше и поопытнее она, наверное, явилась бы загадкой: изменчивость ее настроений, ее неожиданные предрассудки, ее мгновенное возмущение всем принудительным, всяким авторитетом. Если предмет был для нее интересен, если в нем открывался простор для романтики и воображения, она стремительно овладевала им своим деятельным гибким умом, оставляя позади своих двух соучениц, а порой и учителя, и они с трудом поспевали за ней. Но если нужны были унылое терпение, упорная работа и усилия памяти, никакими способами не удавалось закрепить в ее голове ни одного факта. Аллейн мог рассказывать ей о древних богах и героях, о доблестных подвигах и возвышенных целях или говорить о луне и звездах, разрешая своей фантазии углубляться в тайны вселенной, и перед ним опять сидела восхищенная слушательница с пылающими щеками и выразительным взором, которая могла повторить слово в слово все, что произносили его губы. Но когда дело доходило до «Альмагеста» и астрологии, цифр и эпициклов, ее мысли устремлялись к лошадям и собакам, а рассеянный взгляд и равнодушное лицо показывали учителю, что он потерял власть над ученицей. Тогда ему оставалось только принести старинную книгу рыцарских романов со следами пальцев на кожаном переплете и золотыми буквами на алом фоне и этим вернуть ее отсутствующий ум на стезю учения.

Порой бывало и так, что на нее находило буйное настроение, она начинала дерзить и бунтовать против Аллейна. А он спокойно продолжал урок, не обращая внимания на ее мятеж, пока его долготерпение вдруг не покоряло ее, и тогда она впадала в самообличение, гораздо более суровое, чем ее вина. Случилось так, что однажды утром, когда на нее опять нашел бунтарский дух, Агата, молодая камеристка, думая угодить своей госпоже, тоже принялась качать головой и делать язвительные замечания по поводу вопросов учителя. Леди Мод мгновенно повернулась к Агате, глаза вспыхнули, лицо побелело от гнева.

— И ты смеешь! — сказала она. — И ты смеешь!

Испуганная девушка пыталась оправдаться.

— Но, достойная леди, — пробормотала она, запинаясь, — что я такого сделала? Я повторила только то, что слышала от вас.

— И ты смеешь, — повторила леди Мод, задыхаясь, — ты, пустышка, дурья голова, понятия не имеющая ни о чем, кроме швов на белье. А он такой добрый, и способный, и терпеливый! Тебе следовало бы... Нет, лучше выйди вон!

Она говорила, все повышая голос, и при этом сжимала и разжимала свои длинные тонкие пальцы, поэтому не удивительно, что не успела она договорить, как юбка Агаты мелькнула в дверях и из коридора донеслись ее всхлипывания, звучавшие все тише по мере того, как она удалялась.

Аллейн стоял, пораженно глядя на эту тигрицу, внезапно метнувшуюся, чтобы защитить его.

— Не нужно так гневаться, — мягко заметил он. — Слова этой девушки не задели меня. Вы сами совершили ошибку.

— Знаю! — воскликнула она. — Я ужасно дурная женщина. Но я не могу допустить, чтобы вас обижали. Ma foi! Уж я позабочусь о том, чтобы это не повторилось!

— Да нет, нет, никто меня не обижал, — отозвался он. — Вся беда в ваших собственных необдуманных и обидных словах. Вы обозвали ее пустышкой, дурьей головой и еще не знаю как.

— Вы сами учили меня говорить правду! — снова крикнула она. — А теперь, когда я высказала ее, я вам опять не угодила. А она дурья голова, я так и буду ее звать — дурья голова!

Вот пример неожиданных пререканий, по временам нарушавших мир в этом маленьком классе. Но по мере того, как проходили недели, пререкания возникали все реже и были все менее бурными, ибо Аллейн своим твердым и стойким характером все больше влиял на леди Мод. И все же, говоря по правде, он вынужден был спрашивать себя, не она ли все больше влияет на него и приобретает все большую власть над ним. И если менялась она, то другим становился и он. Хотя он старался отвлечь ее от мирской жизни, его самого все больше влекло к этой жизни. Напрасно он боролся с собой и доказывал, что это безумие — разрешать себе помыслы о дочери сэра Найджела. Кто он — младший сын, нищий клирик, оруженосец, не имеющий ни гроша, чтобы заплатить за свое снаряжение, и как он дерзает поднимать свои взоры на прекраснейшую девушку в Хапмшире? Так говорил разум, но вопреки ему голос ее постоянно звенел у него в ушах, и ее образ жил в его сердце. Сильнее разума, сильнее монастырского воспитания, сильнее всего, что могло сдержать юношу, оказался древний-древний тиран, не терпящий соперников в царстве молодости.

И все-таки Аллейн был удивлен и потрясен, когда понял, насколько глубоко она вошла в его жизнь, насколько смутные мечты и желания, наполнявшие его духовную сущность, теперь все сосредоточились на этом столь земном предмете. Он едва решался осознать постигшую его перемену, когда несколько случайно сказанных слов, словно вспышка молнии в ночи, в беспощадной ясностью открыли ему правду.

Однажды, в ноябре, он вместе с другим оруженосцем, Питером Терлейком, отправился верхом в Пул, к Уоту Суотлингу, дорсетширскому оружейнику, за тисовыми пластинами для луков. Близился день отъезда, и оба юноши, возвращаясь домой, торопили лошадей и мчались через пустынную низменность со всей скоростью, на какую были способны их кони, ибо уже наступил вечер, а дел оставалось еще очень много. Питер был крепкий, жилистый и смуглый паренек, выросший в деревне, он ждал предстоящей войны, как школьник каникул. Но в этот день он был хмур и молчалив и лишь изредка произносил слово из внимания к своему товарищу.

— Скажи мне, Аллейн Эдриксон, — вдруг начал он, когда они скакали по извилистой тропе, которая вела через Борнемаутские холмы, — тебе не кажется, что за последнее время леди Мод бледнее и молчаливее, чем обычно?

— Может быть, — коротко отозвался Аллейн.

— И предпочитает с рассеянным видом сидеть в своем алькове, чем весело мчаться на охоту, как бывало прежде. По-моему, Аллейн, то, чему ты учишь ее, отняло у нее жизнерадостность. Учение ей не по силам, как тяжелое копье легкому всаднику.

— Так приказала ее матушка, — ответил Аллейн.

— Но ведь леди Найджел — при всем моем почтении к ней — скорее пристало бы вести в атаку отряд солдат, чем воспитывать такую хрупкую, белоснежную девицу. Слушай, Аллейн, я скажу тебе то, чего не говорил до сих пор ни одной живой душе. Я люблю прекрасную леди Мод и отдал бы до капли всю кровь моего сердца, чтобы угодить ей.

Он говорил задыхаясь, и в лунном свете его лицо пылало.

Аллейн промолчал, но ему почудилось, будто его сердце превратилось в ледяной ком.

— У моего отца богатые земли, — продолжал Питер, — они тянутся от Фэрем-Крика до склонов Портсдаун-Хилла. Там засыпают хлеб в закрома, рубят деревья, мелют зерно и пасут стада овец, и всякого добра сколько душе угодно, а я единственный сын. И я уверен, что сэр Найджел был бы доволен таким союзом.

— А как думает сама леди Мод? — спросил Аллейн пересохшими губами.

— Ах, парень, в том-то и вся беда, только головой качнет или глаза опустит, когда я хоть словом обмолвлюсь о том, что у меня в душе. Легче было бы завоевать любовь снегурки, которую мы слепили прошлой зимой во дворе замка. Я попросил у нее вчера вечером только ее зеленый шарф, чтобы носить на моем шлеме как ее значок, но она рассердилась и заявила, что бережет его для человека получше, и тут же попросила прощения за резкие слова. И все-таки она не хочет ни брать их обратно, ни подарить мне шарф. Тебе не кажется, Аллейн, что она кого-то любит?

— Нет, не могу этого сказать, — ответил Аллейн, но сердце у него вздрогнуло от внезапно родившейся надежды.

— Мне так подумалось. А кого, не знаю. В самом деле, кроме меня. Уолтера Форда да тебя, а ты ведь наполовину лицо духовное, да еще отца Христофора из монастыря и пажа Бертрана, кого она здесь видит?

— Не могу сказать, — отрывисто повторил Аллейн, и оба оруженосца поехали дальше, каждый погруженный в собственные мысли.

На другой день во время утреннего урока учитель действительно заметил, что его ученица бледна и измучена, взгляд у нее потухший, движения вялые; увидев эту тревожную перемену, он испытал горестное чувство.

— Боюсь, что ваша хозяйка больна, Агата, — сказал он камеристке, когда леди Мод вышла из комнаты.

Девушка искоса посмотрела на него смеющимися глазами.

— От этой болезни не умирают, — ответила она.

— Дай бог! — воскликнул он. — Но скажите мне, Агата, что у нее болит?

— Мне кажется, я могла бы указать на другое сердце, которое страдает тем же недугом, — сказала та, снова взглянув на него искоса. — Неужели ты не знаешь, что это, — ведь ты такой искусный лекарь?

— Да нет, просто она кажется мне очень утомленной.

— Ну, так вспомните, что всего через три дня вы все уедете и в замке Туинхэм будет тоскливо, как в монастыре. Разве этого недостаточно, чтобы дама опечалилась?

— Это правда, конечно, — ответил он. — Я забыл, что ей предстоит разлука с отцом.

— С отцом! — воскликнула камеристка, усмехнувшись. — Ах, простота, простота!

И она вылетела в коридор, точно стрела, а Аллейн стоял, растерянно глядя ей вслед, охваченный сомнением и надеждой, едва дерзая понять тот смысл, который как будто крылся в ее словах!

Глава XIII

Как Белый отряд отправился воевать

День св. евангелиста Луки настал и прошел, и только ко дню св. Мартина, когда забивают скот, Белый отряд был готов к выступлению. Под громкие звуки рогов, раздававшиеся с главной башни и у ворот, и веселый, воинственный треск барабана солдаты собирались на внешнем дворе, держа в руках зажженные факелы, так как еще не забрезжил рассвет. Аллейн из окна оружейной смотрел на странное зрелище: перед ним был круг желтых трепетных огней, строй воинов с суровыми бородами лицами, отблески факелов на оружии, лошади, опустившие морды. Впереди стояли лучники в десять рядов, окаймляли же строй младшие командиры: они сновали взад и вперед и равняли ряды, отдавая короткие распоряжения. Позади виднелась кучка закованных в латы всадников, их копья стояли торчком, цветные кисти свисали вдоль дубовых древков. Всадники были так неподвижны и безмолвны, что их можно было бы принять за металлические статуи; лишь время от времени одна из лошадей быстро и нетерпеливо била копытом и терлась о сбрую, когда натягивала ее, или трясла головой. На расстоянии копья от всадников сидел тощий и долговязый Черный Саймон, ратник из Нориджа, его свирепое, резко очерченное лицо было обрамлено сталью шлема, на правом плече висел шелковый значок с пятью алыми розами. По краю освещенного круга стояли слуги, солдаты будущего гарнизона и маленькие группы женщин; они всхлипывали, сморкались в уголки фартуков и пронзительно выкрикивали имена своих святых, чтобы те охраняли Уота, или Уилла, или Питеркина, взявшихся за ратный труд.

Молодой оруженосец наклонился вперед, вглядываясь в это волнующее зрелище военных сборов, и вдруг услышал у своего плеча короткий, отрывистый вздох — это была леди Мод; она стояла, прислонившись к стене, прижав руку к сердцу, прекрасная и стройная, как полураспустившаяся лилия. Девушка отвернулась от него, но он видел по ее судорожному дыханию, что она горько плачет.

— Увы! Увы! — воскликнул он, глубоко огорченный ее слезами. — Чем вы так опечалены, госпожа?

— Я смотрю на этих храбрых людей, — ответила она, — подумать только, сколько их уходит и как мало вернется! Я видела уже такое зрелище, когда была маленькой, в год великой битвы Принца. Я помню, как солдаты вот так же строились во дворе, а моя матушка держала меня на руках у этого же окна, чтобы я могла видеть их.

— Если будет угодно богу, они вернутся меньше чем через год, — заметил Аллейн.

Она покачала головой, обративши к нему лицо, ее щеки пылали, глаза блестели при свете лампы.

— О, я ненавижу себя за то, что я женщина! — воскликнула она и топнула маленькой ножкой. — Какую я могу принести пользу? Мне приходится сидеть и ждать, ткать, шить да заниматься болтовней. Все то же самое вокруг меня, и все такое унылое, а по сути — одна пустота. И теперь еще вы уезжаете, а вы хоть могли уводить мои мысли из этих серых стен и поднимать мою душу над вышивками и прялкой. Много ли от меня проку? Не больше, чем от этого сломанного лука.

— Но вы так нужны мне, — воскликнул юноша, словно подхваченный потоком горячих, страстных слов, — что все остальное потеряло всякое значение! Вы моя душа, моя жизнь, я думаю только о вас одной. О Мад, я не могу жить без вас, не могу расстаться с вами без единого слова любви. Весь я изменился с тех пор, как узнал вас. Пусть я беден, незнатен и

недостойн вас, но если великая любовь может все пересилить, то моя любовь это сделает. Дайте мне с собой на войну одно слово надежды, одно! О, вы вздрогнули, вы отстраняетесь! Мои неистовые слова напугали вас!

Дважды открывала она уста и дважды не произнесла ни звука. Наконец заговорила строго и сдержанно, словно боялась слишком непринужденных речей.

— Как это случилось так вдруг? — сказала она. — Еще недавно земная жизнь была для вас ничем. И вот вы переменились; может быть, еще раз переменитесь?

— Жестокая! — воскликнул он. — А кто причина этой перемены?

— И тут еще ваш брат, — продолжала она со смешком, будто не заметив его слов. — По-моему, в вас сказалась семейная черта Эдриксонов. Простите, я не хотела вас обидеть. Но в самом деле, Аллейн, это на меня свалилось так неожиданно, я просто не знаю, что ответить.

— Скажите мне одно слово надежды, как бы она ни была далека, одно доброе слово, и я буду лелеять и беречь его в своем сердце.

— Нет, Аллейн, это была бы жестокая доброта, а вы были мне слишком хорошим и истинным другом, чтобы я так безжалостно злоупотребила этой дружбой. Между нами не может быть более тесной близости. И безумие — мечтать о ней. Хотя бы по одному тому, что мой отец и ваш брат восстали бы против нее.

— Мой брат? Какое он к этому имеет отношение? А ваш отец...

— Слушайте, Аллейн, разве не вы учили меня хорошо и честно относиться ко всем людям, а значит, и к моему отцу?

— Вы правы, — воскликнул он, — вы правы, но вы не отвергаете меня, Мод? Вы оставите мне хоть один луч надежды? Я же не прошу ни залога любви, ни обещаний. Скажите только, что в вас нет ненависти ко мне, что когда-нибудь, в более счастливый день, я, может быть, услышу от вас и более ласковые слова.

Ее взгляд, устремленный на него, смягчился, и ласковый ответ был уже у нее на устах, когда снизу, со двора, донеслись хриплые крики, звон оружия и топот копыт. При этих звуках ее черты словно отвердели, глаза засверкали, щеки вспыхнули, она откинула голову и стояла теперь перед ним — огненная душа, воплотившаяся в теле женщины.

— Мой отец сошел вниз, — заявила она. — Ваше место подле него. Нет, не смотрите на меня так, Аллейн. Сейчас не время заниматься пустяками. Добейтесь любви моего отца, тогда все будет возможно. Только когда храбрый солдат выполнит свой долг, смеет он помышлять о награде. Прощайте и да хранит вас бог! — Она протянула ему белую, стройную руку, но когда он склонился над ней, чтобы поцеловать, девушка скользнула прочь и исчезла, оставив в его протянутой руке тот самый зеленый шарф, о котором тщетно мечтал бедный Питер Терлейк. Снизу снова донеслось ржание коней, и Аллейн услышал звон опускной решетки. Прижав шарф к губам, он сунул его за пазуху и со всех ног бросился к своему оружию, чтобы поскорее собраться и быть рядом со своим господином.

Хмурое утро наступило раньше, чем отъезжающих обнесли элем с пряностями и пожелали им счастливого пути. С моря дул студеный ветер, и по небу неслись разорванные облака. Обитатели Крайстчерча стояли, закутавшись, возле моста через Эйвон, женщины потуже затягивали платки, мужчины запахивали кафтаны, а по извилистой тропе со стороны замка выступал авангард маленького войска, и шаги воинов звенели на мерзлой земле. Впереди со знаменем ехал Черный Саймон на сухощавом и мощном сером в яблоках боевом коне, таком же выносливым, жилистым и закаленным в боях, как он сам. Позади него, по трое в ряд, следовали девять ратников, все — копейщики, они участвовали и раньше в сражениях с французами и знали дороги Пикардии, как луга своего родного Хампшира. Они были вооружены копьем, мечом и дубиной, а также квадратным щитом; в правом верхнем углу щита торчало острие, которым они могли колоть, как пикой. Для защиты на каждом воине была куртка ремennого плетения, укрепленного на плечах, локтях и предплечьях стальными пластинками. Наголенники и наколенники были также кожаные со стальными скрепами, а перчатки и башмаки — из железных, прочно соединенных пластинок. Так, под звон оружия и топот копыт, они перешли Эйвонский мост, а горожане радостно приветствовали флаг с пятью розами и его доблестного носителя.

За всадниками следовали по пятам сорок лучников — все бородатые крепыши, с мишенями за спиной и с желтыми луками, торчавшими из-за правого плеча, — этим наиболее

смертоносным оружием, до той поры изобретенным человеком; на поясе у каждого висел топор или меч, в соответствии с характером хозяина, а правое бедро прикрывал кожаный колчан, ошетилившийся гусиными, голубиными и павлиньими перьями. За лучниками следовали два барабанщика и два трубача в двухцветной одежде. Затем — двадцать семь выючных лошадей, на которых были погружены кольца для палаток, куски ткани, запасное оружие, шпоры, клинья, котлы, подковы, мешки с гвоздями и сотни других предметов, которые, как показывал опыт, могли понадобиться в разоренной и враждебной стране. Белый мул под красной попоной, которого вел под уздцы слуга, нес ночное белье сэра Найджела и его посуду. Потом шли еще два десятка лучников, десяток ратников и, наконец, тыловая охрана из двадцати лучников, причем в первом ряду высилась огромная фигура Большого Джона, а рядом выступал ветеран Эйлвард, и его потертая одежда и поношенные доспехи странно выделялись среди белоснежных курток и сверкающих кольчуг его сотоварищей. Из шеренги в шеренгу летел перекрестный огонь приветствий, вопросов и грубоватых шуток, на которые такие мастера западные саксы, и такими же любезностями обменивались марширующие лучники с глазевшей на них толпой.

— Holà! Гэффер Хиггинсон! — крикнул Эйлвард, завидев дорожную фигуру деревенского трактирщика. — Видно, придется другим угощаться твоим хваленым светлым пивом, mon gar? Прости-прощай.

— Клянусь апостолом Павлом, не придется! — отозвался трактирщик. — Вы все высосали. Хотя бы каплю оставили в бочонке — да черта с два! Давно пора вам убираться отсюда.

— Коли твоя бочка пуста, значит, кошелек у тебя набит! — рявкнул Хордл Джон.

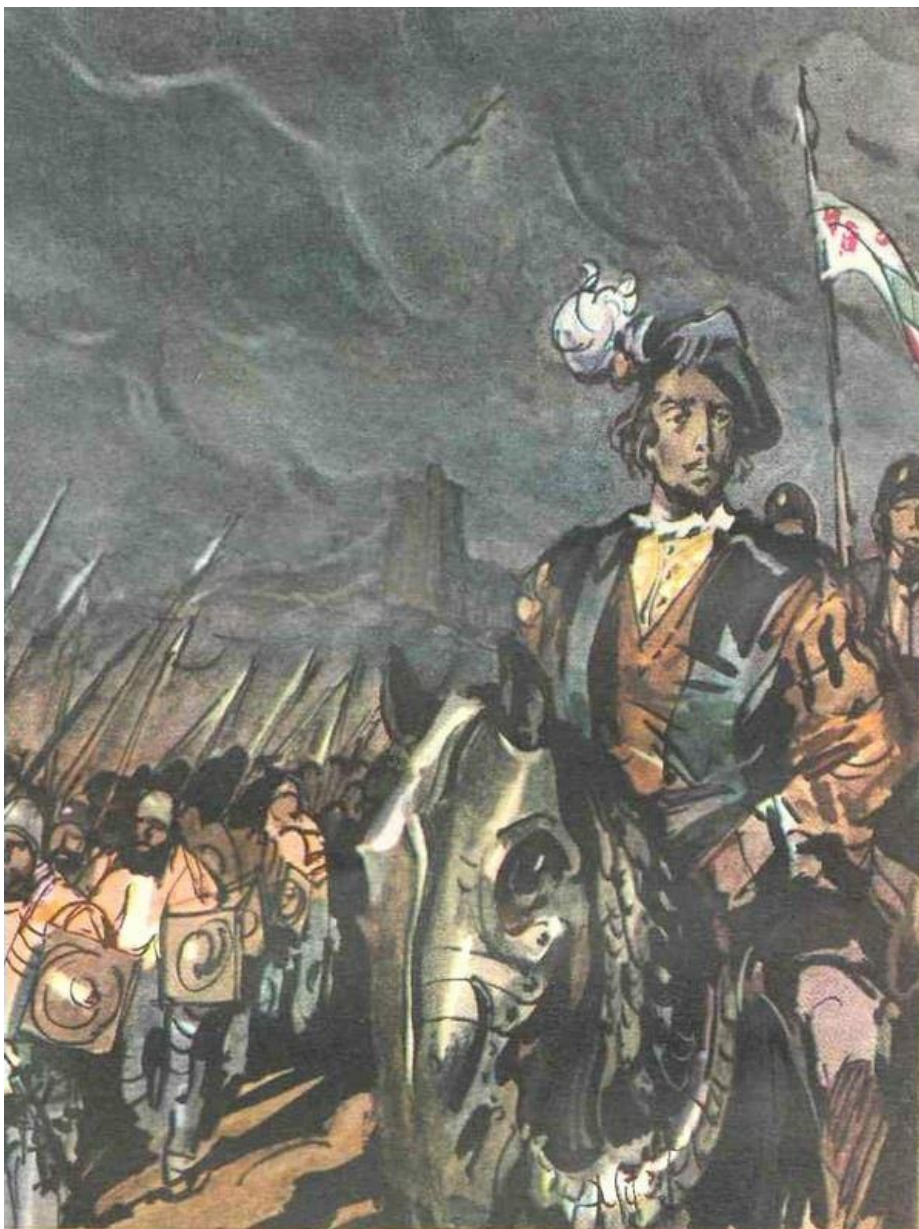
— Смотри, дед, береги для нас самое лучшее, когда мы вернемся.

— А ты, лучник, береги-ка свою глотку, чтоб было куда лить! — крикнул чей-то голос из толпы, и все захохотали над этой грубоватой остротой.

— Обещаешь пиво, обещаю и глотку, — спокойно отозвался Джон.

— Сомкнуть ряды, — приказал Эйлвард. — En avant, mes enfants! Ах, клянусь моими десятью пальцами, вон она, моя милочка Мэри с монастырской мельницы. Ma foi, да она же красавица! Adieu, Мэри, ma chérie. Мое сердце навеки принадлежит тебе. Затяни-ка пояс, Уоткинс, и расправь плечи, как подобает воину Белого отряда. Клянусь эфесом! Ваши куртки станут не чище моей, пока вы снова увидите Хенджистбери-Хед.

Отряд уже успел дойти до поворота дороги, а сэр Найджел Лоринг только еще выехал из своего замка; под ним был Поммерс, его рослый боевой конь, и когда по деревянному подъемному мосту загремели его мощные копыта, их грохот отдался громким эхом в сумрачном пролете. Сэр Найджел был по-прежнему в своей бархатной одежде мирного времени, в плоском бархатном берете с кудрявым страусовым пером, прикрепленным золотой пряжкой. Трем ехавшим позади него оруженосцам казалось, что на голове у рыцаря не только перо птицы, но и ее яйцо, ибо сзади его лысина блестела, как шар из слоновой кости. При нем не было оружия, только длинный и тяжелый меч, висевший на луке седла, но Терлейк вез перед ним высокий шлем, увенчанный изображением дракона, Форд держал тяжелое тисовое копьё с раздвоенным знаменем, тогда как Аллейну был доверен расписной щит. Леди Лоринг ехала на дамской верховой лошади по левую руку от своего супруга; она намеревалась проводить его до лесной опушки и время от времени поворачивалась к нему своим резко очерченным лицом, задумчиво окидывая взглядом его снаряжение и доспехи.

— Я надеюсь, что ничего не забыто, — заметила она наконец и приказала Аллейну ехать рядом с ней по другую сторону. — Доверяю его вам, Эдриксон. Штаны, рубашки, куртки и нижнее белье — в коричневой корзине на левом боку у мулла. В холодные ночи он пьет вино подогретым — мальвазию или вернэдж, а пряностей нужно класть, сколько поместится на ногте большого пальца. Следите за ним, чтобы он менял белье, когда вернется разгоряченный после стычки. В баночке есть гусиный жир, на случай, если при перемене погоды у него начнут ныть старые раны. И пусть одеяла у него будут сухие, и...

— Оставь, жизнь моя, — прервал ее малорослый рыцарь. — Не тревожься сейчас насчет всего этого. Почему ты так бледен и печален, Эдриксон? Разве не должно взыграть сердце истинного мужа при виде достойного отряда столь отважных копейщиков и веселых лучников? Клянусь апостолом Павлом, было бы очень плохо, если бы меня не радовало, что впереди моих храбрых соратников реют пять алых роз.

— Кошелек я уже отдала вам, Эдриксон, — продолжала леди Лоринг. — В нем двадцать три марки, один нобиль, три шиллинга и четыре пенса, это большие деньги, и они доверены одному человеку. И прошу вас помнить, Эдриксон, что у него две пары башмаков — одна из красной кожи, на каждый день, а другая — с золотыми цепочками на носках, эти пусть надевает, если ему придется пить вино с Принцем или с Чандосом.

— Дорогая птичка, — сказал сэр Лоринг, — мне очень жаль расставаться с вами, но вот мы уже достигли опушки, и не годится мне увозить хозяйку замка слишком далеко от ее владений.

— Послушайте, дорогой супруг, — воскликнула она, и губы ее задрожали, — разрешите мне проехать с вами еще один ферлон или немного больше. Ведь вам и так предстоят долгие мили в печальном одиночестве.

— Ну, пусть будет по-вашему, радость моего сердца, — ответил он. — Но вы должны мне что-нибудь дать в залог. С тех пор, как я узнал вас, дорогая, у меня вошло в обычай: где бы я ни оказался — в лагере, в городах или в крепостях, — всюду герольд должен возвестить, что так как дама моего сердца — самая красивая и прелестная из всех дам христианского мира, то я сочту для себя великой честью и любезным одолжением, если мне будет дана возможность троекратно сразиться на острых копьях с любым рыцарем, утверждающим, что и его дама обладает теми же достоинствами. Поэтому, молю вас, моя прекрасная голубка, пожертвовать мне одну из ваших замшевых перчаток, чтобы я мог носить ее как символ той, чьим слугой я буду вечно.

— Увы, увy, зачем называть меня красивейшей и прелестнейшей! — воскликнула она. — Как бы я хотела быть ради вас, дорогой супруг, и красивой и прелестной, но на самом деле я стара и безобразна, и рыцари будут смеяться, если вы поднимете копье, прославляя меня.

— Эдриксон, — обратился сэр Найджел к своему оруженосцу, — у тебя глаза молодые, а мои слегка затуманены возрастом. Если тебе доведется увидеть, что какой-либо рыцарь засмеялся, или даже только усмехнулся, или хотя бы изумленно поднял брови, скривил губы или иным каким-нибудь образом выказал свое удивление, что я защищаю эту леди Мэри, ты запомнишь его имя, его герб, узнаешь, где он живет. Итак, вашу перчатку, греза моей жизни!

Леди Мэри Лоринг стянула с руки желтую замшевую перчатку, он принял ее с почтительным поклоном и прикрепил спереди к своему бархатному берету.

— Она будет возле другого моего ангела-хранителя, пояснил он, указывая на изображение святого, приколотое рядом. — А теперь, моя самая дорогая, вы отъехали достаточно далеко. Пусть святая Дева охранит вас и поможет вам! Один поцелуй!

Он наклонился к ней, затем пришпорил коня и галопом поскакал вслед за своим отрядом, сопровождаемый тремя оруженосцами. Проехав полмили, когда дорога уже поднялась на вершину холма, всадники обернулись, — леди Мэри на своей белой лошади все еще была там, где они ее оставили. Через мгновение они уже спускались по другую сторону холма, и она исчезла из их глаз.

Глава XIV

Как сэр Найджел искал дорожных приключений

Некоторое время сэр Найджел казался очень опечаленным и подавленным, его брови были сдвинуты, взор опущен на луку седла. Эдриксон и Терлейк ехали позади него едва ли в лучшем настроении, а Форд, беззаботный и легкомысленный юноша, усмехаясь, поглядывал на меланхолические лица товарищей и размахивал мечом своего господина, делая выпады то вправо, то влево, словно паладин, сражающийся с целым полчищем напавших на него врагов. Однако сэр Найджел случайно обернулся, и Форд мгновенно выпрямился и окаменел, словно его хватил паралич. Четверо всадников ехали одни, ибо лучники скрылись за поворотом, хотя до Аллейна доносилось тяжелое топанье их ног, а порой между голыми ветками вспыхивала сталь оружия.

— Поезжайте рядом со мной, друзья, побеседуем, — сказал рыцарь, придерживая коня, чтобы они поравнялись с ним. — Ибо, раз вы уже решились сопровождать меня на войну, вам следует знать, как лучше всего служить мне. Не сомневаюсь, что ты, Терлейк, покажешь себя достойным сыном своего храброго отца, а ты, Форд, — своего. И что ты, Эдриксон, будешь помнить тот старинный род, из которого, как всем известно, ты произошел. Прежде всего затвердите крепко-накрепко: мы идем, чтобы воевать, а отнюдь не чтобы грабить добычу или вымогать богатые выкупы, хотя и это, конечно, может случиться. Мы отправляемся во Францию, а оттуда, я надеюсь, в Испанию и будем смиренно искать поля брани, где могли бы одержать победу и снискать малую толику славы. Поэтому вы должны знать, что я не намерен упускать ни одной возможности, если есть хоть какая-то надежда добыть эту славу. Я хотел бы, чтобы вы запомнили мои слова и отнеслись к ним со всем вниманием, а также сообщали мне обо всех вызовах на поединок, письменных и устных, обо всех насилиях, несправедливостях и низостях и также обо всех обидах, причиненных женщинам. Здесь мелочей не существует, я сам был свидетелем таких случаев, когда оброненная перчатка или крошка хлеба, смахнутая со стола, были так истолкованы, что приводили к благородному турниру на копьях. Но, слушай, Эдриксон, если не ошибаюсь, вон по той дороге среди зарослей едет какой-то всадник. Пожалуй, было бы хорошо, чтобы ты приветствовал его от моего имени, и, если он знатного рода, он, может быть, захочет обменяться со мной ударами?

— Нет, милорд, — заметил Форд, поднявшийся в стременах и смотревший вдаль из-под ладони. — Это старик Хоб Дэвидсон, толстопузый мельник из Милтона.

— Ах да, в самом деле, — согласился сэр Найджел разочарованно. — Однако дорожными встречами не следует пренебрегать, ибо такие случайные встречи бывают особенно удачными, если рыцари ищут успехов. Хорошо помню, как в двух лигах от города Реймса я встретил чрезвычайно храброго и любезного французского рыцаря, с которым мы весьма благородно и почетно бились в течение целого часа. Я до сих пор жалею, что так и не узнал его имени, ибо он обрушил на меня свою палицу и поехал дальше до того, как я оказался в силах поговорить с ним; но его герб — скакун на лазурном поле. При таких же обстоятельствах мне проколол плечо Лион де Монкур, я встретился с ним на большой дороге между Либурном и Бордо. Видел я его всего лишь раз, но нет человека, к которому я относился бы с большей любовью и уважением. Такая же встреча состоялась у меня и с кавалером Ле Бур Капилле. Он был весьма отважным командиром, если бы остался жив.

— Так он умер? — спросил Аллейн Эдриксон.

— Увы! Таков был мой несчастный жребий, ибо я убил его в стычке, происшедшей между нами на поле поблизости от местечка Тарбеса. Я уже не помню, как все случилось, это было в год, когда Принц проезжал через Лангедок и состоялось множество замечательных поединков. Клянусь апостолом, мне кажется, достойный рыцарь не может и желать лучших условий для успеха, если он, мчась впереди армии, подъезжает к воротам Нарбонны, или Бержерака, или Мон-Гискара, где любезные джентльмены всегда готовы пойти навстречу вашим желаниям или помочь вам исполнить ваш обет. При Вентадуре один из них, к великому восторгу его дамы, трижды успел сразиться со мной между рассветом и восходом солнца.

— И вы тоже прикончили его, милорд? — с почтительным восхищением спросил Форд.

— Я так этого и не узнал, ибо его унесли за ограду, а я ухитрился сломать себе ногу, и мне было очень трудно не только сесть в седло, но и стоять на земле. Однако благодаря божьей милости и благочестивому заступничеству святого Георгия довольно скоро после этого, во время большой битвы при Пуатье, я уже снова был на своем коне. Но кто это идет? Если не ошибаюсь, красивая и приветливая девица.

Действительно, они увидели статную, полную деревенскую девушку, на голове она несла корзинку со шпинатом, под мышкой большой ломоть копченой грудинки. Когда сэр Найджел снял бархатный берет и направил к ней своего крупного коня, она неуклюже присела, испуганно кланяясь.

— Господь с тобой, прекрасная девица! — сказал он.

— Господь да сохранит вас, милорд, — ответила девушка; она растягивала слова на манер западных саксов и смущенно переминалась с ноги на ногу.

— Ничего не бойся, прекрасная девица, но скажи, не может ли ничтожный и недостойный рыцарь случайно быть тебе чем-нибудь полезен? Если кто-нибудь жестоко тебя обидел, я мог бы восстановить справедливость.

— Да нет, добрый сэр, — ответила она, крепче прижимая к себе грудинку, словно за этим рыцарским предложением могло таиться желание покуситься на свинину. — Я скотница у фермера Арнольда, а он уж такой добрый хозяин, лучше и не бывает.

— Ну, хорошо, — отозвался сэр Найджел, тронул поводья и поехал дальше по лесной тропе. — Я прошу вас запомнить, — обратился он к своим оруженосцам, — что у ложных рыцарей есть низменная привычка выказывать нежную галантность лишь в отношении девушек дворянского происхождения, а вместе с тем истинный рыцарь обязан выслушать самую простую женщину, если она поведает ему о своей обиде. Но вот скачет всадник, который, как видно, спешит. Пожалуй, нам следует спросить его, куда он едет, ибо это может быть один из тех, кто хочет добиться успеха в рыцарском поединке.

Гладкая, твердая, подметенная ветром дорога впереди них ныряла в лощинку, снова поднималась по косогору на той стороне и исчезала среди стройных сосен. Далеко впереди, между темных стволов быстрые вспышки показывали путь, по которому продолжал двигаться отряд. К северу тянулись леса, а к югу между двумя холмами чуть виднелось холодное сверкание моря и белое пятно паруса на далекой линии горизонта. Навстречу путникам какой-то всадник поднимался по склону, усердно понукая коня хлыстом и шпорами, — так человек спешит к определенной цели. По мере того, как чалая лошадь приближалась, Аллейн все яснее видел, что она покрыта пылью и бока у нее в клочьях пены, словно она проскакала много миль. У всадника было угрюмое лицо, жестко очерченный рот и сухой взгляд, на боку у него звякал тяжелый меч, а через луку седла был перекинут какой-то предмет, завернутый в белый холст.

— Посланец короля! — рявкнул он, подъезжая к ним. — Посланец короля! Освободите дорогу для слуги короля.

— Не кричите так громко, приятель, — заметил маленький рыцарь, повертывая своего коня и ставя его поперек дороги. — Я сам был слугою короля тридцать лет и больше, но не считал нужным кричать об этом на мирной проезжей дороге.

— Я еду по его приказу, — ответил всадник, — и везу его собственность. Ты загородил мне путь на свою погибель.

— Однако я знавал и врагов короля, уверявших, что они действуют его именем, — заметил сэр Найджел. — Дьявол может таиться и под светлыми ризами. Мы должны получить знак или доказательство, что ты действительно выполняешь возложенное на тебя поручение.

— Тогда я вынужден применить силу! — воскликнул незнакомец, выставив вперед плечо и кладя руку на эфес меча. — Я не позволю, чтобы меня задерживал всякий бродяга, когда я служу королю.

— Если вы джентльмен и имеете герб, я буду очень рад продолжить с вами это объяснение. Если же нет, — у меня есть трое весьма достойных оруженосцев, и каждый из них готов заняться этим делом и поспорить с вами самым почетным образом.

Незнакомец гневно окинул взглядом всю группу, но рука соскользнула с эфеса.

— Вы хотите получить доказательство? — сказал он. — Вот глядите, если оно вам так уж необходимо. — С этими словами он развернул холст, в который был завернут лежавший на луке предмет, и они с ужасом увидели недавно отрубленную человеческую ногу. — Клянусь божьим зубом, — продолжал всадник с грубым смешком, — вы хотели знать, принадлежу ли я к знати, — да, так оно и есть, ибо я состою офицером при дворе главного лесничего в Линдхерсте. Эту воровскую ногу следует повесить в Милтоне, а другая уже висит в

Брокенхерсте, чтобы все люди знали, какая участь ждет слишком большого любителя паштета из оленины.

— Фу! — воскликнул сэр Найджел. — Переезжайте-ка на другую сторону дороги, давайте расстанемся поскорее. Мы поедем рысью, друзья, напрямик через эту веселую долину, ибо, клянусь пресвятой девой, глоток свежего божьего воздуха очень приятен после такого зрелища. Мы надеялись поймать сокола, а в наши силки попала черная ворона! Ma foi! Однако существуют люди, чье сердце жестче, чем шкура кабана. Что до меня, то я играю в военную игру с тех пор, как у меня на подбородке выросли волосы, и я видел, как за один день десять тысяч храбрецов полегли на поле брани, но, клянусь моим создателем, я никогда не выполнял работы мясника.

— А все-таки, милорд, — сказал Эдриксон, — как приходилось слышать от людей, такой дьявольской работы было и во Франции многовато.

— Слишком много, слишком, — отозвался сэр Найджел. — Однако я всегда замечал, что на поле боя впереди идут обычно те, кто считает недостойным обидеть пленного, клянусь апостолом, а не те, кто, пробивая брешь в крепостной стене, жаждет прежде всего разграбить город, и не лодыри, не мошенники, которые валят толпой по уже расчищенной для них дороге. Но что это там между деревьями?

— Это часовня пресвятой Девы, — ответил Терлейк, — и слепой нищий, живущий подаяниями тех, кто приходит ей поклониться.

— Часовня! — воскликнул рыцарь. — Тогда давайте помолимся. — Сняв берет и сложив руки, он запел пронзительным голосом: — *Benedictus dominus Deus meus, qui docet manus meas ad proelium, et digitos meos ad bellum.*

Странной фигурой казался своим оруженосцам этот маленький человечек на высоком коне: его взор был возведен к небу, а лысина поблескивала в лучах зимнего солнца.

— Это возвышенная молитва, — сказал он, снова надевая берет, — меня научил ей сам благородный Чандос. А как живешь ты, отец? Мне кажется, я должен пожалеть тебя, ведь я сам подобен человеку, глядящему сквозь окно с роговой пластиной, тогда как соседи смотрят сквозь чистый кристалл. И все-таки, клянусь апостолом, существует еще огромное расстояние между тем, кто смотрит через такое окно, и совершенно незрячим.

— Увы, достойный сэр! — воскликнул слепой старик. — Я не вижу благословенной небесной лазури вот уже два десятка лет, с тех пор, как вспышка молнии лишила меня зрения.

— Ты слеп ко многому, что хорошо и справедливо, — заметил сэр Лоринг, — но также избавлен от созерцания многих горестей и низостей. Только что наши глаза были оскорблены зрелищем, которое тебя бы не затронуло. Но, клянусь апостолом, нам пора, не то наш отряд подумает, что он уже потерял своего командира в каком-нибудь поединке. Брось старику мой кошелек, Эдриксон, и поехали.

Аллейн, задержавшись позади остальных, вспомнил совет леди Лоринг и ограничился одним пенни, а нищий, бормоча благословения, опустил монету в свою котомку. Затем, прищипорив коня, молодой оруженосец изо всех сил помчался вслед своим товарищам и нагнал их в том месте, где лес переходит в вересковые заросли и по обе стороны извилистой дороги с глубокими колеями разбросаны хижины деревни Хордл. Отряд уже выходил из нее; но когда рыцарь и оруженосцы нагнали своих, они услышали пронзительные крики и взрывы басовитого хохота в рядах лучников. Еще мгновение — и они поравнялись с последним рядом; там каждый шел, отворотившись от соседа, и ухмылялся. Сбоку от колонны шагал огромный рыжий лучник, вытянув руку, и, видимо, убеждал и уговаривал бежавшую за ним по пятам морщинистую старушонку, которая низвергала потоки брани, сопровождая их ударами палкой; она лупила рыжего детину изо всех сил, хотя могла с таким же успехом лупить дерево в лесу: результат был бы тот же.

— Я надеюсь, Эйлвард, — сказал, подъезжая, сэр Найджел, — что вы никакой силы к этой женщине не применяли? Если бы это случилось, виновника вздернули бы на первом же дереве, будь он хоть самым отменным лучником на свете.

— Нет, достойный лорд, — ответил Эйлвард с ухмылкой, — тут к мужчине применяется сила. Он из Хордла, а это его мать, которая вышла приветствовать его.

— Ах ты, распутный лодырь, — выла та, едва переводя дух после каждого удара, — бессовестный, никудышный оболтус! Я тебе покажу! Я тебя проучу! Клянусь богом!

— Тише, матушка, — сказал Джон, обернувшись и косясь на нее, — я лучник, я отправляюсь во Францию, чтобы наносить удары и получать их.

— Во Францию, говоришь? — завизжала старуха. — Останься здесь со мной, и я обещаю тебе побольше ударов, чем в твоей Франции. Если тебе нужны удары, так незачем идти дальше Хордла.

— Клянусь эфесом, старуха говорит правду, — заметил Эйлвард. — Тут ты их получишь достаточно.

— А ты чего лезешь? Ишь, бритый каторжник, нищий! — заорала разъяренная женщина, накидываясь на лучника. — Что, я права не имею побеседовать с собственным сыном, ты непременно тоже должен языком трепать? Солдат, а ни волоска на морде. Я видела солдат и получше, а тебе еще нужна кашка да пеленка.

— Ну, держись, Эйлвард! — закричали лучники среди нового взрыва хохота.

— Не перечь ей, друг, — попросил Большой Джон. — В ее годы такой нрав — дело обычное, она не выносит, если ей перечат. А у меня на сердце становится по-домашнему тепло, когда я слышу ее голос, и чувствую, что она идет позади меня. И все-таки я должен вас оставить, матушка, дорога слишком кочковатая для ваших ног. Но я привезу вам шелковое платье, коли такое найдется во Франции или в Испании, а Джинни — серебрянный пенни; поэтому до свидания, и господь да сохранит вас.

Обхватив старушку, он бережно поднял ее, слегка коснулся ее лица губами, а потом, снова заняв свое место среди лучников, зашагал дальше с хохочущими товарищами.

— Вот он всегда так, — жалобно обратилась старуха к сэру Найджелу, который, подъехав к ней, слушал ее с величайшей учтивостью. — И всегда все делает по-своему, как я ни старайся повлиять на него. Сначала ему понадобилось стать заправским монахом, — одна баба, видишь, была настолько умна, что отвернулась от него. А теперь вступил в какой-то отряд мошенников, и ему необходимо идти воевать, а у меня нет никого, даже чтобы развести огонь в очаге, когда я уйду, или присмотреть в поле за коровой, когда я дома. А разве я была ему плохой матерью? Ведь за день, бывало, три охапки ореховых прутьев обломаю об его спину, а ему все нипочем, вот так же, как вы видели сегодня.

— Уверен, что он вернется к вам цел и невредим и с деньгами в кармане, достойная госпожа, — сказал сэр Найджел. — И меня очень огорчает, что, так как я уже отдал свой кошелек одному нищему на большой дороге, я...

— Нет, милорд, — вмешался Аллейн, — у меня еще остались ваши деньги.

— Тогда прошу тебя отдать их этой весьма достойной женщине.

С этими словами он отъехал, а Аллейн, вручив матери Джона два пенса, простился с ней возле ее хижины на самом конце деревни, и вслед ему донесся ее пронзительный голос, выкрикивавший уже не брань, а благословения.

На пути к Лимингтон-Форду оказались два перекрестка, и на каждом сэр Найджел поднимал лошадь на дыбы, она принималась делать всякие прыжки и курбеты, а он вертел головой туда и сюда, ожидая, не пошлет ли ему судьба какое-нибудь приключение. Перекрестки, как он объяснял своим оруженосцам, удивительно подходящее место для рыцарских поединков, и в дни его юности рыцари нередко проводили в таких местах целые недели и вступали в благородные состязания ради собственных успехов и во славу своих дам. Однако времена уже стали не те, и лесные дороги, извивавшиеся и уходившие вдаль, были безлюдны и тихи, на них не раздавалось ни топота копыт, ни звона оружия, которые могли возвещать приближение противника, поэтому сэр Найджел продолжал путь, разочарованный. Реку под Лимингтоном они, осыпая брызгами, перешли вброд, потом расположились на луговинах противоположного берега и поели хлеба и солонины; припасы везли на вьючных лошадях. А затем, хотя солнце уже склонялось к горизонту, снова собрались и весело двинулись дальше, проходя по двести футов с такой быстротой, словно это были только два фута.

Есть еще один перекресток, там, где дорога из Болдера спускается вниз, к старой рыбацкой деревне Питтс-Дип. Когда всадники достигли его, они увидели двух идущих по склону мужчин, один шел на шаг или два позади другого. Рыцарь и его оруженосцы вынуждены были остановить лошадей, ибо, кажется, никогда еще столь странная пара не путешествовала по дорогам Англии. Первый, уродливый широкоплечий мужчина с жестокими и хитрыми глазами и копной рыжих волос, нес в руках маленькое некрашеное распятие, которое он высоко

держал над головой, чтобы все могли его видеть. Казалось, он испытывает высшую степень страха, лицо его было глинистого цвета, и он трясся всем телом, словно в приступе лихорадки. А сзади, все время наступая ему на пятки, шел другой — угрюмый и чернобородый, с жестким взглядом и твердым ртом. Он нес на плече тяжелую узловатую дубинку с тремя зазубренными гвоздями на конце. Время от времени чернобородый крутил ее в воздухе дрожащей рукой, словно едва удерживался, чтобы не разломить голову своему спутнику. Так шагали они в молчании под густыми ветвями деревьев по заросшей травой тропинке, ведущей в Болдер.

— Клянусь апостолом, — заявил рыцарь, — вот необычайно странное зрелище, и тут может возникнуть почетная стычка. Прошу тебя, Эдриксон, подъезжай к ним и расспроси, что это значит.

Однако Аллейн не успел исполнить данный ему приказ, ибо странная пара быстро приближалась к ним и была уже на расстоянии меча, когда человек с крестом сел на поросшую травой кочку возле дороги, а второй остановился рядом с ним, все еще держа над его головой свирепую дубинку. Он был так поглощен своим спутником, что даже не взглянул ни на рыцаря, ни на его оруженосцев и не спускал яростных глаз с сидевшего на кочке.

— Прошу вас, приятель, — начал сэр Найджел, — скажите нам чистую правду, кто вы и почему преследуете этого человека с такой жестокой враждебностью?

— Пока я под защитой королевского закона, — ответил незнакомец, — я не вижу, почему должен отвечать любому встречному на большой дороге.

— Рассуждаете вы не слишком умно, — отозвался рыцарь, — ибо если вы действуете по закону, угрожая этому человеку дубиной, то я также буду действовать по закону, угрожая вам мечом.

Путник с крестом тут же упал на колени, стиснул руки над головой, и лицо его озарилось надеждой.

— Умоляю вас, достойный лорд, именем господа нашего Иисуса Христа, — воскликнул он срывающимся голосом, — у меня на поясе мешок, в нем сотня нобилей, и я добровольно все уступлю вам, если только вы пронзите этого человека вашим мечом!

— Что ты говоришь, низкий мошенник, — надменно ответил сэр Найджел, — или ты воображаешь, будто удар рыцаря можно купить, как товар разносчика? Клянусь апостолом! По всей видимости, этот человек имеет все основания питать к тебе ненависть.

— Истинно вы говорите, достойный сэр, — вмешался человек с дубинкой, в то время как другой снова уселся на кочку. — Человек этот — Питер Питерсон, весьма известный разбойник, взломщик и убийца, он в течение многих лет творил злые дела в окрестностях Винчестера. И вот совсем недавно, в праздник святых Симона и Иуды, он убил моего младшего брата, Уильяма, в Бир-Форесте, и за это, клянусь черным шипом из Гластонбери, я выжму у него кровь из сердца капля по капле, пусть даже мне пришлось бы следовать за ним на край света!

— Но если все это действительно правда, зачем было ходить с ним так далеко?

— Потому что я честный англичанин и не возьму больше того, что разрешено законом. Ибо, совершив свое злодеяние, этот гнусный негодяй бежал в обитель Святого креста, а я, как вы, конечно, понимаете, помчался за ним что было сил. Однако приор отдал приказ: пока убийца держит этот крест, ни один человек не смеет коснуться его под страхом отлучения от церкви, от чего бог да убережет меня и моих близких. Однако если он, например, положит крест на что-нибудь, или не явится в Питтс-Дип, где ему приказано сесть на корабль, отплывающий в заморские страны, или если не сядет на первое же из таких судов, или, пока корабль готовят к отправке, не будет каждый день заходить в море по самые чресла, тогда он окажется вне закона и я сейчас же размозжу ему голову.

Тут сидевший на земле человек зарычал на него, а стоящий скрипнул зубами и помахал дубинкой, глядя на преступника, и в глазах у него была жажда убийства. Рыцарь и оруженосцы, пораженные, смотрели то на убийцу, то на мстителя, но так как больше не могли задерживаться, они в конце концов поехали своей дорогой. Обернувшись, Аллейн увидел, что убийца извлек из своей сумы сыр и хлеб и молча стал жевать, продолжая прижимать к груди защитный крест, а другой, темный и угрюмый, все так же стоял на залитой солнцем дороге, отбрасывая на врага свою мрачную тень.

Глава XV

Как желтое рыбацкое судно отплыло из Липа

Эту ночь отряд провел в монастыре св. Леонарда, в его поместительных амбарах и спикариях, места эти были хорошо известны и Аллейну и Джону, они даже были видны из аббатства Болье. Молодой оруженосец почувствовал странный трепет, когда снова появились монахи в знакомых белых одеждах и он услышал размеренный густой звон колокола, призывающего к вечерне. С первыми лучами рассвета отряд переправился на пароме через широкую, медленно текущую, заросшую камышами реку — люди, лошади и поклажа — и, овеянный свежим утренним воздухом, продолжал свой путь мимо Эксбери на Лип. Когда они поднялись по крутому склону, перед ними во всю ширь вдруг развернулся вид на старую гавань — группа домов, полоса голубого дыма и бухта, ошестинившаяся мачтами. Справа и слева длинная-длинная дуга желтого побережья Солента входила концами в кайму пены. Несколько в стороне от города на плавном прибое лениво покачивались рыбацьи шхуны, челноки и другие мелкие суда. Дальше в море стоял большой торговый корабль с высокими бортами и глубокой осадкой, выкрашенный в канареечно-желтый цвет и вздымающийся над рыбацкими лодками, точно лебедь над утятами.

— Клянусь апостолом, — сказал рыцарь, — наш добрый купец из Саутгемптона не обманул нас: мне кажется, я вижу вон там наше судно. Он говорил, что оно очень большое и желтого цвета.

— Клянусь эфесом, да, — пробормотал Эйлвард, — оно желтое, словно коготь коршуна, и способно взять на борт столько людей, сколько семечек в гранате.

— Тем лучше, — заметил Терлейк, — ибо мне кажется, что не мы одни намерены перебраться в Гасконь. По временам я замечаю какое-то поблескивание вон между теми домами, и уж конечно, это не куртки моряков и не кафтаны горожан.

— Я тоже вижу, — сказал Аллейн, глядя из-под ладони. — И я вижу вооруженных людей в тех лодках, которые снуют между кораблем и берегом. Но мне кажется, нам очень рады, вот уже идут встречать нас.

И действительно, из северных ворот города торопливо вышла шумная толпа рыбаков, горожан, женщин и приближалась к ним по краю пустоши, махая им и приплясывая от радости, словно с этих людей свалилось бремя страха перед великой опасностью. Впереди ехал верхом очень высокий и строгий человек с тяжелым подбородком и отвисшей губой. Его шея была обмотана меховым шарфом, поверх висела тяжелая золотая цепь, на которой болталась какая-то медаль.

— Добро пожаловать, могущественный и благородный лорд! — воскликнул он, снимая шапку перед Черным Саймоном. — Я наслышан о храбрых деяниях вашей светлости, и их можно ожидать, видя ваше лицо и стать. Могу ли я в каком-нибудь малом деле быть вам полезен?

— Если вы спрашиваете меня, — ответил ратник, — то я был бы очень благодарен, когда бы вы отдали мне одно или два звена из той цепи, которая висит у вас на шее.

— Как? Цепь нашего сословия? — воскликнул тот в ужасе. — Древняя цепь города Липа? Это просто неудачная шутка, сэра Найджел.

— А зачем же, чума вас заberi, вы спросили меня? — отозвался Саймон. — Если же вы хотите говорить с сэром Найджелом Лорингом, то вот он, на вороном коне.

Городской голова Липа растерянно уставился на кроткое лицо и юношескую фигуру знаменитого воина.

— Прошу прощения, ваша милость! — воскликнул он. — Перед вами городской голова и главный судья древнего и могущественного города Липа! Добро пожаловать, тем более, что вы прибыли в ту минуту, когда мы крайне нуждаемся в защите.

— Вот как! — воскликнул сэра Найджел, наострив уши.

— Да, милорд, город наш очень древний, и его стены одного с ним возраста, из чего следует, что они тоже древние. Но существуют некий гнусный и кровожадный нормандец-пират Черная Голова и генуэзец по имени Тито Караччи, более известный под прозвищем «Борода-лопатой»; оба они стали бичом наших берегов. В самом деле, милорд, это очень жестокие и свирепые люди, бесстыдные и грубые, и если они заявили в древний и могущественный город Лип...

— ...тогда прощай древний и могущественный город Лип, — подхватил Форд, чья склонность к болтливости порой оказывалась сильнее его благоговения перед сэром Найджелом.

Однако рыцарь был слишком захвачен услышанным и не обратил внимания на дерзость своего оруженосца.

— А есть основания предполагать, что эти люди намерены напасть на вас? — спросил сэр Найджел.

— Они приплыли на двух больших галерах, — ответил городской голова, — с двумя рядами весел по каждому борту, большим запасом оружия и множеством вооруженных людей. В Уэймуте и Портленде они грабили и убивали. Вчера утром они были в Каусе, и мы видели дым от горевших ферм. Сегодня они стоят поблизости от Фрэшуотера, и мы очень боимся, как бы они не явились к нам и не натворили беды.

— Нам нельзя задерживаться, — сказал сэр Найджел; он направился к городу, городской голова шел слева от него. — Принц ждет нас в Бордо, и мы не можем опоздать к общему военному смотру. Но я обещаю вам, что по пути мы найдем время побывать в Фрэшуотере и принудим этих разбойников оставить вас в покое.

— Мы вам очень благодарны! — воскликнул городской голова. — Но я не знаю, как вы без военного корабля выступите против этих головорезов. А с вашими лучниками вы можете отстоять город и нанести им большой урон, если они попытаются высадиться.

— Вон там стоит весьма подходящее судно, — ответил сэр Найджел, — и было бы очень странно, если бы любое судно не стало военным с такими людьми, как мои, на борту. Certes, мы так и сделаем, и не позднее, чем сегодня.

— Милорд, — заявил волосатый смуглый человек, который шел по другую сторону рыцаря, возле его стремени, наклонив голову, чтобы слышать все его слова. — Я не сомневаюсь, что вы искусны в ведении наземного боя и в командовании копейщиками, но, клянусь спасением души, вы увидите, что бой на море — совсем другое дело. Я старший шкипер этого желтого корабля, и мое имя — Гудвин Хаутейн. Я плаваю всю жизнь — с тех пор, как был ростом вот с эту дубинку, — сражался против нормандцев и против генуэзцев, а также шотландцев, бретонцев, испанцев и мавров и уверяю вас, сэр, что для такой работы мой корабль слишком легкий и хрупкий и кончится тем, что нам перережут горло или продадут в рабство варварам.

— У меня тоже есть опыт одной или двух благородных и почетных морских стычек, — ответил сэр Найджел, — и я очень рад, что нам предстоит столь славная задача. Я полагаю, добрый шкипер, что мы с вами можем заслужить в этом деле великую честь, и я отлично вижу, насколько вы человек храбрый и решительный.

— Мне бы этого не хотелось, — упрямо возразил шкипер. — Клянусь богом, нет. И все-таки Гудвин Хаутейн не такой человек, чтобы отстать, когда его товарищи рвутся вперед. Клянусь спасением души! Потонем мы или выплывем, а я поверну свое судно носом к бухте Фрэшуотер, и если достойному хозяину Уизертону из Саутгемптона не понравится мое обращение с его кораблем, пусть ищет себе другого шкипера.

Они подъехали уже к старым северным воротам, и Аллейн, слегка повернувшись в седле, взглянул на пеструю толпу, следовавшую за ними. Лучники и ратники нарушили свои ряды и смешались с рыбаками и горожанами, чьи смеющиеся лица и радостные жесты показывали, какие заботы сняло с них появление отряда сэра Найджела. Там и сям среди движущейся массы темных и белых курток мелькали красные и голубые пятна — это были шарфы и шали женщин. Эйлвард, держа под руку двух рыбачек, клялся в любви то правой, то левой, а Большой Джон плыл, словно глыба, впереди толпы, и на его мощном плече восседала круглолицая девчонка, обвив белой мягкой рукой его голову в сверкающем шлеме. Так двигалась толпа до самых городских ворот, где была остановлена неправдоподобно жирным человеком, который выскочил из города, причем в каждой черте его румяного лица выражалась ярость.

— Ну так как же, сэр? — заревел он, словно бык, обращаясь к городскому голове. — Как же? Насчет устриц и ракушек-петушков?

— Клянусь пресвятой Девой, дорогой сэр Оливер, — воскликнул тот, — у меня были такие заботы из-за этих гнусных негодяев у нас под боком, что все это совершенно вылетело из головы!

— Слова, слова! — снова яростно заорал сэр Оливер. — И вы думаете отделаться от меня

словами? Я спрашиваю еще раз, как насчет устриц и ракушек?

— Дорогой сэра, ваши речи внушают мне тревогу, — ответил городской голова. — Я мирный торговец и не привык, чтобы на меня кричали из-за таких мелочей.

— Мелочи! — взвизгнул толстяк. — Мелочи! Устрицы и ракушки! Пригласили меня на званый обед городских властей, а когда я прихожу, меня ожидают холодный прием и пустой стол. Где мой копьеносец?

— Нет же, сэра Оливер, послушайте, сэра Оливер, — вмешался, смеясь, сэра Найджел. — Пусть ваш гнев утихнет, ведь вместо этого кушанья вы встретили старого друга и товарища.

— Клянусь святым Мартином! — заорал тучный рыцарь, причем все его негодование мгновенно сменилось радостью. — Да это же мой дорогой маленький петушок с берегов Гаронны! Ах, дорогой друг, как я рад видеть вас! Какие деньки мы пережили вместе!

— Ну да, клянусь своей судьбой! — воскликнул сэра Найджел, и глаза его заблестели. — Мы повидали истинных храбрецов, и наши знамена развевались во время многих схваток, клянусь апостолом! Мы познали во Франции немало радостей!

— И горестей тоже, — добавил другой. — У меня остались и печальные воспоминания об этой стране. Вы помните, что постигло нас в Либурне?

— Нет, но я помню одно: мы, во всяком случае, пустили в ход мечи.

— Ну и ну! — воскликнул сэра Оливер. — А вы все еще держите в уме только клинки да шлемы! Нет у вас в душе места для более кротких радостей. Ах, я до сих пор не могу говорить об этом без волнения. Такой пирог, такие нежные голуби, а в подливке не соль, а сахар! И вы были в тот день со мной, и сэра Клод Латур, и лорд Поммерс!

— Вспоминаю, — сказал сэра Найджел, рассмеявшись, — и как вы гнали повара по улице и как грозились сжечь гостиницу. Клянусь апостолом, досточтимый сэра, — обратился он к городскому голове, — мой старый друг — опасный человек, и советую вам постараться уладить с ним ваши разногласия.

— Через час устрицы и ракушки будут готовы, — ответил городской голова. — Я просил сэра Оливера Баттестхорна оказать мне честь и разделить мою скромную трапезу, изысканностью которой мы немного гордимся, но тревожная весть о пиратах так омрачила мои мысли, что я стал прямо-таки рассеянным. Все же я надеюсь, сэра Найджел, что и вы откушаете с нами полдник.

— У меня слишком много дел, — ответил сэра Найджел, — ведь мы должны погрузиться на корабль — люди и кони — как можно скорее. Сколько у вас солдат, сэра Оливер?

— Трое и сорок. Все сорок пьяны, а трое относительно трезвы. Они все благополучно доставлены на корабль.

— Лучше, если бы они поскорее протрезвели. У меня каждый должен будет взяться за тяжелую работу еще до заката. Я намерен, если вы это одобрите, попытаться атаковать этих норманнских и генуэзских пиратов.

— На генуэзских судах везут икру и кое-какие весьма драгоценные пряности из Леванта, — пояснил сэра Оливер. — Мы можем при удаче получить большую выгоду. Прошу вас, старший шкипер, когда вы подниметесь на борт, вылейте на каждого из моих мерзавцев, которого увидите, по полному шлему морской воды.

Оставив рыцаря-толстяка и городского голову, сэра Найджел повел отряд прямо к воде, а там легкие плашкоуты доставили их на корабль. Одну за другой поднимали лошадей, те на весу бились и брыкались, а потом их опускали в глубокий трюм желтого корабля, где их поджидали ряды стойл, в которых они могли благополучно путешествовать. В ту эпоху англичане умели в подобных случаях действовать искусно и быстро: незадолго до описываемых событий Эдуард в порту Оруэлл посадил на суда пятьдесят тысяч человек с их конями и обозом всего-навсего за двадцать четыре часа. Так ловко действовал сэра Найджел на берегу и так быстро Гудвин Хаутейн — на судне, что сэра Оливер Баттестхорн едва успел проглотить последнюю устрицу, как звуки трубы и нагара возвестили, что все готово и якорь поднят. В последней лодке, отплывшей от берега, сидели рядом оба командира, такие странно противоположные, а под ногами у каждого гребца были сложены крупные камни, которые сэра Найджел приказал взять на корабль. Как только их погрузили, корабль поднял паруса на грот-мачте; он был

пурпурного цвета с позолоченным изображением св. Христофора, несущего на плече Христа. Повеял бриз, надул паруса, статное судно накренилось и пошло вперед, ныряя среди пологих синих валов, под музыку менестрелей, доносившуюся с кормы, и приветственные клики толпы, черневшей каймою вдоль желтого берега. Слева лежал зеленый остров Уайт с его длинной и невысокой извилистой цепью холмов на горизонте и выступавшими друг над другом вершинами; справа — лесистое побережье Хампшира, тянувшееся далеко-далеко; а надо всем раскинулось голубовато-стальное небо с зимним неярким солнцем. Воздух был настолько морозным, что изо рта валил пар.

— Клянусь апостолом, — весело заявил сэр Найджел, который стоял на корме и глядел по сторонам, — эта земля действительно стоит того, чтобы за нее сражаться, и очень жаль ехать во Францию ради того, что можно иметь и дома. Вы не заметили горбуна на берегу?

— Да нет, — пробурчал сэр Оливер, — не заметил, я спешил вниз, у меня устрица в горле застряла, а я так и не выпил налитый мне бокал кипрского вина.

— Я видел горбуна, достойный лорд, — вмешался Терлейк, — старик, одно плечо выше другого.

— Это предвещает удачу, — пояснил сэр Найджел. — Нам также перешли дорогу женщина и священник, поэтому все у нас, видимо, пойдет хорошо. А что ты скажешь, Эдриксон?

— Не знаю, достойный лорд. Древние римляне были народ очень мудрый, а все-таки ставили свою судьбу в зависимость от таких примет: греки тоже, да и другие народы древности, известные своей ученостью. Однако среди современных людей многие насмеются над предзнаменованиями.

— Тут не может быть никаких сомнений, — сказал сэр Оливер Баттестхорн. — Я отлично помню, как однажды в Наварре вдруг слева от меня из совершенно безоблачного неба прогремел гром. Мы поняли, что случится беда. Долго ждать не пришлось: всего через тринадцать дней волки стащили превосходную ляжку оленя, лежавшую у самого входа в мою палатку, и в тот же день две фляги старого вина прокисли и помутнели.

— Принесите-ка снизу мое снаряжение, — обратился сэр Найджел к своим оруженосцам, — а также доспехи сэра Оливера. Мы облачимся в них здесь. Потом займитесь и собой. Я надеюсь, что вы сегодня с честью вступите на путь рыцарских подвигов и покажете себя вполне достойными и храбрыми оруженосцами. А теперь, сэр Оливер, решайте сами: желали бы вы, чтобы я командовал, или вы будете командовать сами?

— Конечно вы, мой петушок, вы! Клянусь пресвятой Девой! Я тоже не цыпленок, но все же не столь многоопытен в военном деле, как оруженосец сэра Уолтера Мэнни. Делайте все, что сочтете нужным.

— Тогда пусть ваше знамя развевается на носу, а мое на корме. В качестве передового охранения я даю вам ваших собственных сорок человек и сорок лучников. А еще сорок человек да мои ратники и оруженосцы будут охранять корму. Десять лучников с тридцатью матросами под началом шкипера пусть находятся на шкафуте, десять будут лежать наготове с камнями и арбалетами. Одобряете такой план?

— Хорошо, клянусь, очень хорошо! Но вот несут мои доспехи, и мне придется потрудиться, — я уже не смогу просто скользнуть в них, как бывало, когда впервые взглянул в лицо войне.

Тем временем во всех частях большого корабля люди суетились и готовились к военным действиям. Лучники стояли группами на палубах, натягивая потуже тетивы и пробуя, крепко ли они держатся в зарубках. Среди них ходили Эйлвард и другие, более пожилые солдаты, то давая вполголоса немногословные указания, то предостерегая.

— Держитесь, мои золотые ребятки, — говорил старый лучник, переходя от кучки к кучке, — клянусь эфесом, нынче нам должно повезти. Не забывайте поговорку Белого отряда.

— Какая же это поговорка, Эйлвард? — крикнуло несколько человек; они слушали, опираясь на свои луки, и посмеивались.

— Один старый лучник говаривал: «Каждый лук туго согнуть. Каждая стрела, чтоб в цель пошла. Каждая тетива натянута крепко. Каждая стрела пусть летит метко!» И если у лучника на уме эта поговорка, на левой руке нарукавник, перчатка для стрельбы на правой и за поясом воску на фартинг, — чего еще может он пожелать?

— Было бы неплохо, — заметил Хордл Джон, — если бы у него за поясом было и на четыре фартинга вина.

— Сначала труд, вино потом, *mon camarade*, однако нам пора занять свои места: мне кажется, вон там, между скалами Нидл и ущельями Элум, я вижу самые верхушки мачт на их судах. Хьюетт, Кук, Джонсон, Каннингем, ваши люди будут охранять корму. Торнбери, Волтере, Хэккетт, Бэддлсмир, вы с сэром Оливером на полубаке. Саймон, ты останешься при знамени сэра Найджела, а десять человек должны пройти на нос.

Спокойно и быстро люди разошлись по местам; они легли плашмя на палубу, ибо так приказал сэр Найджел. В носовой части было укреплено копьё сэра Оливера с его гербом — кабаньей головой на золотом поле. На корме стоял Черный Саймон со знаменем рода Лорингов. На шкафуте находились саутгемптонские моряки, волосатые и смуглые; они скинули куртки, затянули пояса и держали в руках мечи, колотушки и топоры. Их вожак Гудвин Хаутейн на корме разговаривал с сэром Найджелом, время от времени поглядывая то на раздувшийся парус, то на двух матросов, державших румпель.

— Передайте приказ, — сказал сэр Найджел, — чтобы ни один человек не брался за оружие и не натягивал тетивы, пока мой трубач не подаст сигнал. Хорошо бы нам сделать вид, что это — торговое судно из Саутгемптона, и притвориться, будто мы испугались и бежим от них.

— Мы скоро их увидим, — заявил старший шкипер. — Ого, разве я не прав? Вон они притаились в гавани Фрэшуотер, эти водяные змеи. Обратите внимание на дым в том месте, где они совершили свое черное дело! Смотрите, как их лодки спешат отойти от берега! Они нас увидели и созывают людей на борт. А вот они поднимают якорь. Кишат на палубе, словно муравьи! Они действуют, как опытные моряки. Достойный лорд, они не так глупы. Боюсь, что мы задумали больше, чем сможем выполнить. Каждое из их судов — галеас, притом из самых больших и быстроходных.

— Хотел бы я иметь ваши глаза, — отозвался сэр Найджел и прищурился, всматриваясь в пиратские суда. — Как видно, это отличные корабли, и мы получим большое удовольствие от встречи с ними. Хорошо бы сообщить людям, что сегодня мы не будем ни давать пощады, ни ждать пощады. Нет ли у вас случайно на этом судне священника или монаха, мистер Хаутейн?

— Нет, достойный лорд.

— Для моего отряда это не так уж важно, — все они перед отъездом из замка Туинхэм исповедались и причастились, и отец Христофор из аббатства дал мне слово, что они равно подготовлены и для того света и для Гаскони. Но меня берет сомнение относительно этих винчестерцев, прибывших с сэром Оливером, ибо кажутся они мне весьма безбожным отрядом. Передайте приказ, чтобы люди стали на колени, и пусть младшие командиры прочтут для них *Pater, Ave* и *Credo*.

Звякнув оружием, грубые лучники и матросы опустили на колени, склонили головы, сложили руки и стали слушать хрипкое бормотание своих командиров. Странной казалась внезапная тишина; вдруг стали громче и хлюпанье воды, и шорох паруса, и скрип шпангоутов. Многие лучники вытащили из-за пазухи амулеты и реликвии, и тот, у кого этих священных сокровищ оказалось больше обычного, передавал их по рядам товарищей, чтобы каждый мог приложиться и воспользоваться плодами благочестия.

Желтый корабль уже вырвался из тесных вод Солента и теперь нырял и приподнимался на пологих волнах пролива. С востока дул свежий ветер, порой даже резкий; и тогда большой парус туго надувался и клонил судно, пока вода не начинала шипеть под самым фальшбортом. Неуклюжее и широкое, оно переползало с волны на волну, погружая свой закругленный нос в синие валы, и пена белыми комьями летела на палубы. За кормой видны были темные силуэты галеасов, они уже подняли паруса и мчались в погоню из гавани Фрэшуотер, а двойной ряд весел давал им преимущество, благодаря которому они могли догнать любое судно, шедшее только под парусами. Высоким и неприступным казался английский корабль; а длинные черные и быстрые пиратские галеасы походили на двух тощих волков, заметивших царственного оленя, который ничего не подозревая, проходит мимо их лесного логова.

— Может быть, мы повернем, достойный лорд? Или все-таки пойдем дальше? — спросил шкипер, глядя с тревогой назад.

— Нет, мы должны двигаться вперед и притворяться беззащитным купеческим судном.

— А как же ваши знамена? Негодяи увидят, что у нас на борту два рыцаря.

— Но опускать свое знамя не делает чести настоящему рыцарю и не способствует его славе. Пусть знамена остаются: пираты подумают, что это корабль с грузом вина идет в Гасконь или что мы везем шерсть какого-нибудь торговца сукнами и шелком из Стэпла. Ma foi! Они идут весьма быстро. Они несутся на нас, как два ястреба на цаплю. Не видно ли на их парусах какого-нибудь символа или девиза?

— На том, справа, как будто виднеется голова эфиопа, — сказал Аллейн.

— Это знак Черной Головы, нормандца! — воскликнул один из матросов. — Я видел его и раньше, когда он ограбил нас в Уинчелси. Сам он удивительно крупный и сильный человек, и в нем нет жалости ни к женщине, ни к животному. Говорят, у него силы за шестерых; и уж, наверно, грехов на душе тоже за шестерых. А посмотрите: вон бедняги, которые повешены на их нок-реях!

Действительно, на каждом конце рея висела темная человеческая фигура, раскачиваясь и подскакивая при каждом подъеме судна на волну и при каждом спуске.

— Клянусь апостолом, — сказал сэр Найджел, — я надеюсь, что с помощью святого Георгия и пресвятой Девы наш черноголовый друг всего через несколько часов повиснет сам, и очень буду удивлен, если этого не случится. Но что это на другом галеесе?

— Это генуэзский алый крест. Капитан, по прозвищу «Борода-лопатой», очень известный моряк, и он хвастает, что нет на свете матросов и лучников, которые могли бы соперничать с теми, кто служит дожу Бокканегра.

— А это мы проверим, — вставил Гудвин Хаутейн, — но было бы хорошо до того, как они подойдут к нам вплотную, поднять заслоны для защиты от их стрел.

Он хрипло выкрикнул какой-то приказ, и его моряки заработали ловко и безмолвно, поднимая фальшборты и закрепляя их. Все три якоря сэр Найджел велел втащить на шкафут, затем их привязали к мачте на расстоянии двадцати футов друг от друга и оставили под охраной четырех человек. Восемь человек стояли, держа наготове кожаные мехи с водой на случай огненных стрел, которые могли попасть на судно, другие были посланы на мачту и вытянулись на рее, чтобы сбрасывать камни или стрелять из луков, если это окажется нужным.

— Дайте им все, что есть на судне тяжелого и грузного, — сказал сэр Найджел.

— Тогда нам, пожалуй, придется поднять наверх сэра Оливера Баттестхорна, — заметил Форд.

Рыцарь посмотрел на него так, что улыбка мгновенно исчезла с лица юноши.

— Ни один мой оруженосец никогда не позволит себе смеяться над опоясанным рыцарем, — добавил сэр Найджел мягче. — Я понимаю, это только мальчишеская шутка, без желания уязвить. Но я оказал бы плохую услугу твоему отцу, если бы не научил тебя сдерживать свою болтовню.

— Они хотят зажать наше судно с двух сторон, милорд! — воскликнул шкипер. — Смотрите, как они ускоряют ход, обгоняя друг друга! У нормандца есть баллиста или катапульта на полубаке. Смотрите, они наклоняются к гандшпугу, они намерены пустить в ход свое орудие.

— Эйлвард! — крикнул рыцарь. — Возьмите своих трех самых надежных лучников и постарайтесь помешать им. Мне кажется, их можно достать из длинного лука.

— До них семнадцать раз по двадцать шагов... — ответил лучник, водя глазами туда и сюда. — Клянусь моими десятью пальцами, было бы удивительно, если бы мы не смогли сделать им отметину на таком расстоянии. Сюда, Уоткин из Соулея, Арнольд и Длинный Уильям, покажем этим негодяям, что им придется иметь дело с английскими лучниками!

Названные три лучника встали на конце кормы, широко расставили ноги и принялись наводить стрелы на цель, пока их наконечники не оказались на одном уровне с основой.

— У тебя самый верный глаз, Уоткин, — добавил Эйлвард, который стоял рядом с ними, положив стрелу на тетиву. — Целься в негодяя в красной шапке. А вы оба стреляйте в того, со шлемом, я же буду наготове, если вы промахнетесь, — они тоже собираются стрелять. Действуйте, не то мы опоздаем.

Толпа пиратов отхлынула от катапульты, оставив двоих, чтобы сделать выстрел. Один, в красной шапке, наклонился, устанавливая зазубренный камень на длинном конце деревянного рычага, похожем на ложку. Другой держал веревочную петлю, которая должна была

освободить захватывающее приспособление и послать вперед неуклюжий метательный снаряд. Так они стояли одно мгновение, и их фигуры выделялись резко и четко на фоне белого паруса. Затем человек в красной шапке упал поперек камня, между ребрами у него торчала стрела; а второй, раненный в ногу и в шею, корчился и бился на палубе. Когда он падал назад, он освободил пружину, и огромное бревно, описав круг, с чудовищной силой швырнуло его товарища в воду так близко к английскому кораблю, что его изуродованное и растерзанное тело едва не зацепилось за корму. Что касается камня, то он взвился вертикально и упал между кораблем и галеасом. При виде этого лучники и матросы заорали приветствия и расхохотались, а преследователи яростно завывали.

— Ложитесь, *mes enfants*, — приказал Эйлвард, взмахнув левой рукой. — Мы их научим уму-разуму. Вон они тащат щиты и мантилеты. Теперь нам в голову полетят камешки — долго ждать не придется.

Глава XVI

Как желтый корабль сражался с двумя пиратскими галеасами

Все три судна стремительно шли на запад, английское держалось еще впереди, но галеасы постепенно нагоняли его. Слева четко тянулась черта горизонта без единого паруса. Остров уже лежал далеко позади, похожий скорее на облако; прямо перед ними находился Сент-Олбенс-Хед, а в туманной дали — едва видный Портленд. Аллейн стоял возле румпеля; свежий ветер перехватывал дыхание, резкий зимний воздух пощипывал щеки и трепал его белокурые кудри, падавшие из-под шлема. Лицо его разругалось, глаза блеснули, ибо кровь сотен его предков — воинственных саксов — начинала бежать быстрее в жилах.

— А что это? — удивился он, когда чей-то шипящий голос как будто зашептал ему прямо в уши.

Рулевой улыбнулся и указал ногой на стрелу, которая впилась в борт, пущенную из самострела, тяжелую, короткую стрелу. В тот же миг рулевой, пошатнувшись, упал на колени, потом рухнул на палубу и безжизненно застыл, а в его спине торчало окровавленное перо другой стрелы. Когда Аллейн наклонился, чтобы поднять его, воздух вокруг уже был полон пронзительным свистом стрел, и юноша слышал, как они сыпались на палубу, точно яблоки, когда яблоню трясут.

— Поднимите еще два щита на корме, — спокойно приказал сэр Найджел.

— И другого человека к румпелю! — крикнул шкипер.

— Действуйте, Эйлвард, с вашими десятью лучниками, — продолжал рыцарь. — А десять лучников сэра Оливера пусть займутся генуэзцем. Я пока не намерен открывать, какими силами мы можем угрожать им.

Десять лучников выстроились в ряд под началом Эйлварда, а молодым оруженосцам, еще понятия не имевшим о войне, было очень полезно посмотреть, какой порядок и хладнокровие царят среди этих старых солдат, как быстро отдаются приказы и как единодушно — все десять как один человек — их выполняют. Товарищи, скрытые фальшбортами, отпускали по их адресу соленые шутки, критиковали, давали советы:

— Выше, Уот, выше!

— Хорошенько навались, Уилл!

— Не забудь про ветер, Хэл!

Так бормотал этот хор, а над ним пели тетивы, посвистывали стрелы и раздавались короткие приказы старшего лучника:

— Поднять луки! Прицел! Стрелять всем вместе!

Теперь с вражеских судов действовали уже обе баллисты, но они были так замаскированы и прикрыты, что, помимо того мгновения, когда они стреляли, их никак нельзя было обнаружить. Над головами лучников пролетела огромная коричневая глыба, пущенная с генуэзца, и погрузилась в волну. Другая, с нормандца, впилась в шкафут, проломила в трюме спину одной из лошадей и пробила себе дорогу сквозь борт корабля. Две другие, летевшие одновременно, прорвали большую дыру в св. Христофоре, изображенном на парусе, и снесли с полубака троих людей сэра Оливера. Старший шкипер с расстроенным видом посмотрел на рыцаря.

— Они сохраняют то же расстояние, — сказал он. — Наши лучники стреляют превосходно, поэтому те не пойдут на сближение. Но как нам защититься от камней?

— Мне кажется, я могу обмануть их, — бодро ответил рыцарь и отдал лучникам какой-то приказ.

В то же мгновение пятеро из них подняли руки вверх и бросились ничком на палубу. Одного уже сразила стрела, поэтому на ногах остались только четверо.

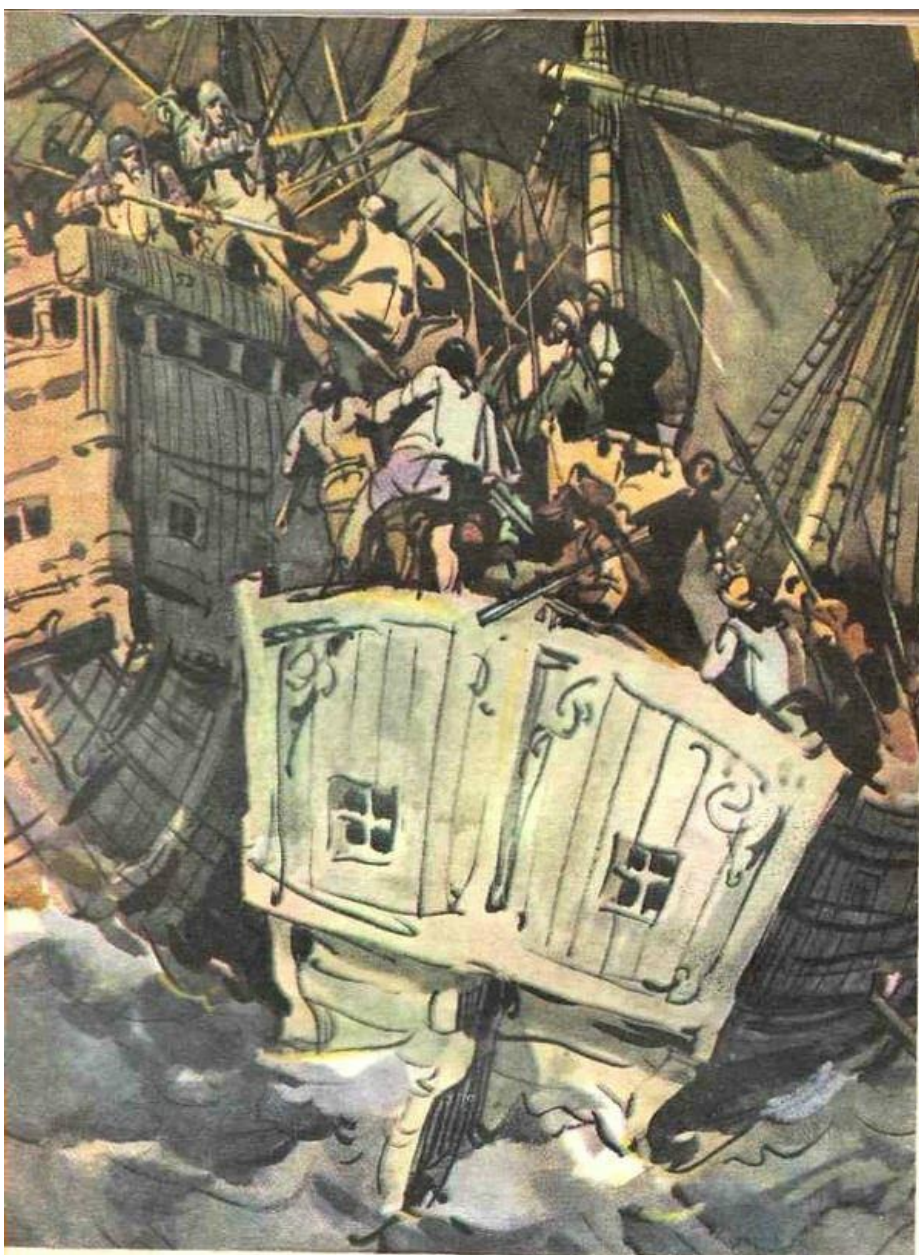
— Это придаст им смелости, — сказал сэр Найджел, разглядывая галеасы, которые ползли с обеих сторон, подвигаясь с каждым неторопливым и размеренным взмахом длинных весел; вода бурлила и пенилась под их острыми носами.

— Они все-таки держатся на расстоянии! — воскликнул Хаутейн.

— Тогда пусть лягут еще двое, — приказал командир. — Этого хватит, та foi. Они идут на нашу приманку, как птенцы в силки птицелова. К оружию, солдаты! Знамя вперед, и вокруг него — оруженосцы! Эй, на шкафуте, возле якорей, будьте готовы к броску! Трубите в трубы, и пусть благословение божье поможет честным людям победить.

Не успел он договорить, как с обеих галеасов донесся рев голосов и дробь барабанов, а вода поднялась фонтанами от ударов сотни весел. Пираты налетели справа и слева, борта и ванты были черны от людей, оружие поблескивало. Тяжелыми гроздьями нависли нападающие над полубаком: белые лица, смуглые лица, желтые, черные, светловолосые северяне, загорелые италийцы, жестокие разбойники-левантийцы и пылкие мавры из варварских стран — люди всех оттенков и со всех концов земли, объединенные только общей печатью зверской свирепости.

Притершись с обеих сторон и положив весла вдоль бортов, чтобы они не переломились, пираты с ужасающим воем и криками хлынули, как поток, на незащищенное торговое судно.

Но еще яростнее и пронзительнее завопили они, когда из безмолвной тени фальшбортов вдруг поднялись длинные шеренги английских лучников и стрелы, свистя, смертельной тучей врезались в не ожидавшую этого толпу на палубах пиратских судов. С более высоких частей корабля лучники стреляли прямо вниз, в ряды врагов, стоявших так близко, что стрела могла

пробить кольчугу или щит из твердого дерева, будь он хоть толщиной в дюйм. На миг Аллейн увидел, что корму галеаса покрыли бегущие, машущие руками люди с перепуганными лицами, а в следующее мгновение это было уже кровавое месиво, трупы лежали грудami, живые прятались за убитых, ища защиты от внезапно обрушившегося на них вихря смерти. Матросы, которых выбрал для этой задачи сэр Найджел, закинули якоря за борта галеасов, и, таким образом, все три судна, сцепленные между собой железной силой, грузно двигались вперед по морским валам.

И теперь вспыхнул отчаянный и смертельный бой, один из тысячи подобных же боев, которые не описаны ни одним историком и не воспеты ни одним поэтом. В течение ряда веков во всех этих южных водах безымянные люди сражались в безымянных местах, и их единственным памятником становилась безопасность побережий и неразграбленные селения.

Лучникам постепенно удалось очистить палубы галеасов, но с обоих пиратских судов разбойники ринулись на шкафут английского судна, где матросы и часть лучников терпели неудачу и смешались со своими врагами настолько, что товарищи не могли стрелять, чтобы защитить их. Воцарился дикий хаос, в котором топоры и мечи поднимались и опускались, а англичане, нормандцы и итальянцы скользили и спотыкались, сражаясь на палубе, заваленной трупами и ослизлой от крови. Удары, вопли раненных, короткие решительные возгласы британцев и яростное гиканье разбойников сливались в оглушительный шум, а бурное дыхание людей поднималось в зимний воздух, словно смрад раскаленной печи. Великан Черная Голова, высившийся над своими сотоварищами и одетый с головы до ног в непроницаемые латы, повел свою команду, размахивая огромной дубиной, которой он повергал на палубу любого приближавшегося к нему человека. На другой стороне Борода-лопатой, по росту гном, но широкоплечий и необычайно длиннорукий, почти пробился к мачте. Находившиеся между этими двумя грозными противниками моряки оказались постепенно настолько прижатыми друг к другу, что уже стояли спина к спине у основания мачты, а разбойники с обеих сторон нападали на них.

Но тут подоспела помощь. Сэр Оливер Баттестхорн со своими ратниками спустился с полубака, а сэр Найджел и три его оруженосца. Черный Саймон, Эйлвард, Хордл Джон, и еще десятка два воинов поспешили на выручку с кормы и ринулись в самую гущу боя. Аллейн, выполняя свою обязанность, не спускал глаз со своего рыцаря и продвигался вперед, следуя за ним по пятам. Много слышал он рассказов об искусстве и ловкости, с какими сэр Найджел владеет всеми видами рыцарского оружия, но все это было ничто в сравнении с быстротой и хладнокровием, какими на самом деле обладал этот человек. Казалось, в нем сидит сам дьявол: то он был здесь, то там, то колол, то рубил, подставлял щит под удары, отбивал их клинком, нагибался, уклоняясь от топора, перепрыгивал через конец меча, и все с такой сумасбродной стремительностью, что противник, вознамерившийся нанести ему удар, не успевал этого сделать, ибо рыцарь уже оказывался в шести шагах от него. Три пирата пали от его руки, и он ранил Бороду-лопатой в шею, когда великан нормандец прыгнул на него сбоку, желая сокрушить его своей смертоносной дубиной; сэр Найджел нагнулся, чтобы избежать удара, и в ту же секунду увернулся от выпада генуэзца, но его нога поскользнулась в луже крови, и он тяжело упал наземь. Аллейн бросился навстречу нормандцу, однако тот выбил у него дубиной меч из рук, и от второго удара мощного оружия юноша тоже упал. Не успел, однако, вожак пиратов нанести третий удар, как Хордл Джон железной рукой стиснул его кисть, и разбойник вдруг почувствовал себя во власти человека более сильного, чем он сам. Яростно пытался великан вырвать руку с дубиной, но Хордл Джон медленно стал заводить эту руку ему за спину, пока с резким треском, точно сломавшаяся палка, эта рука вяло не повисла и дубина не вывалилась из обессиленных пальцев. Напрасно старался он поднять дубину другой рукой. Противник все ниже и ниже гнул его назад, и наконец с ревом бешенства и боли нормандец растянулся во весь рост вдоль борта, а вспышка ножа у самого забрала предупредила его, что расправа будет быстрой, если он хоть пошевелится.

Потеряв своего вожака, напуганные и ошеломленные нормандцы отступили и через фальшборты бежали к себе на галеас, спрыгивая сразу десятками на его палубу. Но якорь все еще удерживал судно своими когтями, и сэр Оливер с пятьюдесятью людьми преследовал их. Снова очистилось место, и лучники могли опять взяться за свои луки, а с рея английского корабля полетели огромные камни и с грохотом и треском начали падать посреди убегающих разбойников. То там, то здесь они с яростными криками и проклятиями ныряли под парус, приседали, забивались в угол, словно кролики, когда на них охотятся хорьки, — так же беспомощно и без надежды на спасение. Это были суровые дни, и если честный солдат, слишком бедный для уплаты выкупа, не мог надеяться, что его пощадят на поле боя, то какой жалости могли ожидать пираты, эти враги человеческого рода, застигнутые на месте преступления, когда доказательства их злодеяний еще покачивались на нок-реяx!

Однако по другому борту сражение приняло новый и странный оборот. Борода-лопатой и его

люди медленно отступали — их сильно теснили сэры Найджел, Эйлвард, Черный Саймон и охрана, стоявшая на корме. Шаг за шагом отходил итальянец, из каждой щели в его доспехах текла кровь, его щит был расколот, гребень шлема срезан, он уже не мог говорить, а только хрипел и задыхался. И все же он противился врагу с неукротимой отвагой, бросался вперед, отскакивал, его нога ступала уверенно и рука была тверда, он действовал с такой решительностью, словно готов был сразить троих сразу. Оттесненный обратно на палубу собственного судна и преследуемый десятком англичан, он оторвался от них, быстро пробежал палубу, опять перескочил на английский корабль, обрубил веревку, державшую якорь, и через мгновение был снова среди своих лучников. В то же время генуэзские матросы ударили веслами в борт английского судна, и между обоими судами появилась быстро расширявшаяся полоса воды.

— Клянусь святым Георгием, — воскликнул Форд, — мы отрезаны от сэра Найджела.

— Он пропал! — задыхаясь, промолвил Терлейк. — Скорее за ним!

И оба юноши прыгнули изо всех сил, стараясь попасть на уходящий галеас. Форд коснулся ногами края фальшборта, схватился за какой-то канат и подтянулся на палубу. Но Терлейк упал неудачно, прямо среди весел, и они отбросили его в море. Аллейн, пошатываясь, уже намеревался последовать примеру своих товарищей, но Хордл Джон вцепился ему в пояс и оттащил от борта.

— Да ты на ногах не стоишь, парень, куда тебе прыгать! — сказал Джон. — Посмотри, у тебя кровь капает из-под шлема.

— Мое место рядом с флагом! — крикнул Аллейн, тщетно стараясь вырваться из его рук.

— Подожди здесь, друг. Ты бы только на крыльях перелетел сейчас к сэру Найджелу.

И действительно, суда уже настолько отошли друг от друга, что генуэзец мог дать веслам полный размах, и пираты быстро удалялись от английского корабля.

— Господи боже мой, превосходный бой! — воскликнул Большой Джон, всплеснув руками. — Они очистили корму и попрыгали на шкафут. Отличный удар, милорд, отличный удар, Эйлвард. Поглядите-ка на Черного Саймона, как он неистовствует среди матросов! Но Борода-лопатой — смелый воин. Он собирает своих людей на полубаке. Вот он убил лучника! Ого! Милорд напал на него. Смотри Аллейн! Какая там свалка и как блестят мечи!

— Боже! Сэр Найджел упал! — воскликнул оруженосец.

— Опять вскочил! — проревел Джон. — Это только ложный выпад! Он тащит Бороду обратно. Оттаскивает в сторону. Ах, мать божья, он проколол его мечом! Они просят пощады. Падают алый крест, Саймон поднимает знамя с алыми розами.

Смерть вожака действительно сломила сопротивление генуэзцев. Среди грома радостных кликов, раздавшихся и на желтом корабле и на галеасах, раздвоенное знамя взвилось на полубаке, и когда рабы-гребцы узнали волю своих новых хозяев, судно повернуло и медленно пошло обратно.

Оба рыцаря снова поднялись на свой корабль, и после того, как абордажные крюки были сброшены, все три судна выстроились в ряд. Среди вихря и грохота боя Аллейн слышал голос Гудвина Хаутейна, старшего шкипера, то и дело повторявшего: «Тяни носовой швартов, трави шкоты!» — и его поражало, с какой ловкостью и быстротой окровавленные матросы прерывали схватку, бросались к снастям и возвращались обратно. Теперь нос корабля был повернут в сторону Франции, шкипер расхаживал по палубе, и это был опять мирный моряк.

— У корабля досадные повреждения, сэры Найджел, — сказал он. — Пробоина — два элла в поперечнике, парус разорван посередине, и сквозь лохмотья просвечивает мачта, как лысина монаха. Я по правде не знаю, что сказать моему хозяину Уизертону, когда снова увижу Итчен.

— Клянусь апостолом! Было бы очень дурно, если бы мы подвели вас из-за сегодняшнего дела, — отозвался сэры Найджел. — Вы приведете в Итчен эти галеасы, и пусть Уизертон продаст их, из полученных денег возместит свой убыток, остальные же пусть сохранит до нашего возвращения домой, когда каждый получит свою долю. Я дал обет пресвятой Деве поставить ей статую из серебра в пятнадцать дюймов высотой в монастырской часовне за то, что ей угодно было послать мне встречу с этим Бородой-лопатой... Ибо он, насколько я могу судить, был очень отважным и мужественным человеком. А что с тобой, Эдриксон?

— Да ничего, достойный лорд, — ответил Аллейн.

Он снял свой шлем, который треснул от дубины нормандца. Но тут он почувствовал, что голова у него закружилась, он упал на палубу, изо рта и из носа хлынула кровь.

— Он может умереть, — сказал рыцарь, наклоняясь над юношей и проводя рукой по его волосам. — Я уже потерял сегодня очень храброго и верного оруженосца. И боюсь, что потеряю второго. Сколько человек нынче пало?

— Я подсчитал опознавательные значки, — отозвался Эйлвард, который вернулся на корабль вместе с сэром Найджелом. — Семеро винчестерцев, одиннадцать матросов, ваш оруженосец Терлейк и девять лучников.

— А у тех?

— Все убиты, кроме рыцаря-нормандца, он стоит позади вас. Что прикажете с ним сделать?

— Он должен висеть на собственном нок-рее. Я в этом поклялся, и это должно быть исполнено.

Пиратский вожак стоял у борта, его руки были скручены веревкой, и два дюжих лучника стерегли его. Услышав сказанное сэром Найджелом, он резко вздрогнул, и его смуглое лицо покрылось смертельной бледностью.

— Как, сэр рыцарь? — воскликнул он на ломаном английском языке. — Que dites-vous... Повесить, la mort du chien? Повесить!

— Я дал обет, — решительно ответил, сэр Найджел. — Насколько мне стало известно, вы, не задумываясь, вешали других?

— Да, мужиков, всякий сброд! — закричал тот. — Такая смерть как раз для них. Но для сеньора д'Анделис, в чьих жилах течет кровь королей!..

Сэр Найджел круто отвернулся, два матроса набросили на шею пирата петлю. Но едва петля прикоснулась к нему, как он разорвал на себе веревки, одного из лучников швырнул наземь, другого обхватил за пояс и вместе с ним прыгнул в море.

— Клянусь эфесом, ему крышка! — воскликнул Эйлвард, бросаясь к борту. — Они оба камнем пошли ко дну.

— Очень этому рад, — ответил сэр Найджел, — ибо хотя отпустить его я не мог, раз дал обет, но он вел себя как очень порядочный и добродушный джентльмен.

Глава XVII

Как желтый корабль прошел через риф Жиронды

В течение двух дней желтое судно, подгоняемое северо-восточным ветром, быстро бежало вперед, и на рассвете третьего дня туманные очертания гор Уэссана появились на сияющем горизонте. В середине дня внезапно полил дождь, бриз упал, но к ночи воздух снова посвежел, и Гудвин Хаутейн изменил направление судна и повернул на юг. Утром они прошли Бель-Иль и попали в гущу грузовых судов, возвращавшихся из Гиени. Сэр Найджел Лоринг и сэр Оливер Баттестхорн тут же вывесили на борту свои гербы и развернули знамена, как было в обычае, ожидая с живейшим интересом ответных знаков, которые сообщили бы имена рыцарей, вынужденных из-за болезни или ран покинуть Принца при столь критических обстоятельствах.

В тот же вечер на западе залегла большая серовато-коричневая туча, и Гудвина Хаутейна охватила глубокая тревога, ибо треть его команды была перебита, половина оставшихся в живых находилась на галеасах, а на поврежденном корабле трудно было выдержать такой шторм, какие налетают порой в этих краях. Всю ночь ветер дул резко и порывисто, накрывая судно так сильно, что в конце концов вода с подветренной стороны потекла ручейками через фальшборты. Так как ветер все свежел, то утром рей спустили до половины мачты. Аллейн все еще чувствовал себя совсем больным и слабым, голова у него еще ныла от полученного удара, но он выполз на палубу. Хотя ее заливали волны и она то и дело кренилась, здесь было все же лучше, чем в похожем на темницу трюме, где стоял непрерывный шум и бегали крысы. А на палубе, вцепившись в крепкие фалы, он изумленно смотрел на длинные ряды черных волн, с вздымающейся над каждой грядой пены: они без конца катились и катились с неистощимого запада. Огромная хмурая туча в мертвенно-белых пятнах затянула над морем весь западный горизонт, а впереди как бы извивались два длинных рваных флага.

Далеко позади с трудом ползли два галеаса, то опускаясь между валами так глубоко, что их рей оказывались на одном уровне с гребнем, то взлетая вновь судорожными рывками, так что каждый канат и каждая переключина отчетливо выделялись на фоне туч. Слева низменность уходила в густой туман, местами в нем проступали более темные контуры холмов на мысах. Франция! Глаза Аллейна заблестели, когда он увидел эти берега. Франция! Самое слово это звучало для английского юноши, как зов сигнальной трубы. Страна, где проливали кровь отцы, родина рыцарства и рыцарских подвигов, страна отважных кавалеров, любезных женщин, царственных зданий, страна мудрецов, щеголей и святых! Там она простиралась, такая безмолвная и серая, отчизна деяний благородных и деяний постыдных, театр, на сцене которого может прославиться новое имя или быть опозорено старое. Юноша поднес к губам смятый шарф, хранившийся у него на груди, и прошептал обет, что если доблесть и добрая воля могут поднять его до его дамы, то лишь смерть помешает ему в этом. Он был мыслями все еще в лесах Минстеда и в старой оружейной замка Туинхэм, когда хриплый голос старшего шкипера снова вернул его мысли к Бискайскому заливу.

— Честное слово, сэр, — сказал он, — у вас лицо вытянулось, как у черта на крестинах, и не удивительно: я ведь начал плавать, когда был ростом вот такой, и все же не видел более верных признаков плохой ночи.

— Да нет, я думал о другом, — отозвался оруженосец.

— И так вот каждый, — воскликнул шкипер обиженно. — Пусть, мол, об этом заботятся моряки! Это — дело шкипера! Поручите все Хаутейну! Никогда на меня не сваливалось столько забот, с тех пор как я в первый раз привел судно с парламентарями к западным воротам Саутгемптона.

— А что же случилось? — спросил Аллейн, ибо слова шкипера были так же полны тревоги, как и погода.

— Что случилось? Да ведь у меня здесь осталась только половина моих матросов, к тому же пробоина в судне от этого чертова камня, — в нее пролезет купчиха из Нортгема. Пока мы идем одним галсом, еще ничего, а как быть, когда галс придется переменить? Да нас зальет соленой водой, и мы будем в ней как селедки в рассоле.

— А что говорит на этот счет сэр Найджел?

— Он там внизу, разбирает герб дяди его матери. «Не лезьте ко мне с такими пустяками!» — вот все, что я от него добился. А потом сэр Оливер. «Поджарьте, — говорит, — эти селедки в масле и сделайте гасконскую подливку», — да еще выругал меня за то, что я не повар. «Ну и ну, — подумал я, — капитан плох, матрос хорош», — и пошел к лучникам. Увы и ах! Там дело

оказалось еще хуже.

— Что ж, они вам не помогли?

— Нет, они сидели друг против друга за столом, тот, кого зовут Эйлвард, и этот рыжий великан, который сломал нормандцу руку, и чернявый такой, из Нориджа, и десятка два других; они бросали кости на рукавицу одного лучника за неимением ящика. «Судно едва ли долго продержится, господа», — заявил я. «Ну, уж это твоя забота, старая свиная башка!» — кричит чернявый нахал. «Le diable t'emporte!» — говорит Эйлвард. «Пятерка и четверка — у меня больше!» — заорал рыжий великан, а голос у него — точно хлопает парус. Послушайте сами, сэр, и скажите, разве я не прав?

Покрывая вой шторма и скрип судна, с полубака донесся взрыв ругани и басовитый хохот игроков.

— Могу я помочь? — спросил Аллейн. — Скажите, что надо сделать, и все, на что годятся мои руки, будет сделано.

— Нет, нет, я вижу, голова у вас еще трясется, и думаю, вам плохо пришлось бы, кабы вас не защитил шлем. Все, что можно было предпринять, уже сделано, мы заделали пробоину парусиной и перевязали веревками снаружи и изнутри. Но когда мы будем менять курс, наша жизнь будет зависеть от того, не откроется ли снова течь. Глядите, как там сквозь туман надвигается полоса берега! Мы должны повернуть на расстоянии тройного полета стрелы отсюда, не то мы можем напороться днищем на камень. Ну, слава святому Христофору! Вот и сэр Найджел, с ним я могу посоветоваться.

— Прошу тебя меня простить, — сказал рыцарь, пробираясь вдоль фальшборта. — Я бы, конечно, не преминул быть любезным с достойным человеком, но я был углублен в обдумывание довольно важного дела, в отношении которого мне хотелось бы услышать и твое мнение, Аллейн. Речь идет о разделении или хотя бы об изменениях в гербе моего дяди сэра Джона Лейтона из Шропшира, взявшего в жены вдову сэра Генри Оглендера из Нанвелла. Случай этот горячо обсуждался среди придворных. А как у вас обстоят дела, шкипер?

— Весьма неважно, достойный лорд. Корабль должен сейчас повернуть на другой галс, а я не знаю, как сделать, чтобы вода не проникла в него.

— Подите и позовите сэра Оливера! — сказал сэр Найджел; но толстый рыцарь уже шел по скользкой палубе, широко расставляя ноги.

— Клянусь душою, господин шкипер, тут лопнет всякое терпение! — гневно завопил он. — Если это ваше судно должно прыгать, точно клоун на ярмарке, то прошу вас переправить меня на один из галеасов. Только что я сел, желая выпить флягу мальвазии и съесть соленой свинины, как привык в этот час, и вдруг толчок — и вино обливает мне ноги, фляга падает на мои колени, я наклоняюсь, чтобы подхватить ее, и опять проклятый толчок, и свинина чуть не прилипает к моему затылку. Тут два моих пажа, перебегая от борта к борту, погнались за ней, словно два охотничьих пса за зайчонком. Никогда живая свинья не скакала с такой легкостью... Но вы посылали за мной, сэр Найджел?

— Я хотел посоветоваться с вами, сэр Оливер, ибо шкипер Хаутейн опасается, что, когда мы будем поворачивать, эта пробоина в борту может нам грозить опасностью.

— Ну так не поворачивайте, — отозвался сэр Оливер. — А теперь мне надо вернуться и посмотреть, как мои мальчишки справились со свининой.

— Да нет, — воскликнул шкипер, — не так это просто! Если мы не повернем, то через час наскочим на камни.

— Тогда поворачивайте, — сказал сэр Оливер. — Вот мой совет; а теперь, сэр Найджел, я, кажется, умру с...

В эту минуту два матроса, стоявшие на полубаке, испуганно завопили, тыча в воздух указательными пальцами:

— Скалы прямо перед нами!

Из брюха огромной черной волны, меньше чем в ста шагах от них высовывалась зубчатая коричневая глыба, она плевалась пеной, словно присевшее чудовище, а воздух был полон угрожающим громом и ревом бившихся об нее валов.

— Живо! Живо! — крикнул Хаутейн, наваливаясь на длинный шест, служивший румпелем. — Руби фал! Поворачивай круче к ветру.

Над головою у них скользнуло толстое рангоутное дерево, судно содрогнулось и закачалось на расстоянии пяти копий от бурунов.

— Оно не может отойти! — снова крикнул Хаутейн, переводя взгляд с парусов на шипящую кайму пены. — Да помогут нам святой Юлиан и трижды святой Христофор!

— Если опасность столь велика, сэр Оливер, — сказал сэр Найджел, — то было бы уместно и вполне по-рыцарски поднять наши стяги. Прошу тебя, Эдриксон, прикажи носителю моего флага, чтобы он вынес мое знамя.

— И пусть трубят сигнал! — воскликнул сэр Оливер. — *In manus, tuas, Domine!* Мой покровитель — Иаков из Компостеллы, и я даю обет совершить паломничество к его раке и в его честь обещаю каждый год в день его памяти съесть карпа. Но, боже мой, как ревут волны! Наши дела теперь лучше, господин шкипер?

— Нас сносит, сносит, — ответил возгласом шкипер. — О пресвятая мать божья, спаси!

В это время корабль заскрежетал о край рифа, и от шкафута до кормы, скручиваясь, отскочила деревянная планка, сорванная острым выступом скалы. В то же мгновение судно легло на другой борт, парус наполнился ветром, и под радостные возгласы матросов и лучников корабль устремился в открытое море.

— Хвала пресвятой Деве! — воскликнул шкипер, вытирая потный лоб. — За это уж будет колокольный звон, и свечу поставлю, когда опять увижу Саутгемптонские воды. Веселее, ребяташки! Проворнее натягивайте булинь!

— Клянусь спасением души, я бы предпочел сухую смерть, — сказал сэр Оливер. — Хотя, *Mort Dieu*, я съел столько рыбы, что, по справедливости, рыбы должны были бы съесть меня. А теперь мне пора вернуться в каюту, ибо там ждут меня чрезвычайно важные дела.

— Нет, сэр Оливер, лучше останьтесь с нами, и пусть будет на виду ваш стяг, — возразил сэр Найджел, — если я не ошибаюсь, одну опасность только сменила другая.

— Уважаемый шкипер Хаутейн, — крикнул боцман, подбегая сзади, — вода быстро наполняет судно! Волны выбили парус, которым мы пытались заделать пробоину...

Шкипер не успел договорить, а матросы уже высыпали на корму и на полубак, убегая от потока воды, ворвавшегося в широкую пробоину. Заглушая вой ветра и плеск воды, донеслось напоминавшее человеческие крики пронзительное ржание лошадей, увидевших, что вода поднимается вокруг них.

— Задержите воду снаружи! — приказал Хаутейн, хватая за край мокрый парус, которым была закрыта пробоина. — Живо, ребяташки, или нам конец!

Они быстро привязали веревки к углам паруса, а затем, бросившись вперед, к носу, завели их под киль и прижали парус к пробоине, так что он вплотную прикрыл ее. Это препятствие задержало бурный напор воды, но все равно она обильно просачивалась со всех сторон. Возле бортов вода доходила лошадам выше брюха, а посередине едва можно было достать дно семифутовым копьём. Судно теперь сидело очень низко, и волны свободно перекатывались через фальшборт с наветренной стороны.

— Боюсь, что мы едва ли сможем идти этим галсом, — заявил шкипер, — а другой бросит нас на скалы.

— А может быть, нам убрать паруса и подождать, пока улучшится погода? — предложил сэр Найджел.

— Нет, нас все равно будет сносить на скалы. Тридцать лет я плаваю, но ни разу не попадал в такую переделку. И все же наша судьба в руках святых угодников.

— А из них, — воскликнул сэр Оливер, — я взираю с особой надеждой на святого Иакова Компостеллского, который был уже сегодня к нам благосклонен и кому я обещаю в день его памяти съесть не одного, а двух карпов, если он вторично вызволит нас.

Разбитый корабль уходил в открытое море, и берег уже казался стертой чертой. Два смутный силуэта вдаль — это были галеасы; их качали и швыряли высокие валы Атлантики. Хаутейн

внимательно посмотрел в их сторону.

— Будь они поближе, мы могли бы спастись на них, даже если бы корабль затонул. Я сделал все, что только может сделать хороший шкипер, и вы это подтвердите моему хозяину в Саутгемптоне, достойному Уизертону. Хорошо, если бы вы сняли плащ и ножные латы, сэра Найджел, а то, клянусь черным крестом, как бы нам не пришлось пуститься вплавь.

— Нет, — ответил маленький рыцарь, — едва ли приличествует рыцарю снимать свои доспехи из-за порыва ветра или какой-то лужи. Я предпочел бы, чтобы мой отряд собрался здесь, на корме вокруг меня, и мы вместе примем то, что господу будет угодно послать нам. Но *certes*, хотя зрение у меня отнюдь не самое лучшее, я уже не в первый раз вижу вон тот мыс слева.

Шкипер из-под ладони внимательно стал вглядываться вдаль сквозь брызги и туман. Вдруг он воздел руки и радостно воскликнул:

— Это же коса Ла-Трамблад! Я не думал, что мы уже дошли до Олерона. Перед нами Жиронда, а когда мы минуем рифы и окажемся под защитой Турде-Кордуан, мы можем быть спокойны. Поворачивайте еще раз, ребята.

Парус еще раз повернулся, и корабль, разбитый и израненный, полный воды, словно ковыляя, направился в желанную бухту. Устье благородной реки было обозначено с севера крутым мысом, с юга — длинной отмелью, а посередине лежал остров, образованный наносным песком, весь исполосованный и обвитый пеной валов. Линия волн показывала, где опасные рифы, о которые даже в ясный день и при отличной погоде разбивал себе днище не один большой корабль.

— Там есть проход, — сказал шкипер, — мне его показал собственный лоцман Принца. Заметьте себе вон то дерево на берегу и взгляните на башню, которая высится за ним. Если держать их на одной линии, хотя бы как сейчас, можно пройти, несмотря на то, что наше судно сидит в воде на добрых два элла глубже, чем когда оно вышло.

— Бог да поможет вам, добрый шкипер! — воскликнул сэра Оливер. — Дважды спаслись мы от гибели, и я в третий раз вверяю себя благословенному Иакову Компостеллскому и даю обет...

— Ну уж нет, старый друг, — прошептал сэра Найджел, — вы еще навлечете на нас беду этими своими обетами, которые не в силах выполнить ни один человек. Разве я уже не слышал ваше обещание съесть в один день двух карпов, а теперь вы намерены рискнуть еще и третьим?

— Прошу вас приказать отряду лечь! — крикнул Хаутейн, который взялся за румпель и напряженно глядел вокруг. — Через три минуты мы или погибнем, или будем спасены.

Лучники и матросы легли на палубу плашмя, ожидая в глубоком молчании, что им принесет судьба. Хаутейн низко склонился над румпелем, он присел на корточки, чтобы заглянуть под раздувающийся парус. Сэра Оливер и сэра Найджел стояли, скрестив руки, лицом к корме. И вот огромное судно нырнуло в узкий проход, в эти врата, ведущие к спасению. У обоих бортов ревели волны. Прямо впереди маленькая черная воронка воды показывала курс, взятый лоцманом. Снизу донеслось глухое царапанье, корабль вздрогнул, затрясся сперва шкафутом, потом кормой, а позади него мрачно ревели волны. Нырнув, желтое судно миновало рифы и быстро заскользило по широкому и спокойному лиману Жиронды.

Глава XVIII

Как сэр Найджел Лоринг посадил себе мушку на глаз

В пятницу утром двадцать восьмого ноября, за два дня до праздника св. Андрея, желтый корабль и два пленных галеаса после утомительного плавания по Жиронде и Гаронне наконец бросили якорь против прекрасного города Бордо. Перегнувшись через фальшборт, Аллейн с изумлением и восторгом любовался лесом мачт, стоями лодок, сновавших по широкому изгибу реки, и городом в форме серого полумесяца, раскинувшимся со всеми своими колокольнями и башнями на западном берегу. Никогда за всю свою тихую жизнь не видел он столь большого города, да и не мог ни один город во всей Англии, кроме Лондона, сравниться с ним размерами и богатством. Сюда прибывали товары из всех живописных местностей, расположенных вдоль Гаронны и Дордони, сукна с юга, кожи из Гиени, вина из Медока, и их отправляли дальше — в Гуль, Эксетер, Дартмут, Бристоль и Честер в обмен на английскую шерсть и английскую овчину. Здесь жили также те знаменитые плавильщики и сварщики, благодаря которым бордоская сталь прославилась как самая надежная в мире: она была непробиваема ни для копья, ни для меча, тем самым, сберегая драгоценную жизнь ее владельцам. Аллейну был виден дым горнов, поднимавшийся в чистый утренний воздух. Шторм утих и сменился легким бризом, он доносил до его слуха протяжные призывы рога, звучавшие с древних крепостных валов.

— *Holà, mon petit!* — произнес Эйлвард, приближаясь к тому месту, где стоял юноша. — Ты же теперь оруженосец и, вероятно, заслужишь золотые шпоры, а я по-прежнему командир лучников и командиром останусь. И даже не осмеливаюсь говорить с тобой так же свободно, как когда мы шагали рядом мимо Виверли-Чейз, разве что я могу быть теперь твоим проводником, ибо в самом деле знаю каждый дом в этом Бордо, как монах — свои четки.

— Нет, Эйлвард, — ответил Аллейн, кладя руку на рукав его поношенной куртки, — вы не можете считать меня таким низким, я не отвернусь от старого друга только потому, что мне в жизни немного повезло. И, по-моему, с вашей стороны нехорошо так думать обо мне.

— Да нет, *mon gar*, это был только пробный выстрел, чтобы узнать, тот же ли дует ветер, хотя я просто негодая, что мог в этом усомниться.

— Ведь если бы я не встретил вас, Эйлвард, в Линдхерстской гостинице, кто знает, где я был бы теперь! И уж, наверное, не попал бы в замок Туинхэм, не стал бы оруженосцем сэра Найджела, не встретил бы...

Он вдруг замолчал и вспыхнул до корней волос, однако лучник был слишком занят собственными мыслями, чтобы заметить смущение своего молодого друга.

— Хорошая была гостиница, этот «Пестрый кобчик», — заметил он. — Клянусь моими десятью пальцами, когда я повешу свой лук на гвоздь и сменю кольчугу на домашний кафтан, пожалуй, лучше всего будет, если я возьму и хозяйку и ее дело.

— А я думал, — ответил Аллейн, — что вы обручены с кем-то в Крайстчерче.

— С тремя, — ответил Эйлвард, — с тремя. Но в Крайстчерч я, скорее всего, не вернусь. Может быть, мне в Хампшире предстоит работа погорячее, чем я когда-либо выполнял в Гаскони. Однако обрати внимание вон на ту стройную башенку в центре города, в стороне от реки, на ее верхушке развевается широкий стяг. Посмотри, как озаряет его восходящее солнце и как в его свете блестит золотой лев. Это флаг короля Англии, пересеченный связкою Принца. Там Принц и стоит, в аббатстве св. Андрея, там и двор свой держит все эти последние годы. Там и собор того же святого, и город находится под его особым покровительством.

— А что это за серая башенка слева?

— Это храм архангела Михаила, вон то, справа — храм святого Реми. Там же ты видишь над нефом колокольни Сен-Круа и Пей-Берлан. Обрати также внимание на мощный вал с тремя воротами на реку и еще шестнадцатью со стороны суши.

— А почему, скажите мне, добрый Эйлвард, из города доносится так много музыки? Мне кажется, я слышу сотню труб, сливающихся в едином хоре.

— Ничего удивительного тут нет, раз вся знать Англии и Гаскони находится в этих стенах, и каждый желает, чтобы его трубач трубил так же громко, как и соседний, иначе могут подумать, что его достоинство унижено. *Ma foi!* Они подняли такой шум, словно целая

шотландская армия, когда каждый солдат, набив пузо лепешками, целую ночь дудит на волынке. Видишь, вдоль всего берега пажи поят лошадей, а там вон, за городом, они носятся галопом по равнине. Для каждого из этих коней, если он принадлежит рыцарю, в городе есть стойло, ибо, как я узнал, ратники и лучники уже ушли вперед в Дакс.

— Я полагаю, Эйлвард, — сказал сэр Найджел, появившийся на палубе, — что отряд готов к высадке. Пойди скажи им: через час лодки буду поданы.

Лучник приветственным жестом поднял руку и поспешил выполнять поручение. Тем временем сэр Оливер последовал за своим собратом-рыцарем, и оба стали вместе расхаживать по корме, — сэр Найджел все в том же лиловом кафтане и в берете, украшенном спереди перчаткой леди Лоринг и кудрявым страусовым пером; что касается рыцаря-лакомки, то он был одет по последней моде — пышные рукава, камзол, куртка, двухцветные штаны и плащ оливкового цвета с красным и зубчатой каймой. Пунцовый колпак или капюшон с длинными свисающими на плечи углами сидел на его чернокудрой голове, а носки позолоченных башмаков были загнуты кверху *a la roullaine*, как будто из больших пальцев росли усики, которые могли бы со временем обвить всю его массивную ногу.

— Итак, сэр Оливер, — сказал сэр Найджел, глядя на берег заблестевшими глазами, — мы снова стоим перед воротами чести, и сколь часто ворота эти открывали нам путь к рыцарским доблестям и славе! Вон развевается знамя Принца, и хорошо бы поспешить на берег и выполнить по отношению к нему наш долг покорности. Уже множество лодок отходит от берега.

— Возле западных ворот есть хорошая гостиница, она знаменита своими цыплятами, тушенными в пряностях, — заметил в ответ сэр Оливер. — Прежде чем явиться к Принцу, мы можем заморить червячка, ибо хотя за столами у него весело и на них камчатые скатерти и серебро, сам он едок плохой и не сочувствует тем, кто ест лучше его.

— Лучше его?

— Ну да, кто лучше умеет покушать, мой мальчик. Не вынюхивай предательства там, где ничего подобного нет. Я видел, как он улыбнулся своей тихой улыбкой, когда я в четвертый раз взглянул на оруженосца, резавшего мясо. А если видишь, как он без конца пережевывает маленький кусочек пищи и тянет из кубка вино, на три четверти разбавленное водой, так стыдно становится собственного голода. Все же война и слава по-своему неплохие вещи, однако ими не набьешь этакий желудок, как мой, так, что пояс тесен станет.

— Как ты опишешь герб вон на той галере, Аллейн? — спросил сэр Найджел.

— Серебряное поле, на нем зеленый пояс с широкой, зубчатой каймой червленью.

— Это северный герб. Я видел его в свите Перси. Судя по щитам, на борту каждого из этих судов есть рыцарь или барон. Как жаль, что у меня такое слабое зрение. А вон тот герб, слева?

— Серебро и лазурь попеременно — шесть волнистых поперечных полос.

— О, это герб уилтширских Стауртонов! А там, дальше, я вижу червлень и серебро Уорслеев из Эпалдерскомба, они, как и я, Хампширской ветви. Прямо позади нас — обручной крест доблестного Уильяма Молине, а рядом — алые стропила норфолкских Вудхаусов и аннулеты Месгрейвов из Уэстморленда. Но клянусь апостолом! Было бы очень странно, если бы столь благородная компания собралась здесь, не предполагая совершить никаких военных действий. А вот и наша лодка, сэр Оливер, и мне кажется, нам следует отправиться в аббатство, предоставив Хаутейну распоряжаться разгрузкой по своему усмотрению.

Лошадей обоих рыцарей, а также оруженосцев быстро спустили на широкий лихтер, и они были доставлены на берег почти одновременно со своими хозяевами. Сэр Найджел, ступив на землю, благоговейно преклонил колено и, вынув из-за пазухи маленькую черную мушку, налепил ее на свой левый глаз.

— Пусть святой Георгий и память о моей сладостной возлюбленной вознесут мое сердце! — проговорил он. — Даю обет не снимать этой мушки с моего глаза, пока не повидаю страну Испанию и не совершу тот подвиг, какой буду в силах. И в этом я клянусь крестом моего меча и перчаткой моей дамы.

— Вы меня в самом деле переносите на двадцать лет назад, Найджел, — заметил сэр Оливер, когда они, сев на лошадей, медленно поехали через ворота, выходившие на реку. — После Кадсана французы, наверное, решили, что мы войско слепых, ибо едва ли нашелся бы хоть кто-

нибудь, кто не залепил один глаз в знак великой любви и в честь своей дамы. И все-таки трудно вам будет, оттого что вы затемняете себе одну сторону, тогда как, даже открыв оба глаза, едва можете отличить лошадь от мула. В самом деле, мне кажется, мой друг, что вы тут переступаете границы благоразумия.

— Сэр Оливер Баттестхорн, — решительно заявил в ответ маленький рыцарь. — Я желал бы, чтобы вы поняли меня: как я ни слеп, но я все же очень отчетливо вижу стезю чести, и я не жажду, чтобы на этом пути моим проводником был другой человек.

— Клянусь своей душой, — воскликнул сэр Оливер, — вы нынче утром едки, точно сок незрелого винограда! Но я должен вас покинуть и заехать в «Золотую голову», ибо заметил в дверях слугу с блюдом, от которого валил пар, издававший, мне кажется, превосходный аромат.

— Ну уж нет, — решительно ответил сэр Лоринг, кладя руку на его колено, — мы слишком давно знаем друг друга, Оливер, чтобы ссориться, словно два необузданных пажо во время их первых éргеuves. Вы сначала отправитесь со мною к Принцу, а уж потом в гостиницу; хотя я уверен, что он очень огорчился бы, если бы любой благородный кавалер предпочел его столу обычную таверну. Но смотрите, кажется, нам машет лорд Делевар? Ха, мой достойный лорд, да будут с вами бог и мать божья! Вон и сэр Роберт Чени. Доброе утро, Роберт! Очень рад вас видеть!

Оба рыцаря поехали рядом, а Форд и Аллейн вместе с Джоном Норбери, оруженосцем сэра Оливера, следовали несколько позади — на расстоянии меча перед Черным Саймоном и винчестерским знаменосцем. Джон, худой, молчаливый парень, уже бывал в этих местах и теперь сидел на своей лошади, не поворачивая головы; но оба молодых оруженосца с жадным любопытством глазели направо и налево, то и дело хватая друг друга за рукав, когда их внимание привлекало что-то для них непривычное.

— Посмотри, какие богатые лавки! — воскликнул Аллейн. — Смотри, какое в них выставлено благородное оружие, драгоценная тафта и — о, Форд, посмотри, — вон сидят писцы с чернильными приборами и свитками пергамента, белыми, как монастырское белье. Ты видел что-нибудь подобное?

— Ну нет, друг, в Чипсайде есть лавки получше, — возразил Форд, которого отец однажды взял с собою в Лондон по случаю какого-то рыцарского турнира. — Я видел там одного серебряных дел мастера, так на его товар можно было бы купить все, что есть по обе стороны этой улицы. Но обрати внимание, Аллейн, на те дома, как выступают их верхние части. И в каждом окне выставлены гербы со щитами, а на крышах знамена.

— А церкви! — воскликнул Аллейн. — Монастырь в Крайстчерче — благородное здание, но он кажется холодным и нагим в сравнении с любой из этих, с их орнаментом, резьбой и украшениями: словно гигантски разросшийся каменный плющ перекинулся, резво извиваясь, через стены.

— А послушай людской говор! — сказал Форд. — Какие шипящие и щелкающие звуки! Удивляюсь, что у них не хватает соображения научиться говорить по-английски, раз они теперь под власть английского короля. Клянусь Ричардом Хамполским! Среди женщин попадаются красивые личики! Взгляни на эту девочку с коричневым шарфом! Фу, Аллейн, ты предпочитаешь смотреть на мертвые камни, а не на живую плоть?

Не удивительно, что богатство и роскошь не только церквей и лавок, но каждого жилого дома поражали воображение молодых оруженосцев. Город был сейчас в полном расцвете своего благосостояния. Помимо оживленной торговли, существовали еще причины, которые в своем сочетании давали ему богатство. Война, принесшая с собою стольким городам разорение, пошла Бордо только на пользу. И в то время, как его французские собратья приходили в упадок, этот город преуспевал, ибо сюда люди приезжали с севера, востока и юга, чтобы продать награбленное и растратить выкупы. Через все его шестнадцать смотрящих на сушу ворот в течение ряда лет вливались двойным потоком и солдаты с пустыми руками, спешившие во Францию, и отряды, возвращавшиеся с добычей. Двор Принца, — благородные бароны и богатые рыцари, многие из которых, подражая своему владыке, привезли сюда из Англии своих жен и детей, также способствовали обогащению горожан, набивавших добром свои сундуки.

Сейчас, с этим наплывом знати и рыцарей, стало не хватать жилья и пищи, и Принц торопил свои войска в Гасконь, в Дакс, чтобы увести часть людей из переполненной столицы.

Против собора и аббатства св. Андрея простиралась широкая площадь, кипевшая

священниками, солдатами, женщинами, монахами и горожанами, которые считали эту площадь своим центром; там передавались всякие слухи, там собирались зеваки. Среди шумливого и жестикулирующего городского люда многочисленные отряды рыцарей и их оруженосцев верхами прокладывали себе путь, направляясь к резиденции Принца, где огромные окованные железом двери были распахнуты в знак того, что Принц принимает. Четыре десятка лучников стояли возле ворот и время от времени отгоняли стержнями своих луков болтавшую и напиравшую на портал толпу любопытных. Два рыцаря в доспехах, с поднятыми копьями и опущенными забралами, сидели на конях по обе его стороны, а посередине, между двумя пажам, прислуживавшими ему, стоял человек с благородным лицом, в свободной пурпурной одежде. Он записывал на кусок пергамента звание и титул каждого просителя, расставлял их в должном порядке, отводя каждому его место и предоставляя те привилегии, которых требовал его ранг. Длинная белая борода и испытующий взгляд придавали ему властное достоинство, и впечатление это еще усиливалось благодаря одеянию и берету с тройным плюмажем, свидетельствовавшим о его звании.

— Это сэр Уильям де Пакингтон, личный секретарь Принца, — прошептал сэр Найджел, когда они встали в очередь рыцарей, ожидавших аудиенции. — Плохо будет тому человеку, который вздумал бы обмануть его. Он знает наизусть имя каждого рыцаря Франции или Англии и все его фамильное древо, со всеми родичами, гербами, браками, знаками чести и позора и еще неведомо чем. Мы можем оставить наших лошадей здесь со слугами и пойдем вперед с нашими оруженосцами.

Следуя приказу сэра Найджела, они двинулись дальше пешком, пока не оказались перед секретарем Принца, который в это время отчаянно спорил с молодым щеголеватым рыцарем, непременно желавшим пробраться вперед, миновав его.

— Макуорт! — сказал личный секретарь короля. — Насколько я помню, сэр, вы до сих пор не были представлены.

— Я всего день, как прибыл в Бордо, но, боюсь, Принц найдет странным, что я все еще не нанес ему визита.

— У Принца другие заботы, — сказал сэр Уильям де Пакингтон, — но если вы Макуорт, то должны быть Макуортом из Нормантона, и действительно я теперь вижу на вашем гербе чернедь и горностаевый мех.

— Да, я Макуорт из Нормантона, — ответил рыцарь с некоторой неуверенностью.

— Значит, вы сэр Стефен Макуорт, ибо мне известно, что когда старый сэр Хью умер, сэр Стефен унаследовал герб и имя, воинский клич и доходы.

— Сэр Стефен — мой старший брат, а я Артур, второй брат, — сказал юноша.

— Истинная правда! — воскликнул секретарь Принца презрительно глядя на него. — А тогда, прошу вас, скажите, сэр второй сын, где у вас знак младшей линии и как вы дерзаете носить герб вашего брата без полумесяца, подтверждающего, что вы младший? Возвращайтесь к себе и не показывайтесь Принцу на глаза, пока оружейник не исправит ваш герб как полагается.

Юноша в смущении удалился, а зоркий глаз секретаря разглядел пять алых роз среди заслоняющих один другого гербов и тучи знамен, колыхавшихся перед ним.

— Ха! — воскликнул он. — Здесь есть ценности, которые не подделаешь! Розы Лоринга и кабанья голова Баттестхорна могут стоять позади в дни мира, но их надо пропускать вперед в дни войны. Добро пожаловать, сэр Оливер и сэр Найджел! Чандос будет рад до глубины души вашему приезду. Сюда, уважаемые господа. Ваши оруженосцы, без сомнения, достойны славы своих рыцарей. Идите по этому проходу, сэр Оливер! Эдриксон! Ха! Один из представителей старой ветви Эдриксонов из Хампшира, без сомнения. И Форд здесь, они из южных саксов, старинный род. И Норбери, они есть и в Чешире, и в Уилтшире, и, как я слышал, на самой границе. Так, достойные сэры, я позабочусь о том, чтобы вас поскорее приняли.

В заключение этого профессионального комментария он распахнул створчатые двери и провел всю компанию в просторный зал, переполненный людьми, также ожидавшими аудиенций. Зал был очень велик. С одной стороны он освещался тремя стрельчатыми, в мелких переплетах окнами, середину противоположной стены занимал огромный камин, в котором весело пылала целая гряда дров. Многие из присутствующих столпились перед камином, ибо было очень холодно; наши два рыцаря уселись на скамью, а оруженосцы встали позади них. Разглядывая зал, Аллейн заметил, что пол и потолок сделаны из роскошного дуба, на потолке расположены двенадцать арок, а на обоих краях каждой из них изображены лилии и львы королевского

герба. В дальнем конце зала он увидел небольшую дверцу, по обе стороны которой стояла вооруженная стража. Время от времени из внутреннего покоя за этой дверцей, мягко ступая, выходил пожилой сутулый человек в черном, с длинным белым жезлом в руке и обращался то к тому, то к другому рыцарю, и они, сняв шапки, следовали за ним.

Сэр Найджел и сэр Оливер были увлечены разговором, когда Аллейн обратил внимание на примечательного человека, который через весь зал явно направлялся к ним. Когда он шел мимо стоявших группами рыцарей, каждый повертывал голову и смотрел ему вслед.

Поклоны и почтительные приветствия, какими его встречали со всех сторон, показывали, что интерес к нему вызван не только его необычайным внешним обликом. Он был высок и прям, словно стрела, несмотря на глубокую старость, ибо волосы, спадавшие из-под сдерживавшего их бархатного берета, были белы, как первый снег. Однако порывистость его движений и упругость поступи показывали, что он до сих пор не утратил пылкости и живости своих молодых лет. Его суровое ястребиное лицо было гладко выбрито, как у священника; остались лишь длинные и тонкие белые усы, доходившие ему чуть не до плеч. О былой красоте говорили и правильный нос с горбинкой и четкие линии подбородка; однако лицо было столь повреждено шрамами и рубцами от давних ран и отсутствием одного глаза, вырванного из глазницы, что уже мало осталось от лица смелого молодого рыцаря, который пятьдесят лет назад был не только самым отважным, но и самым прекрасным среди английской знати. Но кто из мужчин, присутствовавших сейчас в зале аббатства св. Андрея, не отдал бы с радостью и красоту, и молодость, и все, чем владел, в обмен на славу этого человека? Ибо кого можно было сравнить с Чандосом, безупречным рыцарем, мудрым советником, отважным воином, героем Креси, Уинчелси, Пуатье, Орейя и еще стольких же битв, сколько лет он прожил на свете?

— А, мое золотое сердечко! — воскликнул он, вдруг бросившись вперед и обнимая сэра Найджеля. — Я слышал, что вы здесь, и искал вас.

— Достойный и дорогой лорд, — ответил рыцарь, также обнимая старого воина, — я в самом деле вернулся к вам, ибо где же еще я могу научиться быть мягким и суровым рыцарем?

— Клянусь моей верностью, — сказал Чандос, улыбаясь, — мы очень подходим друг к другу, Найджел, ибо вы залепили себе один глаз, а я имел несчастье одного лишиться, у нас вместе будут два! А! Сэр Оливер! Вы были на той стороне, где у меня слепой глаз, и я вас не видел. Одна премудрая женщина предсказала мне, что как раз с этой, незрячей стороны ко мне и приблизится смерть. Мы теперь скоро попадем к Принцу; но, говоря по правде, у него пропасть забот: и вопрос, как быть с Педро, и король Мальорки, и король Наваррский, у которого семь пятниц на одной неделе, и гасконские бароны, которые все торгуются из-за условий, точно барышники... Да, нелегко ему приходится! Но как себя чувствует леди Лоринг, когда вы с ней расстались?

— Хорошо, дорогой лорд, и она посылает вам свое уважение и приветы.

— Я всегда ее рыцарь и раб. А ваше путешествие, надеюсь, было приятным?

— Такого плавания можно только пожелать. Мы увидели два пиратских галеаса и даже слегка схватились с ними!

— Всегда вам везет, Найджел! — заметил сэр Джон. — Ну, вы нам непременно расскажете. Пожалуй лучше, если вы оставите здесь ваших оруженосцев и пойдете со мной. Как Принц ни занят, я вполне уверен, что он не захочет держать двух старых боевых товарищей по другую сторону двери. Не отставайте от меня, и я отоблю хлеб у старика сэра Уильяма, хотя не уверен, что смогу назвать ваш титул и ранг как полагается.

И он направился к дверце во внутренний покой; оба товарища следовали за ним по пятам и кивали направо и налево, завидев в толпе знакомые лица.

Глава XIX

Как спорили рыцари в аббатстве св. Андрея

Комната для приемов Принца была обставлена со всей той торжественностью и роскошью, которых требовали слава и власть ее хозяина. Над высоким помостом в дальнем ее конце зала алел широкий балдахин пунцового бархата, усеянный серебряными лилиями и опиравшийся на четыре серебряных столбика. К нему вели четыре ступеньки, обтянутые той же материей, а вокруг были разбросаны роскошные подушки, восточные циновки и дорогие меховые ковры. На стенах висели самые изысканные гобелены, которые могли выработать ткацкие станки Арраса, на них были изображены битвы Иуды Маккавея, причем иудейские воины были в железных латах, в шлемах, с копьями и перевязями — словом, как требовало наивное искусство тех времен. Убранство покоя завершали удобные сиденья и скамьи с тонкой резьбой и покрытыми глазурью сафьяновыми занавесками, да по одну сторону помоста, на легком нашесте, сидели три угрюмых прусских кречета в шапочках и путах столь же немые и неподвижные, как стоявший рядом с ними королевский сокольничий.

В центре помоста находились два высоких кресла с особыми спинками, которые образовали свод над головами сидящих в них; все это было затянуто светло-голубым шелком, усыпанным золотыми звездами. На кресле справа сидел очень рослый, складный человек, рыжеволосый, бледный, с холодными голубыми глазами, в которых было что-то зловещее и угрожающее. Он небрежно откинулся на спинку кресла и то и дело зевал, словно ему очень наскучили все эти церемонии; время от времени он наклонялся и гладил облезлую испанскую борзую, вытянувшуюся у его ног. На другом троне, выпрямившись, с гордым видом, восседал, словно побившись об заклад, что будет вести себя прилично, маленький, круглый, румяный человечек с лицом божка; он улыбался и кивал всякому, с кем бы случайно ни встретился его взгляд. Между этими двумя и немного впереди них, на простой табуретке, сидел стройный смуглый молодой человек, чье скромное платье и сдержанные манеры едва ли могли открыть, что это самый знаменитый принц в Европе. Кафтан темно-синего сукна с пряжками и отделкой в виде золотых подвесок казался темной и неброской одеждой на фоне горностаевых мантий, дорогих шелков и золотых тканей, которыми он был окружен. Он сидел, обхватив руками колени, слегка склонив голову, а его тонкие черты выражали нетерпение и тревогу. Позади двух тронов стояли два человека в пурпурной одежде, с аскетическими бритыми лицами и еще несколько высоких сановников и должностных лиц Аквитании. Пониже, на ступеньках, сорок или пятьдесят баронов, рыцарей и придворных выстроились тройной шеренгой справа и слева, оставив посередине свободный проход.

— Вон сидит Принц, — прошептал сэр Джон Чандос, когда трое друзей вошли. — Справа — Педро, которого мы намерены посадить на испанский престол. Другой — дон Иаков; с божьей помощью мы предполагаем помочь ему взойти на престол Мальорки. А теперь следуйте за мной и не огорчайтесь, если Принц будет краток; ведь его ум действительно поглощен очень важными делами.

Однако Принц заметил, как они вошли, вскочил, шагнул им навстречу с обаятельной улыбкой и радостным блеском в глазах.

— Мы в данном случае обойдемся и без ваших добрых услуг и вашей геральдики, — сказал он негромким, но ясным голосом. — Эти храбрые рыцари мне отлично известны. Добро пожаловать в Аквитанию, сэр Найджел Лоринг и сэр Оливер Баттестхорн. Нет, поберегите ваше колено для моего дорогого отца в Виндзоре. Протяните мне ваши руки, друзья. Мы, кажется, намерены дать вам кое-какую работу, до того как вы снова увидите равнины Хампшира. Вы знаете что-нибудь об Испании, сэр Оливер?

— Ничего, сир, только слышал от людей, что у них есть кушанье olla, хотя я так и не уяснил себе, что это: просто рагу, которое можно найти повсюду на юге, или какая-нибудь особая приправа из сладкого укропа или чеснока, характерных для Испании?

— Ваши недоумения, сэр Оливер, скоро прояснятся, — ответил Принц, от души рассмеявшись, так же как и многие бароны в окружавшей его толпе. — Вот его величество, наверное, отдаст приказ подать вам эту приправу в горячем виде, когда мы все благополучно окажемся в Кастилии.

— Уж я угощу кое-кого блюдом с горячей приправой, — ответил дон Педро, холодно улыбаясь.

— Однако мой друг сэр Оливер может сражаться весьма упорно и без мяса и без супа, — заметил Принц. — Я видел его под Пуатье, когда у нас в течение двух дней не было ничего, кроме сухой корки хлеба да кружки болотной воды, и все-таки он действовал весьма отважно.

Я собственными глазами видел, как он во время схватки одним ударом своего меча снес голову пикардийскому рыцарю.

— Мошенник оказался между мной и французской повозкой с припасами, — пробормотал сэр Оливер, а среди тех, кто стоял ближе и мог слышать его слова, снова раздался смех.

— Сколько людей прибыло с вами? — спросил Принц, и лицо его стало серьезным.

— Со мной сорок ратников, сир, — ответил сэр Оливер.

— А у меня сотня лучников и человек двадцать копейщиков, но еще двести человек ждут меня по эту сторону реки, на границе Наварры.

— А кто они, сэр Найджел?

— Это отряд добровольцев, и его называют «Белый отряд».

К большому удивлению сэра Лоринга, его слова вызвали взрыв веселости среди баронов; Принц и оба короля были вынуждены к ним присоединиться. Сэр Найджел, кротко мигая, поглядывал то на одного, то на другого; наконец, заметив толстого чернобородого рыцаря, который стоял рядом с ним и чей смех звучал несколько громче, чем у остальных, он слегка коснулся его рукава.

— Быть может, достойный сэр, — прошептал он, — существует какой-то маленький обет, от которого я могу освободить вас? Быть может, между нами состоится по данному поводу почетный спор? Ваша доблесть и любезность, быть может, даруют мне возможность обменяться с вами ударами?

— Нет, нет, сэр Найджел, — воскликнул Принц, — не приписывайте никаких оскорбительных намерений сэру Роберу Брике, ибо мы все одним миром мазаны, все хороши! Говоря по правде, наш слух только что был оскорблен делами этого самого отряда, и я даже дал обет повесить человека, который командует им. И, уж конечно, не ожидал, что он среди моих храбрейших, избранных военачальников. Но теперь обет отпадает, ибо, если вы никогда не видели этот ваш отряд, было бы безумием порицать вас за его действия.

— Мой государь, — сказал Найджел, — то, что меня повесят, — пустяк, только вот само повешение — казнь несколько более позорная, чем я мог надеяться. С другой стороны, очень важно, чтобы вы, наследник английского престола, лучший образец рыцарства, дав обет, хотя бы по неведению, все же его выполнили.

— Пусть это вас не тревожит, — ответил Принц, улыбаясь. — У нас побывал сегодня один горожанин из Монтобана, и он нам порассказал такое об убийствах и грабежах, что у нас вся кровь закипела; но весь наш гнев обратился на командира отряда.

— Дорогой и почитаемый государь, — воскликнул Найджел с великим волнением, — я очень боюсь, что вы по доброте своего сердца изо всех сил стараетесь иначе истолковать данный вами обет! Если может существовать хоть тень сомнения в отношении его формы, то в тысячу раз было бы лучше...

— Довольно! — нетерпеливо остановил его Принц. — Я вполне способен сам заботиться об исполнении своих обетов. Мы надеемся видеть вас обоих сегодня на пиру. А пока вы останетесь в нашей свите.

Принц поклонился, и Чандос, схватив сэра Оливера за рукав, повел обоих обратно, в тесную толпу придворных.

— Что это, маленький кум, вам так уж хочется сунуть голову в петлю? Клянусь моей душой! Если бы вы попросили о том же дона Педро, он бы вам не отказал. Говоря между нами, в нем чересчур много от палача и слишком мало от принца. Но действительно, Белый отряд — это шайка и может что-нибудь натворить до того, как вы будете утверждены в своем звании командира.

— Не сомневаюсь, что с помощью апостола Павла мне удастся призвать их к порядку, — ответил сэр Найджел. — Но я вижу много новых лиц, а другие уже были здесь, когда я впервые ждал моего дорогого командира. Прошу вас, сэр Джон, скажите: кто эти священники на помосте?

— Один — архиепископ Бордоский, Найджел, другой — епископ Ажанский.

— А смуглый рыцарь с сединой в бороде? Клянусь моей верностью, он кажется человеком очень мудрым и благородным.

— Это сэр Уильям Фелтон и является так же, как и моя недостойная особа, главным приближенным Принца, ибо он старший советник, а я сенешал Аквитании.

— А рыцари справа, рядом с доном Педро?

— Это испанские рыцари, следовавшие за ним в изгнание. Один, около него, — Фернандо де Кастро, он в высшей степени честный и смелый человек. Справа — гасконские рыцари. Их сразу можно узнать по нахмуренным лбам, потому что совсем недавно между ними и Принцем были нелады. Вон тот, высокий и дородный, — Капталъ де Буш, вы его, без сомнения, знаете, ибо не было на свете более храброго человека. Рыцарь с тяжелыми чертами лица, который дергает его за полу и что-то шепчет ему на ухо, — лорд Оливер де Клиссон, известный под прозвищем Мясник. Это он подстрекает на бунты и всегда раздувает угасающие угли. Человек с родинкой на щеке — лорд Поммерс, а его два брата стоят позади него с лордом Лепарром, лордом де Розеном, лордом Мюсиданом, сэром Пердюка д'Альбером, Сульдиш де ла Траном и другими. Дальше вы видите рыцарей из Керси, Лимузена, Сентонжа, Пуату и Аквитании, а также храброго сэра Гискара д'Англя. Он в розовом камзоле, обшитом горностаем.

— А кто вон те рыцари?

— Все они англичане, некоторые из них — придворные, другие, подобно вам, являются командирами отдельных отрядов. Среди них лорд Невилл, сэр Стефен Коссингтон, сэр Мэтью Горней, сэр Уолтер Хьюетт, сэр Томас Ванастер и сэр Томас Фелтон, брат старшего советника. Заметьте себе хорошенько человека с крупным носом и льняной бородой, он как раз положил руку на плечо смуглого суроволицего рыцаря в кафтане с пятнами ржавчины.

— Клянусь апостолом, — заметил сэр Найджел, — у обоих следы от лат на кафтанах. Мне кажется, эти люди лучше себя чувствуют в военном лагере, чем при дворе.

— Для многих из нас это так, Найджел, — заметил Чандос, — и мне кажется, первый из них — сам глава этого двора. Один из тех двух — сэр Хью Калверли, другой — сэр Роберт Ноллз.

Сэр Найджел и сэр Оливер вытягивали шеи, чтобы разглядеть получше прославленных воинов. Один — замечательный вождь добровольческих отрядов, другой благодаря своим высоким доблестям и энергии поднялся из самых низов и был признан армией вторым после самого Чандоса.

— В бою у сэра Роберта тяжелая рука, да, тяжелая, — сказал Чандос. — Если он проходит через какую-нибудь страну, это чувствуется еще несколько лет спустя. Дом, от которого остались только два щипца без стен и без крыши, на севере до сих пор называют «митроу Ноллза».

— Я не раз слышал о нем, — сказал сэр Найджел, — и надеялся, что мне выпадет высокая честь действовать вместе с ним. Но слушайте, сэр Джон, что случилось с Принцем?

Пока Чандос и оба рыцаря беседовали, в зал непрерывным потоком входили желавшие получить аудиенцию: авантюристы стремились запродавать свой меч, купцы жаловались на какие-то обиды — для перевозки войска было задержано судно или отряд терпевших жажду лучников выбил дно у бочки со сладким вином... Принц в нескольких словах решал каждое дело, а если жалобщик был не удовлетворен его приговором, Принц быстрым взглядом темных глаз отдавал ему приказ удалиться, и недовольство мигом улетучивалось. Молодой правитель сидел задумавшись на своем табурете, а два монарха, словно куклы, восседали за его спиной; но вдруг по его лицу скользнула темная тень, он вскочил на ноги в одном из тех приступов ярости, которые являлись единственным изъяном в его благородном и великодушном характере.

— Ну как же, дон Мартин де ла Карра? — воскликнул он. — Как же теперь, милостивый государь? Какие вести вы принесли нам от нашего брата из Наварры?

Новое лицо, к которому был обращен этот короткий вопрос, оказался высоким, необычайно красивым рыцарем; его только что ввели в комнату. Смуглые щеки и волосы, как вороново крыло, свидетельствовали о том, что он с пламенного юга, а длинный черный плащ лежал на груди и плечах такими изящными складками, какие не были в моде ни у французов, ни у англичан.

Прежде чем ответить на вопрос Принца, он торжественной поступью, то и дело низко

кланяясь, приблизился к помосту.

— Могущественный и прославленный государь. — начал он. — Карл, король Наваррский, герцог Эвре, граф Шампанский, подписывающийся также верховным правителем Беарна, посылает свою любовь и приветствия своему дорогому кузену Эдуарду, принцу Уэльскому, правителю Аквитании, главному командиру...

— Тьфу! Тьфу! Дон Мартин, — перебил его Принц, который нетерпеливо топал ногой во время этой торжественной преамбулы, — нам уже известны титулы и звания нашего кузена и, разумеется, наши собственные. К делу, и сразу! Открыты ли для нас проходы, или ваш государь изменил своему слову, данному мне в Либурне только что, во время ярмарки на Михайлов день?

— Было бы очень худо, сир, если бы мой достойный государь, сир, отступился от данного обещания. Он всего-навсего просит о некоторой отсрочке, о дополнительных условиях и о заложниках...

— Условия! Заложники! Что он — обращается к наследнику английского престола или к городскому голове сдающегося города? Условия, говорите? Придется ему многое изменить в своих собственных условиях, и скоро. Значит, проходы для нас закрыты?

— Да нет, сир...

— Значит, открыты?

— Да нет, сир, если бы только вы...

— Довольно, довольно, дон Мартин, — заявил Принц. — Очень печальное зрелище, когда такой вот истинный рыцарь, как вы, а ходатайствует в столь вероломном деле. Мы осведомлены о поступках нашего кузена Карла. Мы знаем, что если он правой рукой берет наши пятьдесят тысяч крон, чтобы держать проходы открытыми, то протягивает левую Генриху Трастамарскому или королю Франции, готовый взять столько же, чтобы их держать закрытыми. Знаю я нашего доброго Карла и клянусь моим небесным наставником, святым исповедником Эдуардом, Карл скоро поймет, что я вижу его насквозь. Он предоставляет свое королевство любому наддatchику, подобно некоторым пролазам-коновалам, продающим лошадь, зараженную сапом. Он...

— Милорд! — воскликнул дон Мартин. — Я не могу стоять здесь и слушать такие слова про моего государя. Если б их произнесли другие уста, я знал бы, чем на них ответить.

Дон Педро насупился и скривил губы, но Принц улыбнулся и кивнул, соглашаясь.

— Ваше поведение и ваши слова, дон Мартин, именно таковы, каких я и ждал от вас, — заметил он. — Вы скажете королю, своему повелителю, что деньги ему заплатили, и если он сдержит свое обещание, я даю слово, что никакого ущерба не будет причинено ни его подданным, ни их домам, ни их имуществу. Но если он нам откажет в разрешении, я тоже без разрешения буду следовать по пятам за этим посланием, и при мне будет ключ, который отомкнет все, что будет заперто.

Принц смолк и что-то шепнул сэру Ноллзу и сэру Хью Калверли, а они заулыбались, очень довольные, и поспешили прочь из комнаты.

— Наш кузен Карл имел возможность испытать нашу дружбу, — продолжал Принц, — а теперь, клянусь всеми святыми, он узнает, что такое наше неудовольствие. Я сейчас отправил послание нашему кузену, его сможет прочесть все королевство Наваррское. Пусть же он поостережется, чтобы не было хуже. Где милорд Чандос? Поручаю этого доблестного рыцаря вашим заботам. Вы увидите, что у него есть и ясный разум и кошелек с золотом, чтобы оплатить свои расходы; для любого двора большая честь иметь столь благородного и достойного рыцаря. Что вы говорите, сир? — обратился он к испанскому беглецу в то время, как старый воин провожал до двери наваррского посланца.

— У нас в Испании не в обычае воздавать за дерзость вестнику, — заметил дон Педро, поглаживая голову своей борзой. — Но все слышали о вашем беспримерном королевском великодушии.

— Поистине так! — воскликнул король Мальорки.

— Кому это знать лучше, чем нам? — с горечью продолжал дон Педро. — С той минуты, как нам пришлось бежать в смятении к вам, неизменному покровителю всех, кто слаб?

— Нет, нет, вы пришли только как братья к брату, — возразил Принц, и глаза его вспыхнули. — Мы не сомневаемся, что с помощью божьей мы вскоре снова увидим ваше возвращение на престолы, с которых вы были так предательски свергнуты.

— Когда настанет этот счастливый день, — сказал Педро, — Испания будет для вас второй Аквитанией, и каковы бы ни были ваши планы, вы всегда можете рассчитывать на любой полк и любой корабль, над которыми развеваются знамя Кастилии.

— И, кроме того, — добавил второй, — на любую помощь и силу, которыми располагает Мальорка.

— Что касается тех ста тысяч крон, которые я вам должен, — небрежно добавил Педро, — не может быть сомнения...

— Ни слова, сир, ни слова! — воскликнул Принц. — Теперь, когда вы в беде, я не буду оскорблять вас столь низменными и скаредными помыслами. Я уже заявил раз и навсегда, что я ваш — каждой тетивой моего войска и каждым флорином моих сундуков.

— Ах, вот поистине образец рыцарства, — сказал дон Педро. — Я полагаю, что если Принц так щедр, то мы можем, сэр Фернандо, воспользоваться его добротой в пределах еще пятидесяти тысяч крон. Присутствующий здесь сэр Уильям Фелтон, без сомнения, все это уладит.

Старый толстяк — английский советник — несколько опешил от столь стремительного согласия воспользоваться щедростью его государя.

— Дозвольте сообщить вам, сир, — сказал он, — что в государственной казне сейчас нет средств, мне пришлось выплатить жалованье двенадцати тысячам солдат, а новые налоги — на очаги и на вино — еще не поступили. Если бы вы могли подождать, пока прибудет обещанная помощь из Англии...

— Нет, нет, дорогой кузен! — воскликнул дон Педро. — Да если бы мы знали, что ваши собственные сундуки настолько пусты или что эта ничтожная сумма имеет то или иное значение, с нашей стороны было бы просто низостью...

— Довольно, сир, довольно, — прервал его Принц, вспыхнув от досады. — Раз государственная казна в столь плачевном состоянии, как вы говорите, сэр Уильям, то, я надеюсь, существует мой личный кредит, которым я никогда не пользовался для себя, но теперь он может быть пущен в ход ради друга в беде. Итак, раздобудьте эти деньги под мои драгоценности, если ничего другого нельзя сделать, и вручите их дону Фернандо.

— В виде обеспечения я предлагаю... — заявил дон Педро.

— Ни слова больше! — остановил его Принц. — Я не ломбардец, сир. Ваша королевская порука — вот мое обеспечение, и мне не нужны ни договоры, ни печати. Но у меня есть вести для вас, милорды и вассалы мои: наш брат Ланкастер на пути к нашей столице с четырьмя сотнями копейщиков и столькими же лучниками, дабы оказать нам помощь в нашем предприятии. Когда он прибудет и наша прекрасная супруга оправится от болезни, что, я надеюсь, произойдет с божьей помощью через две-три недели, мы присоединимся к армии в Даксе и снова подставим знамена бризу.

Радостным гулом голосов встретила группа воинов это сообщение о немедленных действиях. Принц улыбнулся воинственному пылу, который отразился на лицах людей, стоявших вокруг него.

— И вот что еще вас обрадует, — продолжал он. — Я имею точные сведения, что этот Генрих — очень храбрый командир, в его власти оказать нам упорное сопротивление, и борьба с ним сулит нам немало чести и удовольствия. Как мне сообщили, среди собственных подданных он набрал около пятидесяти тысяч воинов, и к этому надо прибавить двенадцать тысяч французских добровольцев, а они, как вы знаете, весьма храбрые и опытные солдаты. Можно сказать с уверенностью, что смелый и достойный Бертран Дюгесклен прибыл во Францию к герцогу Анжуйскому, намереваясь вместе с ним набрать большое войско в Пикардии и Бретани. Мы высоко почитаем Бертрана, ибо он раньше вкладывал немалый труд, чтобы обеспечить нам почетную схватку. Что вы думаете на этот счет, достойный Каптал? Он захватил вас врасплох в Кошереле, и, клянусь спасением души, вы получите теперь возможность отплатить ему за обиду.

При этом напоминании гасконский воин слегка нахмурился, недовольны были и окружающие

его земляки, ибо в тот единственный раз, когда они столкнулись с вооруженными силами Франции и англичане не помогли им, они потерпели жестокое поражение.

— Иные утверждают, сир, что счет уже больше, чем выравнен, ибо без поддержки гасконцев Бертран не был бы разбит под Ореем, а короля Джона не потеснили бы под Пуатье.

— Клянусь небом, это уже слишком! — воскликнул какой-то английский дворянин. — Мне кажется, Гасконь — слишком маленький петушок, чтобы кукарекать так громко.

— Чем меньше петушок, милорд Одлей, тем длинней у него шпора, — заметил Каптал де Буш.

— Ему могут прищемить гребешок, если он будет слишком шуметь, — вмешался другой англичанин.

— Клянусь божьей матерью Рокамадурской! — воскликнул лорд Мюсидан. — Я больше не могу этого выносить. Сэр Джон Чарнелл, вы ответите мне за эти слова.

— С удовольствием, милорд, и в любое время, когда вам угодно, — небрежно ответил англичанин.

— Милорд де Клиссон, — воскликнул лорд Одлей, — вы почему-то пристально смотрите в мою сторону. Клянусь богом! Я буду рад, если мы продолжим с вами это объяснение.

— А с вами, милорд Поммерс, — сказал сэр Найджел, протискиваясь вперед, — мне думается, мы тоже могли бы сразиться на копьях в достойном и почетном споре по этому вопросу.

В течение нескольких минут обе стороны успели переброситься десятком вызовов, ибо туча, столь долго выраставшая между рыцарями обеих наций, внезапно разразилась грозой. При этом гасконцы яростно жестикулировали, англичане держались бесстрастно, холодно и насмешливо, а Принц с полуулыбкой переводил взгляд с одних на других, как человек, который любит горячую схватку и вместе с тем опасается, чтобы страсти не разгорелись до той степени, когда он уже не сможет их сдержать.

— Друзья, друзья, — воскликнул он наконец, — вашу ссору пора прекратить! И тому, кто будет продолжать ее за стенами этой комнаты, гасконец он или англичанин, придется отвечать передо мной. Я слишком нуждаюсь в ваших мечях, чтобы вы обращали их друг против друга. Сэр Джон Чарнелл, лорд Одлей, вы, надеюсь, не сомневаетесь в храбрости наших друзей из Гаскони?

— Нет, сир, — ответил лорд Одлей. — Я слишком часто видел их на поле боя и знаю, что они весьма решительные и отважные джентльмены.

— Скажу то же самое, — заявил второй англичанин, — но, конечно, мы не забудем о сегодняшнем, а они пусть научатся не болтать попусту.

— Нет, сэр Джон, — сказал Принц с укоризной, — у всякого народа свои нравы и обычаи. Найдутся такие, которые назовут нас холодными, хмурыми и молчаливыми. Но вы слышите, милорды из Гаскони, у этих джентльменов и в мыслях не было набросить тень на вашу честь и достоинство, — так укротите же свой гнев. Клиссон, Каптал, Де Поммерс, вы мне обещаете?

— Мы ваши подданные, сир, — ответили гасконские бароны не слишком охотно. — Ваше слово для нас закон.

— Тогда зальем все взаимные неудовольствия доброй мальвазией! — весело воскликнул Принц. — Эй, там! Открыть двери зала для пиров. Я долго был разлучен с моей дорогой супругой, но я скоро вернусь к вам. Пусть кравчие подают и менестрели играют, а мы выпьем чашу за предстоящие нам на юге славные бои!

И Принц удалился в сопровождении обоих монархов, тогда как собравшиеся, многие поджав губы и грозно хмурясь, медленно выходили друг за другом через боковую дверь в обширный покой, где были накрыты столы для королевского пира.

Глава XX

Как Аллейн завоевал себе место в почетном цехе

Пока совет Принца обсуждал дела, Аллейн и Форд ждали в другой комнате, где их скоро окружила шумная толпа молодых англичан одного с ними звания, жаждавших услышать последние новости с родины.

— Ну как поживает старик в Виндзоре? — спросил один.

— А как добрая королева Филиппа? — осведомился второй.

— А дама Алиса Перрерс? — крикнул третий.

— Уот! Чертов болтун! — заорал высокий молодой человек, хватая Уота за шиворот и в назидание встряхивая его.

— Да за эти слова тебе Принц голову бы снес.

— Клянусь богом, Уот бы и не заметил. Она же у него пустая, как сума нищего.

— Пустая, как сума английского оруженосца, — отозвался первый.

— Куда к черту запропастился столтник и его кравчие? Они до сих пор не расставили козел для столов.

— Mon Dieu! Если бы человек мог дожраться до рыцарства, так ты, Хамфри, был бы по меньшей мере знаменитым рыцарем, — заметил второй оруженосец среди взрывов хохота.

— А если бы ты мог допить до чего-нибудь, дурья голова, ты стал бы первым бароном королевства! — крикнул обиженный Хамфри. — Но как дела в Англии, скажите, оруженосцы Лоринга?

— Я считаю, — заявил Форд, — что во многом она осталась такой же, какой была, когда ты видел ее в последний раз, может, только шуму в ней поменьше.

— А почему меньше шуму, юный мудрец?

— Ну, пораскинь мозгами.

— Клянусь богом! К нам заявился паладин, а на башмаках у него все еще хампширская грязь! Он хочет сказать, что шуму стало поменьше, так как мы оттуда уехали.

— Быстро они тут соображают, — заметил Форд, повернувшись к Аллейну.

— Как прикажете вас понять, сэр? — спросил оруженосец-задира.

— Как хотите, так и понимайте, — небрежно отозвался Форд.

— Это дерзость! — воскликнул другой.

— Сэр, я преклоняюсь перед вашей догадливостью, — ответил Форд.

— Сдержись, Хамфри, — заметил высокий оруженосец, рассмеявшись. — Мне кажется, тебе нечего ждать снисхождения от этого джентльмена. В Хампшире языки остры, сэр.

— А мечи?

— Гм! Мы можем проверить! Через два дня турнир, тогда и посмотрим, так же ли остро твоё копье, как язык.

— Все это распрекрасно, Роджер Харкомб! — воскликнул коренастый молодой человек с бычьей шеей; его квадратные плечи и массивная фигура говорили об исключительной физической силе. — Ты слишком легко относишься к этому делу. Мы не можем допустить, чтобы над нами так просто взяли верх. Лорд Лоринг уже показал себя, но мы ничего не знаем о его оруженосцах, кроме того, что один остер на язык. Ну, а вы, молодой сэр? — обратился он к Аллейну, опуская тяжелую руку ему на плечо.

— Что я, молодой сэр?

— Ma foi! Можно подумать, будто это паж моей дамы. Прежде чем ты снова увидишь свою мать, твои щеки должны стать посмуглее и потяжелее рука.

— Если рука моя и не тяжела, зато она всегда готова.

— Готова? Готова для чего? Чтобы нести шлейф моей дамы?

— Готова проучить любого за дерзость, сэр.

— Хорошенький мой дружок! — ответил коренастый оруженосец. — Какой у тебя нежный румянец! Какой мелодичный голос! Глаза — точно у стыдливой девы, а волосы трехлетнего младенца. Voila! — И он грубо сунул толстые пальцы в золотистые кудри юноши.

— Вы напрашиваетесь на ссору, сэр, — сказал Аллейн, побледнев от гнева.

— Ну и что же?

— Вы делаете это как деревенский олух, а не как надлежит вежливому оруженосцу. Вы дурно воспитаны и грубы. Рыцарь, которому я служу, показал бы вам, как себя ведут в таких случаях.

— А что бы он сделал, о цвет оруженосцев?

— Он бы не шумел и не дерзил, а держался бы еще любезнее, чем обычно. Он сказал бы: «Сэр, я счел бы для себя честью, если бы мог слегка сразиться с вами, не ради моей славы или из честолюбия, но больше ради славы моей дамы и поддержания рыцарской чести». Затем он снял бы перчатку — вот так — и бросил бы наземь; или, если бы полагал, что имеет дело с грубияном, он бросил бы ему перчатку в лицо — как я бросаю ее сейчас!

Толпа оруженосцев взволнованно загудела, когда Аллейн, чья прирожденная мягкость при это беспричинном нападении на него вдруг сменилась ожесточенной решимостью, изо всех сил швырнул перчатку в насмешливое лицо оскорбителя. Со всех сторон сбежались оруженосцы и пажи, и вскоре обоих противников обступила густая взволнованная толпа.

— За это ты поплатишься жизнью, — сказал задира, и лицо его исказилось яростью.

— Если ты сможешь отнять ее, — ответил Аллейн.

— Милый друг, — шепнул Форд, — крепко стой на своем.

— Я буду судить по справедливости! — воскликнул Норбери, молчаливый оруженосец сэра Оливера.

— Ты сам все это затеял, Джон Трантер, — сказал высокий малый, которого называли Роджером Харкомбом. — Вечно ты дразнишь новичков. Стыд и срам, если дело пойдет дальше, чем следует. Юноша показал себя смелым.

— Но удар перчаткой! Удар! — закричало несколько оруженосцев постарше. — Этого нельзя так оставить!

— Нет, можно. Трантер первый коснулся его головы, — сказал Харкомб. — Как ты полагаешь, Трантер? На этом следовало бы и покончить?

— Мое имя известно в здешних краях, — горделиво ответил Трантер, — и я не могу допустить, чтобы на нем осталось пятно. Пусть поднимет перчатку и заявит, что был не прав.

— Я предпочел бы, чтобы он попал к черту в лапы, — прошептал Форд.

— Вы слышите, молодой сэр? — спросил миротворец. — Наш друг согласен забыть об этом случае, если вы только признаете, что действовали необдуманно и сгоряча.

— Я этого не могу признать, — ответил Аллейн.

— Но таков у нас обычай, молодой сэр: когда среди нас появляются новые оруженосцы из Англии, мы подвергаем их тем или иным испытаниям. Подумайте, ведь если у человека новый боевой конь или копьё, он всегда будет испытывать их в мирное время, чтобы, когда в них скажется нужда, они не подвели его. Насколько же важнее испытывать наших будущих товарищей по оружию.

— На вашем месте я бы отступил, если это можно сделать с честью, — шепнул Норбери на ухо Аллейну. — Человек этот — известный мастер сражаться мечом и гораздо сильнее вас.

Однако в жилах Эдриксона текла кровь упрямых саксов — разогревалась она очень медленно, но, закипев, остывала нелегко. Намек на грозившую ему опасность только укрепил его решимость.

— Я прибыл со своим хозяином, — сказал он, — и в каждом видел здесь англичанина и друга. Этот господин встретил меня грубостью, и если я ответил ему тем же, то пусть пеняет только на себя. Перчатку я подниму, но, конечно, не откажусь от своего поступка, если мой обидчик первый не извинится за свои слова и свое поведение.

Трантер пожал плечами.

— Ты сделал все, что мог, Харкомб, чтобы спасти его, — сказал он. — Лучше решить спор сразу.

— Я тоже так считаю! — воскликнул Аллейн.

— Совещание продлится до самого пира, — заметил седой оруженосец. — У вас добрых два часа...

— А место?

— В это время двор для турниров свободен.

— Нет, нельзя устраивать встречу на монастырской земле, все участники могут поплатиться, если эта история дойдет до ушей Принца.

— На берегу реки есть тихое местечко, — заявил один из юношей, — надо только пройти через владения аббатства, потом мимо оружейной мастерской, мимо церкви Сен-Реми и потом по улице Апостолов.

— Итак, *en avant!* — решительно воскликнул Трантер, и толпа высыпала на свежий воздух, за исключением тех, кто, выполняя особые приказы их рыцарей, должен был оставаться на своем посту.

Эти незадачливые юноши столпились у маленьких оконниц и, вытягивая шеи, старались как можно дальше следовать взглядом за уходившими товарищами.

Совсем рядом с берегом Гаронны находилась лужайка; с одного ее края тянулась высокая стена монастырского парка, с другого — фруктовый сад с густой щетиной безлистных яблонь. Река, глубокая и быстрая, бежала под крутым берегом, на ней чернело всего несколько лодок, большие суда стояли на якорях далеко от этого места, посередине течения. Придя на лужайку, оба противника извлекли из ножен мечи и накинули куртки, ибо на них не было никаких лат. Дуэль, с ее установленным этикетом еще не вошла в моду, но внезапные и грубые поединки являлись делом вполне обычным, как оно и должно быть, если горячие юноши попадают в чужую страну и у них есть оружие. В таких поединках, так же как и на более официальных турнирах на замковой арене, Трантер прославился своей силой и ловкостью, почему Норбери из добрый побуждений и предостерег Аллейна. С другой стороны, Аллейн учился владеть оружием и упражнялся ежедневно в течение многих месяцев; будучи от природы очень сообразительным и проворным, он владел теперь мечом не хуже своего противника. Странно противоположной казалась эта пара, когда они сходились: Трантер — смуглый, кряжистый, плотный, с волосатой грудью и жилистыми руками, и Аллейн — живое воплощение миловидности и изящества, золотоволосый, с кожей нежной, как у женщины. Многим казалось, что, конечно, этот бой будет неравным; но несколько зрителей, наиболее опытных, заметили в решительном взгляде серых глаз и в воинственной поступи этого юноши что-то вызвавшее сомнение в исходе поединка.

— Стойте, стойте! — воскликнул Норбери до того, как был нанесен первый удар. — У этого джентльмена двуручный огромный меч, на добрый фут длиннее, чем у нашего друга.

— Возьми мой, Аллейн, — предложил Форд.

— Нет, друг, — ответил Аллейн, — я уже принооровился к своему, умею управлять его тяжестью и владею его равновесием. Начнемте, сэр, не то мы можем понадобиться нашим рыцарям в монастыре.

Огромный меч Трантера являлся, конечно, большим преимуществом. Трантер стоял, сдвинув ноги, согнув колени, готовый к рывку назад или к прыжку вперед. Свое оружие он держал перед собой стоймя, так, что мог или сразу обрушить его вниз разящим ударом или, повернув этот тяжелый клинок, прикрыть собственную голову и тело. Защитой ему служила также

большая и тяжелая чашка меча, через которую проходил эфес, в ней имелась узкая и глубокая прорезь, которой опытный боец мог захватить клинок противника и быстрым поворотом кисти сломать его. С другой стороны, Аллейн при своей защите должен был особенно полагаться на зоркость глаз и быстроту движений, ибо его меч, как остро он ни наточил его, был очень легок и тонок.

Трантер отлично знал свои преимущества и, не теряя времени, воспользовался ими. Когда его противник пошел на него, он внезапно прыгнул вперед и рубанул — меч со свистом опустился и наверняка рассек бы Аллейна пополам, если бы тот не отскочил в сторону. Меч прошел так близко, что острием разрезал полу его льняной куртки. Стремительно, словно пантера, Аллейн ринулся вперед, но Трантер, который был не только силен, но и подвижен, уже снова прикрылся и отбил удар Аллейна клинком своего тяжелого меча. Он снова обрушил свистящий удар такой силы, что присутствующие замерли, и Аллейн снова ловко и быстро выскользнул из-под меча и ответил двумя выпадами, подобными молнии, которые Трантер едва смог парировать. Противники уже настолько сблизились что Аллейн не успел отскочить при следующем ударе которым был отбит его меч и рассечен лоб; кровь залила глаза и щеки. Он отскочил подальше, где меч Трантера не мог его достать, и оба остановились, тяжело дыша, а толпа молодых оруженосцев зааплодировала.

— Храбро бились оба противника, — воскликнул Роджер Харкомб. — Вы оба заслужили честь этим поединком, и было бы грехом и позором продолжать его.

— Ты, Эдриксон, дрался хорошо, — сказал Норбери.

— И держался ты достойно! — крикнуло несколько оруженосцев.

— Что касается меня, то у меня нет желания убивать этого молодого человека, — заявил Трантер, вытирая лоб.

— Этот джентльмен просит у меня прощения за то, что вел себя по отношению ко мне грубо и оскорбительно? — спросил Аллейн.

— Я? Нет.

— Тогда берегитесь, сэр!

С металлическим звоном клинки снова скрестились. Аллейн все время старался держаться как можно ближе к противнику, чтобы не дать Трантеру слишком сильно замахнуться мечом, а тот упорно отпрыгивал назад, стремясь получить место для нанесения одного из своих роковых ударов.

Аллейн трижды парировал удары, и все же на левом плече его выступила кровь, но в то же мгновение он слегка ранил Трантера в бедро. Однако в следующий миг его клинок скользнул в роковую щель, раздался резкий треск, что-то, зазвенев, упало, и он увидел полоску стали длиной пятнадцать дюймов — все, что осталось от его оружия.

— Ну, твоя жизнь в моих руках! — воскликнул Трантер со злобной усмешкой.

— Нет, нет, он сдается! — закричали несколько оруженосцев.

— Вот другой меч! — предложил Форд.

— Нет, сэр, — возразил Харкомб, — так не принято.

— Бросай свой эфес, Эдриксон! — потребовал Норбери.

— Никогда! — ответил Аллейн. — Вы просите у меня прощения, сэр?

— Ты спятил!

— А тогда берегись! — крикнул молодой оруженосец и ринулся в бой с таким пылом и яростью, которые с избытком восполняли недостатки его короткого меча.

От его внимания не ускользнуло, что противник уже дышит тяжело и хрипло, как человек, изнемогающий от усталости. Настала минута, когда в этом поединке должна была сказаться более чистая жизнь и более ловкое тело одного из сражающихся. Все дальше и дальше отступал Трантер, ища подходящего мгновения для последнего удара. Все ближе надвигался Аллейн, направляя обломанный конец меча то в лицо врагу, то в горло, то в грудь, продолжая колоть и стараясь обойти барьер его стали, каким тот заслонял себя. Однако многоопытный

враг знал, что долго таких усилий Аллейну не выдержать. Пусть он хоть на миг ослабит свой напор — и смертельный удар будет нанесен. Он должен перевести дух. Плоть и кровь не могут выдержать такого непрерывного напряжения. Уже броски юноши стали менее яростными, нога менее тверда, хотя в упрямых серых глазах не отражалось никакой слабости. Трантер, за многие годы боев ставший коварным и осторожным, почувствовал, что благоприятная минута настала. Он оттолкнул хрупкое оружие, которым с ним сражался противник, вихрем занес свой огромный меч и, отскочив еще дальше, чтобы придать удару еще большую мощь... свалился в воды Гаронны.

И зрители и сражающиеся были настолько поглощены поединком, что всякая мысль о крутизне берега и быстрой, бесшумной реке вылетела у них из головы. И лишь когда Трантер, отступая назад пламенным напором противника, оказался на самой кромке берега, общий крик напомнил ему об опасности. Последний бросок назад, который, как он надеялся, положит бою кровавый конец, отбросил его самого далеко от берега, и он мгновенно очутился на глубине восьми футов в ледяной воде. Раз или два вынырнуло лицо задыхающегося человека, и судорожно ищущие опоры пальцы мелькнули в тихой зеленой струе, которая выносила его на середину течения. Тщетно товарищи бросали ему ножны, яблоневые ветки и связанные вместе пояса. Аллейн выронил свой сломанный меч и стоял, дрожа всем телом; весь гнев его внезапно сменился жалостью. В третий раз тонущий вынырнул на поверхность, его горсти были полны липких речных водорослей, глаза с отчаянием смотрели на берег. Их взгляд нашел Аллейна, и тот не смог устоять перед безмолвной мольбой. Через миг он тоже погрузился в волны Гаронны и поплыл сильными взмахами к своему недавнему врагу.

Однако течение было стремительным и быстрым, и, хотя Аллейн плавал хорошо, задача его оказалась нелегкой. Схватить Трантера за волосы было делом нескольких секунд, но вот удерживать его голову над водой и выбираться из течения оказалось гораздо труднее. После сотни взмахов он как будто не подвинулся ни на дюйм. Наконец среди взрыва радостных криков и похвал они медленно и вполне явственно передвинулись в более тихую воду, и в эту же минуту Форд бросил в реку с десяток поясов, скрепленных между собою пряжками, и этот спасательный канат попал им прямо в руки. Три рывка нетерпеливых товарищей — и обоих противников, промокших и бледных, втащили на берег; задышавшись, они тут же повалились на траву.

Джон Трантер пришел в себя первым: хотя он и пробыл дольше в воде, но не тратил сил во время отчаянной борьбы с течением. Он с трудом встал на ноги и опустил глаза на своего спасителя, который приподнялся на локте и, чуть улыбаясь, слушал шумные поздравления и похвалы окружавших его оруженосцев.

— Я вам чрезвычайно обязан, сэр, — сказал Трантер отнюдь не дружелюбно. — Certes, если бы не вы, я так и остался бы в реке, ведь я родился в Уорикшире, местность там безводная, и в наших краях почти никто не умеет плавать.

— Благодарности мне не нужно, — отрывисто ответил Аллейн. — Форд, дай руку и помоги встать.

— Река стала моим врагом, — продолжал Трантер, — а для вас она оказалась добрым другом, ибо сегодня спасла вам жизнь.

— Что ж, пусть будет так, — отозвался Аллейн.

— Но теперь все кончено, — заявил Харкомб, — и никакой беды не случилось, а я одно время опасался, что будет иначе. Наш молодой друг честно и благородно заслужил право стать членом нашего славного цеха оруженосцев города Бордо. Вот твой камзол Трантер.

— Но, увы, мой славный меч лежит на дне Гаронны! — сказал тот.

— А вот и твоя куртка, Эдриксон — воскликнул Норбери. — Набрось ее на плечи, пусть на тебе будет хоть что-нибудь сухое.

— Теперь идем обратно в аббатство. — предложили несколько голосов.

— Одну минуту, господа, — крикнул Аллейн, который стоял, опираясь на плечо Форда и все еще держа в ослабевшей руке сломанный меч. — Может быть, мне налилась в уши вода и я не уловил того, что было сказано, но, по-моему, этот джентльмен до сих пор не извинился передо мной за то оскорбление, которое нанес мне в зале.

— Как? Вы все еще хотите продолжать ссору? — спросил Трантер.

— А почему бы и нет, сэр! Я очень медлю, решаясь на такое дело, но, уже начав, буду доводить до конца, пока во мне есть жизнь и дыхание.

— Ma foi! В вас теперь маловато и того и другого, — резко заявил Харкомб. — Послушайте моего совета, сэр, и прекратите эту историю. Вышли вы из положения весьма удачно.

— Нет, — возразил Аллейн, — не я затеял ссору, но так как я уже здесь, то клянусь, что не уйду отсюда, пока не получу того, зачем пришел. Итак, или извинитесь, сэр, или найдите другой меч и будем продолжать.

Молодой оруженосец был смертельно бледен и обессилен перенесенным и на суше и в воде. Он промок насквозь, весь измазался, а из раны на плече и на лбу сочилась кровь, но вся его поза и выражение лица говорили о непоколебимой решимости. Его противник, с более грубой и низменной душой, невольно робел перед пылкостью и упорством более одухотворенной натуры Аллейна.

— Я не думал, что вы отнесетесь к этому так серьезно, — пробормотал он в смущении. — Это была просто шутка. Мы постоянно дразним друг друга, но, если вы смотрите по-другому, прошу извинить меня.

— Тогда и я прошу меня извинить, — сердечно отозвался Аллейн, — вот вам моя рука.

— А к полднику уже трубили три раза, — сказал Харкомб, когда все поспешили прочь, разбившись на кучки и оживленно болтая. — Не знаю, что подумает или скажет стольник

Принца. Честное слово, приятель Форд, вашему другу необходима кружка вина, ведь он наглотался воды из Гаронны. Судя по его красивенькому лицу, я никогда бы не подумал, что он выкажет такую твердость характера.

— Клянусь, — ответил Форд, — сам воздух в вашем Бордо превратил горлицу в боевого петуха. Никогда Хампшир не видел более мягкого и любезного юноши.

— Его хозяин тоже, насколько я могу судить, весьма мягкий и любезный джентльмен, — заметил Харкомб, — и все же, мне кажется, оба они такие люди, что ссориться с ними отнюдь не безопасно.

Глава XXI

Как Агостино Пизано рисковал головой

Даже стол для оруженосцев в аббатстве св. Андрея в Бордо был роскошен: ведь здесь держал свой двор Принц. И только здесь, после скудной пищи в Болье и скупых обедов у леди Лоринг, Аллейн увидел, до чего могут доходить роскошь и изысканность. Жареные павлины в перьях, вновь аккуратно водворенных на место, так что птица лежала на блюде в том же виде, в каком она расхаживала при жизни, кабаньи головы с позолоченными клыками и пастью, выложенной фольгой, желе в виде двенадцати апостолов и огромный пирог, воспроизводивший новый королевский замок в Виндзоре, — вот некоторые из тех невиданных блюд, с которыми ему довелось иметь дело. Один лучник принес Аллейну с корабля смену одежды, и он, с живостью юности, уже позабыл огорчения и усталость этого утра. Явился паж из зала для пиров и сообщил, что их хозяин будет вечером пить вино у лорда Чандоса и желал бы, чтобы его оруженосцы ночевали в гостинице «Полумесяц» на улице Апостолов. Поэтому оба юноши в сумерках пустились в путь, насладившись выступлениями жонглеров с их фокусами и менестрелей с их песнями, следовавшими за главной трапезой.

Шел мелкий дождь, когда Аллейн и Форд, набросив на головы плащи, шли пешком по улицам древнего города; своих лошадей они оставили в королевских конюшнях. Изредка масляный фонарь на углу улицы или под портиком дома богатого горожанина бросал слабый свет на поблескивающие булыжники мостовой и на пеструю разношерстную толпу, которая, несмотря на дурную погоду, текла туда и сюда по каждой проезжей улице.

В этих разбросанных повсюду кругах тусклого света открывалась вся панорама жизни богатого и воинственного города. Тут шествовал круглолицый горожанин, раздувшийся от преуспевания, в длинном кафтане темного сукна, плоской бархатной шляпе, с широким кожаным поясом и мотающимся кошель — живое воплощение богатства и благополучия. За ним шла его служанка, повязанная голубым шарфом, держа в вытянутой правой руке фонарь, озарявший золотой полоской света дорогу, по которой шествовал хозяин служанки. Дальше брела, пошатываясь, группа полупьяных йоркширцев, они говорили на таком диалекте, что даже их земляки едва их понимали; на их куртках был знак пеликана, показывавший, что они прибыли из северного графства Стэплтон. Горожанин оглянулся на их багровые, свирепые лица и ускорил шаг, а служанка прикрыла лицо шарфом, ибо в их взглядах, устремленных на девушку и на кошель, было выражение, понятное людям, говорящим на любом языке. Затем следовали лучники из охраны, визгливые женщины, английские пажи с белой кожей и с голубыми изумленными глазами, монахи в темных рясах, слоняющиеся воины, загорелые болтливые слуги-гасконцы, матросы, грубоватые крестьяне из Медока и придворные оруженосцы в плащах и в шляпах с плюмажем; эти молодые люди решительно проталкивались и протискивались через изменчивый многоцветный людской поток, наполнявший улицу прямо-таки вавилонским смешением языков: английского, французского, валлийского, баскского и самых разнообразных диалектов Гаскони и Гиени. Время от времени толпа расступалась, пропуская лошадь под дамским седлом или кучку несущих факелы лучников, которые шли впереди гасконского барона или английского рыцаря, разыскивавших после дворцового пира свою гостиницу. Топот копыт, лязг оружия, крики ночных забулдыг, звонкий смех женщин — все это поднималось, словно туман над болотом, над людными улицами тускло освещенного города.

Одна пара в этой движущейся толпе привлекла особое внимание двух молодых оруженосцев, тем более, что пара эта шла прямо впереди них и в том же направлении. Это были мужчина и девушка. Он выделялся своим ростом и мощными плечами и прихрамывал на одну ногу; под мышкой он нес какой-то большой плоский предмет, завернутый в темную материю. Его спутница, очень молодая и стройная, ступала быстро и упруго, движения ее были изящны, но черный плащ настолько скрывал ее черты, что можно было заметить только вдруг блеснувшие черные глаза да прядку черных волос. Высокий человек из-за больной ноги тяжело опирался на ее плечо, держась как можно ближе к стене и ревниво прижимая к своему боку завернутый предмет; он выталкивал вперед свою спутницу, пользуясь ею как опорой, когда толпа уж слишком теснила, грозя унести его с собой. Явный страх этого человека, внешность его спутницы и та заботливость, с какой оба оберегали непонятный предмет, невольно вызвали интерес обоих молодых англичан, шагавших позади них на расстоянии вытянутой руки.

— Courage, дитя, — услышали они восклицание высокого человека. Это была смесь французского с английским. — Если нам удастся сделать еще шестьдесят шагов, мы будем в безопасности.

— Держи его крепко, отец, — ответила девушка на том же мягком, смешанном диалекте. —

Нет никаких причин для страха.

— Поистине они язычники и варвары, — воскликнул ее спутник, — бешеные, оружие, пьяные варвары! Еще сорок шагов. Tita mia, клянусь святым Элуа, патроном ученых мастеров, что я не выйду за порог моего дома до тех пор, пока вся эта шайка не будет благополучно водворена в их лагерь в Даксе или еще в какое-нибудь место, которое они осквернят своим присутствием. Еще только двадцать шагов, мое сокровище. О боже мой, как они толкаются и ревут! Встань на их пути, Tita mia! Храбро выставь свой локоток! Встреть их лицом к лицу, девочка! Ради чего тебе уступать дорогу этим бешеным островитянам? Ах, *cospetto*! Мы разорены и погибли!

Впереди них толпа стала настолько густа, что хромоту старику и девушке пришлось остановиться. Несколько подвыпивших английских лучников, заинтересованных, как и оруженосцы, странным обликом этой пары, устремились к ним навстречу, разглядывая их в тусклом свете.

— Клянусь тремя царями, — воскликнул один из лучников, — вот старый болван! Он слишком сердитый, чтобы опираться на этакий прелестный костыль. Пользуйся ногой, которую тебе дал господь бог, и не наваливайся так на девчонку!

— Ну-ка, убирайся ко всем чертям! — заорал другой. — Что это, в самом деле! Храбрые лучники разгуливают без женщин, а такая вот старая орясина пользуется дамой, словно дорожным посохом!

— Пойдем со мною, моя птичка, — предложил третий, хватая девушку за плащ.

— Нет, со мной, мечта моего сердца, — перебил его первый. — Клянусь святым Георгием, наша жизнь коротка, так будем же веселиться, пока живы. Да она прелестна, эта девица, или пусть мне никогда не видеть Честерский мост!

— А что это у старой жабы под мышкой? — воскликнул еще один. — Он прижимает к себе эту штуку, словно дьявол — продавца индульгенций.

— Ну-ка покажи, старый мешок с костями, что у тебя там?

Они теснили старика, а он, не понимая их наречия, только все крепче прижимал к себе одной рукою девушку и тоскливо озирался, ища помощи.

— Бросьте, ребята, бросьте, — крикнул Форд, отпихивая ближайшего лучника. — Это низость! Уберите руки, не то вам же будет хуже.

— Придержи язык, не то тебе самому будет хуже! — заорал самый пьяный лучник. — А кто ты, что портишь нам удовольствие?

— Новоиспеченный оруженосец, только что приехал, — пояснил ему кто-то.

— Клянусь святым Фомаю Кентским, мы все служим нашим хозяевам! Но не позволим, чтобы нами командовал каждый сопляк, которого мамаша отправила в Аквитанию.

— О джентльмены! Ради Христа, защитите нас! — воскликнула девушка на ломаном английском языке, — не давайте нас в обиду этим ужасным людям.

— Не бойтесь, госпожа, — ответил Аллейн. — Мы не позволим вас тронуть. Сними руку с ее талии, эй ты, негодяй с севера!

— Не отпускай ее, Уот! — сказал долговязый чернобородый солдат, чей металлический нагрудник поблескивал в сумраке. — А вы держите-ка руки подальше от своих кинжалов, вы оба, я занимался этим ремеслом, еще когда вас и на свете-то не было, и, клянусь богом, я вас проткну насквозь, если вы хоть пальцем шевельнете.

— Слава богу! — вдруг воскликнул Аллейн, ибо увидел возвышавшегося над толпой человека и его ярко-рыжий вихор, вылезавший из-под шлема. — Пришел Джон и Эйлвард тоже! Помогите нам, друзья! Здесь хотят обидеть девушку и старика.

— *No!à, mon petit!* — отозвался старый лучник, проталкиваясь через толпу; за ним следовал Большой Джон. — Что тут происходит? Клянусь тетивой, много вам придется поработать, если вы намереваетесь исправлять все зло, какое увидите по эту сторону пролива. Едва ли отряд лучников, да еще когда в голове шумит от вина, будет таким же сговорчивым, как иные юные клирики в фруктовом саду. Когда ты проведешь с годик в Отряде, тебя будут меньше волновать подобные случаи. Но что все-таки тут случилось? Начальник полиции со своими

лучниками идет сюда, и кое-кто из вас может оказаться на дыбе, если не поостережется.

— Да это же старик Сэм Эйлвард из Белого отряда! — воскликнул солдат. — Слушай, Сэмкин, а как ты очутился здесь? Я еще помню тот день, когда ты был самый шумливый весельчак из всех лучников Отряда. Клянусь спасением души! От Лиможа до Наварры никто так охотно не целовал девчонку и не рубил головы врагу, как лучник Эйлвард из отряда Хоуквуда.

— Вполне возможно, Питер, — отозвался Эйлвард, — и, клянусь эфесом, не очень-то я с тех пор изменился. Но у меня всегда все было честно и ясно. Девушка соглашалась добровольно, мужчина должен был взбунтоваться против меня, а если нет, то, клянусь моими десятью пальцами, от меня им ничего не грозило.

Глядя на решительное лица Эйлварда и широченные плечи Джона, лучники убедились, что силой тут немногого добьешься. Девушка и старик уже начали пробираться через толпу, и мучители не решались остановить их. Форд и Аллейн медленно следовали за ними, но Эйлвард вдруг схватил Аллейна за плечо.

— Клянусь эфесом, samarade, — сказал он, — я слышал, что ты сегодня в аббатстве отличился и совершил славные дела. Но только прошу тебя быть осторожным, ведь это я привел тебя в Отряд, и я был бы очень огорчен, если бы с тобой что-нибудь стряслось.

— Нет, Эйлвард, я буду осторожен.

— Не бросайся уж так без оглядки навстречу всякой опасности, mon petit. Скоро твоя рука окрепнет, и удар станет более сильным. Мы сегодня вечером соберемся в «Розе Гиени», а это за два дома от гостиницы «Полумесяц», поэтому, если ты захочешь осушить стаканчик в компании нескольких простых лучников, ты будешь желанным гостем.

Аллейн обещал прийти, если его обязанности позволят ему, а затем, нырнув в толпу, догнал Форда; тот остановился и разговаривал с обоими чужеземцами, которые теперь уже добрались до своего дома.

— Храбрый молодой синьор, — сказал высокий старик, обнимая Аллейна за плечи, — как нам отблагодарить вас, ведь вы защитили нас от этих страшных пьяных варваров! Мою Титу они утащили бы, а мою голову разбили бы на тысячу кусков.

— Нет, я не думаю, чтобы они так поступили, — возразил Аллейн удивленно.

— Хо, хо! — захохотал, вернее, закаркал старик высоким голосом. — Я тужу не о своей голове, которая у меня на плечах, cospetto, нет! Вы спасли ту голову, которая у меня под мышкой.

— Может быть, синьору угодно зайти к нам в дом, отец? — сказала девушка. — Если мы будем стоять здесь, кто знает, не начнется ли какая-нибудь новая свалка?

— Верно сказано, Тита! Верно сказано, моя девочка! Прошу вас, сэры, оказать нам честь и посетить наше скромное жилище. Огня, Джакомо! Тут пять ступенек вверх. Еще две. Так! Ну, мы наконец в безопасности. Corro di Basso. Я не дал бы и десяти мараведи за то, что моя голова уцелеет, когда эти чертовы дети притиснули нас к стене. Tita mia, ты храбрая девушка, и уж лучше, чтобы они толкали и тянули тебя, только бы не трогали мою голову.

— Конечно, отец, — серьезно согласилась она.

— Но эти англичане! Ах! Возьмите гота, гунна и вандала, смешайте их и прибавьте разбойника-варвара, а потом напоите это существо допьяна — и получится англичанин. Боже мой! Разве жил на земле когда-нибудь еще такой народ! Какая страна от них свободна? Я слышал, что и в Италии их так же полным-полно, как и здесь. Они всюду, кроме небес.

— Дорогой отец, — воскликнула Тита, все еще поддерживая сердитого старика, который, хромя, взбирался по дубовой лестнице, — не забывай, что эти добрые синьоры, защитившие нас, тоже ведь англичане.

— Ах, да! Прошу прощения, сэры! Входите вот сюда, в комнаты. Кое-кому мои картины нравятся, но я вижу что искусство вести войну — единственное, которое почитается в вашей стране.

Низкая комната с дубовыми панелями, в которую старик ввел их, была ярко освещена четырьмя лампами с благовонным маслом. У стен, над столом, на полу и вообще повсюду стояли и висели огромные листы стекла, расписанные самыми яркими красками.

— Значит, они вам нравятся? — воскликнул хромой художник, заметив на лицах юношей изумление и удовольствие. — Среди вас все же, значит, есть люди, которые ценят это пустое занятие?

— Никогда бы не поверил, что такое мастерство возможно, — восхищался Аллейн. — Какие краски! Какой рисунок! Посмотри, Форд, на эти мучения святого Стефана! Кажется, можно взять в руку один из камней, которые лежат наготове у подлых убийц!

— А тот олень, с крестом между рогами... Честное слово, Аллейн, я никогда не видел подобного красавца даже в лесах Бира.

— А зелень под ним — какая яркая и светлая! Да, все картины, что я видел до сих пор, в сравнении с этими — только детская забава. Должно быть, этот достойный джентльмен — один из тех великих живописцев, о которых я так часто слышал от отца Варфоломея в былые дни, когда жил еще в Болье.

Смуглое подвижное лицо художника сияло радостью, вызванной неподдельным восторгом этих двух молодых англичан. Его дочь сбросила плащ, и юноши увидели ее лицо, тонкое и нежное, прекрасное чисто итальянской красотой; вскоре Форд смотрел уже на него, а не на висевшие перед ним картины. Аллейн же продолжал с легкими восклицаниями восторга и изумления переводить взор от стен к столу и снова на стены.

— Что вы скажете на это, молодой сэр? — спросил художник, срывая ткань с плоского предмета, который он держал под мышкой.

Это был кусок стекла в форме листа, с изображением лица, окруженного нимбом. Рисунок был настолько изящен, и тон так совершенен, что молодому оруженосцу показалось, будто это действительно человеческое лицо смотрит на них печальным и задумчивым взором. Он всплеснул руками, охваченный счастливым трепетом, какой истинное искусство всегда вызывает в истинном художнике.

— Удивительно! — воскликнул он. — Чудесно! Но я поражаюсь, сэр, как вы рискнули произведение столь прекрасное и драгоценное нести ночью, среди буйной толпы.

— Я в самом деле поступил опрометчиво, — отозвался художник. — Дай вина, Тита, из флорентийской фляги. Если бы не вы, я просто боюсь подумать о том, что могло бы случиться. Посмотрите на тон кожи: его не восстановишь, ибо эту краску, как правило, либо пережигают в печах и она становится чересчур темной, либо она вообще не удерживается, и вот получаешь болезненно-белый цвет. А тут вы видите жилы и биение крови. Да, *diavolo*, если бы стекло это разбилось, мое сердце разбилось бы тоже. Это витраж для одного из окон на хорах церкви Сен-Реми, и мы, моя маленькая помощница и я, отправились посмотреть, действительно ли оно соответствует по размерам каменной амбразуре. Мы кончили, когда уже наступила ночь, и что нам оставалось, как не унести его домой, оберегая всеми доступными для нас способами? Но вы, молодой сэр, говорите так, словно кое-что понимаете в искусстве.

— Настолько мало, что не осмеливаюсь рассуждать о нем в вашем присутствии, — ответил Аллейн. — Я воспитывался в монастыре, и не велика была заслуга — обращаться с кистью более ловко, чем мои братья-послушники.

— Вот вам краски, кисть, бумага, — сказал старик художник. — Я не даю вам стекла, ибо это другой материал и требует большого умения смешивать краски. А теперь прошу вас показать мне ваше искусство. Спасибо, Тита. Венецианские стаканы наполним до краев. Садитесь, синьор.

И пока Форд беседовал с Титой, он — на англо-французском, она — на французско-итальянском, старик внимательно разглядывал драгоценную голову, проверяя, нет ли на поверхности какой-либо царапины. Когда он снова поднял взор, Аллейн несколькими смелыми мазками набросал на белом листе, лежавшем перед ним, женское лицо и шею.

— *Diavolo!* — воскликнул художник, склонив голову набок. — У вас есть способности, да, *cospetto*, у вас есть способности. Это лицо ангела!

— Это же лицо леди Мод Лоринг! — воскликнул Форд, еще более изумленный.

— Что ж, клянусь, сходство есть! — согласился Аллейн, несколько смущенный.

— А, портрет! Тем лучше. Молодой человек, я Агостино Пизано, и я повторяю еще раз: у вас есть способности. А потом, заявляю, что, если вы хотите остаться у меня, я научу вас всем

секретам и тайнам окраски стекла: как пользоваться красками и сгущать их, какие проникают в стекло, какие нет, научу обжигу и глазированию, вы узнаете все приемы и все хитрости.

— Я был бы очень рад поучиться у такого мастера, — сказал Аллейн, — но я обязан следовать за моим хозяином, пока не кончится эта война.

— Война! Война! — воскликнул старик итальянец. — Вечно эти разговоры о войне. А те, кого вы считаете великими, — кто они? Разве я не слышал их имена? Солдаты, мясники, разрушители! Ах, рег Вассо! У нас, в Италии, есть люди поистине великие. Вы громите, вы грабите! А они строят, они восстанавливают. О, если бы только вы видели мою родную, любимую Пизу, Дуомо, монастыри Кампо-Санто, высокую Кампаниле с певучим звоном ее колоколов, разносящимся в теплом воздухе Италии! Вот это деяния великих людей. И я видел их моими собственными глазами, теми же, которые смотрят теперь на вас. Я видел Андреа Орканья, Таддео Гадди, Джоттино, Стефано, Симоне Мемми — все это мастера, у которых я недостойн даже смешивать краски. И я видел уже престарелого Джотто, а он, в свою очередь, учился у Чимабуэ, до которого в Италии не было искусства, ибо расписывать часовню Гонди во Флоренции привезли греков. Ах, синьор, существуют действительно великие люди, чьи имена будут почитаться и тогда, когда уже станет ясно, что ваши солдаты — враги человечества.

— Ей-богу, сэр, — вмешался Форд, — можно сказать кое-что и в защиту солдат: ведь если этих великих людей, о которых вы говорили, никто не будет защищать, то как же они сберегут свои картины?

— А все эти вещи? — спросил Аллейн. — Вы в самом деле сами написали их? И куда же вы их отправите?

— Да, синьор, все они выполнены моей рукой. Иные, как вы видите, сделаны на одном листе стекла, другие состоят из отдельных частей, которые можно скрепить. Есть художники, рисующие только на поверхности стекла, они потом прикрывают его другим куском, закрепляют, и таким образом картина становится недоступной воздействию воздуха. Но я считаю, что подлинный успех нашего искусства столь же зависит от обжига, как и от кисти. Взгляните на это круглое окно, повторяющее витраж в церкви пресвятой Троицы в Вандоме, или вот это — «Обретение святого Грааля», оно предназначено для апсиды монастырской церкви. Было время, когда никто, кроме моих соотечественников, не умел делать такие вещи; теперь есть Клеман Шартрский и еще несколько человек во Франции, они отличные мастера этого дела. Но увы! Визгливый и скрипучий язык всегда будет напоминать нам о том, что миром правит дубина дикаря, а не рука художника.

Суровый и ясный голос горна раздался совсем рядом, напоминая о том, что настала ночь и всем пора расходиться.

— Это и для нас сигнал, — сказал Форд. — Я бы, кажется, готов был остаться здесь навсегда, среди этих прекрасных картин, — продолжал он, глядя в упор на покрасневшую Титу, — но мы должны быть в гостинице до возвращения нашего рыцаря.

Хозяева снова стали благодарить молодых оруженосцев за помощь, а те обещали побывать еще и наконец расстались со старым итальянским живописцем и его дочерью. Они покинули Королевскую улицу, где жили их новые друзья, и поспешили на улицу Апостолов, в гостиницу «Полумесяц».

Глава XXII

Как лучники пировали в «Розе Гиени»

— Mon Dieu! Аллейн, ты когда-нибудь видел такое прелестное лицо? — воскликнул Форд, когда он торопились обратно в гостиницу. — Такое чистое, тихое и такое прекрасное?

— Ты прав, да. А тон кожи — прямо совершенство. Я подобного не встречал. И ты обратил внимание, как завитки волос лежат на лбу? Удивительно изящно.

— И глаза какие! — продолжал восхищаться Форд. — До чего ясные и кроткие, и вместе с тем в них глубина мысли.

— Только в подбородке, пожалуй, чувствуется какая-то незавершенность, — сказал Аллейн.

— Нет, я не заметил.

— Правда, его линии очень четки.

— И очень утонченны.

— А все же...

— Что, Аллейн? Неужели ты видишь пятна даже на солнце?

— Ну, подумай, Форд! Разве длинная и благородная борода не придавала бы лицу большую выразительность и силу?

— Пресвятая Дева, — воскликнул Форд, — да ты спятил! Борода у прекрасной маленькой Титы?

— Тита? А кто говорит про Титу?

— А кто говорит не о ней?

— Да я же обсуждал с тобою изображение святого Реми, друг!

— Ну, ты в самом деле гот, гунн, вандал и как еще там обзывал нас старик. Неужели ты можешь придавать такое значение его мазне, когда в той же комнате перед тобой была картина, написанная самим господом богом? Но кто этот человек?

— Пожалуйте, сэры, — сказал какой-то лучник, подбегая к ним, — Эйлвард и остальные будут очень рады видеть вас. Они вон в том доме. Эйлвард просил передать вам, что нынче вечером вы лорду Лорингу не понадобятся. Он будет ночевать у лорда Чандоса.

— Клянусь, нам не нужен проводник, чтобы найти их...

В эту минуту из таверны на правой стороне улицы донеслись взрывы хохота и топот ног. Молодые люди вошли в низкую дверцу, спустились по вымощенному плитами коридору и оказались в узком длинном зале, озаренном факелами, пылавшими в обоих его концах.

Вдоль стен были брошены охапки соломы, и на них полулежало десятка два-три лучников, все из Отряда шлемы и куртки они снимали, рубашки были расстегнуты, мощные тела раскинулись на глинобитном полу. Возле каждого стояла кожаная фляга с пивом, а в конце зала была водружена бочка с выбитой втулкой, сулившая и в дальнейшем щедрое угощение. Перед бочкой на пустых бочонках, ящиках и грубо сколоченных скамьях сидели Эйлвард, Джон, Черный Саймон и еще трое-четверо лучников-вожаков, а также Гудвин Хаутейн, старший шкипер, оставивший свой желтый корабль в устье реки, чтобы в последний раз выпить со своими друзьями из Отряда. Форд и Аллейн уселись между Эйлвардом и Черным Саймоном, причем их появление несколько не повлияло на царивший в зале шум и гам.

— Эля, mes camarades, — воскликнул лучник, — или, может быть, вина? Одно из двух — во всяком случае! Ну-ка, Джек, чертов сын, принеси нам бутылку старейшего вернэджа и смотри не тряхни ее! Слышали новость?

— Нет, — ответили оруженосцы в один голос.

— Предстоит блестящий турнир.

— Турнир?

— Да, мальчишки. Ибо Каптал де Буш поклялся, что найдет пятерых рыцарей по эту сторону пролива, которые победят любых пятерых английских рыцарей, когда-либо садившихся в седло. И Чандос принял вызов, а Принц обещал золотой кубок тому рыцарю, который будет вести себя доблестнее всех, весь двор только и говорит об этом.

— А почему состязаются только рыцари? — проворчал Хордл Джон. — Разве они не могли бы выставить и пять лучников, которые бы отстаивали честь Аквитании и Гаскони?

— Или пять ратников, — добавил Черный Саймон.

— Кто же эти пять английских рыцарей? — спросил Хаутейн.

— В городе сейчас триста сорок один рыцарь, — ответил Эйлвард. — И я слышал, что уже послано триста сорок картелей, нет вызова только сэра Джона Равенсхолма: он лежит в лихорадке и не может встать с постели.

— Я слышал об этом турнире от одного из стрелков охраны! — крикнул кто-то из лучников, развалившихся на соломе. — Говорят, Принц тоже хочет сразиться на копьях, но Чандос и слышать об этом не желает — предполагают, что дело будет серьезное.

— На то есть Чандос.

— Нет, Принц этого не допустит. Чандос будет ведать всем турниром, вместе с сэром Уильямом Фелтоном и герцогом Арманьяком. Со стороны англичан в турнире примут участие лорд Одлей, сэр Томас Перси сэр Томас Уэйк, сэр Уильям Бошан и наш предостойный хозяин и командир.

— Ура, и да охранит его господь! — раздалось несколько голосов. — Быть лучником у него — великая честь.

— И вы вполне правы, — отозвался Эйлвард. — Если вы пойдете за его знаменем с пятью алыми розами вы увидите все, что хотелось бы увидеть доброму лучнику. Ха! Да, *mes garçons*, вы сейчас смеетесь, но, клянусь эфесом, когда вы окажетесь там, куда он поведет вас, вы уже не будете смеяться, ибо невозможно знать заранее, какой он даст обет. Я вижу, что у него мушка на глазу, точь-в-точь как при Пуатье. И ради этой мушки будет пролита кровь, или я ничего не понимаю.

— А как было при Пуатье, достойный Эйлвард? — спросил один из молодых лучников; он оперся на локти и не сводил почтительного взгляда с обветренного лица старого воина.

— Ну же, Эйлвард, расскажи! — воскликнул Хордл Джон.

— Твое здоровье, старик Сэмкин Эйлвард! — зашумели голоса на дальнем конце зала, и люди замахали белыми куртками.

— Вот спросите его, — скромно отозвался Эйлвард и кивнул в сторону Черного Саймона. — Он видел больше, чем я... И все же, клянусь гвоздями святого креста, видел-то я почти все.

— О да, — согласился Саймон, — великий это был день. Я не надеюсь еще раз пережить такой день. Многие отличные лучники спустили в тот день свою последнюю стрелу. Подобных людей мы уже не встретим, Эйлвард.

— Клянусь эфесом, — нет. Тогда были маленький Робби Уитстафф, и Эндрю Салбластер, и Уот Олспей, и они свернули шею германцам. *Mon Dieu*, что за люди? Стреляли как угодно! По дальним и ближним целям никогда никто не пускал стрелы более метко.

— Но про битву, Эйлвард, расскажи про битву!

— Сначала дайте я налью себе, ребята, всухую этот рассказ не пойдет. Было самое начало осени, когда Принц выступил, он прошел через Овернь, и Берри, и Анжу, и Турень. В Оверни девушки сладки, да вина кислы. А в Берри женщины кислы, а вина роскошные. Анжу — очень хороший край для лучников: там и женщины и вина — лучше не надо. В Турени мне только проломили башку и все, но во Вьерзоне очень повезло, ибо я раздобыл в соборе золотую дароносицу, а потом получил за нее девять генуэзских джэн от золотых дел мастера на улице Монт-Олив. Оттуда мы отправились в Бурж, где мне досталась рубашка огненного шелка и отличная пара башмаков с шелковыми кисточками и серебряными блестками.

— Из лавки, Эйлвард? — спросил один из более молодых лучников.

— Нет, с человеческих ног, парень. У меня были основания считать, что они ему больше не понадобятся, так как в спине у него торчала тридцатидюймовая стрела.

— А что было потом, Эйлвард?

— Мы двинулись дальше, кум, шесть тысяч человек, и пришли в Иссуден, а там опять произошло весьма важное событие.

— Сражение, Эйлвард?

— Нет, нет, кое-что поважнее. Сражение мало что может дать, если нет надежды на выкуп. В Иссудене я и еще три валлийца заглянули в один дом, все остальные прошли мимо, и добычу получили мы. Я сам взял отличную перину, вещь, которую, общите хоть всю Англию, вы не найдете. Вы эту перину видели — ты, Аллейн, и ты, Джон. И вы подтвердите, что это благороднейшая перина. Мы погрузили ее на мула маркитанта и везли следом за армией. Я решил сберечь ее до тех пор, пока не обзаведусь собственным домом, и она теперь хранится у меня в одном весьма надежном местечке недалеко от Линдхерста.

— А потом, достойный лучник? — спросил Хаутейн. — Клянусь святым Христофором, вы избрали поистине хорошую и приятную жизнь, ибо собираете добычу подобно ловцу морских раков, который не зависит при этом от чьей-либо милости или благосклонности.

— Вы правы, шкипер, — заметил более пожилой лучник. — Есть поговорка у старых солдат: «Что взято боем, дороже вдвое». Ну, продолжай, приятель, мне уже не терпится.

— И вот мы пошли дальше, — сказал Эйлвард, сделав долгий глоток из фляги. — Нас было около шести тысяч, и Принц, и его рыцари, а посередине отряда — моя перина, которую вез мул маркитанта. Мы наделали много бед в Турени, а потом прибыли в Роморантэн, где мне попали в руки золотая цепочка и два яшмовых браслета, которые у меня в тот же день украла черноглазая девчонка из Арденн. Mon Dieu! Есть же люди, которые не боятся Страшного суда, у них нет ни капли порядочности в душе, и они вечно норовят выкрасть или выхватить чужое добро.

— Ну, а сражение, Эйлвард, сражение! — нетерпеливо крикнули несколько голосов среди взрывов смеха.

— Я уже дошел до него, храбрые вы мои боевые щенки. Ну, тогда король Франции стал преследовать нас с пятьюдесятью тысячами человек, и он очень спешил нас настичь, но когда настиг, не знал, что с нами делать, ибо мы так разместили войско среди изгородей и виноградников, что французы ниоткуда не могли к нам подступиться, кроме как со стороны узкой дороги. На обоих флангах стояли лучники, позади них — ратники и рыцари, а посередине — обоз и моя перина на муле маркитанта. Триста их доблестнейших рыцарей бросились вперед, они были в самом деле очень храбрые, но мы встретили их таким шквалом стрел, что из них вернулись немногие. Затем двинулись германцы, они также сражались весьма отважно, так что даже одному или двум удалось прорваться через цепь лучников и дойти до моей перины, но все зря. Тут вперед выехал наш собственный маленький командир с мушкой на глазу, и милорд Одлей со своими четырьмя оруженосцами, и еще несколько человек такой же закваски, за ними следовали Принц и Чандос, а потом мы все, плотной толпой, с топорами и мечами, ибо к тому времени уже расстреляли свои стрелы. Это было сумасшествие, ибо мы отошли от изгородей, и не осталось никого, чтобы охранять обоз, а они могли в любую минуту подобраться к нему в обход. Но все обошлось благополучно, и короля взяли, а маленький Робби Уитстафф и я привезли на телеге двенадцать бочек вина для личного стола короля, и, клянусь эфесом, если вы спросите меня, что было потом, я не смогу вам ответить, не сможет и коротышка Робби Уитстафф.

— Ну, а на другой день?

— Клянусь, мы долго не канителились, а поспешили обратно в Бордо, куда и прибыли благополучно вместе с королем Франции и моей периной. Я продал свою добычу, mes garçons, и получил столько золота, сколько мог унести, и в течение недели жег по двенадцать восковых свечей на алтаре святого Андрея, ибо если ты забываешь о божьих святынях в дни удач, они легко могут забыть о тебе, когда будут позарез нужны. Я же подарил святому Андрею сто двенадцать фунтов воску, а так как он был человеком очень справедливым, то не сомневаюсь, что он возместит их полным весом, если понадобится.

— Скажите, достойный Эйлвард, — обратился к нему с другого конца зала молодой румяный

лучник, — из-за чего произошло это великое сражение?

— Эх ты, дурья голова, — да из-за того, кому носить французскую корону, из-за чего же еще?

— А я думал, может, из-за твоей перины...

— Если уж я доберусь до тебя, Сайлас, то как бы я не отхлестал тебя ремнем по плечам, — отозвался Эйлвард под общий хохот. — Но теперь пора, цыплята, на насест, раз смельчаки уже начали бунтовать против старших, да и час поздний, Саймон.

— Подожди, споем еще одну песню.

— Здесь Арнольд из Соулея, он споет песню не хуже любого лучника из Отряда.

— Нет, у нас тут есть один — лучше его в этом деле не найдешь, — сказал Хаутейн, кладя руку на плечо Большого Джона. — Я слышал, как он пел на корабле, у него голос будто волны, когда они бурно накатывают на берег. Прошу вас, друг, спойте нам «Колокола Милтона» или, если хотите, «Дочь франклина».

Хордл Джон вытер губы обратной стороной ладони, усталился в угол потолка и рявкнул так, что от звуков его голоса заметалось пламя факелов; он запел, как его и просили, южную балладу.

Решил франклин изведать свет, Не мил его девчонке свет: Ушел дружок. Она одна. Но верность сохранит она! Пришел к ней рыцарь — плащ до пят, И латы под плащом блестят. Но, хоть колено он склонил, К любви девчонку не склонил. Оруженосец к ней пришел, На нем малиновый камзол. Играл он нежно, сладко пел, Но в деле мало преуспел. Пришел богач купец, одет В кафтан и бархатный берет. Но лавки, полные добра, Не принесли ему добра. Пришел к ней лучник — добрый друг, В руках колчан и меткий лук, В кармане пять монет всего... Девчонка, берегись его! Ох, кто-то волю дал слезам, А кто-то рыскал по лесам... А лучник в дальней стороне С девчонкой скачет на коне.

Восторженно заревели слушатели, затопали ногами, застучали кружками об пол — видимо, им особенно пришлась по вкусу эта песня, а Джон скромно склонился над четвертой и четырьмя гигантскими глотками осушил ее всю.

— Я пел эту песню в пивной Хордла, когда еще и не помышлял сам стать лучником, — пояснил он.

— Наполните свои кружки! — воскликнул Черный Саймон, погружая собственный кубок в стоявший перед ним открытый бочонок. — Последнюю здравицу за Белый отряд и за каждого храброго воина, который идет под алыми розами Лоринга.

— Пью за тис, за коноплю и за гусиные перья, — сказал старый, седой лучник, сидевший справа.

— Пью за мирный исход, за испанского короля и за отряд в двести сорок человек, — заявил другой.

— Пью за кровавую войну, — крикнул еще кто-то, — многие пойдут и немногие вернутся!

— За то, чтобы сталью добыть побольше золота, — возгласил пятый.

— А последний тост — за властительниц наших сердец, — предложил Эйлвард. — Пусть будет тверда наша рука и верен глаз, ребята; двух кварт на брата хватит.

С возгласами, шутками и песнями все вышли из зала, и снова в «Розе Гиени» воцарилась мирная тишина.

Глава XXIII

Как Англия сражалась на турнире в Бордо

Добрые горожане Бордо настолько привыкли к военным играм и рыцарским турнирам, что обыкновенная схватка или состязание были для них не в диковинку. Прославленный и блестящий двор Принца привлекал странствующих рыцарей и поклонников оружия из всех стран Европы. Во время долгих состязаний на берегах Гаронны не раз происходили странные бои, когда тевтонский рыцарь, только что покорявший язычников-пруссов, гнался за рыцарем Калатравы, закаленным постоянной борьбой с маврами, или португальцы схватывались со скандинавскими воинами, прибывшими с самых дальних побережий Ледовитого океана. В Бордо развевалось не одно иноземное знамя с символами и гербами придунайских стран, а также дикой Литвы и горных крепостей Венгрии, ибо рыцари имелись всюду, независимо от климата или нации, и не было страны настолько дикой, чтобы слава и имя Принца не стали известны в ней от края и до края.

И все-таки город и округ были охвачены волнением, когда стало известно, что в третью среду рождественского поста состоится поединки и что пять английских рыцарей объявили о своей готовности сразиться со всеми желающими. Это великое состязание знатных и прославленных воинов, национальный характер состязания, а также то обстоятельство, что это была как бы последняя проба оружия перед войной, обещавшей быть жаркой и кровавой, — все делало турнир одним из самых значительных и блестящих зрелищ, какие когда-либо видел город Бордо. Накануне знаменательного дня крестьяне шли в него толпами со всего медокского округа, и луговины за стенами города белели множеством палаток тех, кто не смог найти более теплого жилья. Из дальнего лагеря в Даксе, из Блайе, Буржа, Либуерна, Сент-Эмильона, Кастильона, Сен-Макэра, Кардийака, Риона и всей группы этих цветущих городов, считавших Бордо как бы своей матерью, двигался непрерывный поток людей — верхами и пешими, и все они стремились в славный город. Утром того дня, когда должен был начаться турнир, вокруг арены и на низком травянистом берегу реки собралось не менее восьмидесяти тысяч, и они смотрели на поле предстоящих схваток.

Сэр Хью Калверли и сэр Роберт Ноллз до сих пор еще не вернулись из набега на границы Наварры, так что английская партия была лишена ее наиболее знаменитых копий. Все же, кроме них, имелось еще столько славных имен, что Чандос и Фелтон, которым был поручен отбор участников, не раз долго и обстоятельно совещались, обсуждая каждого кандидата, его умение владеть оружием, его ошибки и успехи, взвешивали и сравнивали его возможности с возможностями притязавших на его место соперников. Лорд Одлей из Чешира, герой Пуатье, сэр Найджел Лоринг, из Хампшира, считавшийся вторым во всем войске по мастерскому владению копьем, а также более молодые, сэр Томас Уэйк из Йоркшира, сэр Томас Перси из Нортумберленда и сэр Уильям Бошан из Глостершира — вот те, кто были, наконец, отобраны защищать честь Англии. Представителями другой стороны были ветеран Капталъ де Буш и крепыш Оливье де Клиссон, сэр Пердюка д'Альбер, отважный лорд Мюсидан и Сигизмунд фон Альтенштадт из Тевтонского ордена. Более пожилые англичане только покачивали головами, глядя на гербы знаменитых воителей, ибо эти люди провели всю жизнь в седле, а смелость, отвага и сила едва ли могут противостоять опытности и умудренности в деле войны.

— Честное слово, сэр Джон, — сказал Принц, когда они ехали по извилистым улицам на турнир, — я был бы рад, если бы сегодня мое копье разнесло в щепки. Вы знаете, что я научился держать в руках копье с тех пор, как у меня хватало сил поднять его, и мне лучше знать, заслуживаю я быть в этой почетной компании или нет.

— Я не видел всадника искуснее и копья более меткого, чем ваше, государь, — отозвался Чандос, — но, да будет мне дозволено сказать без всякой для вас обиды, не годится вам участвовать в этом турнире...

— А почему, сэр Джон?

— Да потому, сир, что вам не пристало становиться на сторону гасконцев против англичан или англичан против гасконцев, поскольку вы государь и тех и других. Гасконцы нас сейчас не очень-то долюбивают, и только золотое звено вашей короны связывает нас друг с другом. Если бы оно порвалось, не знаю, что последовало бы.

— Порвалось бы, сэр Джон? — воскликнул Принц, и темные глаза его гневно сверкнули. — Что это за манера выражаться? Вы говорите так, как будто вассальная зависимость наших подданных, — это такая вещь, которую можно сбросить или надеть, словно цепь на сокола?

— Наемную клячу мы подгоняем хлыстом и шпорами, сир, — ответил Чандос, — но с

породистым и горячим конем мы обращаемся бережно и ласково, чаще уговариваем, чем принуждаем. Люди эти — странный народ, и вам следует беречь их любовь даже такой, какая она сейчас, ибо эта любовь даст вам то, на что никакие знамена их не воодушевят.

— Вы сегодня чересчур серьезны, Джон, — заметил Принц. — Отложим эти вопросы до встречи в зале совета. Ну, а вы, братья мои из Испании и Мальорки, что вы думаете относительно такого вызова?

— Я ищу, как его получше обосновать, — ответил дон Педро, который ехал вместе с королем Мальорки, по правую руку Принца, тогда как Чандос ехал по левую. — Клянусь святым Иаковом Компостеллским, многие из этих горожан легко перенесли бы обложение налогом. Взгляните на тонкие сукна и бархат, которые носят эти мошенники! Честное слово, будь они моими подданными, они были бы рады носить грубые сукна да кожу, иначе я бы уж расправился с ними. Но, может быть, лучше стричь овец, когда шерсть отрастет?

— Мы гордимся тем, что правим свободными людьми, а не рабами, — холодно отозвался Принц.

— Что ж, у каждого свой вкус, — небрежно бросил дон Педро. — Сагайо! Какое прелестное личико вон там в окне! Прошу вас заметить дом и прислать нам девочку в аббатство.

— Нет, брат мой, это нет! — нетерпеливо воскликнул Принц. — Я уже не раз имел случай разъяснить вам, что у нас в Аквитании так не делается.

— Тысячу раз прошу прощения, дорогой друг, — ответил испанец, ибо смуглые щеки английского принца вспыхнули гневным румянцем. — Находясь в изгнании, я чувствую себя у вас почти как дома и по временам забываю, что еще не вернулся в Кастилию. Действительно, в каждой стране свои нравы и обычаи; но я обещаю вам, Эдуард, что когда вы окажетесь у меня в гостях, в Толедо или в Мадриде, вы не будете желать тщетно дочки какого-нибудь простолюдина, до которой вы снизойдете, бросив на нее благосклонный взгляд.

— Ваша речь, сир, — сказал Принц еще холоднее, — не такая, какую я хотел бы слышать от вас. Меня не привлекают подобные амурные истории, о которых вы говорите, и я поклялся, что мое имя никогда не будут соединять с именем иной женщины, кроме моей навеки дорогой супруги.

— Вот низменный образец истинного рыцарства! — воскликнул Педро, а король Мальорки, Иаков, напуганный суровостью их всемогущего покровителя, резко потянул за одежду своего товарища по изгнанию.

— Будьте осторожны, кузен, — прошептал он, — ради пресвятой Девы будьте осторожны, ведь вы рассердили его.

— Подумаешь! Не бойтесь! — отозвался испанец также вполголоса. — Если я промахнусь при одном поклоне, то уж, верно, угожу при следующем. Вот глядите! Дорогой кузен, — продолжал он, повертываясь к Принцу, — ваши ратники и лучники — отличные, крепкие воины. Действительно, было бы трудно состязаться с ними.

— Они побывали в далеких странах, сир, но до сих пор не встретили себе равных в бою.

— И, вероятно, не встретят. Смотрю я на них, и мне кажется, я снова сижу на своем престоле. Однако, скажите мне, дорогой кузен, что мы будем делать дальше, когда прогоним этого ублюдка Генриха из королевства, которое он стащил.

— Мы будем просить короля Арагонского, чтобы он вернул престол нашему брату Иакову, королю Мальорки.

— О благородный и великодушный Принц! — воскликнул монарх-коротышка.

— А когда это свершится, — сказал король Педро, косясь на молодого завоевателя, — мы объединим силы Англии, Аквитании, Испании и Мальорки. И нам будет стыд и позор, если мы не совершим какого-нибудь великого деяния, имея в своем распоряжении столь мощные военные силы.

— Вы правы, брат мой! — воскликнул Принц, и глаза его заискрились от предложения дона Педро. — Мне кажется, самое удобное пресвятой Деве, что мы могли бы сделать, — это изгнать язычников мавров из вашей страны.

— В этом мы с вами едины, Эдуард, как эфес с лезвием. Но, клянусь святым Иаковом, мы не

позволим этим маврам потешаться над нами и из-за моря. Мы должны сесть на корабли и очистить от них Африку.

— Клянусь богом, да! — воскликнул Принц. — Моя заветная мечта, чтобы наше английское знамя развевалось над Масличной горой, а лилии и львы реяли над Святым градом.

— А почему бы и нет, дорогой кузен? Ваши лучники проложили дорогу в Париж, — почему же не в Иерусалим? А дойдя туда, ваше войско сможет отдохнуть.

— Нет, надо сделать больше, — заявил Принц, увлеченный честолюбивыми мечтами. — До сих пор еще не взят Константинов град и предстоит война против дамасского султана. А вслед за этим надо еще наложить дань на татарского хана и Китайскую империю. Ха! Джон, что вы скажете? Разве мы не можем продвинуться на Восток так же стремительно, как Ричард Львиное Сердце?

— Джон останется дома, сир, — сказал старый солдат. — Клянусь душой, пока я сенешал Аквитании, с меня хватит забот и по охране границы, которую вы мне доверили. Тот день, когда король Франции услышит, что между ним и мною лежит море, он назовет счастливым.

— Клянусь душой, Джон, — сказал Принц, — я никогда раньше не замечал, что вы так неповоротливы.

— Брехучий пес не всегда зверя берет, — отозвался старый рыцарь.

— Нет уж, верное сердце, я слишком часто испытывал вас и знаю, какой вы смелый. Но, клянусь моей душой, я не видел такой отчаянной давки с того дня, когда мы доставили короля Иоанна в Чипсайд!

Поглядеть на турнир собралась огромная толпа, покрывшая всю широкую равнину между полосой виноградников и берегом реки. Принц и его свита, находившиеся у северных ворот, видели внизу под ногами темное море голов, среди которого то там, то здесь яркими пятнами пестрели женские головные уборы, поблескивали шлемы лучников и ратников. Посреди этого огромного скопления людей арена казалась лишь узкой, зеленой полоской, окаймленной знаменами и широкими вымпелами, а белые пятна с развевающимися флажками показывали, где поставлены палатки, в которых облачались в латы участники турнира. От городских ворот и до помоста, предназначенного для Принца и его свиты, была проложена огороженная кольями дорожка. И по ней среди приветственных кликов огромной толпы медленно ехал Принц, его сопровождали оба короля, высокие государственные чиновники и длинная вереница лордов и дам, придворных советников, воинов; качались перья, вспыхивали драгоценности, лоснились шелка и блестело золото — это было такое зрелище роскоши и доблести, о каком можно только мечтать. Голова кавалькады уже достигла арены, а конец еще только прошел городские ворота, ибо представители и представительницы всего, что было прекрасного и славного, собрались здесь из всех местностей, омываемых Дордонью и Гаронной: смуглые рыцари с жаркого юга, пылкие воины из Гаскони, элегантные придворные из Лимузена и Сентонжа и отважные молодые англичане из-за пролива. Были здесь также и красавицы брюнетки Жиронды, чьи глаза сверкали ярче их драгоценных камней, а рядом ехали их белокурые сестры из Англии, прямоносые, с четкими чертами лица, закутанные в лебяжий пух и горностай, ибо воздух был резок, несмотря на яркое солнце. Медленно извиваясь, подползал длинный сверкающий поезд к арене; наконец, каждая лошадь была привязана поджидавшим ее конюхом, а каждый лорд и каждая дама уселись на длинных, обитых бархатом и гобеленами и украшенных гербами скамьях, которые тянулись по обе стороны арены.

Участники турнира стояли на том ее конце, который был ближе к городским воротам. Здесь, перед их палатками, развевались ласточки Одлея, розы Лоринга, червлёные поперечники Уэйка, лев Перси и серебряные крылья Бошанов. Каждое знамя держал оруженосец, одетый в свободную зеленую одежду; оруженосцы изображали тритонов, и потому в левой руке у них были огромные полукруглые раковины. Позади палаток громадные боевые кони рыли копытами землю и ржали, а владельцы сидели у входа в палатки, положив шлемы на колени, и беседовали о порядке выступлений. После громкого туша фанфар герольд возвестил имена и гербы рыцарей, которые готовы ради чести своей страны и любви к своим дамам сразиться со всеми, кто окажет им честь сразиться с ними. Зрители встретили взрывом восторга второго герольда, который, двигаясь с другого конца арены, объявил имена пяти хорошо известных и прославленных рыцарей, принявших вызов.

— Честное слово, Джон, — сказал Принц, — пожалуй, вы были правы. Ха, мой любезный д'Арманьяк, кажется, наши здешние друзья не слишком будут огорчены, если английские воины проиграют.

— Может быть, сир, — ответил гасконский дворянин. — Я несколько не сомневаюсь, что в Смитфилде или Виндзоре английская толпа тоже будет приветствовать своих соотечественников.

— Клянусь, это легко понять, — смеясь, отозвался Принц, — вон несколько десятков английских лучников на том конце орут так, словно намерены перекрыть огромную толпу. Боюсь, что не очень-то громко придется им нынче кричать и приветствовать своих, ибо мой золотой кубок едва ли переплывет пролив. А каковы условия турнира, Джон?

— Участники должны выиграть не менее трех схваток, а победа останется за той партией, которая выиграет наибольшее число схваток, причем каждая пара сражается до тех пор, пока у одного из противников не окажется явного преимущества. Тот из победителей, кто будет биться лучше всех, получит приз, а лучший в другой партии — пряжку с драгоценными камнями. Отдавать ли приказ, чтобы зазвучали нагары?

Принц кивнул, трубы грянули, участники турнира двинулись вперед друг за другом, и каждый встретился со своим противником посреди арены. Сэр Уильям Бошан упал, сраженный копьем многоопытного Капталла де Буша, сэр Томас Перси победил лорда Мюсидана, а лорд Одлей выбил сэра Пердюка д'Альбера из седла. Однако крижистый Де Клиссон возродил надежды нападающих, сбросив наземь сэра Томаса Уэйка из Йоркшира. Пока трудно сделать выбор между атакующими и атакуемыми.

— Клянусь святым Иаковом из Сантьяго! — воскликнул дон Педро, и на его бледных щеках даже проступил легкий румянец. — Пусть победит кто угодно, но это — славное состязание.

— Назовите мне следующего защитника чести Англии, Джон? — спросил Принц, и голос его дрогнул от волнения.

— Сэр Найджел из Хампшира, сир.

— Ха! Он человек большой храбрости и искусно владеет любым оружием.

— Это верно, сир. Но зрение у него, как и у меня, для войны не годится. И все-таки он может разить копьем или наносить удары так же весело, как и всегда. Ведь это именно он, государь, выиграл золотую корону, когда ее величество королева Филиппа, ваша матушка, после разгрома Кале устроила состязание всех рыцарей Англии. Я слышал, что в замке Туинхэм есть шкаф, который ломится от призов.

— Надеюсь, что к ним прибавится и мой кубок, — сказал Принц. — Но вот едет германский рыцарь, и, клянусь душой, он кажется человеком очень достойным и смелым. Пусть они бьются трижды, ибо победа слишком важна, одна схватка не может решить всего.

В это время, под звуки труб и приветственные клики гасконской партии, последний из нападающих смело выехал на арену. Это был очень крупный человек, весь в черных доспехах, без всяких украшений и геральдических знаков, ибо все светское и показное запрещалось правилами того военного братства, к которому он принадлежал. Ни перо, ни герб не украшали его простой шлем, а на копье не было даже обычного вымпела. За плечами развевался белый плащ, на левой стороне которого резко выделялся широкий черный крест, прошитый серебром, — хорошо известная эмблема рыцарей тевтонского ордена. Под ним был конь, такой же массивный и черный и такой же строгий, как он сам. Всадник не поднимал его на дыбы, не заставлял скакать галопом, как делают обычно рыцари, желая показать свою власть над лошадью. Торжественно и сурово склонил рыцарь голову перед Принцем и занял свое место на дальнем конце арены.

Почти одновременно из загородки выехал сэр Найджел, пронесся галопом по арене и перед помостом Принца остановил своего большого коня так внезапно, что тот сел на задние ноги. Весь в белых доспехах, с гербом на щите и страусовым пером на шлеме, с развевающимся знаменем и играющим под ним конем, он казался таким непринужденным и радостным, что вся толпа вокруг арены разразилась аплодисментами. С видом человека, который спешит на веселый праздник, он приветственно помахал копьем, натянул поводья и направил бившую копытами лошадь, не давая ей коснуться передними ногами земли, на предназначенное ему место.

Внезапная тишина воцарилась в этой огромной толпе людей, когда два последних противника оказались друг против друга. Исход их состязания как бы обретал двойной смысл: на карту была поставлена не только их личная слава, но и честь их партий. Оба считались знаменитыми воинами, но так как они пожинали успех в очень отдаленных друг от друга странах, им еще ни разу не довелось скрестить копья. Схватка между этими двумя людьми

сама по себе уже должна была вызвать живейший интерес, от нее к тому же зависело, на чьей стороне будет сегодня победа. Одно мгновение они медлили: германец — хмурый и сдержанный, и сэр Найджел, в ком каждая жилка трепетала от нетерпения и пламенной решимости. Затем толпа зрителей как бы сразу глубоко вздохнула, с руки гофмаршала слетела перчатка, и оба закованных в латы всадника сшиблись. Казалось, перед помостом Принца ударил гром. Хотя германец и пошатнулся от удара англичанина, но он так метко, в свою очередь, нанес удар по забралу противника, что застежки лопнули, пернатый шлем разлетелся на куски, и сэр Найджел помчался галопом по арене, поблескивая на солнце обнаженной лысиной. В воздухе замелькали тысячи развевающихся шарфов и подброшенных шапок. Это показывало, что первая схватка кончилась в пользу представителя популярной партии.

Рыцарь из Хампшира не принадлежал к числу тех, кого неудача может лишить уверенности. Он прищпорил коня, помчался к палатке и через несколько мгновений вернулся в новом шлеме. Во второй схватке противники показали настолько равные силы, что самый строгий судья не мог бы определить, на чьей стороне перевес. Каждый высек искру из щита другого и каждый выдержал свирепый удар, точно слившись со своей лошадью.

Во время последней схватки сэр Найджел всадил копьё в германца с такой меткостью, что конец копьё вошел в забрало и снес переднюю часть шлема, а немец, нацелившись слишком низко и несколько огуленный противником, имел неосторожность ударить его по бедру, что являлось нарушением турнирных правил, и вследствие этого он не только вынужден был пожертвовать шансами на успех, но вынужден был также отдать оружие и коня, если бы

английский рыцарь решил их потребовать. Английские солдаты заревели от восторга, но большая толпа, теснившаяся у ограды, зловеще молчала, тем самым как бы подтверждая, что чаша весов перетянула в пользу англичан и призы будут получены ими. Уже десять победителей выстроились перед Принцем в ожидании его решения, когда вдруг резкий рев рога, зазвучавший с дальнего конца арены, заставил все взоры обратиться к неожиданно появившемуся новому лицу.

Глава XXIV

Как с востока прибыл странствующий рыцарь

Мы уже говорили, что арена для турниров в Бордо находилась на луговине возле берега реки и ею пользовались в тех случаях, когда другая, против аббатства св. Андрея, оказывалась недостаточно просторной. Восточным своим краем луговина упиралась в пологий склон; летом он был покрыт густой зеленью виноградников, но сейчас на нем лишь уныло темнели коричневые ограды. Поверху вилась белая дорога, уводившая в глубь страны и обычно пестревшая путниками, однако сейчас почти безлюдная, ибо турнир привлек все население округа. И странно было видеть такое огромное скопление людей, а вдали над ним эту пустынную проезжую дорогу, суровую и безлюдную, уходившую вдаль белой узкой черточкой, терявшейся среди холмов.

Если бы кто-нибудь вскоре после начала турнира взглянул на эту дорогу, он заметил бы на очень большом расстоянии две светлых точки, вспыхивавших и мерцавших в лучах тусклого зимнего солнца. Через час они приблизились, стали яснее, наконец оказалось, что это отблески света на шлемах двух всадников, скакавших во весь опор в сторону Бордо. Еще через полчаса уже можно было различить все детали их снаряжения и доспехов. Первый, вооруженный рыцарь сидел на каурой лошади с белым пятном на груди и на лбу. Он был мал ростом, но очень широк в плечах, забрало было опущено, на простом белом плаще и скромном черном щите отсутствовали какие-либо геральдические знаки. Второй всадник, как видно, его оруженосец и адъютант, был не вооружен, лишь голову его прикрывал шлем, да в правой руке он держал очень длинное и тяжелое дубовое копьё, принадлежавшее хозяину. В левой были зажаты поводья не только его собственной лошади, но и рослого вороного боевого коня, в полном снаряжении скакавшего рядом с ним. Эти три коня и двое всадников, как видно, торопились на турнир, и труба оруженосца, зазвучавшая, когда его рыцарь выехал на арену, прервала раздачу призов и отвлекла внимание и интерес зрителей.

— Ха, Джон, — крикнул Принц, вытягивая шею, — кто этот рыцарь и что ему нужно?

— Честное слово, сир, — ответил Чандос, на лице которого было написано бесконечное удивление, — по-моему, это француз.

— Француз! — повторил дон Педро. — А откуда вы это знаете, лорд Чандос, если на нем нет геральдических знаков — ни на платье, ни на шлеме?

— По его латам, сир, они круглее на локтях и на плечах, чем у рыцарей Бордо или у англичан. Я мог бы счесть его итальянцем, если бы его шлем был более покат, но я готов поклясться, что эти пластины были сварены между Бордо и Рейном. Вон его оруженосец, и сейчас мы узнаем, что заставило его перейти границу.

Тем временем оруженосец въехал рысью на траву за оградой, остановил коня прямо перед помостом принца и вторично протрубил в свой рог. Это был человек широкий в кости, с черной густой бородой и развязными манерами. Протрубив в рог, он сунул его за пояс, проехал среди гасконских и английских рыцарей и приблизился к Принцу и его свите на длину копья.

— Я явился, — возгласил он хриплым низким голосом и с резким бретонским акцентом, — как оруженосец и герольд моего хозяина, весьма отважного воителя и вассала великого и могущественного монарха Карла, короля Франции. Мой хозяин услышал, что здесь состоится турнир и есть возможность добиться почетного успеха, поэтому он приехал и просит, чтобы какой-либо английский рыцарь удостоил его, ради любви своей дамы, сразиться с ним на острых копьях, палицах, боевых топорах или кинжалах. Однако он приказал мне передать, что будет биться только с истинным англичанином, а не с каким-нибудь ублюдком, который и не англичанин и не француз, говорит на языке одного из них, а сражается под знаменем другого.

— Сэр! — воскликнул Де Клиссон громовым голосом, а его соотечественники схватились за свои мечи. Однако оруженосец не обратил никакого внимания на их разгневанные лица и продолжал излагать поручение своего хозяина.

— Он готов сразиться, сир, — заявил оруженосец, — хотя его конь и прошел сегодня немало миль, и притом галопом, так как мы опасались опоздать на турнир.

— И вы действительно опоздали, — сказал Принц, — приз сейчас будет вручен; однако я не сомневаюсь, что кто-нибудь из этих джентльменов не откажется ради чести сразиться с французским рыцарем.

— Относительно приза, государь, — заметил сэр Найджел, — полагаю, что выражу общее мнение: пусть французский рыцарь увезет его, если честно его выиграет.

— Передайте эти слова вашему хозяину и спросите, с кем из этих вот пяти англичан он пожелал бы сразиться, — сказал Принц. — Подождите, на вашем рыцаре нет герба, и мы до сих пор не слышали его имени.

— Мой хозяин, сир, дал обет пресвятой Деве не называть своего имени и не поднимать забрала до тех пор, пока он снова не окажется на французской земле.

— Но как же мы можем быть уверены, что это не простой слуга, надевший платье и доспехи своего господина, или какой-нибудь рыцарь-негодяй? Ведь одно прикосновение его копья может принести бесчестие достойному джентльмену!

— Это не так, сир, — сурово ответил оруженосец. — Нет на земле человека, который мог бы себя унижить, сразившись с моим хозяином.

— Вы очень смелы, оруженосец, — ответил Принц, — но пока у меня не будет уверенности в том, что ваш хозяин благородного происхождения и носит уважаемое имя, я не могу разрешить лучшим моим рыцарям состязаться с ним.

— Значит, вы отказываете ему, сир?

— Я вынужден отказать.

— В таком случае, сир, мой хозяин повелел мне спросить вас, согласитесь ли вы, чтобы сэр Джон Чандос услышал имя моего хозяина и заверил вас в том, что это действительно человек, с которым и вы сами без унижения для себя могли бы скрестить мечи?

— Я не желаю лучшего.

— Тогда я вынужден попросить вас, лорд Чандос, выйти вперед. Я также передаю вам просьбу, чтобы это имя навсегда осталось тайной, и обещайте, что вы никогда не скажете и не напишете ни одного слова, которое могло бы выдать это имя...

Он сошел с коня и что-то прошептал на ухо Чандосу, отчего тот вздрогнул, пораженный, и с острым любопытством посмотрел на чужого рыцаря, который ехал к дальнему концу арены.

— Неужели это действительно правда? — невольно вырвалось у него.

— Правда, милорд, клянусь в этом святым Ивом Бретонским.

— Я должен был догадаться, — сказал Чандос, задумчиво покручивая ус и все еще глядя на незнакомца.

— Ну как, сэр Джон? — спросил Принц.

— Сир, сражаться с этим рыцарем действительно великая честь, и я прошу у вас разрешения отлучиться, чтобы послать моего оруженосца за моими доспехами; мне бы очень хотелось принять его вызов.

— Нет, нет, сэр Джон, вы уже заслужили столько славы, сколько может достаться на долю одному человеку, и было бы слишком жестоко лишить вас отдыха. Прошу вас, оруженосец, скажите своему хозяину, что мы очень рады видеть его при нашем дворе и что если он хочет освежиться перед схваткой, ему сейчас же подадут вино с пряностями.

— Мой хозяин пить не станет, — сказал оруженосец.

— Тогда пусть назовет джентльмена, с которым он хотел бы сразиться.

— Он удовольствуется этими пятью джентльменами, и пусть каждый выберет оружие по своему желанию.

— Я полагаю, — сказал Принц, — что ваш хозяин — человек благородной души и высокой отваги. Однако солнце уже садится и нам едва хватит света для этого поединка. Прошу вас, джентльмены, занять свои места, ибо мы желали бы посмотреть, будут ли действия незнакомца столь же смелы, как и его слова.

Во время этих переговоров неизвестный рыцарь сидел, словно стальная статуя, не глядя ни

направо, ни налево. Он сменил коня, на котором приехал, и теперь сидел на том рослом вороном жеребце, которого вел в поводу оруженосец. Достаточно было взглянуть на его мощные широкие плечи, суровый и замкнутый облик и на то, как он обращается со щитом и копьем, чтобы тысячи критически настроенных зрителей убедились, насколько это опасный противник. Эйлвард, стоявший в первом ряду лучников вместе с Черным Саймоном, Большим Джоном и другими участниками Отряда, обсуждал весь ход турнира с той свободой и знанием дела, каким мог обладать воин, который всю свою жизнь имел дело с оружием и был способен с одного взгляда определить достоинства всадника и лошади. Сейчас он, насупившись, разглядывал незнакомца, и на лице его было выражение человека, силящегося что-то вспомнить.

— Клянусь эфесом! Я уже где-то видел это могучее тело. Но никак не припомню где! Может быть, в Ножане, или это было в Орее? Вот увидите, ребята, этот человек окажется одним из лучших воинов Франции, а искуснее их никто в мире не владеет копьем.

— Это тыканье друг в друга — детская игра, — сказал Джон. — Я бы готов попробовать, и, клянусь черным крестом, мне кажется, я бы справился.

— А что бы ты сделал, Джон?

— Да мало ли что можно было бы сделать, — задумчиво проговорил лесник. — Мне кажется, я начал бы с того, что сломал копье.

— Все стремятся сломать копье.

— Да нет, не об щит противника. Я бы переломил его об мое собственное колено.

— А что ты этим выиграешь, старая туша? — спросил Черный Саймон.

— Таким способом я превратил бы эту дамскую шпильку в весьма удобную дубинку.

— А тогда что, Джон?

— Я перехватил бы рукой или ногой его копье там, куда ему было бы угодно сунуть его, а потом ударом своей дубинки раскроил бы ему череп.

— Клянусь моими десятью пальцами, старина Джон, я бы отдал мою перину, чтобы поглядеть, как ты выступаешь на турнирах и сражаешься на копьях. Это самые галантные и изысканные состязания, и ты заслужил право в них участвовать.

— Мне тоже так кажется, — ответил Джон без улыбки. — Опять же, один может обхватить другого вокруг талии, стащить его с лошади, отнести в палатку и отпустить только за выкуп.

— Отлично! — воскликнул Саймон среди хохота стоявших рядом с ним лучников. — Клянусь Фомою Кентским, мы сделаем тебя распорядителем турниров, и ты будешь сочинять правила для наших состязаний. Но скажи, Джон, кто же та, в честь кого ты будешь так по-рыцарски и храбро сражаться?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, Джон, ведь такой сильный и необычный воин должен сражаться во имя блестящих глаз своей дамы или ее загнутых ресниц, вон даже сэра Найджел сражается в честь леди Лоринг.

— Насчет этого я ничего не знаю, — сказал лучник-великан, смущенно почесывая затылок. — С тех пор, как Мэри обманула меня, я не могу сражаться в честь ее.

— Да это может быть любая женщина.

— Ну тогда пусть будет моя мать, — сказал Джон. — Ей было очень трудно вырастить меня, и, клянусь спасением души, я буду сражаться ради ее загнутых ресниц, ведь у меня сердце болит, когда я думаю о ней. Но кто это?

— Сэр Уильям Бошан. Он очень храбрый человек, но, боюсь, едва ли сидит достаточно крепко в седле чтобы выдержать бой с таким противником, каким, видимо, окажется чужеземец.

Предсказание Эйлварда быстро оправдалось: он еще не успел договорить, как оба рыцаря встретились в середине арены. Бошан нанес своему противнику сильный удар по шлему, но получил встречный удар такой мощи, что вылетел из седла и покатился по земле. Сэр Томас Перси также потерпел неудачу: его щит раскололся, наручень был пробит, а сам он был

слегка ранен в бок. Лорд Одлей и незнакомец благородно ударили друг друга по шлемам. Но в то время как неведомый рыцарь остался сидеть на своем коне так же прямо и уверенно, удар его оказался настолько сокрушительным, что заставил англичанина откинуться назад на круп лошади, и, лишь проскакав галопом половину арены, он пришел в себя. Сэр Томас Уэйк был сброшен наземь военным топором — он сам избрал это оружие, — и Уэйка пришлось унести в палатку. Эти победы, одержанные столь быстро над четырьмя знаменитыми воинами, взволновали толпу зрителей, которые были изумлены и восхищены. Гром аплодисментов, какими разразились английские солдаты, горожане и крестьяне, показывал, насколько любовь к отважным рыцарским деяниям могла подняться над соперничеством наций.

— Клянусь спасением души, Джон! — воскликнул Принц. Его щеки пылали, глаза блестели. — Это человек высокой отваги и большого мужества. Я никогда бы не поверил, что на земле есть хоть один рыцарь способный победить этих четверых.

— Как я уже сказал, сир, это рыцарь, который может принести нам много чести. Но нижний край солнца уже касается воды, и скоро оно опустится в море.

— Вот и сэр Найджел Лоринг, он пеший, и у него меч. — сказал Принц.

— Я слышал, что он превосходно владеет этим оружием.

— Лучше всех в вашем войске, государь, — ответил Чандос. — Но я не сомневаюсь, что сегодня ему понадобится все его искусство.

В это время противники пошли друг другу навстречу держа на плече свои двуручные мечи. Чужеземец ступал тяжелым и размеренным шагом, а английский рыцарь двигался так стремительно, словно железная раковина лат не сковывала его движений. Когда между ними осталось четыре шага, они остановились, одно мгновение смотрели друг на друга, затем вдруг заработали мечами с таким звоном и звяканьем, как будто два усердных кузнеца стучали по своей наковальне. Вверх и вниз мелькали сверкающие лезвия, описывая один за другим мерцающие круги, мечи скрещивались, сталкивались, отлетали, и при каждом парировании сыпались искры. Сэр Найджел прыгал из стороны в сторону, голову он держал прямо, перо развевалось, а его сумрачный противник обрушивал удар за ударом, свирепо колол и рубил, но ему ни разу не удалось обойти искусного англичанина. Толпа начинала реветь от восторга, когда сэр Найджел опускал голову, чтобы избежать клинка, или легким движением всего тела уклонялся от сокрушительного удара и спокойно смотрел, как меч проносится мимо. И вдруг нужный миг наступил. Француз, вращая поднятым мечом, приоткрыл щель между наплечником и нарукавником, защищавшим предплечье. Сэр Найджел так стремительно всадил туда и тут же выхватил свой клинок, что глаз не успел уловить этого движения, но струйка крови на плече незнакомца и быстро расплзавшееся красное пятно на белом плаще показывали место, куда был нанесен удар. Все же рана оказалась незначительной, и рыцарь уже намеревался возобновить поединок, но по знаку Принца Чандос бросил наземь свой жезл, участники состязания подняли оружие, и турнир закончился.

— Самое время положить ему конец, — сказал Принц, улыбаясь. — Я слишком дорожу сэром Найджелом, и, клянусь пятью ранами Христа, если бы повторилась такая стычка, я бы очень опасался за нашего победителя. А что вы думаете, Педро?

— Я думаю, Эдуард, что этот коротышка вполне мог защитить себя. Что касается меня, то я охотно поглядел бы, как такая удачная пара бьется до тех пор, пока в жилах у них есть хоть капля крови.

— Мы должны побеседовать с ним. Такой человек не может покинуть мой двор без отдыха и ужина. Проводите его сюда, Чандос, и если лорд Лоринг отказывается от своих притязаний на кубок, то, конечно, справедливость и честность требуют, чтобы этот рыцарь увез его во Францию, как знак проявленной им сегодня доблести.

В это время странствующий рыцарь, снова вскочивший на своего боевого коня, подъехал галопом к помосту Принца; его раненое предплечье было обвязано шелковым платком, закатное солнце озаряло багряными лучами блестящие латы, а по ровной земле арены за ним бежала его длинная черная тень. Осадив коня, он слегка склонил голову и как бы замер в той суровой замкнутости, с которой держался все время, равнодушный к одобрительным возгласам смелых мужчин и к улыбкам прекрасных женщин, которые приветствовали его с помостов, махая разноцветными платочками.

— Достойный рыцарь, — сказал Принц. — Мы все сегодня восхищались тем великим мастерством и отвагой, какими бог соизволил наделить вас! Я был бы рад, если бы вы побыли при нашем дворе хотя бы недолгое время, пока заживет ваша рана и отдохнут ваши кони.

— Моя рана — пустяки, сир, да и лошади мои не устали, — ответил незнакомец низким суровым голосом.

— Может быть, вы хотя бы вернетесь с нами в Бордо, чтобы выпить за нашим столом чашу муската и поужинать?

— Я не буду ни пить вашего вина, ни сидеть за вашим столом, — отозвался рыцарь. — Я не питаю любви ни к вам, ни к вашей нации. Я ничего не возьму из ваших рук и только жду того дня, когда ваш последний парус унесет вас на ваш остров и я увижу, как он скроется на западе.

— В ваших речах звучит ожесточение, сэр, — сказал принц Эдуард, гневно сдвинув брови.

— Они идут от ожесточенного сердца, — произнес незнакомец. — Давно ли царил мир на моей несчастной родине? А где теперь ее фермы и фруктовые сады, ее виноградники — все, что делало Францию такой прекрасной? Где города, придававшие ей величие? От Прованса до Бургундии нас, христианскую страну, осаждают наемники и мародеры, они терзают и рвут ее на части, а вы оставили ее слишком слабой, чтобы она могла охранять свои границы. Разве уже не стало поговоркой, что у нас можно проехать целый день и не увидеть ни одного дома под крышей, не услышать ни одного петуха? Разве вам недостаточно вашего прекрасного королевства, что вы так жаждете завладеть другим, где вас не любят? Pardieu, речи истинного француза, конечно, могут быть горькими, ибо горька его участь и горьки его мысли когда он проезжает по своей трижды несчастной стране.

— Сэр, — сказал Принц, — вы говорите, как подобает смелому человеку, и наш кузен во Франции должен быть счастлив, имея такого рыцаря который может столь успешно защищать его и словом и мечом. Но если вы на столько плохого мнения о нас, то как вы могли довериться нам без всякой нашей гарантии и охранного свидетельства?

— Я же знал, что здесь будете вы, сир, вот почему. Если бы этой страной правил человек, сидящий справа от вас, я бы весьма усомнился, способен ли он вести себя по-рыцарски или великодушно.

Откланявшись по-военному, незнакомец повернул коня и, проскакав по арене, исчез в толпе пеших и конных зрителей, спешивших покинуть место турнира.

— Вот наглец! — воскликнул дон Педро провожая его разъяренным взглядом. — Я видел, как человеку вырвали язык за гораздо меньшую дерзость! А может быть и сейчас не поздно, Эдуард, послать верховых и вернуть его обратно? Подумайте, а что, если это кто-нибудь из французского королевского дома или на худой конец какой-нибудь рыцарь, лишиться которого было бы для его государя очень тяжело? Сэр Уильям Фелтон, вы верхом, скачите за этим негодяем, прошу вас.

— Поезжайте, сэр Уильям, — сказал Принц, — и вручите ему этот кошелек с сотней ноблей в знак моего уважения, ибо, клянусь святым Георгием, он сегодня так преданно служил своему сюзерену, как я хотел бы, чтобы мои вассалы служили мне.

С этими словами Принц повернулся спиной к испанскому королю и, вскочив на коня, медленно направился в аббатство св. Андрея.

Глава XXV

Как сэр Найджел писал в замок Туинхэм

На другое утро после турнира, когда Аллейн Эдриксон вошел в комнату своего хозяина, чтобы помочь ему одеться и завить волосы, оказалось, что сэр Найджел уже встал и очень занят. Он сидел на табуретке за столом у окна. По одну его сторону лежала шотландская борзая, по другую — ищейка. Его ноги торчали из-под табуретки, он упирался языком в щеку и имел вид человека чрезвычайно озабоченного. На столе перед ним белел кусок пергамента, в руке было зажато перо, которым он выводил каракули, точно школьник. Но на пергаменте оказалось столько клякс, столько исправлений и помарок, что он, как видно, пришел в отчаяние и сидел теперь, подняв незалепленный глаз к потолку, словно ожидая вдохновения свыше.

— Клянусь апостолом! — воскликнул он, когда Аллейн вошел. — Вот кто поможет мне в этом деле. Ты очень нужен мне, Аллейн.

— Господь с вами, достойный лорд, — ответил оруженосец. — Надеюсь, вы не ранены после всего, что вам вчера пришлось пережить?

— Нет, тем свежее я себя чувствую, Аллейн. Я хоть немного размялся, а то за несколько лет мирной жизни мои суставы совсем одеревенели. Я уверен, что ты очень внимательно наблюдал и следил за поведением и действиями французского рыцаря; ибо именно сейчас, пока ты молод, тебе следует видеть все, что есть лучшего, и стремиться подражать этому. Ты видел рыцаря, который может служить высоким образцом чести, и я редко встречал человека, к которому бы чувствовал такую любовь и уважение. Если б только я мог узнать его имя, я послал бы тебя к нему с моим вызовом, и мы бы еще раз имели возможность полюбоваться его военным искусством.

— Говорят, достойный лорд, что никто не знает его имени, кроме лорда Чандоса, но он дал клятву не открывать его. Так рассказывали за столом оруженосцев.

— Кто бы он ни был, он очень отважен. Но сейчас следует выполнить одно дело, и оно для меня труднее, чем вчерашнее участие в турнире.

— Не могу ли я вам помочь, милорд?

— Конечно, можешь. Я написал моей дорогой супруге, что приветствую ее; на этой неделе Принц отправляет в Саутгемптон гонца, и тот охотно захватит мое послание. Прошу тебя, Аллейн, просмотри, что я тут написал, и разберет ли дама моего сердца эти слова. Мои пальцы, как ты видишь, больше привыкли к железу и коже, чем к писанию строк и расстановке букв. Почему ты в недоумении? Что-нибудь не так?

— Вот первое слово, милорд. На каком языке вам угодно было его написать?

— На английском. Моя супруга больше говорит на нем, чем по-французски.

— Однако это не английское слово, дорогой лорд. В нем только две согласных и никакой гласной.

— Клянусь апостолом! То-то оно мне показалось странным, когда я написал его, — ответил сэр Найджел. — Буквы торчат как-то врозь, надо, вероятно, подставить еще одну. Я хотел написать «что». Теперь я прочту тебе все письмо, Аллейн, а ты напишешь его заново, как следует; мы сегодня покидаем Бордо, и для меня будет большой радостью, если леди Лоринг получит от меня весточку.

Аллейн сел за стол, как ему было приказано, положил перед собой чистый лист пергамента и взял перо в руку, а сэр Найджел начал медленно и по складам читать свое письмо, водя пальцем от слова к слову:

«Что мое сердце с тобою, моя любимая, это тебе скажет твое собственное сердце. У нас все хорошо, только у Пепина чесотка на спине, да и Поммерс едва опомнился после четырех дней на корабле, тем более, что море было очень бурное и мы чуть не утонули по случаю дыры в боку судна, пробитой камнем, который в нас запустили некие морские пираты, и многие у нас погибли, да будут с ними святые угодники, также и юный Терлейк и сорок лучников и матросов, а нам они очень бы здесьгодились, видимо, будет доблестная война, она принесет нам много чести и надежд на успехи, ради чего я еду собирать солдат моего отряда, они сейчас в Монтобане, грабят и разрушают, все же я надеюсь с божьей помощью показать им, что я их командир в той же мере, в какой я для вас, моя любимая, покорный слуга».

— Ну, что скажешь, Аллейн? — спросил сэр Найджел, косясь на своего оруженосца. Лицо его выразило даже некоторую гордость. — Разве я не сообщил ей все что с нами случилось?

— Вы сообщили многое, милорд, но, осмелюсь заметить, изложение несколько запутанно, так что леди Лоринг может и не разобраться. Если бы фразы были покороче...

— Нет, мне не нравится, как ты собираешься их выстроить по порядку. Пусть моя супруга прочтет слова, а уж она расставит их, как ей нравится. Я просил бы тебя прибавить то, что ей будет приятно узнать.

— Хорошо, я напишу, — весело ответил Аллейн и наклонился над столом.

«Достойная госпожа моя, леди Лоринг! — так начал Аллейн. — Господь бог охраняет нас, и милорд здоров и бодр. Он заслужил большую честь перед Принцем, когда на турнире успешно сражался с очень храбрым незнакомцем из Франции.

Что касается денег, то их хватит нам до Монтобана. Заканчивая, достойная госпожа, посылаю Вам мое смиренное уважение и прошу Вас передать то же самое дочери Вашей, леди Мод. Да охраняют вас обеих святые угодники, о чем вечно молится ваш покорный слуга

— Ты очень хорошо написал, — заметил сэр Найджел, кивая лысой головой при каждой фразе, которую оруженосец читал ему. — Что касается тебя, Аллейн то, если есть у тебя близкий друг и ты хотел бы послать ему приветствие, я могу вложить его в свое письмо.

— Такого друга у меня нет, — печально отозвался Аллейн.

— Значит, у тебя нет родных?

— Никого, кроме брата.

— Ха! Я и забыл, что вы в ссоре. Но разве во всей Англии нет никого, кто бы любил тебя?

— Никого, о ком я смел бы это утверждать.

— И ты сам никого не любишь?

— Этого я бы не сказал, — отозвался Аллейн.

Сэр Найджел покачал головой и мягко про себя улыбнулся.

— Я понимаю, как обстоит дело, — сказал он. — Разве я не замечаю, что ты частенько вздыхаешь и вид у тебя отсутствующий. Она красива?

— О да! — пылко воскликнул Аллейн, который весь задрожал оттого, что разговор принял столь неожиданный оборот.

— И добра?

— Как ангел!

— И все же она тебя не любит?

— Нет, но я не могу утверждать, чтобы она любила другого.

— Значит, ты надеешься?

— Без этого я не смог бы жить.

— Тогда ты должен стараться стать достойным ее любви. Будь смел и чист, бесстрашен перед сильным и кроток со слабым; таким образом, разовьется эта любовь или нет, ты подготовишься к тому, что какая-то девушка тебя удостоит своей любви, а это, говоря по правде, высшая награда, на которую может надеяться истинный рыцарь.

— Да я стараюсь, милорд, — сказал Аллейн, — но она такая прелестная, изящная и в ней столько душевного благородства, что я никогда не буду достоин ее.

— Такие размышления сделают тебя достойным. А она знатного рода?

— Да, милорд, — нерешительно признался Аллейн.

— Из рыцарской семьи?

— Да.

— Берегись, Аллейн, берегись! — ласково заметил сэр Найджел. — Чем выше подъем, тем тяжелее падение. Не ищи того, что может быть тебе не по плечу.

— Милорд, я мало знаю нравы и обычаи мирской жизни! — воскликнул Аллейн. — Но я дерзнул бы спросить ваше мнение по этому поводу. Вы ведь знали моего отца и наш род: разве моя семья не пользовалась весом и не имела доброй славы?

— Вне всякого сомнения, да.

— И все же вы предупреждаете меня, чтобы моя любовь не посягала на девушку из более знатных кругов?

— Если бы Минстед принадлежал тебе, Аллейн, тогда другое дело, клянусь апостолом! Я не представляю себе ни одной семьи в наших краях, которая бы не гордилась тем, что вошел в нее ты — юноша столь древнего рода. Но пока сокман жив... Ха, клянусь душой, это шаги сэра Оливера, если я не ошибаюсь.

И действительно, за дверью раздались тяжелые шаги; дородный рыцарь распахнул ее и вошел.

— Ну, мой маленький кум, я зашел сообщить, что я живу над лавкой цирульника на улице Ла Тур и что в печи сидит пирог с олениной, а на столе приготовлены две фляги вина отличного качества. Клянусь святым Иаковом! Слепой по одному запаху найдет дорогу, надо только подставить лицо ветру, когда он потянет оттуда, и идти прямо на дивный аромат. Надевайте ваш плащ и пошли; сэр Уолтер Хьюетт, сэр Робер Брике и еще кое-кто уже ожидают нас.

— Нет, Оливер, я не могу быть с вами, мне нужно ехать сегодня в Монтобан.

— В Монтобан? Но я слышал, что ваш Отряд вместе с моими сорока винчестерцами должен прибыть в Дакс.

— Позаботьтесь о них, Оливер. Я поеду в Монтобан и возьму с собой только двух оруженосцев и двух лучников. А потом, когда я разыщу остальную часть моего Отряда, я поведу ее в Дакс. Мы выезжаем сегодня утром.

— Ну, тогда я вернусь к своему пирогу, — сказал сэр Оливер. — Мы, без сомнения, встретимся в Даксе, если только Принц не бросит меня в тюрьму — он очень на меня сердит.

— А почему же, Оливер?

— Почему? Да потому, что я послал вызов, перчатку и мое презрение сэру Джону Чандосу и сэру Уильяму Фелтону.

— Чандосу? Ради бога, Оливер, зачем вы это сделали?

— Оттого, что тот и другой меня оскорбили.

— Каким образом?

— Они обошли меня при выборе рыцарей, которые должны были на турнире сражаться за честь Англии. О вас самих, кузен, и Одлее я не говорю, вы в полной силе. Но что такое Уэйк, Перси и Бошан? Клянусь спасением души! Я уже ел из лагерного котла, когда они с ревом еще просили каши. Разве можно пренебречь человеком моего веса и крепости ради трех подростков только оттого, что они научились скрещивать копы на турнирах? Но, послушайте, кузен, я подумываю, не послать ли мне вызов и самому Принцу!

— Оливер! Оливер! Вы спятили!

— Нет! Клянусь! Плевать мне, принц он или нет. У вашего оруженосца, я вижу, глаза лезут на лоб, словно у испуганного краба. Что ж, друг, все мы из Хампшира и глумиться над собой никому не позволим.

— А разве он глумился над вами?

— Pardieu, да! «Сердце у старика Оливера все еще крепкое», — сказал один из придворных. «Иначе оно не справилось бы с такой тушей», — ответил Принц. «И рука у него крепка», —

сказал другой. «Да и хребтина у его коня тоже», — добавил Принц. Сегодня же пошлю ему вызов!

— Нет, нет, дорогой Оливер, — остановил его сэр Найджел и положил руку на локоть разгневанного друга. — Ничего в этом обидного не было, просто он хотел сказать, что вы сильный и крепкий человек и конь вам нужен хороший. А относительно Чандоса и Фелтона, то подумайте, что ведь и вы были молоды, и если бы всегда отдавалось предпочтение более старым воинам, то каким образом могли бы вы добыть славу и доброе имя, которые у вас есть теперь? Вы уже не так легки на коне, Оливер. Я легче благодаря малому весу моих волос, но было бы очень худо, окажись мы на закате нашей жизни менее честными и справедливыми, чем в былые годы. Если такой рыцарь, как сэр Оливер Баттестхорн, способен обратить оружие против собственного государя из-за одного необдуманного слова, тогда где же нам искать истинной верности и постоянства?

— Ах, дорогой мой маленький кум! Легко вам, сидя на солнышке, назидать того, кто оказался в тени. Но вы всегда можете перетянуть меня на свою сторону, когда говорите вот этим ласковым вашим голоском. Не будем вспоминать об этом. Ах, мать божья! Я и забыл про пирог, он сгорит, как Иуда Искариотский в аду! Пойдемте со мной, Найджел, не то дьявол опять начнет подзуживать меня.

— Ну тогда только на часок; мы должны выехать в полдень. Аллейн, скажи Эйлварду, что он поедет со мной в Монтобан и мне нужен еще один лучник, пусть выберет его сам. Остальные отправятся в Дакс вместе с Принцем, а он поедет туда еще до праздника Богоявления. Приготовь Поммерса к полудню и мое сикоморовое копье, а доспехи навьючь на мула.

После этих коротких распоряжений оба старых воина зашагали рядом, а Аллейн поспешно занялся приготовлениями к путешествию.

Глава XXVI

Как три друга нашли сокровище

Стоял солнечный морозный день, когда путники покинули Бордо и двинулись в Монтобан, где, согласно последним слухам, находилась другая половина Отряда. Сэр Найджел и Форд выехали раньше, маленький рыцарь сидел на наемной лошади, а его рослый боевой конь бежал рядом с лошадью Форда. Через два часа за ними последовал Аллейн Эдриксон, ибо ему надо было рассчитаться в таверне и закончить еще целый ряд дел которые входили в его обязанности как личного оруженосца сэра Найджела. С ними пустились в путь Эйлвард и Хордл Джон, при обычном оружии, но ехавшие на этот раз верхом, лошади были деревенские, неповоротливые, но очень выносливые, способные плестись весь день даже если на них сидел дюжий лучник весом в двести семьдесят фунтов. Они взяли с собой и вьючных мулов, которые везли в корзинах гардероб и столовую утварь сэра Найджела, ибо этот рыцарь, не будучи ни щеголем, ни эпикурейцем, в мелочах отличался утонченным вкусом и любил, как бы ни был скуден его стол и сурова жизнь, есть всегда на белоснежной скатерти и пользоваться серебряной ложкой.

Ночью подморозило, и белая от инея дорога туго звенела под копытами их лошадей, когда они выехали из города через восточные ворота и поскакали тем же путем по какому французский рыцарь прибыл в Бордо в день турнира. Все трое ехали в ряд, Аллейн — опустив глаза и погруженный в размышления об утреннем разговоре с сэром Найджелом. Хорошо ли он сделал, что сказал так много, или следовало сказать еще больше? Что бы ему ответил рыцарь, если бы он признался в своей любви к леди Мод? Может быть, хозяин, разгневанный, выгнал бы его за то, что Аллейн злоупотребил его доверием и гостеприимством? Юноша уже готов был открыть ему все, когда неожиданно появился сэр Оливер. Быть может сэр Найджел, при своей любви ко всем отмирающим рыцарским обычаям, предложил бы ему подвергнуться какому-нибудь особому испытанию или совершить подвиг, чтобы проверить силу его любви? Аллейн улыбнулся, стараясь вообразить, каких удивительных и необычайных деяний тот мог бы от него потребовать. Но каковы бы они ни были, он на все готов: биться на турнире при дворе татарского владыки, или послать вызов багдадскому султану, или служить в войсках и сражаться против язычников в Пруссии. Сэр Найджел сказал, что Аллейн достаточно высокого рода для любой женщины, если только у него будет состояние. Как часто юноша пренебрежительно насмеялся над этой убогой жадной иметь золото и землю, ослеплявшей человека так, что он уже не видел более высоких и неизменных источников жизни. А теперь как будто выясняется, что только с помощью этой самой земли и золота он может надеяться на осуществление мечты своего сердца. Но Минстедский сокман отнюдь не друг коннетаблю замка Туинхэм. Пусть Аллейну благодаря особому счастью удастся разбогатеть на войне, разве вражда двух семейств не будет по-прежнему разделять его с Мод? И если даже она его любит, то Аллейн слишком хорошо ее знает и уверен, что никогда она за него не выйдет без благословения отца. Все это были смутные и нерешенные вопросы, однако в юности надежды взлетают высоко, и надежда неизменно реяла над путаницей его мыслей, словно белое перо среди сражающихся всадников.

Но если Аллейну Эдриксону было над чем задуматься, когда он ехал по нагим равнинам Гиени, то его двух спутников больше занимало настоящее и меньше заботило будущее. Эйлвард по крайней мере полмили сидел боком, глядя назад, на белый платок, который развевался в слуховом окошке высокого дома, выглядывавшего поверх крепостных стен. Когда на повороте дороги дом этот наконец исчез из виду, лучник лихо поправил свой стальной шлем, пожал широкими плечами и поехал дальше, причем его глаза смеялись, а загорелое лицо сияло от приятных воспоминаний. Джон тоже молчал, но его взгляд медленно переходил с одной стороны дороги на другую, потом становился рассеянным, силач задумывался и кивал, как путник, который делает наблюдения и старается их запомнить, чтобы после о них рассказать.

— Клянусь черным распятием! — вдруг прорвало его, и он ударил себя по ляжке красной ручищей. — Я чувствовал, что чего-то тут не хватает, только никак не мог сообразить, чего именно.

— Ну и что же это оказалось? — спросил Аллейн, внезапно пробуждаясь от своих мечтаний.

— Да изгородей, — проревел Джон, громко расхохотавшись. — Вся местность гладкая, как башка монаха. И право же, я не могу уважать здешний народ. Почему они не возьмутся за дело и не выкопают эти длинные корявые черные плети, которые я вижу повсюду? Любой земледелец из Хампшира за стыд почтет, если у него на земле окажется всякая дрянь.

— Ах ты, старый дуралей! — отозвался Эйлвард. — Тебе бы следовало знать, что это такое.

Говорят, монахи из Болье отжимают не одну кружку доброго вина из собственного винограда. Так вот, если выкопать эти плети, все богатство страны исчезло бы, а в Англии осталось бы немало пересохших глоток и жадных ртов, ибо через три месяца эти черные плети зазеленеют, и дадут ростки, и зацветут; а потом на кораблях через пролив отправят богатые грузы медака и гасконского. Но взгляните на церковь вон в той впадине — сколько людей толпится на церковном дворе! Клянусь эфесом, это похороны, а вот и колокол звонит по умершему.

Он снял свой стальной шлем и перекрестился, бормоча молитву за упокой души.

— И там то же самое, — заметил Аллейн, когда они поехали дальше, — что глазу кажется мертвым — полно соками жизни, как и виноградные лозы. Господь бог начертал свои законы на всем, что нас окружает, если бы только наш тусклый взгляд и еще более тусклая душа были способны прочесть его письмена.

— Ха, mon petit! — воскликнул лучник. — Ты возвращаешь меня к тем дням, когда ты, как цыпленочек, только что проклюнулся из монастырского яйца и едва окреп; и я опасался, как бы мы, обрета добронравного молодого оруженосца, не потеряли нашего кроткого клирика с его тихой речью. Но я в самом деле замечаю в тебе большие перемены, после того как мы покинули замок Туинхэм.

— Было бы странно, если бы этого не произошло, ведь мне пришлось жить в совершенно новом для меня мире. Все же я уверен, что многое во мне осталось прежним, и хоть мне приходится служить земному властителю и носить оружие владыки земного, было бы очень худо если бы я забыл о царе небесном и властителе всего сущего, чьим скромным и недостойным служителем я был до ухода из Болье. Ты, Джон, ведь тоже был в монастыре, но полагаю, ты не считаешь, будто изменил прежним обязанностям, взяв на себя новые?

— Я тугодум, — сказал Джон, — и, право, как начну размышлять о таких вещах, даже уныние берет. А все же и в куртке лучника я, как человек, пожалуй, не хуже, чем был в белой рясе, если ты это имеешь в виду.

— Ты просто перешел из одного белого отряда в другой, — ответил Эйлвард. — Но клянусь вот этими десятью пальцами, мне даже как-то странно представить себе, что всего только осенью мы вместе вышли из Линдхерста. Аллейн такой мягкий и женственный, а ты, Джон, вроде огромного рыжего дурачка-переростка; а теперь ты самый искусный лучник, а он самый сильный оруженосец, какой проезжал по большой дороге из Бордо, а я остался все тем же Сэмом, стариком Эйлвардом и ни в чем не изменился, разве что на душе побольше грехов да поменьше крон в кошельке. Но я до сих пор так и не знаю причины, почему ты, Джон, ушел из Болье.

— Да причин-то было семь, — задумчиво промолвил Джон. — Первая состояла в том, что меня вышвырнули вон.

— Ma foi, camarade! К черту остальные шесть! Одной мне хватит и тебе тоже. Я вижу, что в Болье народ очень премудрый и осмотрительный. Ах, mon ange, что это у тебя в горшочке?

— Молоко, достойный сэр, — ответила крестьянская девушка, стоявшая в дверях дома с кувшином в руке. — Не желаете ли, господа, я вам вынесу три рога с молоком?

— Нет, ma petite, но вот тебе монетка в два су за твои добрые слова и хорошенькое личико. Ma foi, она очень красива. Я хочу остановиться и потолковать с ней.

— Нет, нет, Эйлвард! — воскликнул Аллейн. — Ведь сэр Найджел будет ждать нас, а он спешит.

— Верно, верно, camarade! Ее мать тоже видная женщина. Вон она копает землю возле дороги. Ma foi! Зрелый плод слаще! Bonjour, ma belle dame! Бог да сохранит вас! А сэр Найджел сказал, где он будет ждать нас?

— В Марманде или Эгийоне. Он сказал, что мы не можем миновать его, ведь дорога-то одна.

— Ну да, и дорогу эту я знаю, как приходские мишени в Мидхерсте, — заявил лучник. — Тридцать раз ездил я по ней туда и обратно, и, клянусь тетивой, я надеюсь на этот раз тоже возвращаться по ней с большим грузом, чем еду туда. Все мое имущество я вез во Францию в котомке, а то, что мне досталось, тащил обратно на четырех мулах. Да благословит бог человека, который впервые затеял войну. Но вон в той лощине стоит Кардийакская церковь, а вон гостиница — где три тополя за деревней. Заедем, кружка вина даст нам силы для

дальнейшего пути.

Большая дорога вела через холмистую местность, покрытую виноградниками, и, мягко извиваясь, уходила на северо-восток; вдали виднелись то шпили и башни феодальных замков, то группы сельских хижин, выступавшие четко и резко в сияющем зимнем воздухе. Справа зеленая Гаронна катила свои волны к морю, на ее широкой груди чернели лодки и барки. На другом берегу темнела полоса виноградников, а за ними начинались унылые песчаные Ланды, покрытые увядшим диким терном, дроком и вереском. Они тянулись в своем печальном однообразии до синих холмов, чьи невысокие очертания выступали на далеком горизонте. А вдали все еще можно было разглядеть широкий лиман Жиронды, высокие башни аббатства св. Андрея и св. Реми, вздымавшиеся над равниной. Впереди, на берегу, между рядами сияющих тополей, лежал городок Кардийак — серые стены, белые дома и голубое перо дыма.

— Это «Золотой баран», — заявил Эйлвард, когда они подъехали к выбеленной, стоявшей в стороне гостинице. — Эй, кто там есть? — крикнул он и стал стучать в дверь эфесом своего меча. — Хозяин, дворник, слуга, валяйте сюда! Чтоб вас взяла бледная немочь, лодыри ленивые! Ха! Мишель, нос такой же красный, как всегда. Три графина местного вина, Мишель! Холодище! Прошу тебя, Аллейн, обрати внимание на эту дверь, у меня есть что порассказать о ней.

— Скажите, друг, — обратился Аллейн к тучному краснолицему хозяину, — за этот час не проезжал здесь рыцарь с оруженосцем?

— Нет, сэр, это было часа два назад. Он сам такой коротышка, слаб глазами, лысоват и, когда особенно сердится, говорит очень спокойно.

— Он и есть, — отозвался оруженосец. — Но я удивляюсь, откуда вы могли узнать, как он говорит, когда гневается; обычно он мягок с теми, кто стоит ниже его.

— Хвала угодникам! Не я же его рассердил! — отозвался жирный Мишель.

— Тогда кто же?

— Это был молодой господин де Крепиньи из Сентонжа, который оказался здесь и вздумал подшутить над англичанином, видя, что тот мал ростом и кроток лицом. Но этот добрый рыцарь в самом деле оказался очень спокойным и терпеливым; он же видел, что господин де Крепиньи еще молод и говорит по глупости, поэтому он придержал своего коня и стал пить вино, как вот вы сейчас, и совершенно не обращал внимания на болтовню того...

— А что потом, Мишель?

— Ну, *messieurs*, после того как господин де Крепиньи сказал то да се и слуги посмеялись, он в конце концов громко крикнул насчет перчатки у рыцаря на берете: разве, дескать, в Англии обычай такой, что мужчина носит на шляпе перчатку громадного лучника? *Pardieu!* Я никогда не видел, чтобы человек так стремглав соскочил с лошади, как этот неизвестный англичанин. Не успел де Крепиньи договорить, а он уже был подле него, он задыхался, и лицо у него было отнюдь не доброе. «Я полагаю, сэр, — говорит он мягко, глядя тому в глаза, — что теперь, когда я возле вас, вы, без сомнения, видите, что это не перчатка лучника?» «Вероятно, нет», — отвечает де Крепиньи, и губы у него дрожат. «И что она не большая, а очень маленькая?» — продолжает англичанин. «Меньше, чем я думал», — заявляет тот, опустив глаза, ибо рыцарь не сводит тяжелого взгляда с его век. «И во всех отношениях перчатка такая, какую может носить самая красивая и прелестная дама Англии?» — настаивает англичанин. «Вполне допускаю», — соглашается господин де Крепиньи и отворачивает лицо. «У меня у самого слабое зрение, и я нередко принимаю одну вещь за другую», — говорит рыцарь. Потом он вскочил в седло и уехал, а господин де Крепиньи остался перед дверью и кусал ногти. Ха! Клянусь пятью Христовыми ранами, немало воинов пили у меня вино, но ни один не пришелся мне так по душе, как этот маленький англичанин.

— Клянусь эфесом, это наш хозяин, Мишель, — заявил Эйлвард. — А такие люди, как мы, не служат у дуралеев. Вот тебе четыре денье, Мишель, — продолжал Эйлвард, — господь с тобой. А нам еще ехать да ехать.

Бодрой рысью трое друзей покинули Кардийак и харчевню, не останавливаясь, проехали мимо Сен-Макэра и на пароме переплыли реку Дорпт. От другого берега дорога ведет через Ла-Реоль, Базай и Марманд, справа все еще продолжает поблескивать река, а оба берега ошетинились голыми ветками тополей. Джон и Аллейн ехали молча, но для Эйлварда каждая гостиница, ферма, замок являлись источником каких-нибудь воспоминаний о любви, набеге, грабеже, и эти воспоминания служили развлечением в пути.

— Вон виден дым Базаса, на том берегу Гаронны, — начинал лучник. — Там жили три сестры, дочери паромщика. И, клянусь моими десятью пальцами, можно было ехать целый долгий июньский день и не встретить таких женщин! Мари была рослая и серьезная, Бланш — *petite* и веселая, а у брюнетки Агнесы были такие глаза, что они пронзали вас насквозь не хуже вощенной стрелы. Я задержался там на четыре дня и был пленен всеми тремя, ибо мне казалось, что стыдно предпочесть одну двум остальным и что это может вызвать семейную ссору. Однако, невзирая на все мои старания, настроение в доме было невеселое, и я решил, что лучше мне уехать. А вон мельница Ле-Сури. Старик Пьер ле Карон, ее владелец, был отличным товарищем, у него всегда находилась скамья и корка хлеба для усталого лучника. Этот человек, за что бы он ни брался, работал до седьмого пота; но он как-то разгорячился, перемалывая кости, чтобы подмешать их в муку, и из-за своего усердия схватил лихорадку и умер.

— Скажите, Эйлвард, — обратился к нему Аллейн, — а что было с той дверью, на которую вы велели мне обратить внимание?

— *Pardieu*, да! Я чуть не забыл о ней! Что ты видел на этой двери?

— Я видел квадратное отверстие, через которое хозяин, конечно, может выглядывать наружу, если не слишком уверен в тех, кто стучится к нему.

— А больше ты ничего не видел?

— Нет.

— Если бы ты посмотрел повнимательнее, ты бы заметил на двери пятно. Я впервые услышал, как смеется мой друг Черный Саймон, именно перед этой дверью. А потом еще раз, когда он прикончил французского оруженосца, вцепившись в него зубами, так как сам был без оружия, а у француза был кинжал.

— Почему же Саймон смеялся именно перед этой дверью?

— Саймон — человек беспощадный и опасный, особенно когда подвыпьет, и, клянусь эфесом, он создан для войны. Он беспощадный и неутомимый. Эту гостиницу «Золотой баран» когда-то содержал некий Франсуа Гурваль, у него был свирепый кулак и еще более свирепая душа. Рассказывали, что многих и многих лучников, возвращавшихся с войны, он напавал вином, подсыпав туда зелье, те засыпали, а потом этот Гурваль их обворовывал дочи́ста. А наутро, если кто-нибудь начинал жаловаться, Гурваль выбрасывал его на дорогу или избивал, ибо был человек злой и имел много здоровенных слуг. Саймон как-то услышал об этом, когда мы оба были в Бордо, и он настоял, чтобы мы поехали верхами в Кардийак, прихватив с собой крепкую конопляную веревку, и высекли Гурваля, как он того заслуживал. Итак, мы отправились в путь, но когда прибыли в «Золотой баран», оказалось, что кто-то предупредил хозяина о нашем приезде и наших намерениях, поэтому он заложил дверь болтами и в дом проникнуть было нельзя.

«Впустите нас, добрый хозяин Гурваль!» — крикнул Саймон. «Впустите, нас добрый хозяин Гурваль!» — закричал я, но через отверстие в двери мы не услышали в ответ ни слова. Он только обещал всадить в нас стрелу, если мы не уберемся. «Что ж, — заявил тогда Саймон, — вы нас плохо приняли, тем более, что мы и поехали в такую даль, только чтобы пожать вам руку». «Можешь пожать мне руку и не входя в дом», — ответил Гурваль. «А как же?» — удивился Саймон. «Просунь свою руку в отверстие», — предложил хозяин. «Да нет, у меня рука ранена, — отозвался Саймон, — да и она так велика, что не пролезет». «Не беда, — говорит Гурваль, который старался поскорей отделаться от нас. — Просунь левую». «Но у меня кое-что есть для тебя, Гурваль», — продолжал Саймон. «А что именно?» — спрашивает тот. «Да вот на той неделе у тебя ночевал один английский лучник — Хью из Натборна». «Мало ли тут бывает мошенников!» — отвечает Гурваль. «Так вот, его совесть ужасно мучает оттого, что он остался тебе должен четырнадцать денье, он пил вино, за которое так и не заплатил. Чтобы снять грех со своей души, он просил меня, когда я поеду мимо, отдать тебе эти деньги». А этот самый Гурваль был страшно жаден до денег, поэтому он решил протянуть руку за четырнадцать денье, но Саймон держал наготове кинжал и приколол его руку к двери. «Это я уплатил за англичанина, Гурваль!» — заявил он, потом вскочил на коня и поехал прочь, причем так смеялся, что едва удерживался в седле, а хозяина так и оставил приколотым к двери. Вот история этого отверстия, на которое ты обратил внимание, и пятна на двери. Я слышал, что с тех пор с английскими лучниками стали обходиться получше в этой гостинице. Но кто это там сидит на обочине дороги?

— Похоже, очень святой человек, — сказал Аллейн.

— И, клянусь черным распятием, странные у него товары! — воскликнул Джон. — Что это за осколки камней и дерева и ржавые гвозди, которые разложены перед ним?

Человек, замеченный ими, сидел, опираясь спиной о вишневое дерево, раскинув ноги, словно ему было очень удобно. На коленях он держал деревянную доску, а на ней были аккуратно разложены, точно товары у корабейника, всевозможные щепки и кусочки кирпича и камня. На нем была длинная серая одежда и широкая, потертая и выцветшая шляпа того же цвета, а с ее полей свисали три круглые раковины. Когда всадники приблизились, они увидели, что человек этот уже в летах, а глаза у него желтые и закатившиеся.

— Дорогие рыцари и джентльмены, — воскликнул он скрипучим голосом, — достойные христиане, неужели вы проедете мимо и бросите старика паломника на голодную смерть? Зрение мое отнято у меня песками Святой земли, и я вот уже двое суток не сделал и глотка вина, не съел и корки хлеба!

— Клянусь эфесом, отец, — сказал Эйлвард, пристально глядя на старика, — мне удивительно, почему стан у тебя такой полный и пояс так плотно стягивает тебя, если твоя пища была в самом деле столь скудной.

— Добрый незнакомец, — ответил паломник, — ты, сам того не желая, произнес слова, которые мне весьма горестно слышать. Однако я не буду порицать тебя, ибо ты не хотел опечалить меня или напомнить о том, что меня гнетет. Не подобает мне слишком хвалиться тем, что я перенес ради веры Христовой, и все же, раз ты уж заметил это, я должен сказать тебе, что полнота и округлость моего стана проистекают от водянки, которая у меня началась вследствие слишком поспешного путешествия из дома Пилата на Масличную гору.

— Видите, Эйлвард, — сказал Аллейн, покраснев, — пусть этот случай послужит вам предостережением; вы судите слишком неосновательно! Как вы могли нанести еще одну обиду святому человеку, который столько вытерпел и странствовал до священного гроба господа нашего Иисуса Христа?

— Пусть дьявол-искуситель отсечет мне палец! — воскликнул лучник, охваченный глубоким раскаянием; но и богомолец и Аллейн подняли руки, желая остановить его.

— Прощаю тебя от всего сердца, дорогой брат, — пропищал слепец. — Эти безумные слова горше для моего слуха, чем то, что ты сказал обо мне.

— Молчу, больше ни звука, — заявил Эйлвард, — но прошу тебя, прими этот франк и, умоляю, благослови меня.

— А вот еще один, — сказал Аллейн.

— И еще! — крикнул Джон.

Однако слепой паломник не хотел брать денег.

— Безрассудная, безрассудная гордыня! — воскликнул он, ударив себя в грудь большой загорелой рукой. — Безрассудная гордыня! Сколько же мне еще бичевать себя, пока я не вырву ее из сердца? Неужели никогда мне ее не одолеть? О, сильна, сильна плоть наша, и трудно подчинить ее духу! Я происхожу, друзья, из знатного рода и не могу заставить себя коснуться этих денег, даже если они спасут меня от могилы.

— Увы, отец, — сказал Аллейн, — чем же мы тогда поможем вам?

— Я сел здесь и жду смерти, — продолжал паломник. — Много лет носил я в своей котомке эти драгоценные предметы, которые, как вы видите, я разложил перед собой. Было бы грехом, думал я, допустить, чтобы они вместе со мной погибли. Поэтому я продам эти вещи первому достойному прохожему и получу за них достаточно денег, чтобы добраться до святого храма божьей матери Рокамадурской, где, надеюсь, и будут покоиться мои старые кости.

— А что же это за сокровища, отец? — спросил Джон. — Я вижу только старый, ржавый гвоздь, кусочки камня и щепки.

— Мой друг, — ответил старик, — даже всеми деньгами этой страны нельзя было бы заплатить истинную цену за эти предметы. Этот гвоздь, — продолжал он, снимая шляпу и возводя к небу слепые глаза, — один из тех, с помощью которых человечество обрело спасение. Я получил его вместе со щепкой от подлинного креста господня, из рук двадцать пятого потомка Иосифа Аримафейского, этот потомок до сих пор жив, он находится в Иерусалиме и здоров, хотя за последнее время его мучают нарывы. Да, можете перекреститься, и прошу вас, не дышите на

гвоздь и не касайтесь его пальцами.

— А куски дерева и камня, святой отец?! — спросил Аллейн, затаив дыхание; он стоял перед драгоценными реликвиями, охваченный глубоким благоговением.

— Этот кусок дерева от подлинного креста, а этот — от Ноева ковчега, а вон тот — от дверей в храме мудрого царя Соломона. Этим камнем бросили в святого Стефана, а те два — от Вавилонской башни. Здесь есть также кусок жезла Ааронова и прядь волос пророка Елисея.

— Но, отец, — заметил Аллейн, — пророк Елисей был лыс, и по этой причине его оскорбляли злые дети.

— Волос у него, правда, было мало, — поспешно согласился паломник, — оттого-то эта реликвия и имеет особую ценность. Выберите любые из них, достойные джентльмены, и заплатите столько, сколько вам подскажет ваша совесть; ибо я не торговец и не обманщик, и я бы ни за что не расстался с ними, если бы не знал, что очень близка моя небесная награда.

— Эйлвард, — взволнованно заявил Аллейн, — второй раз в жизни такой счастливый случай едва ли представится. Я должен иметь этот гвоздь, и я отдам его аббату в Болье, чтобы все люди в Англии могли прийти поглядеть на него и помолиться.

— А у меня пусть будет камешек от стены храма! — воскликнул Хордл Джон. — Моя матушка отдала бы все на свете, чтобы повесить его над своей кроватью.

— А я хочу получить жезл Аарона, — сказал Эйлвард, — у меня всего-навсего пять флоринов, так вот, возьмите четыре.

— И еще три, — протянул деньги Джон.

— Вот еще пять, — добавил Аллейн. — Святой отец, я вручаю вам двенадцать флоринов, это все, что мы можем дать, хотя мы понимаем, какая это скудная плата за те удивительные предметы, которые вы нам продаете.

— Молчи, гордыня, молчи! — крикнул паломник, снова ударяя себя в грудь. — Неужели я не могу заставить себя взять эту жалкую сумму, предложенную мне за то, что добыто мною трудами и усилиями всей моей жизни? Давайте ваши презренные монеты. И вот вам драгоценные реликвии, но, я молю вас, обращайтесь с ними бережно и благоговейно, иначе лучше бы моим недостойным костям остаться лежать при дороге.

Сняв шапки, друзья с жадностью схватили свои новые сокровища и поспешно продолжали путь, а паломник остался сидеть под вишневым деревом. Они же ехали молча, держа в руках реликвии, время от времени поглядывая на них, едва веря, что судьба сделала их владельцами предметов, обладающих столь высокой святостью, ибо каждый монастырь и каждая церковь христианского мира ревностно жаждали бы приобрести их. Так они ехали, радуясь своей удаче, пока против города Ле-Мас лошадь Джона не потеряла подкову; они нашли возле дороги кузницу, и кузнец обещал исправить дело. Эйлвард рассказал ему о счастливой встрече с паломником; но когда кузнец взглянул на реликвии, он привалился к наковальне, подбоченился и так начал хохотать, что по его измазанным сажей щекам побежали слезы.

— Ой, господа, — проговорил он, — да старик этот — жулик, он торгует поддельными реликвиями и был здесь на кузне меньше двух часов назад. Гвоздь, который он вам подал, взят из моего ящика с гвоздями, а что касается кусков дерева и камней, то их сколько угодно валяется возле дороги, вот он и набил свою суму.

— Нет, нет! — возмутился Аллейн. — Это был святой человек, он ходил в Иерусалим и нажил водянку, когда бежал от дома Пилата на Масличную гору.

— Про это мне ничего не известно, — сказал кузнец, — я знаю одно: совсем недавно здесь был старик в шляпе и одежде паломника, он сидел вон на том пне, ел холодного цыпленка и запивал его вином. Потом выпросил у меня один из моих гвоздей, набрал полную котомку камешков и пошел своей дорогой. Посмотрите вот на гвозди, разве они не точь-в-точь такие же, как тот, который он вам продал?

— Господи, спаси нас! — воскликнул Аллейн, ошарашенный. — Неужели нет границ человеческой мерзости? Такой смиренный старик, так не хотелось ему брать от нас деньги — и вдруг, оказывается — негодяй и обманщик. На кого же полагаться, кому верить?

— Я догоню его, — заявил Эйлвард, вскакивая в седло, — поедем, Аллейн, может быть, мы поймем его до того, как лошадь Джона подкуют!

Они вместе помчались назад и вскоре увидели седого старика паломника, который медленно шел впереди них. Услышав стук копыт, он обернулся, и стало ясно, что его слепота — такое же надувательство, как и все остальное, ибо он быстро перебежал через поле и скрылся в чаще леса, где никто не мог отыскать его. Они швырнули ему вслед реликвии и поехали обратно к кузнецу, оскудевши и деньгами и верою.

Глава XXVII

Как колченогий Роже попал в рай

Когда друзья приехали в Эгийон, уже давно наступил вечер. Они нашли сэра Найджела и Форда в гостинице «Красный жезл»; здесь они обосновались, сытно поужинали и улеглись на простыни, пахнувшие лавандой. Но случилось так, что некий рыцарь из Пуату, сэр Гастон д'Эстель, остановился там же на обратном пути из Литвы, где он служил вместе с тевтонскими рыцарями под началом магистра Мариенбергской обители. Этот рыцарь и сэр Найджел засиделись очень поздно, оживленно беседуя о засадах, облавах и взятии городов и вспоминая множество историй о доблестных и отважных деяниях. Затем разговор перешел на менестрелей, иноземный рыцарь взял цитру и стал играть на ней северные любовные песни, а также спел высоким надтреснутым голосом о Гильдебранде, Брунгильде, Зигфриде и обо всей силе и красоте страны Альмейн.

Сэр Найджел ответил ему романсами о сэре Эгламуре и сэре Исембрасе, и так они сидели всю долгую зимнюю ночь при свете потрескивающих поленьев, слушая друг друга, пока к этому концерту не присоединил свой голос петух. Отдохнув всего час, сэр Найджел был, как обычно, бодр и весел, и вскоре после завтрака маленький отряд пустился в путь.

— Этот сэр Гастон — человек весьма достойный, — сказал сэр Найджел, когда они отъезжали от «Красного жезла». — Ему очень хочется успешных схваток, и он согласился бы на небольшой рыцарский поединок со мной, если бы какая-то лошадь, брыкаясь, не сломала ему руку. Я очень полюбил его и обещал, что, когда кость у него срастется, мы с ним сразимся. Однако нам нужно держаться вот этой дороги, слева.

— Нет, достойный лорд, — возразил Эйлвард, — дорога на Монтобан ведет через реку, а потом через Керсти и Аженуа.

— Верно, мой добрый Эйлвард, но я узнал от этого достойного рыцаря, который явился из-за французской границы, что какой-то английский отряд занимается грабежами и поджогами в окрестностях Вильфранша. Я почти уверен, что это именно те, кого мы ищем.

— Клянусь эфесом, весьма возможно, — отозвался Эйлвард, — во всяком случае, они так долго безобразничали в Монтобане, что там после них и взять-то будет нечего. А раз они уже побывали на юге, они должны направиться на север, к Авейрону.

— Мы поедем вдоль Лу до Каора, затем перейдем на земли Вильфранша, — сказал сэр Найджел. — Клянусь апостолом, так как наш отряд невелик, то весьма возможно, что у нас будут почетные и приятные стычки, ибо я слышал, что на французской границе неспокойно.

Все утро они ехали по широкой дороге, на которую ложились тени от окаймлявших ее тополей. Сэр Найджел ехал впереди со своими оруженосцами, а оба лучника следовали за ним и вели в поводу мула с вьюками. Эгийон и Гаронна остались далеко позади на юге, и теперь вдоль дороги текла спокойная Лу, которая вилась голубыми плавными изгибами среди пологих холмов. Аллейн не мог не отметить, что если в Гиени было множество городков и мало замков, в этой местности замки попадались часто, а дома редко. Через каждые несколько миль из лесной чащи выступали серые стены и угрюмые квадратные башни, а немногочисленные деревни, через которые они проезжали, были обнесены примитивными заграждениями, свидетельствовавшими о внезапных набегах и о том, что в этих пограничных местностях население жило в постоянном страхе. Дважды за это утро группы всадников вырывались из черных подворотен придорожных крепостей и, подскакав к сэру Найджелу, задавали короткие суровые вопросы — откуда они едут и по какому делу. Отряды ратников, звякая оружием, проходили по большой дороге, а несколько верениц вьючных мулов, которые везли товары какого-нибудь купца, охранялись вооруженными слугами или нанятыми лучниками.

— Мир в Бретиньи вызвал много перемен в этих местах, — заметил сэр Найджел, — страну заполонили вольные стрелки и бродяги. Те башни между лесом и холмом — это город Каор, а за ним — уже Франция. Но вон на обочине я вижу какого-то человека, и так как при нем два коня и оруженосец, я полагаю, что это рыцарь. Прошу тебя, Аллейн, передай ему от меня приветствие и спроси о его титулах и гербе. Не могу ли я содействовать ему в выполнении какого-нибудь обета, или, может быть, у него есть дама, которую он желал бы прославить?

— Нет, достойный лорд, — отозвался Аллейн, — это не лошади и оруженосец, а мулы и слуга. Человек этот — купец, возле него лежит большой тюк.

— Да благословит господь ваш честный английский говор! — воскликнул незнакомец,

наострив уши при словах Аллейна. — Никогда мой слух не внимал более сладостной музыке! Пошли, Уоткин; парень, наваливай тюки на спину Лауре. А я уже отчаялся, думал, что навеки оставил позади все английское и никогда глаза мои не увидят рыночную площадь в Норидже.

Это был рослый здоровяк, средних лет, загорелый, с темной, раздвоенной, уже седеющей бородой и в сдвинутой на затылок широкополой фландрской шляпе. Его слуга, такого же роста, но худой и костлявый, уже поднял тюки и водрузил их на спину одного из мулов, а купец сел на другого и направился к отряду сэра Найджела. Когда он приблизился, то по добротности его одежды и по роскошной сбруе было нетрудно догадаться, что человек он богатый и с положением.

— Достойный рыцарь, — сказал он, — меня зовут Дэвид Майклдин, я гражданин и олдермен славного города Нориджа, где и находится мой дом — за пять домов от церкви богоматери, как известно всем, живущим на берегах Яра. Здесь у меня тюки с сукнами, я везу их в Каор — и я проклинаю день, когда затеял такое путешествие! Умоляю великодушно взять нас под свою защиту — меня, моего слугу и мой товар, ибо я уже побывал во многих опаснейших положениях и теперь знаю, что колченогий Роже, рыцарь-разбойник из Керси, вышел на дорогу и находится впереди меня. Поэтому я согласен уплатить вам один нобль с розой, если вы благополучно доставите меня в гостиницу «Ангел» в Каоре, а если со мной или моим имуществом что-либо случится, вы заплатите столько же мне или моим наследникам.

— Клянусь апостолом, — ответил сэр Найджел, — плохой был бы я рыцарь, если бы, защитив соотечественника в чужой стране, попросил за это плату. Можете ехать со мной, мастер Майклдин, добро пожаловать, а ваш слуга пусть следует за нами с моими оруженосцами.

— Да благословит господь бог твою доброту! — воскликнул купец. — А если доведется вам быть в Норидже, я надеюсь, вы вспомните, какую услугу оказали олдермену Майклдину. До Каора недалеко, я уже вижу на горизонте очертания собора; но я немало слышал об этом колченогом Роже, и чем больше слышу, тем меньше хочется мне увидеть его. Ох, я так устал и измучен всем этим, кажется, полжизни отдал бы, чтобы уже быть в Норидже, и пусть бы со мной рядом мирно сидела моя милая супруга и мы слушали бы городские колокола.

— Ваши слова кажутся мне странными, — заметил сэр Найджел, — с виду вы человек крепкий, и на боку у вас висит меч.

— И все же не меч — мое ремесло, — ответил купец. — И я не сомневаюсь, что, приведи я вас в мою лавку в Норидже, вы не отличите бумазею от холста и генуэзский бархат от брюггского сукна с тройным ворсом. Вот тут-то вы и сможете обратиться ко мне за помощью. Но здесь, на пустынной дороге, где и густые лесные дебри и рыцари-разбойники, я обращаюсь к вам, ибо для этого дела вас и готовили.

— В том, что вы сказали, мастер Майклдин, немало правды, — отозвался сэр Найджел, — и я надеюсь, что мы встретим этого хромого Роже, ибо я слышал, что он весьма сильный и ловкий солдат, и победить его очень почетно.

— Он кровожадный разбойник, — решительно заявил купец, — и я хотел бы видеть, как он брыкается в петле.

— Именно такие люди и дают истинному рыцарю поводы совершать благородные деяния, которыми он может заслужить себе славу, — заметил сэр Найджел.

— Такие люди подобны крысам в амбаре с пшеницей или моли в волчьем меху, они вредят и мешают всем мирным и честным людям, — возразил Майклдин.

— Ну, если опасности пути столь угнетают вас, господин олдермен, то мне просто удивительно, как вы отважились так далеко уехать от дома.

— Порой я и сам дивлюсь, сэр. Но я хоть и ворчу и сержусь, но если уж я решил что-нибудь сделать, то не отступлюсь, пока не сделаю. В Каоре есть один купец, Франсуа Вилле, он обещал прислать мне бочонки с вином за мои тюки материй, и я поеду в Каор, если бы даже вдоль дороги выстроились, вон как те тополя, все рыцари-разбойники христианского мира.

— Решительно сказано, господин олдермен! Но как же вы путешествовали до сих пор?

— Как овца в стане волков. Пять раз нам пришлось молить и упрашивать, пока нас пропустили. Дважды я уплатил пошлину дорожной охране. Трижды мы вынуждены были спастись бегством, а однажды, в Ла-Реоли, мы встали над своими тюками с шерстью, Уоткин и я, и принялись наносить удары направо и налево, и это продолжалось столько времени,

сколько нужно, чтобы спеть литанию; одного мерзавца убили, двух других ранили. Клянусь богом, мы люди мирные, но мы английские горожане и не допустим, чтобы нас оскорбляли ни в своей стране, ни в чужой. Кто бы он ни был — лорд, барон, рыцарь или простолюдин, — каждый получит от меня только льняной очесок, пока у меня есть сила действовать этим мечом.

— Довольно странный меч, — сказал сэр Найджел. — Что ты думаешь, Аллейн, насчет черных полос на его ножнах?

— Я не знаю, достойный лорд.

— И я тоже, — сказал Форд.

Купец тихонько захихикал.

— Это моя собственная идея, — заявил он. — Меч сделал Томас Уилсон, оружейник, он помолвлен с моей второй дочкой, Марджери. Так вот, эти ножны длиной в один ярд и соответственно разделены на футы и дюймы, чтобы я мог мерить сукно. Кроме того, он весит ровно два фунта, так что я пользуюсь им и при взвешивании.

— Клянусь апостолом! — воскликнул сэр Найджел. — Мне ясно, что твой меч таков же, как и ты сам, добрый олдермен, — он годен и для войны и для мира. Но я не сомневаюсь, что вам даже в Англии пришлось немало пострадать от разбойников и бродяг.

— Совсем недавно, достойный рыцарь, в день святого Петра в веригах, меня бросили, сочтя мертвым, близ Рединга, когда я ехал на ярмарку в Винчестер. Однако мне удалось привлечь негодяев за разбой, их судил торговый суд, и теперь они уже не будут нападать на мирных путников.

— Значит, вам много приходится путешествовать?

— Да, я бываю в Винчестере, на рынке в Линне, в Стаурбридже, на Бристольской ярмарке и на Варфоломеевской в городе Лондоне. Остальную часть года вы найдете меня в Норидже, пятый дом от церкви богородицы, где я всей душой хотел бы очутиться сейчас, ибо нигде не найдешь такого воздуха, как в этом городе, и такой воды, как в Яре, и никакие французские вина не сравнятся с пивом старика Сэма Йелвертона, хозяина «Серой коровы». Но, увы, посмотрите, какой на том каштане висит страшный плод!

Дорога сделала поворот, и они увидели большое дерево, протянувшее над ней крепкий коричневый сук. Посередине этой ветки висел человек, голова его как-то жутко и косо была склонена к плечу, носками он чуть касался земли. Он был почти раздет — в одной короткой нижней сорочке и шерстяных штанах. Рядом, на зеленой скамье, сидел с важным видом низенький человечек, перед ним лежала сума, а из нее торчала связка бумаг всех цветов. Одет он был очень богато, в плаще на меху и в пунцовом колпаке, широкие длинные рукава были подбиты огненным шелком, шею обвивала толстая золотая цепь, на каждом пальце сверкали перстни. На коленях он держал маленькую стопку золота и серебра, брал монету за монетой и опускал в грубый кошелек, висевший у него на поясе.

— Да будут с вами святые угодники, добрые путники! — крикнул он, когда всадники подъехали к нему. — Пусть все четыре евангелиста охраняют вас! Пусть все двенадцать апостолов поддержат вас! Пусть вся рать великомучеников направит ваши стопы и поведет вас к вечному блаженству!

— Гранмерси за добрые пожелания! — отозвался сэр Найджел. — Однако мне кажется, господин олдермен, что — судя по его ноге — этот висящий там человек и есть тот самый колченогий разбойник, о котором вы говорили. Вон у него на груди приколот листок с надписью, и я прошу тебя, Аллейн, прочитай ее.

Тело мертвого разбойника медленно покачивал ветер, на его смуглом лице застыла улыбка, а вылезшие из орбит глаза все еще жадно глядели на большую дорогу, где он так долго устал путников; на куске пергамента, висевшего у него на груди, было выведено корявыми буквами:

Приказ сенешала из

Кастельно и городского головы из

Каора, верных слуг

Прехраброго и всемогущего

Эдуарда, принца Аквитанского

И наследника английского престола:

— Уж очень долго он умирал, — сказал разряженный человек, сидевший на скамье. — Дотянется большим пальцем ноги до земли и приподнимется — я уже думал, это никогда не кончится. Но теперь он благополучно добрался до рая, а я могу продолжать свой земной путь.

Незнакомец взобрался на белого мула, который пасся у обочины, весь обвешанный золотыми и серебряными колокольчиками, и направился к сэру Найджелу.

— Откуда же вы знаете, что он в раю? — спросил сэр Найджел. — Разумеется, для бога все возможно, но certes, если он не сотворит чуда, я едва ли могу ожидать, что душу колченогого Роже найдут среди праведников.

— Я знаю, что он там, ибо только что переправил его туда, — ответил незнакомец, потирая с безмятежным удовлетворением украшенные камнями руки. — В том-то и заключается моя святая миссия, чтобы быть заступником или отпускающим людям грехи. Я недостойный слуга и представитель того, в чьих руках ключи спасения. Сокрушенное сердце и десять ноблей в пользу святой нашей матери церкви могут предотвратить вечную погибель; а у него — отпущение грехов первой степени и благословение за двадцать пять ливров, поэтому до него едва ли дойдет хотя бы отзвук чистилища. Среди серебра оказались две свинцовые кроны, но из-за такого пустяка я бы не стал препятствовать его спасению.

— Клянусь апостолом! — сказал сэр Найджел. — Если вы действительно имеете власть открывать и закрывать врата надежды, значит, вы вознесены высоко над человеческим родом. Но если вы только претендуете на эту власть, а на самом деле ее не имеете, то мне кажется, почтенный клирик, что вы сами можете найти эти врата запертыми, когда попросите, чтобы васпустили.

— Маловер! Маловер! — воскликнул клирик. — Ах, видно, сэр Дидим до сих пор еще ходит по земле! И все-таки никакие сомнения не могут вызвать в моем сердце гнев или исторгнуть из моих уст горькое слово упрека, ибо я всего лишь недостойный бедный труженик на ниве мира и добра. На всех этих отпущениях грехов, которые я ношу с собой, стоят печать и подпись нашего святейшего отца, столпа и опоры христианства.

— Которого же из двух? — спросил сэр Найджел.

— Ха, ха! — воскликнул клирик, помахав блеснувшим камнями указательным пальцем. — Ты желал бы проникнуть в глубокие тайны церкви! Так знай же, что в моей суме — оба. Те, кто на стороне Урбана, получают отпущение от Урбана, те, кто за Климента, — отпущение Климента, а колеблющиеся могут получить и то и другое, поэтому, что бы ни случилось, прощение обеспечено всякому. Я прошу вас купить одну индульгенцию, ибо война — дело кровопролитное, смерть наступает внезапно, и уже нет времени ни подумать, ни написать. Или вот вы, сэр, мне кажется, вам не следовало бы полагаться на собственные добродетели.

Последние слова были обращены к нориджскому олдермену, который слушал клирика, насупившись и насмешливо скривив губы.

— Когда я продаю свой товар, — заметил он, — покупатель может его взвесить, пощупать и со мной поторговаться. А тех благ, которыми вы торгуете, нельзя увидеть, и нет никаких доказательств, что вы владеете ими. И уж, конечно, если смертный распоряжается милосердием Божиим, это должен быть человек высокого и богоподобного образа жизни, а не такой разодетый в шелка и украшенный цепями да кольцами, словно шлюха на ярмарке.

— Ах ты, низкий и бессовестный человек! — воскликнул клирик. — Да как ты смеешь хулить недостойного слугителя церкви!

— Действительно недостойного! — заявил Дэвид Майклдин. — Имейте в виду, клирик, что я свободный английский горожанин и что я осмелюсь высказать свое мнение даже нашему отцу, самому папе, а тем более такому прислужнику из прислужников, как вы!

— Низкий смерд и мошенник! — заорал клирик. — Что ты толкуешь о святых предметах, до которых твои свинячьи мозги и дорости-то не могут. Молчи уж, не то я прокляну тебя!

— Сам замолчи! — прорычал в ответ купец. — Стервятник! Мы же видели, как ты торчал возле повешенного, поджидая добычи, словно черный ворон! Приятную ты себе жизнь устроил с

шелками да побрякушками, вытаскивая обманом последние шиллинги из кошельков умирающих! Плевал я на твои проклятия! И мой совет: сиди здесь, а из Англии мы тебя выкурим, когда этим делом займется Уиклиф. Гнусный вор! Ты и тебе подобные позорят имя многих клириков, которые ведут чистую и святую жизнь. И ты стоишь у двери рая? Вернее сказать, ты уже вошел в двери ада!

При этом последнем оскорблении лицо клирика стало пепельным, он воздел дрожащую руку, и на рассерженного олдермена излился поток проклятий. Однако купец был не из тех, кого можно укротить словами, — он схватил ножны, служившие ему также для обмера, и принялся колотить ими извергающего проклятия клирика. А тот, не в силах уклониться от сыпавшихся на него ударов, дал шпоры своему мулу и что есть мочи помчался прочь; его противник преследовал его. Увидев, что хозяин вдруг пустился в путь, его слуга поскакал за ним, выучный мул — тоже, и все четверо, домчавшись до поворота, скрылись за ним; топот копыт перешел в далекое постукивание и стал постепенно стихать.

Сэр Найджел и Аллейн с изумлением переглядывались, а Форд разразился хохотом.

— Pardieu, — сказал рыцарь, — этот Дэвид Майклдин, наверное, один из тех лоллардов, о которых отец Христофор из аббатства так много рассказывал. Однако, судя по тому, что я видел, он, должно быть, человек неплохой.

— Я слышал, что у Уиклифа в Норидже много последователей, — отозвался Аллейн.

— Клянусь апостолом! Я не очень-то долюбиваю их. Я медленно меняю свои взгляды; и если отнять у меня веру, в которой я вырос, пройдет много времени, прежде чем я смогу заменить ее другой. А вместе с тем трещина здесь, трещина там — и настанет день, когда рухнет все дерево. И все же я не могу не считать позором, когда человек распоряжается милосердием божьим, отпуская его по своему усмотрению, как хозяин винного погреба, который то вынимает, то вставляет втулку в бочку с вином.

— Да это вовсе и не входит в учение нашей матери церкви, о которой он так много рассуждал, — добавил Аллейн. — Олдермен сказал правду.

— Тогда, клянусь апостолом, пусть они друг с другом и объясняются, — сказал сэр Найджел. — Я лично служу господу богу, моему королю и моей даме; и пока я остаюсь на дороге чести, мне ничего другого не нужно. Мое credo будет всегда то же, что и у Чандоса:

«Fais se que dois, — adviegne que peut.C'est commandé au chevalier».

Глава XXVIII

Как друзья перешли границы Франции

Миновав Каор, маленький отряд свернул с главной дороги, река осталась севернее, и всадники вступили на узкую тропу, вившуюся по обширной и унылой равнине. Тропа вела их среди болот и лесов, и наконец они вышли на широкую поляну, которую пересекал быстрый широкий ручей. Лошади перешли его вброд, и, когда все оказались на другом берегу, сэр Найджел заявил, что они пересекли границу Франции и находятся на французской земле. Они проехали еще несколько миль той же самой пустынной тропой, потом их окружил густой лес, а когда он расступился, тропа повела их по холмистой местности — такой же, как между Эгийоном и Каором. Если по английскую сторону границы пейзаж был унылым и мрачным, то как описать ужасную наготу в десять раз более разоренной французской стороны? Вся земля была изуродована и обезображена, покрыта черными пятнами сожженных ферм и серыми, костлявыми остовами того, что некогда было замками. Поломанные ограды, искрошенные стены, виноградники, засыпанные камнями, развалившиеся арки мостов — куда ни посмотришь, всюду видишь следы разрушений и грабежей. И лишь выступавшие на горизонте, то там, то здесь, покосившиеся башенки какого-нибудь замка, стройный шпиль церкви или монастыря показывали, что где-то силам меча или силам духа удалось сохранить крошечный островок безопасности в этом всеобщем потоке бедствий. Угрюмый и молчаливый, ехал маленький отряд по узкой, кочковатой дороге, и сердца людей сжимались, меж тем как глаза их глядели на опустошенный край, огромный и полный отчаяния. Это была действительно истерзанная и поруганная земля, и можно было проехать от Оверни на юг до границ Фуа и не увидеть ни одного улыбающегося лица, ни одной уцелевшей фермы.

Время от времени им попадались странные исхудавшие фигуры людей, шаривших и копавшихся среди колючек и чертополоха; заметив всадников, они поднимали руки и убегали в кусты поспешно и испуганно, словно животные. Не раз отряд видел целые семьи у дороги, бедняги слишком ослабели от голода и болезней, чтобы бежать, и сидели, как насторожившиеся зайцы, тяжело дыша, с ужасом в глазах. И так эти несчастные отошали, так были измучены и измотаны — сутулые и костлявые, с унылыми, безнадежными, ненавидящими лицами, — что у молодого англичанина мучительно сжималось сердце от одного взгляда на них. Казалось, всякий просвет, всякая надежда так далеки от них, что уже не вернуться, ибо, когда сэр Найджел бросил беднякам горсть серебряных денег, выражение их изможденных лиц не стало мягче — они только жадно вцепились в монеты, вопросительно глядя на него, и задвигали тяжелыми челюстями. То там, то здесь среди кустарников виднелись шалаши из палок и веток, служившие им убежищем и скорее похожие на курятники, чем на человеческое жилье. И ради чего было им строить и трудиться, если любой искатель приключений, проходя мимо, мог поджечь их хижины, да и собственный феодальный властитель побоями и бранью стал бы отнимать у них жалкие плоды их трудов? Это были последние глубины человеческого несчастья и души этих людей испытывали угрюмое удовлетворение оттого, что дальше идти уже некуда. Все же у них сохранился человеческий дар речи, и не раз они совещались в своих шалашах, устремив гневный взгляд тусклых глаз и указывая худыми пальцами вдаль, на огромные поместья и замки, вгрызавшиеся, словно раковые опухоли, в нищенское существование деревни. Когда такие люди уже ни на что не надеются, ничего не боятся и начинают понимать, в чем причина их бедствий, плохо приходится тому, кто их притесняет. И слабый становится сильным, если у него ничего нет, ибо только тогда он испытывает горячий, безумный хмель отчаяния. Замки крепки и высоки, низки и шатки шалаши. Но помоги боже, сеньору и его супруге в тот день, когда люди из шалашей решаются на отмщение!

Целых восемь или девять миль маленький отряд ехал все по такой же разоренной местности; солнце садилось, и впереди них на дорогу уже ложились их длинные тени. Всадники должны быть бдительны и осторожны, ведь они едут по ничейной земле, и их единственные паспорта — это их мечи. По этим проклятым и опустошенным землям бродили и здесь сражались французы и англичане, гасконцы, провансальцы, брабантцы, авантюристы, поджигатели, живодееры и вольные стрелки. Таким безрадостным и опустошенным было все вокруг, таким убогим и редким жилье, что сэр Найджел начинал сомневаться, найдет ли он пищу и ночлег для своих спутников. Поэтому он почувствовал истинное облегчение, когда узкая тропа, по которой они ехали, вывела их на более широкую дорогу и они увидели неподалеку приземистый белый дом, из верхнего окна которого торчал шест с привешенным к нему большим пучком остролиста.

— Клянусь апостолом! — воскликнул он. — Как я рад! Я уж боялся, что мы не добудем ни провианта, ни пристанища. Поезжай вперед, Аллейн, и скажи хозяину гостиницы, что английский рыцарь и его спутники проведут сегодня ночь под его кровом.

Аллейн прищпорил коня и, опередив товарищей на выстрел из лука, остановился у двери гостиницы, а так как не вышел ни слуга, ни хозяин, он распахнул дверь и стал звать их. Три раза крикнул он, но, не получив ответа, открыл внутреннюю дверь и вошел в комнату для посетителей. В дальнем конце ее на очаге весело потрескивал и брызгал искрами огонь. По одну сторону очага, в дубовом кресле с высокой спинкой, сидела дама, повернув лицо к двери. Отблески пламени играли на этом лице, и Аллейн решил, что никогда еще не видел женщины, черты которой выражали бы такую царственную властность, достоинство и внутреннюю силу. Казалось, ей лет тридцать пять. У нее был нос с горбинкой, твердый и нежный рот темные, круто изогнутые брови и глубоко сидящие глаза, которые сверкали и искрились переменчивым блеском. Хотя она была прекрасна, однако поражала не ее красота носила, мощь и мудрость, осенявшие высокий белый лоб, а также решительность, ощущавшаяся в очертаниях квадратной челюсти и изящного подбородка. В ее темных волосах сияла жемчужная нить, на плечи спадала прикрепленная к ней серебряная сетка; женщина была закутана в черный плащ и сидела, откинувшись в кресле, как будто только что приехала издалека.

По другую сторону очага расположился человек с очень грубой внешностью, широкоплечий, в черной куртке, окаймленной соболем, в бархатном, сдвинутом на ухо берете, украшенном кудрявым белым пером. Рядом с ним стояла фляга с красным вином, и он, видимо, отлично себя чувствовал: ноги его лежали на табуретке, а на коленях он держал блюдо с орехами. Он разгрызал орехи своими крепкими белыми зубами, разжевывал ядрышко, а скорлупу бросал в огонь. Когда Аллейн уставился на него, он слегка повернул голову и покосился через плечо на вошедшего юношу. Молодому англичанину показалось, что никогда он не видел более противного лица, ибо глаза у этого человека были зеленоватые, нос сломанный, вдавленный, а все лицо покрыто морщинами и ранами; голос, когда он заговорил, был низкий, свирепый, словно у хищного животного.

— Молодой человек, — сказал он, — не знаю, кто ты, и не очень горю желанием узнать, и если бы я не намерен был отдохнуть, я бы прошелся своим кнутом для собак по твоим плечам за то, что ты дерзнул так безобразно орать.

Пораженный этой невоспитанностью и не решаясь ответить подобающим образом в присутствии дамы, Аллейн стоял в нерешительности, держась за ручку двери; как раз в эту минуту сэр Найджел и его спутники сошли с коней. При звуках этих новых голосов и языка, на котором они говорили, незнакомец швырнул на пол блюдо с орехами и принялся сам призывать хозяина, так что весь дом наполнился его ревом. Позеленев от страха, хозяин в белом фартуке прибежал на его зов; руки хозяина дрожали, и даже волосы стали дыбом от испуга.

— Ради господ, — прошептал он, проходя мимо приезжих, — будьте с ним любезны и не раздражайте его! Ради матери божьей, обращайтесь с ним мягко.

— Да кто же он такой? — спросил сэр Найджел.

Аллейн хотел было объяснить, однако незнакомец, снова взревев, прервал его.

— Ты, хозяин, мерзавец, — заорал он, — разве я не спросил тебя, когда привез сюда мою супругу, чисто ли у тебя в гостинице?

— Спрашивали, сэр.

— Не спрашивал ли я особенно насчет паразитов?

— Спрашивали, сэр.

— И что ты мне ответил?

— Что их нет, сэр.

— А не прошло и часу с моего приезда, как англичане уже ползают тут! Когда мы наконец освободимся от этой отвратительной нации? Неужели француз на французской земле во французской гостинице вынужден слушать щелканье этого гнусного английского языка? Пошли их ко всем чертям, хозяин, не то худо будет и им и тебе.

— Сейчас, сэр, сейчас! — крикнул перепуганный хозяин и ринулся прочь из комнаты, а в наступившей тишине зазвучал мягкий, успокаивающий голос женщины у очага, увещевавшей своего супруга.

— В самом деле, джентльмены, лучше вам уехать, — подавленно сказал хозяин. — До Вильфранша всего шесть миль, и там очень хорошая гостиница под вывеской «Красный лев».

— Ну нет, — заявил сэр Найджел, — я не могу уехать пока не узнаю более подробно, кто это, ибо он кажется мне человеком, от которого можно ожидать много интересного. Назовите его имя и титул...

— Я не смею произнести его имя, пока он сам не пожелает. Но я прошу и умоляю вас, джентльмены, уходите из этого дома, ибо я даже боюсь подумать, чем это может кончиться, если он поддастся гневу.

— Клянусь апостолом, — прошепелявил сэр Найджел, — это, бесспорно, такой человек, ради которого стоило приехать издалека, чтобы узнать его. Пойдите передайте ему, что скромный английский рыцарь очень бы желал познакомиться с ним поближе — не по причине самонадеянности, гордыни или злого умысла, но ради чести рыцарства и славы наших дам. Передайте ему приветствие от сэра Найджела Лоринга и скажите, что перчатка, которую я ношу на берете, принадлежит самой несравненной и прелестной представительнице женского пола, и я готов это утверждать и отстаивать, если он пожелает заявить то же самое относительно своей дамы.

Хозяин еще колебался, передавать ли ему подобное поручение или нет, но дверь зала вдруг распахнулась, и незнакомец метнулся оттуда, словно пантера из своего логова; его волосы стояли дыбом, лицо было искажено судорогой ярости.

— Вы еще здесь?! — прорычал он. — Что же вас, английские собаки, хлыстом выгонять отсюда? Тифен, мой меч!

Он повернулся, чтобы схватить оружие, но в этот миг его взгляд упал на щит с гербом сэра Найджела, он оцепенел, потом его странные зеленоватые глаза смягчились, и он в конце концов лукаво и весело подмигнул англичанину.

— Mort Dieu! — воскликнул он. — Это же мой маленький рыцарь из Бордо! Как же мне не вспомнить этот герб, ведь я всего три дня назад смотрел на него во время турнира на берегу Гаронны! Ах, сэр Найджел! Сэр Найджел! Вы мой должник вот за это.

И он указал на свое правое плечо, которое было перевязано пропущенным под мышку шелковым платком.

Однако удивление незнакомца при виде сэра Найджела нельзя было даже сравнить с радостью и изумлением рыцаря из Хампшира, когда он посмотрел на странное лицо француза. Дважды открывал он рот и дважды останавливался, словно проверяя, действительно ли зрение не обмануло его, не сыграло с ним злую шутку.

— Бертран! — произнес он наконец, задыхаясь от неожиданности. — Бертран Дюгесклен!

— Клянусь святым Ивом, — заорал французский воин, хрипло и громко расхохотавшись, — хорошо, что я езжу, опустив забрало, ибо тому, кто один раз увидел мое лицо, уже незачем запоминать мое имя! Это действительно я, сэр Найджел, и вот вам моя рука! Даю вам слово, что есть для меня на этом свете только три англичанина, которых я не хотел бы коснуться острым лезвием своего меча: во-первых, Принц, во-вторых, Чандос и, в-третьих, вы; ибо я слышал о вас много лестного.

— Я уже старею и поизносился в битвах, — заметил сэр Найджел, — но теперь я могу спокойно отложить мой меч, ибо имел счастье сразиться с тем, у кого самое честное сердце и самая сильная рука во всем великом французском королевстве. Я жаждал этой встречи, я мечтал о ней, и теперь я едва в силах поверить, что мне действительно выпала на долю эта великая честь.

— Клянусь пресвятой девой Реннской, мне вы дали основания быть в этом уверенным! — воскликнул Дюгесклен, сверкнув широкой белозубой улыбкой.

— И, быть может, глубокочтимый сэр, вы снизойдете до продолжения нашего поединка? Богу известно, что я не достоин такой чести, но все же я могу показать свои шестьдесят четыре геральдических знака, и за последние двадцать лет я участвовал в кое-каких схватках и боях!

— Ваша слава мне отлично известна, и я попрошу мою супругу занести ваше имя на мои таблички, — сказал сэр Бертран. — Очень многие хотят сразиться со мной и ждут своей очереди, ибо я никому не отказываю в подобной просьбе. В данное время это невозможно, ибо

рука моя не сгибается в результате этой легкой раны, а мне хотелось бы, когда мы снова скрестим мечи, быть вам достойным противником. Войдите вместе со мной в дом, пусть ваши оруженосцы тоже войдут, чтобы моя любимая супруга, леди Тифен, могла сказать: и она видела столь прославленного и любезного рыцаря.

Когда они вернулись в комнату, между ними царили полный мир и согласие. Леди Тифен сидела возле очага, словно королева на престоле, и каждый был по очереди ей представлен. Следует отметить, что мужественный сэра Найджел, который отнюдь не был потрясен львиной яростью ее супруга, несколько смутился при виде бесстрастия и холодности этой представительной дамы, ибо после двадцати лет лагерной жизни он чувствовал себя более непринужденно на турнире, чем в дамском будуаре. Он вспомнил также, глядя на ее решительный рот и глубоко посаженные вопрошающие глаза, что слышал странные рассказы об этой самой леди Тифен Дюгесклен. Разве не про нее ходили слухи, будто она возлагает руки на больных и те встают с постели, когда лекари уже считали их безнадежными? И не она ли предсказывает будущее и временами в уединении своей комнаты ведет разговор с каким-то существом, которого никогда не видели очи смертных, с каким-то загадочным знакомцем, входящим через запертые двери и высоко поднятые над землею окна? Сэр Найджел опустил глаза и перекрестил свою ногу, когда приветствовал эту опасную даму; однако не прошло и пяти минут, как он был покорен ею, и не он один, но и оба его молодых оруженосца. Они обо всем забыли и только внимали словам, сходявшим с ее губ, словам, вызывавшим в них особый трепет и будоражившим, как зов военной трубы.

Не раз потом, в последующие мирные годы, вспоминал Аллейн эту гостиницу в Оверни, у большой дороги. Вечер уже наступил, и в углах длинного, низкого, обшитою деревом покоя сгустился мрак. Дрова, трещащие на очаге, бросали круг дрожащего багрового света на маленькую группу путников, и на их лицах выделялась каждая черта и каждая тень. Сэр Найджел сидел, опершись локтями о колени, положив на руку подбородок, мушка все еще прикрывала один глаз, но другой сверкала, как звезда, и в резком свете поблескивала лысая голова. Форд пристроился слева от него, его губы были полуоткрыты, глаза смотрели перед собой, на щеках горели пятна яркого румянца, тело было неподвижно, словно оцепенело. По другую сторону сидел, откинувшись в своем кресле, знаменитый французский воин, на его коленях лежала грудa ореховой скорлупы, огромная голова наполовину утонула в подушке, а весело искрившийся взгляд переходил с его супруги на не сводившего с нее глаз, замороженного англичанина. И надо всем этим — ее бледное лицо с тонкими чертами, чистый, сладостный голос и возвышенные, волнующие речи о бессмертии славы, о дикой пустыне жизни, о страданиях, сопутствующих постыдным радостям, и о радости, скрытой во всех страданиях, ведущих к достойной кончине. Тени становились все глубже, а она продолжала говорить о доблести и добродетели, о верности, чести и славе, они же все сидели недвижно, впивая ее слова; дрова догорали, и угли наконец обратились в серый пепел.

— Клянусь святым Ивом! — наконец воскликнул Дюгесклен. — Пора обсудить, что нам делать этой ночью, едва ли в придорожной гостинице найдутся подходящие комнаты для почтенных людей.

Сэр Найджел глубоко вздохнул, вынужденный расстаться со своими мечтами о рыцарской отваге и смелости, которые в нем снова пробудила эта странная женщина.

— Мне все равно, где спать, — отозвался он, — но для этой прекрасной дамы здешние комнаты мало подходят.

— Чем удовольствуется мой супруг, тем удовольствуюсь и я, — отозвалась она. — А вы, сэра Найджел, как видно, дали обет, — добавила она, взглянув на его залепленный глаз.

— Да, я хочу попытаться совершить маленький подвиг, — ответил он.

— А эта перчатка вашей дамы?

— Да, моей любимой жены.

— Которая, без сомнения, гордится вами.

— Скажите лучше — я ею, — поспешил заявить он. — Бог знает, что я не достоин быть даже ее смиренным слугой. Легко мужчине мчаться вперед среди бела дня и выполнять свой *devoir* на глазах у всех. Но в сердце женщины живет сила верности, которой не нужны восхваления, и она ведома лишь тому, кому принадлежит это сокровище.

Леди Тифен издали улыбнулась мужу.

— Вы не раз говорили мне, Бертран, что среди англичан есть великодушные рыцари, — сказала она.

— Ну да, ну да, — сердито согласился он. — Но сядемте-ка в седла, вы, сэр Найджел, и ваши спутники, и мы поищем замок Тристрама де Рошфора, он по эту сторону Вильфранша, в двух милях от города. Хозяин — оверньский сенешал и мой старый боевой товарищ.

— Конечно, он с охотой примет вас, — отозвался сэр Найджел, — но он может отнестись подозрительно к человеку, который перешел без разрешения французскую границу.

— Пресвятая Дева! Когда он узнает, что вы намерены увести отсюда этих мошенников из Отрадя и ради этого явились, он будет очень рад увидеть вас. Хозяин, здесь десять золотых монет. Что останется сверх моих издержек, пусть пойдет на оплату счета какого-нибудь другого рыцаря, который будет испытывать нужду в деньгах. Пора, уже поздно, лошади выведены на большую дорогу и бьют копытом от нетерпения.

Леди Тифен и ее супруг вскочили в седла, не коснувшись стремян, и все поехали рысью по белой от лунного света дороге — сэр Найджел чуть позади леди Тифен, а Форд — отстав на длину меча. Аллейн задержался в коридоре, и в эту минуту из какой-то комнаты слева раздался отчаянный крик, оттуда выбежали Эйлвард и Джон, заливаясь смехом, точно два набедокуривших школьника. Увидев Аллейна, они поспешно прошли мимо него с несколько пристыженным видом, затем вскочили на коней и поскакали догонять остальных. Однако возня в комнате не стихла, наоборот, даже как будто усилилась, и оттуда донеслись вопли:

— À moi, mes amis! À moi, camarades! À moi, l'honorable champion de l'Evêque de Montauban! A la recouse de l'église Sainte.

Столь пронзительны были эти крики, что и хозяин гостиницы, и Аллейн, и все услышавшие их слуги бросились в комнату, чтобы узнать причину.

Их глазам предстала поистине странная картина. Комната была длинная, высокая и пустая, с каменным полом, в дальнем ее конце пылал очаг, где кипел большой котел. Посреди комнаты стоял длинный сосновый стол, на нем — деревянный кувшин с вином и двумя роговыми кружками. Поодаль они увидели другой стол, поменьше, с одним стаканом и разбитой винной бутылкой. В тяжелые балки потолка были рядами вбиты крюки, на них висели свиные туши, куски копченого мяса и связки лука, запасенного на зиму, а посреди всего этого на самом большом крюке висел жирный краснолицый человек с огромными усами, он неистово брыкался, хватаясь за балки, окорока и за все, до чего мог дотянуться. Конец огромного стального крюка был проткнут через воротник его кожаной куртки, и вот человек висел, как рыба на леске, извиваясь, крутясь и вопя, но никак не мог освободиться из странного положения, в которое попал. И лишь когда Аллейн и хозяин взобрались на стол, они сняли его, и он, задыхаясь от ярости, упал в кресло и стал озираться по сторонам.

— Он ушел? — спросил толстяк.

— Ушел? Кто?

— Рыжий, великан!

— Да, — ответил Аллейн. — Ушел.

— И он не вернется?

— Нет.

— Тем лучше для него! — крикнул человек, испустив долгий вздох облегчения. — Mon Dieu! Что? Разве я не защитник епископа Монтобанского? Ах, если бы я мог слезть, если бы я мог сойти, пока он не убежал! Тогда вы бы увидели! Вы кое-что запомнили бы на всю жизнь! Тогда одним негодяем на земле стало бы меньше.

— Добрый Пелиньи, — сказал хозяин, — эти джентльмены едут не очень быстро, у меня в конюшне есть лошадь, она в вашем распоряжении, ибо мне хотелось бы, чтобы вы совершали ваши кровавые деяния не в стенах моей гостиницы.

— Я ушиб ногу и не могу ехать верхом, — заявил защитник епископа, — я растянул себе сухожилие в тот день, когда убил троих в Кастельно.

— Спаси вас бог, господин Пелиньи! — воскликнул хозяин. — Наверно, очень тяжело иметь на совести столько пролитой крови. Все же я не хочу, чтобы такого храброго человека обижали,

поэтому я сам из чистой дружбы поеду за англичанином.

— Нет, не поедете, — крикнул защитник, судорожно вцепившись в хозяина, — я люблю вас, Гастон, и не хотел бы навлечь на эту гостиницу дурную славу и нанести ущерб вашему дому и имуществу, что произойдет неминуемо, если здесь столкнутся такие люди, как я и этот англичанин.

— Нет, не заботьтесь обо мне! — ответил хозяин. — Что такое мой дом в сравнении с честью Франсуа Пелиньи, служителя христианской любви и защитника епископа Монтобанского? Андре, коня!

— Заклинаю вас всеми святыми, не надо! Гастон, я этого не допущу. Вы сказали правду: испытываешь страх и трепет, имея на совести столь тягостные деяния. Я всего лишь суровый солдат, но у меня есть душа. Mon Dieu! Я размышляю, оцениваю, взвешиваю. Разве я еще не встречусь с этим человеком? Разве не узнаю его по огромным лапам и рыжей копне? Ma foi, конечно!

— А смею я осведомиться, сэр, — спросил Аллейн, — почему вы именуете себя защитником епископа Монтобанского?

— Ты мог бы также спросить: подобает ли мне отвечать тебе? Епископу нужен защитник потому, что, если бы пришлось разрешать какой-либо спор поединком, ему при его сане едва ли пристало появляться на турнире одетым в кожу, со щитом и палицей и обмениваться ударами с противниками. Поэтому он ищет подходящего, испытанного воина, какого-нибудь честного рубаку, который способен нанести и выдержать удар. Не мне судить, удачен ли его выбор, но тот, кто думает, что он имеет дело только с епископом Монтобанским, окажется лицом к лицу с Франсуа Пелиньи, служителем христианской любви.

Тут на дороге послышался топот копыт, и слуга, стоявший у входа, возвестил, что один из англичан возвращается. Защитник епископа в страхе стал озиаться, ища, куда бы спрятаться, а снаружи раздался голос Форда — он призывал Аллейна поторопиться, иначе он не будет знать, куда ехать. Поэтому тот попрощался с хозяином и защитником епископа, пустил лошадь во весь опор и вскоре догнал обоих лучников.

— Хорош, нечего сказать, — обратился он к Джону. — Да ты святую церковь против себя восстановишь, если будешь подвешивать ее защитников на железных крюках в кухнях гостиниц.

— Увы, я сделал это не подумав, — виновато ответил Джон, а Эйлвард звонко расхохотался.

— Клянусь эфесом, mon petit, — сказал он, — ты бы тоже хохотал, если бы все видел. Этот человек до того напыжился от гордости, что не захотел ни выпить с нами, ни сидеть за одним столом, ни даже отвечать на вопросы, а все время обращался к слуге и уверял, что, слава богу, наконец-то наступил мир и что он перебил больше англичан, чем у него петель на камзоле. У нашего доброго старика Джона не хватило французских слов, чтобы ответить ему, поэтому он взял его своей ручищей и осторожненько поместил туда, где ты его и застал. Однако нам пора ехать, топот лошадей на дороге уже чуть слышен.

— Мне кажется, я все еще вижу их, — заявил Форд, вглядываясь в уходившую вдаль, освещенную луной дорогу.

— Pardieu, да! Вот они выехали из тени. А вон та черная груда камней — это замок Вильфранш. En avant, camarades! Иначе сэр Найджел подъедет к воротам раньше нас.

— Тише, mes amis, а это что такое?

В лесах справа хрипло затрубил рог. Ему ответил другой, слева, и тут же протрубили еще два, позади.

— Это рога свинопасов, — пояснил Форд.

Всадники прищепили коней и вскоре оказались перед замком Вильфранш, где по просьбе Дюгесклена подъемный мост уже был опущен, а опускающие решетки подняты.

Глава XXIX

Как наступил для леди Тифен благословенный час прозрения

Сэр Тристрам де Рошфор, сенешал Оверни и владелец Вильфранша, был суровым и прославленным воином, посевшим в войнах с англичанами. Так как его владения находились возле границы и он являлся стражем постоянно угрожаемых местностей, он не знал покоя даже во времена мира и всю жизнь провел в облавах и нападениях на проходивших через его провинцию брабантцев, отставших солдат, мародеров, вольных стрелков и занимавшихся разбоем лучников. Порой он возвращался победителем, и с десятков повешенных покачивалось на верхушке его башни. В других случаях его походы не бывали столь удачными, и он и его отряд спешили, прищипорив коней, проскочить подъемный мост, ибо слышали наступающий их топот копыт и свист стрел. Лют был Рошфор на руку, и лютым было его сердце, враги ненавидели его, но не любили и те, кого он защищал, — дважды его брали в плен, и дважды выкуп за него выжимали избиениями и пытками из умирающих от голода крестьян и разоренных фермеров. Трудно сказать, кого следует больше бояться овцам — волков или сторожевых собак.

Замок Вильфранш был суров и угрюм, как и его владелец. Широкий ров, высокая наружная стена с башенками по углам и главной башней, грузной и черной, вздымавшейся над всеми постройками, — вот каким он предстал в лунных лучах нашим путникам. При свете двух факелов, вставленных в узкие бойницы по бокам тяжелых ворот, они уловили блеск чьих-то свирепых глаз и беглые отсветы на оружии стражи. Однако двуголовый орел Дюгескленов служил пропуском в любую французскую крепость, и едва они миновали ворота, как увидели старого рыцаря, стража границ; он бежал им навстречу, протянув руки и приветствуя своего прославленного соотечественника. Не менее обрадовался он и сэру Найджелу, когда ему объяснили, по какому делу приехал англичанин, ибо эти лучники из Белого отряда были для него хуже ножа — они разгромили две экспедиции, которые он послал против них. Для него, заявил оверньский сенешал, будет праздником, когда он узнает, что последний лучник перешел границу.

В эти дни в домах крестьян царил острая нужда, но в замке всегда имелось в избытке все необходимое для пиршества. Уже через час гости сидели вокруг стола, ломившегося от огромных пирогов и кусков мяса, а среди них стояли более изысканные блюда, которыми славятся французы: тушенные в пряностях орталаны и винноягодники с трюфелями. Леди Рошфор, жизнерадостная дама, любящая посмеяться, сидела слева от своего воинственного супруга, а леди Тифен — справа. На другом конце поместились Дюгесклен, сэр Найджел, сэр Амори Монтикур из ордена госпитальеров и сэр Отто Харнит, странствующий рыцарь из королевства Богемии. Если прибавить к этому Аллейна и Форда, четырех французских оруженосцев и замкового капеллана, то это и была компания, собравшаяся в тот вечер и весело пировавшая в замке Вильфранш. Дрова трещали на огромном очаге, соколы в шапочках спали на своих наместах, свирепые шотландские борзые в ожидании подачи теснились на изразцовом полу; возле гостей стояли щеголеватые, одетые в лиловое маленькие пажи; все смеялись и обменивались шутками, за столом царил дружелюбие и спокойствие. Присутствующие и думать забыли о бедняках, которые сидели в шалашах вдоль всей опушки и, ежась под своими лохмотьями, смотрели безумными голодными глазами на яркий теплый свет, падавший золотыми полосами из сводчатых окон замка.

Когда ужин был окончен, словно по волшебству, исчезли раздвижные столы, и слуги расставили скамьи перед очагом, ибо в воздухе ощущался резкий холод. Леди Тифен откинулась на спинку мягкого кресла, и ее длинные ресницы низко опустились над блестящими глазами. Аллейн, смотревший на нее, заметил, что дыхание у нее стало коротким и отрывистым, а щеки — бледнее лилий. Дюгесклен время от времени внимательно поглядывал на нее и проводил широкой смуглой рукой по курчавым черным волосам с видом человека, чем-то сильно озадаченного.

— Местные жители, — сказал богемский рыцарь, — как видно, не слишком хорошо питаются.

— Ах, эти каналы! — воскликнул лорд Вильфранш. — Вы не поверите, но когда меня взяли в плен при Пуатье, голод был единственным средством, каким моей жене и молочному брату удалось из них выжать деньги на выкуп. Эти злые псы предпочли бы, чтобы их трижды подтянули на дыбе или целый час раздавливали им большие пальцы, чем расстаться хотя бы с одним денье ради их отца и законного господина. А вместе с тем не у одного имеется старый чулок, набитый золотыми монетами, — он его припрятал в потайной уголок.

— А почему же они тогда не покупают себе пищу? — спросил сэр Найджел. — Клянусь апостолом, мне показалось, их кости вот-вот проткнут кожу.

— Это они от злости и зависти худые. У нас тут есть такая поговорка: «Побей мужика — он тебя погладит, погладь мужика — он тебя побьет». Не сомневаюсь, что так же дело обстоит и у вас в Англии.

— Ma foi, нет, — отозвался сэр Найджел. — Среди моих спутников есть двое из того же сословия, и я не сомневаюсь, что они в эту минуту полны вина, как бочки в вашем подвале. Если кто их изобьет, они его так «погладят», что он век не забудет.

— Мне это непонятно, — ответил сенешал. — Сколько я ни встречал английской знати и рыцарей, никто бы не стерпел дерзости от черни.

— Может быть, милорд, в Англии бедняки добрее и сдержаннее, — рассмеялась леди Рошфор. — Боже мой, вы даже представить себе не можете, насколько мужичье безобразно! Плешивые, беззубые, скрюченные, сутулые; что до меня, то я не постигаю, как, будучи благ, господь бог мог создать таких людей. Я просто не выношу их вида, поэтому мой верный Рауль обычно идет впереди меня с дубинкой и прогоняет их с моего пути.

— А все-таки и у них есть душа, достойная госпожа, и у них есть душа! — пробормотал капеллан, седой старик с усталым, терпеливым лицом.

— Да, я слышал, как вы им это твердили, — заметил владелец замка, — и что касается меня, отец, хотя я верный сын нашей святой церкви, но полагаю, что полезнее было бы вам совершать церковное служение и учить детей моих воинов, чем ходить по деревням и внушать этим людям мысли, которые у них без вас никогда бы не возникли. Я слышал, как вы объясняли им, что их души ничем не хуже наших и будут пребывать на том свете наравне с усопшими из древнейших оверньских родов. Я же лично уверен в одном: на небесах много храбрых рыцарей и доблестных джентльменов, которые отлично знают, как получше устроиться, потому нам нечего бояться, что мы окажемся в одной толпе со всякими мужиками и свинопасами! Перебирайте свои четки, отец, читайте свою псалтырь, но не вступайте между мной и теми, кого король отдал мне.

— Бог да поможет им! — воскликнул старик священник. — Более высокий властитель, чем ваш, дал их мне, и я заявляю вам здесь, в вашем собственном замке, сэр Тристрам де Рошфор, что вы совершаете тяжелый грех в отношении этих несчастных и что придет час — может быть, он уже близок, — когда рука господня тяжело покарает вас за ваши деяния.

Сказав это, священник встал и медленно вышел.

— Чума его заberi! — воскликнул французский рыцарь. — Но скажите мне, сэр Бертран, что можно сделать со священником? Ведь с ним нельзя биться, как с мужчиной, и его нельзя уговаривать, как женщину!

— О, сэр Бертран знает, хитрец! — заявила леди Рошфор. — Разве мы все не слышали, как он в Авиньоне выжал из папы пятьдесят тысяч крон?

— Ma foi, — заметил сэр Найджел, глядя на Дюгесклена с ужасом и с восхищением, — разве у вас сердце не екнуло? Вас не охватил страх? Разве не почувствовали вы на себе проклятие?

— Я не обратил внимания, — небрежно отозвался француз. — Но клянусь святым Ивом! Этот ваш капеллан, Тристрам, показался мне очень достойным человеком, и вам следовало бы прислушаться к его словам! Хотя я и не придаю значения проклятию плохого попа, я бы очень огорчился, не получив благословения от хорошего.

— Послушайте, дорогой супруг! — воскликнула леди Рошфор. — Берегитесь, прошу вас, я вовсе не желаю ни быть обреченной на гибель, ни получить паралич. Я помню, как вы однажды разгневали отца Стефана, и моя камеристка сказала, что у меня за неделю больше выпало волос, чем за целый месяц.

— Если это признак греха, то, клянусь апостолом, у меня на душе, наверное, очень много грехов, — заметил сэр Найджел, и все рассмеялись. — Но если я смею дать вам совет, сэр Тристрам, помирись вы с этим добрым стариком.

— Получит четыре серебряных подсвечника, — сердито ответил сенешал. — И все-таки мне хотелось бы, чтобы он не вмешивался в жизнь этих людей. Вы даже представить не можете, какие они безмозглые и упрямые. Рядом с ними мулы и свиньи кажутся высокоразумными существами. Бог знает, насколько я был терпелив с ними. Всего на прошлой неделе, когда мне понадобились деньги, я позвал в замок Жана Губера, у которого, как всем известно, есть целая шкатулка, полная золотых монет, и она спрятана в каком-то дупле. И даю вам слово, я только

стегнул по спине этого болвана. А потом объяснил, насколько мне эти деньги нужны. Я посадил его на ночь в мою темницу, чтобы он там обдумал мои слова. И что же этот пес сделал? Утром мы обнаружили, что он разорвал на полосы свою кожаную куртку, связал их и повесился на оконной решетке.

— Что до меня, то я не могу понять такой низости! — воскликнула супруга сенешала.

— А еще была такая Гертруда ле Беф, красotka, каких мало, но гадкая и озлобленная, подобно им всем. Когда во время последнего праздника урожая здесь был молодой Амори де Валанс, ему девушка приглянулась, и он даже намеревался взять ее в услужение. Что же делают она и ее негодяй отец? Они связывают себя вместе и бросаются в озеро, где глубина в пять мечей. Даю слово, что Амори был ужасно огорчен, и прошло много дней, прежде чем он оказался в силах забыть о ней. Ну как можно служить людям, которые так безрассудны и неблагодарны?

Пока сенешал Вильфранша рассказывал подробности о злых кознях своих подвластных, Аллейн не мог отвести глаз от лица леди Тифен. Она откинулась на спинку кресла, ресницы ее опустились, лицо стало бескровным, и он сначала решил, что путешествие, вероятно, утомило ее и что силы ее покинули. Но затем вдруг наступила перемена, ее щеки вспыхнули, она медленно подняла веки, а в глазах появился такой блеск, какого он до сих пор никогда в человеческих глазах не видел, причем устремлены они были не на присутствующих, а на темный гобелен, закрывавший стену. Так изменилось выражение ее лица и таким оно стало неземным, что Аллейн даже в самых своих отрешенных грезах об архангелах и серафимах никогда не рисовал себе столь сладостных, женственных и вместе с тем мудрых лиц. Взглянув на Дюгесклена, Аллейн заметил, что и тот пристально наблюдает за женой, и, судя по тому, как дрогнули его черты и на кирпичного цвета лбу выступили капли пота, было видно, что он глубоко взволнован замеченной им переменной.

— Вы себя плохо чувствуете, госпожа моя? — спросил он с трепетом в голосе.

Она не отрывала пристального взгляда от стены и лишь после долгого молчания ответила. Ее голос, звучавший до сих пор чисто и ясно, был тих и глух, словно доносился издалека.

— Я чувствую себя очень хорошо, Бертран, — сказала она. — Благословенный час прозрения снова наступил для меня.

— Я заметил, как он приближался, да, я заметил! — воскликнул он, проводя рукой по волосам с тем же ошеломленным видом. — Это нечто очень странное, сэр Тристрам, — проговорил он потом. — И я, право же, не знаю, какими словами объяснить это вам, вашей достойной супруге, сэру Найджелу и остальным чужеземным рыцарям. Мой язык скорее способен произносить слова приказов, чем объяснять подобные явления, которые я и сам-то не вполне понимаю. Одно могу сказать: моя жена из очень благочестивого рода, господь бог в своей великой премудрости наделил ее чудодейственными силами, и Тифен Ракнель была известна во всей Бретани еще до того, как я впервые увидел ее в Динане. Эти силы всегда служат добру, они дар господя, а не дьявола, в чем и заключается разница между белой и черной магией.

— Может быть, следовало бы послать за отцом Стефаном? — предложил сэр Тристрам.

— Было бы лучше, если бы он присутствовал! — воскликнул госпитальер.

— И захватил с собой флягу святой воды, — добавил богемский рыцарь.

— Нет, джентльмены, — ответил сэр Бертран. — Приглашать сюда священника нет нужды, мне кажется, что своей просьбой об этом вы как бы набрасываете тень или кладете пятно на доброе имя моей жены, будто все еще можно сомневаться, откуда идет ее сила — сверху или снизу. Если у вас действительно есть сомнения, прошу вас, выскажите их, чтобы мы могли все это обсудить подобающим образом.

— Если речь идет обо мне, — заявил сэр Найджел, — то я слышал из уст вашей супруги такие слова, которые убедили меня, что по красоте и доброте с ней никто не может сравниться, кроме одной женщины. Если кто-либо из джентльменов другого мнения, я сочту для себя большой честью слегка схватиться с ним или поспорить на этот счет тем способом, какой ему будет угоден.

— Не следует мне бросать тень на даму, которая и моя гостья и жена моего боевого товарища, — сказал сенешал Вильфранша. — Вдобавок я заметил на ее плаще серебряный крест, а этот знак подтверждает, что в тех странных силах, какими она, по вашим словам, обладает, нет зла.

Эти доводы решительно повлияли и на богемца и на госпитальера, и они заявили, что все их возражения окончательно исчезли, и даже леди Рошфор, которая до того сидела, дрожа и крестясь, перестала поглядывать на дверь, а ее страх сменился любопытством.

— Среди способностей, которыми наделена моя жена, — сказал Дюгесклен, — есть удивительный дар провидеть будущее; однако эта сила находит на нее очень редко и быстро исчезает, ибо ею нельзя управлять. Благословенный час прозрения, как она называет его, наступал всего лишь дважды с тех пор, как я знаю ее, но я могу поклясться, что все предсказанное ею действительно сбылось. Накануне сражения под Орейем она сообщила, что это будет несчастный день и для меня и для Карла Блуасского. Еще солнце не село, а он уже был мертв, я же стал пленником сэра Джона Чандоса. Она не на все вопросы может дать ответ, а только на те...

— Бертран, Бертран, — воскликнула леди Дюгесклен тем же далеким голосом, — благословенный час проходит. Воспользуйся им, Бертран, пока можно!

— Сейчас, любимая. Скажи тогда, какая судьба меня ожидает.

— Опасность, Бертран, неотвратимая смертельная опасность, она подползает к тебе, а ты и не знаешь.

Французский воин оглушительно расхохотался, и его зеленые глаза весело заблестели.

— В какую минуту за все двадцать лет это бы не было правдой? — воскликнул он. — Опасность — в самом воздухе, которым я дышу. Но разве она уже так близка, Тифен?

— Здесь... сейчас... совсем рядом с тобой, — запинаясь, произнесла она, и лицо ее свела судорога, точно она смотрела на что-то ужасное, от чего слова стынут на губах.

Дюгесклен обвел взглядом затянутую гобеленами комнату, щиты, столы, столик с изображениями святых, буфет с серебряными подносами и сидевших полукругом изумленных друзей. Стояла глубокая тишина, в которой слышалось только учащенное дыхание леди Тифен и легкое посвистывание ветра за стеной, вдруг донесшего до них далекий звук пастушьего рога.

— Опасность пусть подождет, — заявил он, пожав широкими плечами. — А теперь, Тифен, скажи нам, чем кончится война в Испании.

— Я вижу смутно, — ответила она, с усилием во что-то вглядываясь и хмурия лоб, словно была вынуждена напрягать зрение. — Передо мной горы, высохшие равнины, блеск оружия, воинственные клики. Но кто-то шепчет мне, что неудача принесет вам победу.

— Ха, сэр Найджел, как это вам нравится? — удивился Бертран, покачав головой. — Точно мед с уксусом — полусладко и полукисло. А вы ни о чем не хотели бы спросить мою жену?

— Конечно, хотел бы. Я желал бы узнать, достойная госпожа, как обстоят дела в замке Туинхэм и, главное, что делает моя дорогая супруга.

— Отвечая на этот вопрос, я должна коснуться рукою того, чьи мысли с силой устремлены к названному вами замку. Да, сэр Лоринг, кто-то шепчет мне, что здесь есть другой человек, он более глубоко вопрошает, чем вы.

— Упорнее меня думает о моем собственном доме? — воскликнул сэр Найджел. — Боюсь, госпожа, что в этом деле вы все же ошибаетесь.

— Нет, сэр Найджел. Подойдите сюда, молодой английский оруженосец с серыми глазами. А теперь дайте мне вашу руку и положите вот сюда, мне на лоб, чтобы я могла увидеть то, что видели вы. Какая картина встает передо мной? Туман, туман, клубы тумана, и среди них высятся квадратная черная башня. Вот он тает, утончается, поднимается вверх, и я вижу замок на зеленой поляне, неподалеку берег моря, а на расстоянии выстрела из лука большая церковь. По лугам протекают две речки, между ними стоят палатки осаждающих.

— Осаждающих? — воскликнули в один голос Аллейн, Форд и сэр Найджел.

— Да, это так, и они ведут упорную атаку на замок, ибо их огромное множество и они полны отваги. Смотрите, как они с яростью штурмуют ворота, хотя у них всего несколько лестниц, а остальные ряд за рядом осыпают стены своими стрелами. Среди них много вожаков, они кричат и машут, а один рослый человек с белокурой бородой стоит перед воротами, топает ногой и натравливает толпу, как доезжащий собак. Я вижу женщину, нет, двух, они стоят на

стене, они подбадривают лучников. Те пускают вниз тучи стрел, мечут копья, швыряют камни. А! Высокий вожак упал, остальные отступили. Но туман снова густеет, я больше ничего не вижу.

— Клянусь апостолом, — сказал сэр Найджел, — я не допускаю мысли, чтобы в Крайстчерче могли разыгаться такие события, и я совершенно спокоен за главную башню, пока моя любимая супруга вешает ключ от наружного двора в изголовье своей постели. Но не отрицаю, что вы описали замок не хуже, чем мог бы сделать я сам, и я глубоко поражен всем, что видел и слышал.

— Мне хотелось бы, леди Тифен, — заявила леди Рошфор, — чтобы вы, воспользовавшись своими особыми способностями, сказали мне, куда делся мой золотой браслет: когда я охотилась с соколом на второе воскресенье рождественского поста, он исчез без следа.

— Нет-нет, — запротестовал Дюгесклен, — не подобает растрачивать столь великую и дивную силу ради удовлетворения любопытства или на розыски в угоду даже столь прекрасной даме, как хозяйка Вильфранша. Задайте достойный вопрос, и с помощью божьей вы получите достойный ответ.

— Тогда я спрошу, — воскликнул один из французских оруженосцев, — в этой войне между англичанами и нами на чью победу можно надеяться?

— Победят обе стороны, и каждая останется при своем, — ответила леди Тифен.

— Значит, мы по-прежнему будем владеть Гасконью и Гиенью? — воскликнул сэр Найджел.

Леди Тифен покачала головой.

— Французская земля, французская кровь, французская речь. Это французские земли, и Франция их получит.

— Но не Бордо же? — взволнованно спросил сэр Найджел.

— Бордо тоже часть Франции.

— Ну, а Кале?

— И Кале тоже.

— Пусть я тогда буду проклят, и пропади они пропадом, эти предсказания! Если от нас уйдут Бордо и Кале, что же останется Англии?

— В самом деле, кажется, вашу страну ждут плохие времена, — заметил Дюгесклен. — При самых смелых наших планах мы не помышляли о Бордо. Клянусь святым Ивом, эта новость согрела мое сердце. Значит, наша дорогая родина действительно станет в будущем великой, да, Тифен?

— Великой, богатой и прекрасной! — воскликнула она. — Еще вижу, как в далеком грядущем она ведет народы, своенравная королева среди других стран, великая на полях сражений, но еще более великая в дни мира, быстро мыслящая и искусно действующая, чей единственный государь — суверенная воля ее народа от песков Кале до синих южных морей.

— Ха! — воскликнул Дюгесклен, и его глаза вспыхнули торжеством. — Вы слышите, что она говорит, сэр Найджел? А она никогда не произнесла до сих пор ни слова неправды.

Английский рыцарь угрюмо покачал головой.

— А что же будет с моей бедной страной? — спросил он. — Боюсь, что возвещенное вами сулит ей мало хорошего.

Леди Тифен сидела, приоткрыв губы, тяжело дыша.

— Боже мой! — воскликнула она. — Как понять то, что мне открывается? Откуда они, эти народы, эти горделивые нации, эти мощные государства, что встают предо мной? Я смотрю на них, а за ними возникают другие, и еще, еще до самых дальних вод. Они движутся, они толпятся! Весь мир отдан им, полон стуком их молотов и звоном их колоколов. Они называются разными именами и управляются по-разному, но все они англичане, ибо я слышу голоса одного народа. Я переношусь за моря, куда человек еще никогда не плавал, и я вижу огромную страну под другими звездами и чужое небо, и все-таки это Англия. Где только ее

сыны не побывали! Чего только они не совершали! Ее флаг вмерз в лед. Ее флаг обожжен солнцем. Она лежит за другими землями, и ее тень осеняет моря. Бертран! Бертран! Мы погибли, ибо побеги от ее побегов не уступают нашим изысканнейшим цветам.

Ее голос перешел в отчаянный вопль, она воздела руки и снова опустилась в глубокое дубовое кресло, бледная и обессиленная.

— Кончилось, — с досадой сказал Дюгесклен, приподняв сильной смуглой рукой ее поникшую голову.

— Принесите вина для дамы, оруженосец! Благословенный час прозрения миновал.

Глава XXX

Как мужики из леса проникли в замок Вильфранш

Было уже поздно, когда Аллейн Эдриксон, подав сэру Найджелу кубок вина с пряностями, который тот имел обыкновение выпивать перед отходом ко сну, после завивки волос, наконец вернулся к себе. Его комната, выложенная каменными плитами, была на втором этаже. Аллейну отвели кровать в алькове, а рядом стояли две походные койки, и на них уже сладко храпели Эйлвард и Хордл Джон. Юноша только успел стать на колени, чтобы прочесть вечерние молитвы, как вдруг кто-то тихо постучал, и в покой вошел Форд, неся светильник. Лицо его было смертельно-бледным, а рука так сильно дрожала, что по стене запрыгали тени.

— Что случилось, Форд? — спросил Аллейн, вскочив на ноги.

— И сам не знаю, — ответил Форд, присаживаясь на край постели и опустив голову на руку, — не знаю, что сказать и что подумать!

— Значит, с тобой что-то случилось?

— Да, хотя, быть может, это лишь игра моего воображения. Одно только могу сказать, я очень взволнован и весь напряжен, ну как тетива. Выслушай меня, Аллейн! Ты, вероятно, не забыл малютку Титу в Бордо, дочь живописца по стеклу?

— Я ее отлично помню.

— Так вот, Аллейн, мы с ней разломали пополам монетку — на счастье, и она носит мое кольцо на пальце. «Саго мю, — молвила она мне на прощание, — я буду всегда рядом с тобой в боях, и твои опасности будут моими!» Аллейн, вот истинная правда, говорю, как перед богом, моим защитником, когда я поднимался по лестнице, я увидел ее: она стояла передо мной, лицо ее было залито слезами, а руки протянуты вперед, словно она предостерегала меня. Я видел ее, Аллейн, так же ясно, как вижу вот этих двух лучников. Казалось, кончики наших пальцев вот-вот соприкоснутся, но вдруг ее образ начал бледнеть и растаял, как утренняя дымка в лучах солнца.

— Я бы не стал придавать этому такого значения, — принялся успокаивать товарища Аллейн. — Наши чувства часто обманывают нас, и, по-видимому, слова леди Тифен Дюгесклен нас потрясли, подействовали на наше воображение.

Форд задумчиво покачал головой.

— Нет, она стояла передо мной, как живая. Ну точно мы снова встретились с ней в Бордо на улице Апостолов. Однако час уже поздний, пора ложиться.

— А где твоя комната?

— Как раз над твоей. Да хранят нас святые угодники!

Поднявшись с постели, он вышел из комнаты, и Аллейн слышал его шаги по винтовой лестнице. Юноша подошел к окну и залюбовался озаренным луной пейзажем, но из головы у него не выходила леди Тифен и ее странные слова о событиях в Туинхэмском замке. Облокотясь о каменный подоконник, он погрузился в глубокое раздумье; внезапно нечто странное привлекло его внимание и вернуло к окружающей действительности.

Окно, у которого он стоял, находилось неподалеку от главной башни. Замок был опоясан крепостным рвом, в воде которого плавала луна, то ясная и круглая, то продолговатая, когда от ветерка вода подергивалась рябью. За рвом лежала равнина, полого спускавшаяся к густому лесу, а поодаль, слева, другой лес стеной заслонял горизонт. Между ними тянулась прогалина, посеребренная луной, а на нижнем ее конце поблескивал изгиб ручья.

Глядя на открывшуюся перед ним картину, Аллейн вдруг заметил, что из дальнего леса на прогалину вышел какой-то человек; он крался, втянув голову в плечи, пригнувшись к земле, как видно, стараясь, чтобы его не заметили. Подойдя к опушке второго леса, он огляделся по сторонам, помахал кому-то рукой, присел и уполз в заросли дрока. Следом за ним из дальнего леса вышел другой человек, затем третий, четвертый, пятый — и все они, также крадучись, быстро пересекали освещенную луной луговину, затем скрывались в чаще кустарника. Аллейн насчитал семьдесят девять темных фигур, мелькнувших в свете луны. Многие из них несли на спине большие тюки, однако за дальностью расстояния Аллейн не мог определить, что именно это было. Так они и переходили один к другому, стараясь остаться незамеченными, из

дальнего леса в ближний, пока черная щетина кустарника не поглотила последнего из них.

Юноша еще с минуту постоял у окна, глядя на безмолвный лес и недоумевая, кто же они, эти ночные ходоки, как вдруг ему пришло на ум поделиться своими опасениями с Эйлвардом, который, разумеется, лучше его разберется во всем этом. Едва он прикоснулся к плечу товарища, как тот мгновенно вскочил и схватился за меч.

— Qui va? Holà, mon petit! Клянусь эфесом, я подумал, что на нас напали среди ночи! Что случилось, mon gar?

— Подойдите к окну, Эйлвард, — попросил Аллейн, — я видел только что, как из дальнего леса вышли восемьдесят человек с тюками на спине и пересекли прогалину. Кто они, как вы думаете?

— Да тут нечего и думать, дружок! Здесь, во Франции, столько же бездомных бродяг, сколько у нас кроликов на Кодри-Даун. Большинство этих людей отваживается вылезать из своих убежищ только ночью, а покажись они среди бела дня, так сразу же заплесали бы на виселице! На границах Франции бродят целые шайки разбойников, грабителей, воров и взломщиков, вот и эти вернее всего из них. Меня удивляет только одно — как они осмелились подойти так близко к замку сенешала. Впрочем, никого уже не видно, сейчас все спокойно, — добавил он, внимательно окидывая взором окрестность.

— Они укрылись в чаще, — заметил Аллейн.

— Ну, пусть там и остаются. А мы с тобой ляжем спать, клянусь эфесом, теперь каждому дню — своя забота. Разумеется, не мешает, если находишься в незнакомом месте, запереть дверь на засов. Вот так!

Воин бросился на койку и через минуту уже крепко спал. Было около трех часов утра, когда Аллейн, забывшийся тревожным сном, внезапно проснулся от негромкого вскрика или восклицания. Он прислушался, однако звук не повторился, и, решив, что это была всего лишь переключка часовых на стенах замка, он успокоился и задремал; но несколько минут спустя его сон снова был нарушен: у двери послышался легкий скрип, кто-то, казалось, осторожно налегает на нее, пробуя открыть. Затем юноша услышал тихий звук шагов на лестнице, кто-то поднимался вверх, и вдруг раздался смутный шум и сдавленный стон. Аллейн сел на постели в полном смятении, теряясь в догадках и спрашивая себя: что же происходит? Может быть, просто занемог лучник и к нему позвали лекаря, а может быть, здесь разыгрываются какие-то зловещие события? Но какая опасность угрожает им в этом укрепленном замке, охраняемом прославленными воинами, окруженном высокими стенами и широким рвом? Да и кому нужно причинять им вред? Юноша было убедил себя, что эти страхи совершенно необоснованны, как вдруг глаза его увидели нечто такое, от чего кровь застыла в жилах и перехватило дыхание, а руки судорожно вцепились в одеяло.

Прямо перед ним было окно, и в него лились потоки лунного света, но внезапно что-то на миг заслонило свет, и, приглядевшись, Аллейн увидел, что снаружи медленно качается из стороны в сторону, как бы подсакивая, голова человека, чье лицо обращено к нему. Даже при неясном свете в этом окровавленном, изуродованном, искаженном лице нельзя было не узнать его юного товарища-оруженосца, еще недавно сидевшего у него на постели. С криком ужаса Аллейн бросился к окну, а разбуженные этим криком лучники тоже вскочили с коек и в полной растерянности озирались вокруг. Да, юноша убедился, что опасения его были не напрасны. Его зверски убитый, жестоко изувеченный несчастный друг был выброшен из верхнего окна на веревке, стянувшей ему шею, и тело его, которое теперь мерно раскачивал ветер, ударялось о стену, а изуродованное лицо словно заглядывало в окно.

— Боже мой! — воскликнул Аллейн, дрожа всем телом. — Что это за ужас? Кто совершил это злодеяние?

— Я вижу, удары нанесены камнем и сталью, — бесстрастно сказал Джон. — Давай сюда лампу, Эйлвард! Этот лунный свет слишком размягчает сердце человека. Широко раскройте глаза, данные вам богом, и смотрите!

— Клянусь эфесом! — воскликнул Эйлвард, когда колеблющийся свет пламени упал на окно. — Это и вправду наш молодой господин Форд! И сдается мне, что тут поработал сенешал, подлый негодяй, он не осмеливается напасть на нас днем, а ночью подкрадывается и убивает своих гостей во сне. Клянусь тетивой! Не быть мне Сэмкином Эйлвардом из Белого отряда, если я не проткну его сердце своей стрелой.

— Нет, Эйлвард, вернее, что сенешал здесь ни при чем, — вмешался Аллейн, — вспомните о

ночных бродягах, которых я видел, может быть, кое-кто из их шайки проник в замок. Я должен, пока не поздно, предупредить сэра Найджела о грозящей нам опасности. Отпустите меня, Эйлвард, мое место возле него!

— Подождите минутку, *mon gar*, нацепи этот шлем на конец моего лука. Вот так! Приотвори дверь, мы сперва просунем в нее шлем: выходить в полной темноте, когда не знаешь, что тебя ждет за дверью, отнюдь не безопасно. Ну, друзья, мечи из ножен и стойте наготове! *Hola!* Клянусь эфесом! Настало время действовать!

Едва он произнес эти слова, как в замке поднялась невообразимая суматоха, раздался истошный женский крик, топот ног, затем послышался резкий лязг оружия и рев, подобный реву разъяренного льва:

— Богоматерь Дюгескленская, святой Ив, святой Ив!

Отдернув засов, лучник просунул в дверь шлем, надетый на лук. Тотчас же раздался сильный удар, и шлем со звоном покатился по полу; но прежде чем стоявший за дверью успел снова занести руку, его тело было насквозь пронзено мечом Эйлварда.

— Скорей, *camarades*, скорей! — крикнул он и, отшвырнув двоих, преградивших ему путь, побежал по коридору, в ту сторону, откуда доносился крик и шум.

Сделав два крутых поворота, они очутились на площадке невысокой лестницы и посмотрели вниз — туда, где шла схватка. Они увидели квадратную прихожую с дубовым полом, в которую выходили двери парадных комнат для гостей. В этой прихожей было светло, как днем, ибо факелы горели во всех настенных подфакельниках; украшавшие их клыкастые или рогатые головы отбрасывали призрачные тени. В двух шагах от лестницы, на пороге открытой двери в спальню, лежали сенешал и его супруга; у нее была отрублена голова, мужа проткнули насквозь острым колом, который торчал из его тела с двух сторон. Здесь же лежали трупы трех слуг сенешала — истерзанные, покрытые грязью. Как будто их волочила по земле стая волков. Против двери в главную комнату для гостей — полуодетые, без доспехов — стояли Дюгесклен и сэр Найджел, и глаза их сверкали неистовой жадью боя. Их головы были откинута назад, губы сжаты, левая нога выставлена вперед, окровавленные мечи подняты к правому плечу. На полу перед рыцарями лежали три убитых ими врага, а четвертый истекал кровью и корчился в предсмертных муках. Чуть поодаль сбились в кучу, точно листья на ветру, какие-то одичавшие существа — босые, с голыми до плеч руками, худые заросшие, их свирепые, озверевшие лица и ввалившиеся глаза выражали лютую ненависть. Слыша их вопли, глядя на их всклокоченные волосы, сверкающие зубы, нелепые, судорожные движения, Аллейн решил, что они скорее похожи на духов ада, чем на людей из плоти и крови. С хриплым воем они бросались на двух стоявших у двери рыцарей, налетая с размаху на выставленные острия их мечей; не обращая внимания на раны, они истступленно вцеплялись в противников, царапали их, кусали, одержимые одним желанием — повалить их наземь. И действительно, они сбили с ног сэра Найджела, а сэр Бертран, издав свой оглушительный воинственный клич, все еще стоял, размахивая тяжелым мечом и заслоняя рыцаря, чтобы тот мог встать. Вдруг в воздухе просвистели две длинных английских стрелы, по лестнице ринулись вниз оруженосец и два лучника, и это сразу изменило ход схватки. Нападающие отступили, рыцари бросились вперед, и прихожая быстро была очищена от врагов; Хордл Джон сбросил последнего с крутой лестницы, которая вела из прихожей вниз.

— Стойте! — воскликнул Дюгесклен. — Мы погибли, если разделимся! Я лично не дорожу своей жизнью — хоть и обидно погибнуть от рук этого сброда, — но со мною здесь моя дорогая супруга, а ее жизнь я не могу подвергать опасности. У нас есть теперь возможность немного передохнуть, подумаем, сэр Найджел, как нам выпутаться из беды.

— Клянусь апостолом, — отозвался сэр Найджел, — я никак не возьму в толк, что тут произошло; меня разбудил ваш клич, я вскочил и попал в самый разгар этого маленького сражения. Бедная леди, бедный сенешал! Кто они, эти псы, совершившие такое черное дело?

— Какое-то мужичье из лесной чащи. Они завладели замком, хотя, как им это удалось, не знаю. Посмотрите в окно.

— Силы небесные! — воскликнул сэр Найджел. — От факелов светло, как днем! Ворота открыты, и во дворе собралось не меньше трех тысяч человек. Они мечутся, орут, чем-то размахивают! Они что-то проталкивают через боковую дверь! Господи, да ведь это ратник, они рвут его на части, как собаки волка! Убили еще одного! Еще! Замок в их руках, они уже ворвались, я вижу в окнах их лица. Смотрите, некоторые несут на спинах огромные тюки.

— Это хворост из леса. Они складывают его у стен и поджигают. А кто этот человек, который

пытается их остановить? Клянусь святым Ивом, это наш добрый священник, он и ходатайствовал за них! Вот он опустился на колени, он молится, упрашивает? Что? Негодяи, неужели вы не пощадите того, кто был вам другом! О, палач ударил его! Он упал! Они топчут его ногами! Сорвали рясу и размахивают ею! Смотрите, языки пламени уже лижут стены! Разве не осталось никого, кто помог бы нам? Да, с сотней воинов мы, вероятно, выстояли бы.

— Если бы здесь был мой отряд! — воскликнул сэр Найджел. — А где же Форд, Аллейн?

— Его зверски убили, милорд!

— Царство ему небесное! Мир праху его! Но вот идут те, кто мог бы дать полезный совет, — отсюда опасно двинуться без провожатого.

Оруженосец-француз и богемский рыцарь сбежали по лестнице, у рыцаря текла кровь из раны на лбу.

— Все пропало! — крикнул богемец. — Сенешал убит, замок в огне, мы уже ничего не можем сделать.

— Наоборот, — отозвался сэр Найджел, — можно еще многое сделать, ведь перед нами почетная задача — здесь прекрасная дама, за которую надо отдать жизнь. Есть разные пути к смерти, но этот самый достойный.

— Не можете ли вы объяснить нам, Годфруа, — обратился Дюгесклен к оруженосцу-французу, — каким образом эти люди проникли в замок и есть ли у нас надежда на спасение. Клянусь святым Ивом, если мы будем медлить и не примем какого-нибудь решения, нас изжарят, как птенцов в гнезде под крышей.

Оруженосец, крепкий, загорелый юноша, заговорил решительно и уверенно, как человек, привыкший действовать быстро.

— Тут есть подземный ход, — ответил он, — несколько мужиков прошли по нему в замок и отворили ворота для остальных. У них был сговор с кем-то из здешних слуг, а ратники напились. Очевидно, эти дьяволы незаметно прокрались из комнаты в комнату и перерезали им горло своими ножами. Госпитальера сэра Амори, который выскочил из своей спальни раньше нас, зарубили топором. Наверное, только мы и остались в живых.

— Что же вы посоветовали бы?

— Пробраться в главную башню. Ею пользуются только в военное время, а ключ висит на поясе лорда, моего несчастного господина.

— Здесь два ключа.

— Надо взять больший. Когда мы попадем в башню, можно будет надеяться, что мы удержим узкую лестницу; во всяком случае, в башне стены толще и спалить их не так легко. Если нам удастся пронести леди через двор, может быть, мы и спасемся от гибели.

— Обо мне не беспокойтесь, леди имеет кой-какой опыт в войне, — сказала Тифен, выйдя вперед, бледная, серьезная и такая же невозмутимая, как обычно. — Я не буду вам обузой, дорогой мой муж и доблестный друг. Можете не сомневаться. А на худой конец у меня есть вот это, — заявила она и вытащила из-за пазухи небольшой кинжал с серебряной рукояткой, — и мне не страшны эти низкие кровожадные негодяи.

— Тифен! — воскликнул Дюгесклен. — Я всегда горячо любил вас, а сейчас, клянусь святой девой Реннской, сейчас люблю сильнее, чем когда-либо! Если бы я не знал, что ваша рука столь же крепка, как ваши слова, я бы сам убил вас, чтобы вы не попали в руки негодяям. Ведите нас Годфруа! И еще одна золотая дароносица засияет в Динанском соборе, если мы выберемся отсюда целы и невредимы.

Бунтовщики, позабыв о своих врагах, оставшихся в живых, увлеклись грабежом; их возгласы и радостное гиканье разносились по всему замку, когда они тащили оттуда богатые тканые ковры, серебряные фляги, дорогую мебель с резьбой. Полуодетые бедняки, руки и ноги которых были измазаны кровью, расхаживали внизу во дворе, напялив на головы шлемы с плюмажем, а за ними по земле волочились пояса от шелковых платьев леди Рошфор, которыми они обвязывали себя вокруг бедер. Выкатив из погребов бочонки изысканных вин, умирающие от голода крестьяне, присев на корточки, глотали кружка за кружкой выдержанные напитки, которые де Рошфор припас для особо именитых гостей и лиц королевского дома. Иные, нацепив на пики свинину или куски вяленого мяса, совали их в

огонь или жадно рвали зубами. Однако нельзя было сказать, чтоб они вовсе не сохраняли порядок, ибо сотни крестьян, снаряженных получше, стояли, опершись на свое незамысловатое оружие, и молча смотрели на пламя, которое уже целиком охватило одну стену замка. Едкий дым от горящего дерева клубился в накаленном воздухе, и Аллейн слышал теперь треск и рев огня.

Глава XXXI

Как пять человек удержали замок Вильфранш

Оруженосец-француз провел небольшой отряд через два узких коридора. Первый был пуст, доступ во второй преграждал часовой-крестьянин, который при виде смельчаков отпрянул в испуге, пронзительным воплем сзывая товарищей.

— Заткни ему глотку, не то нам конец! — крикнул Дюгесклен, бросаясь вперед, и тут, словно струна арфы, прозвенела тетива Эйлварда, и страж упал лицом вниз, судорожно дергая ногами и стискивая пальцы рук. В нескольких шагах от него была узкая, боковая калитка во двор замка. Со двора доносилось такое улюлюканье и гиканье, такие свирепые проклятия и не менее свирепый смех, что даже очень смелый человек не рискнул бы перешагнуть через ненадежный барьер, отделявший их от толпы.

Однако Дюгесклен шепотом сурово и властно приказал:

— Оба лучника идут впереди, дама — между двумя оруженосцами, а мы, трое рыцарей, будем защищать их с тыла и отбивать нападающих сзади. Все! Теперь отворяйте калитку, и да хранит нас бог!

Сначала казалось, что они беспрепятственно достигнут цели, так быстро и бесшумно они шли. Они пересекли уже половину двора, когда кричавшие во весь голос крестьяне сделали попытку их остановить. Несколько человек, преградивших им путь, были уничтожены или отброшены, а преследователей отбили своим оружием три доблестных воина; здоровые и невредимые, они добрались до входа в башню, повернулись лицом к толпе, и оруженосец сунул громадный ключ в замок.

— Боже мой, не тот ключ! — воскликнул он.

— Не тот ключ?

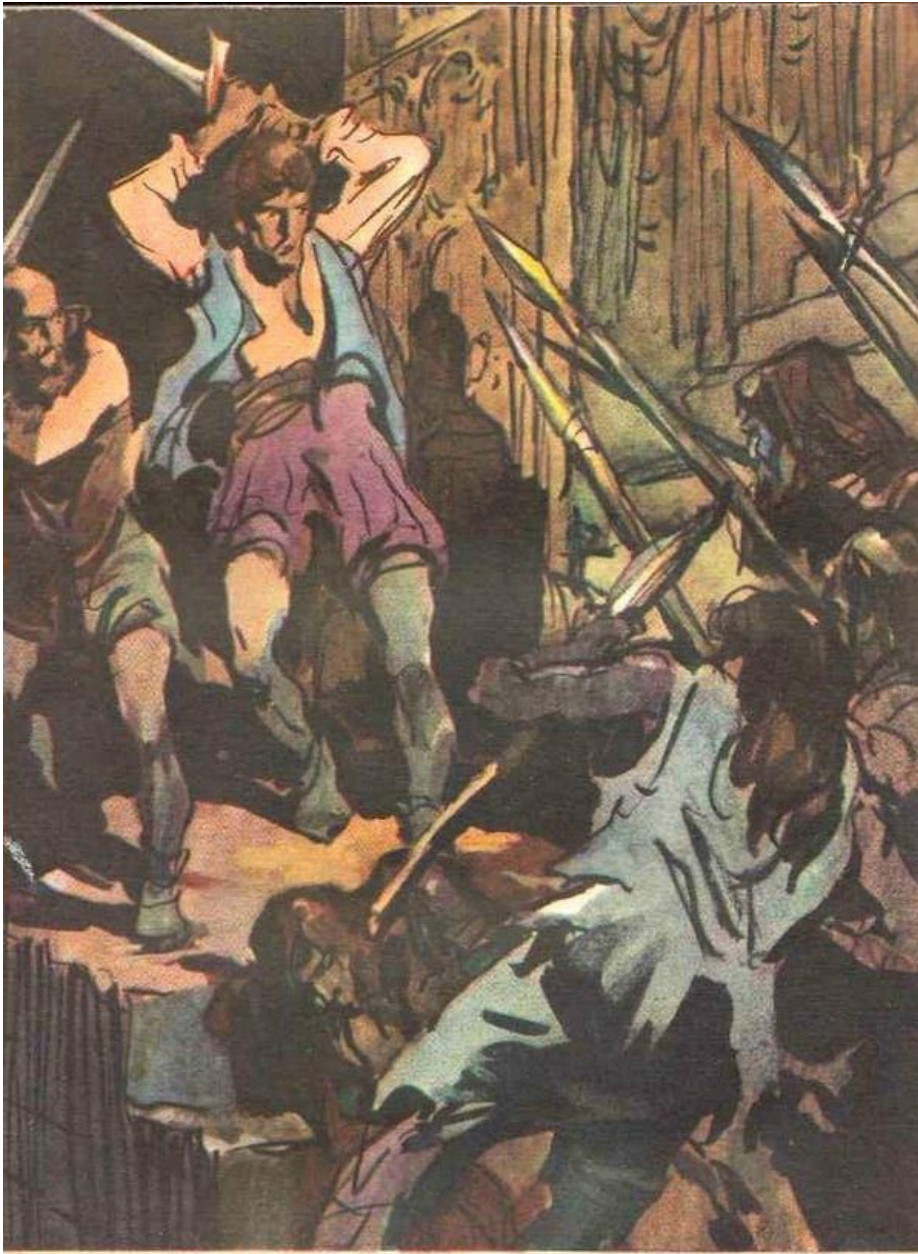
— Олух, болван я! Это ключ от ворот замка; башню открывает другой. Я принесу его!

Он повернулся и готов был в своем безрассудстве отправиться за ключом, но в этот миг громадный камень, брошенный дюжим крестьянином, ударил его по уху, и он без чувств упал наземь.

— Вот такой ключ мне и нужен! — воскликнул Хордл Джон, поднял камень и со всего размаха кинул в дверь.

Замок разбился, дерево раскололось, камень разлетелся на несколько кусков, но железные скобы удержали дверь на месте. Хордл Джон наклонился, сунул свои гигантские пальцы под дверь и, натужась, снял с петель эту громаду из дерева и железа. Несколько мгновений она качалась, потом рухнула, похоронив его под обломками, а товарищи ринулись в темный сводчатый проход, который вел к спасению.

— Вверх по лестнице, Тифен! — крикнул Дюгесклен. — А теперь, друзья, повернем и отбросим их назад.

Толпа крестьян ринулась за ними, но два самых надежных клинка в Европе сверкнули на этой лестнице, и четверо преследователей упали у порога. Остальные отошли и столпились полукругом у открытой двери, скрежеща зубами и грозя кулаками защитникам крепости. Крестьяне оттащили тело француза и изрубили его на части. Трое или четверо извлекли Джона из-под обломков, он тут же вскочил на ноги и, схватив каждой рукой по человеку, с такой силой столкнул их лбами, что они замертво повалились друг на друга. Пинками и затрещинами он отбил от вцепившихся в него двух других и через минуту стоял уже в проходе вместе со своими товарищами.

И все же положение защитников было почти безнадежным. Жажда мести привела сюда крестьян из далеких и близких мест, и теперь уже за стенами и внутри замка Вильфранш собралось не менее шести тысяч человек. Плохо вооруженные, голодные и измученные, эти люди, которых больше не пугала никакая опасность, сражались отчаянно: лучше умереть, чем цепляться за такую безрадостную жизнь! Они захватили замок, и ревущее пламя пожара вырывалось из окон и полыхало в небе над башенками, высившимися по двум сторонам четырехугольного двора. Они бежали из комнаты в комнату, из бастиона в бастион, устремляясь к главной башне. Шестеро мужчин и одна женщина оказались в кольце огня, перед целой армией; однако иные из этих мужчин были столь многоопытны в военном искусстве и так привычны к опасностям, что предстоящая схватка не была столь неравной, как можно было предположить. Многочисленным врагам и их ярости противостояли бесстрашие и изобретательность. Картину гибели зловеще освещали огромные оранжевые полотнища бушующего огня.

— Больше чем двоим на ступеньке с оружием не встать, — сказал Дюгесклен. — Становитесь со мною на нижнюю, Найджел. Нынешней ночью Франция и Англия сражаются бок о бок. А вас, сэр Отто, прошу занять позицию позади нас, рядом с молодым оруженосцем. Лучники пусть поднимутся еще выше и стреляют через головы стоящих впереди. Жаль, что мы без доспехов, Найджел!

— Дорогой сэр, Джон Чандос сколько раз говорил мне, что рыцарь не должен с ними расставаться даже тогда, когда отправляется в гости. Но больше чести, если мы обойдемся без доспехов. У нас есть преимущество — на врагов падает свет, тогда как нас едва видно. Кажется, они готовятся к атаке.

— Хорошо бы, атака была не слишком серьезной, — сказал богемец, — потому что огонь может вызвать к нам подмогу, если только найдется кому помогать.

— Вспомните, достойный лорд, — обратился Аллейн к сэру Найджелу, — мы никогда не причиняли вреда этим людям, и у нас нет причин для раздоров с ними. Может, нам, хотя бы ради спасения госпожи, честно поговорить с ними и выяснить, нельзя ли на почетных условиях заключить мир.

— Ни за что, клянусь апостолом! — воскликнул сэр Найджел. — Я не унижу своего достоинства и никогда не дам повода для толков, будто я, английский рыцарь, вступил в переговоры с людьми, которые убили благородную даму и благочестивого священника.

— Это все равно, что вести переговоры со стаей свирепых волков, — подхватил французский воин. — Богоматерь Дюгескленская! Святой Ив! Святой Ив!

Как только прогремел его боевой клич, люди, столпившиеся у темной арки возле двери, с неудержимой силой устремились вперед, чтобы овладеть лестницей. Их вожаками были невысокий смуглый мужчина с бородой, заплетенной в две косички, и другой, покрупнее, очень сутулый, который держал в руке здоровенную, утыканную острыми гвоздями дубинку. Первый не сделал и трех шагов, как стрела, пущенная Эйлвардом, вонзилась ему в грудь, и он, кашляя и брызгая слюной, свалился у порога. Второй вырвался вперед, втиснулся между Дюгескленом и сэром Найджелом и одним ударом своего увесистого оружия размозжил голову богемцу. Крестьянин не остановился, он рвался вперед, хотя его прокололи уже тремя мечами; все же смерть настигла его на лестнице. Следом за ними хлынула сотня разъяренных мятежников, которые с неудержимым упорством все вновь и вновь бросались на пять отбивавших их мечей. Клинки вонзались, разили, прокалывали с быстротой молнии, так что глаз едва успевал следить за ними. Вход был завален телами, каменный пол стал скользким от крови. Низкий голос Дюгесклена, тяжелое, свистящее дыхание наседающей толпы, звон стали, падение тел, крики раненых — весь этот хаос звуков еще много лет спустя нарушал порой сон Аллейна. Наконец нехотя, угрюмо крестьяне отступили, свирепо оглядываясь, оставив одиннадцать трупов, лежавших кучей перед лестницей, которой так и не удалось завладеть.

— Псы получили по заслугам! — воскликнул Дюгесклен.

— Клянусь апостолом, среди них, видно, есть весьма достойные и мужественные люди! — заметил сэр Найджел. — Будь они более знатного рода, они достигли бы немалых успехов и почестей. Но, кто бы они ни были, встреча с ними доставила мне большое удовольствие. Однако что они тащат?

— Я этого и боялся! — прорычал Дюгесклен. — Они хотят выкурить нас отсюда огнем, если не удалось прорваться. Ни одной промашки, лучники! Клянусь святым Ивом, от наших добрых мечей теперь мало толку!

Человек десять — двенадцать ринулись вперед, каждый заслонясь огромной охапкой валежника. Свалив в кучу свой груз у дверей, они бросили на нее горящие факелы. Дрова были политы маслом и мгновенно вспыхнули; длинные, шипящие языки желтого пламени взвились над головами защитников крепости, вынудив их отойти на второй этаж. Но едва они туда добрались, как оказалось, что деревянные балки и доски настила уже горят. Упав на высохший, источенный червями пол, искра превращалась в тлеющий огонек, а тлеющий огонек — в жаркое пламя. Воздух наполнился едким дымом, и пятеро смельчаков с трудом пробившись к лестнице, которая вела на самый верх квадратной башни.

Удивительная картина открылась им с этой высоты. Куда ни глянь, до самого горизонта раскинулся мирный край; волнистые долины, дремучие леса — все вокруг было мягко и нежно посеребрено луной. Не видно было ни огонька, ни какого-либо движения, никаких признаков возможной человеческой помощи, только где-то далеко в холодном воздухе то слабее, то

громче гудели удары тяжелого колокола. Внизу полыхало огромное яркое пламя, бушевавшее вокруг замка со всех сторон; две угловые башенки с оглушительным треском рухнули на их глазах, а сам замок казался теперь какой-то бесформенной грудой: из каждого его окна, из каждой амбразуры выбивался огонь и валил дым. Среди этого моря огня, словно последний островок, высилась черная, массивная башня, на которой они стояли, но зловещий рев и свист пламени внизу показывали, что скоро и от нее останутся только руины. У самого основания лежал квадратный замковый двор, набитый кричащими и пляшущими крестьянами; опьяненные пролитой кровью и жадой мести, они подняли свирепые лица и угрожающе размахивали кулаками. Когда они увидели своих последних врагов, которые еще остались в живых и смотрят на них с высоты башни, раздался неистовый взрыв брани, криков и злобного смеха. Они продолжали обкладывать основание башни валежником и, взявшись за руки начали плясать вокруг пылающего костра, выкрикивая бессмысленные слова, которые в течение долгого времени служили призывным кличем жакерии:

Перестаньте, ратники и стражники, Обирать мужика-простака! Жан-простак с давних времен зовется он.

Их высокие, пронзительные голоса заглушали рев пламени и треск кирпичной кладки, казалось, это воют волки, которые видят перед собой добычу и знают, что теперь уже скоро ее настигнут.

— Клянусь эфесом, — сказал Эйлвард Джону, — сдается мне, что не видать нам Испании в этом походе. Я очень рад, что свою перину и ценные вещи пристроил у достойной женщины в Линдхерсте, пусть они ей и достанутся. Но у меня все-таки есть еще тринадцать стрел, и клянусь тетивой, если хоть одна пролетит мимо цели, я заслужил свою гибель! Первую — в того, кто размахивает шелковым платьем миледи. Попал, слава тебе, господи, хоть и на ладонь ниже, чем метил. Теперь в того негодя — на пике у него отрубленная голова. Ага! Прямо в точку, Джон. Да и ты не зеваешь, Джон! Негодай свалился прямо в огонь! Но прошу тебя, Джон, пускай стрелу мягко и отучись дергать тетиву, такая привычка пошла не впредь многим хорошим стрелкам.

Пока оба лучника без промаха стреляли в толпу, Дюгесклен, его жена и сэр Найджел совещались о том, как избежать уготованной им страшной участи.

— Станный конец для человека, который уцелел в стольких жарких боях, — сказал французский воин. — Мне-то все равно, какой смертью умереть, но сердце разрывается, как подумаю, что ее должна разделить моя дорогая супруга!

— Что ты, Бертран, ведь и я не боюсь смерти. Мое единственное желание — умереть вместе с тобой!

— Достойный ответ, прекрасная дама! — воскликнул сэр Найджел. — Я уверен, что и моя жена ответила бы так же. Мне по крайней мере выпало счастье жить в такие времена, когда можно завоевать немалую славу и встретиться со многими доблестными рыцарями и джентльменами. Но что случилось, почему ты дергаешь меня за рукав, Аллейн?

— Простите, достойный лорд, но вон в том углу две огромные железные трубы и много тяжелых шаров, видно, это те самые бомбарды, про которые я слышал.

— Клянусь святым Ивом, ты прав! — воскликнул сэр Бертран, шагнув в нишу, где стояли неуклюжие машины. — Это действительно бомбарды, к тому же внушительных размеров. Мы можем выстрелить вниз.

— Это из них-то стрелять? — откликнулся Эйлвард с презрением, ибо неминуемая опасность уничтожает все сословные различия. — Как же целиться из этих дурацких игрушек, и разве они могут причинить вред?

— Я покажу вам, как, — ответил сэр Найджел, — ведь тут еще большой ящик с порохом, и если ты, Джон, поднимешь его, я покажу, что надо делать. Иди сюда, вон там вокруг огня собралась самая густая толпа. А теперь, Эйлвард, наклони голову и посмотри на то, что люди считали бабушкиными сказками, когда мы только принялись за военную науку. Сними крышку, Джон, и бросай ящик прямо в огонь!

Раздался оглушительный грохот, вспыхнуло голубоватое пламя, огромная четырехугольная башня дрогнула и затряслась до самого основания, раскачиваясь, как тростник на ветру. Защитники крепости, ошеломленные, оглушенные, вцепились, чтобы не сорваться, в треснувший парапет и смотрели на летевшие мимо них огромные камни, горящие балки, искалеченные тела. Когда они наконец стали на ноги, то обнаружили, что башня покосилась,

а сами они с трудом удерживают равновесие на покатой площадке. Поглядев вниз, они увидели, какие ужасные разрушения причинил взрыв. Земля у ворот на протяжении сорока ярдов была черна от корчившихся в предсмертных муках, вопящих людей, которые судорожными усилиями пытались подняться, но падали снова, металась, обожженные и ослепленные, в горящей, изодранной одежде. Их товарищи, находившиеся за этим кольцом смерти, потрясенные и сбитые с толку, согнувшись, отступали от черной башни и от непобедимых людей наверху, оказавшихся наиболее опасными, когда они меньше всего могли надеяться на спасение.

— На вылазку, Дюгесклен, на вылазку! — крикнул сэр Найджел. — Клянусь апостолом, они не знают, на что решиться, и какой-нибудь смельчак может заставить их повернуть обратно.

С этими словами он выхватил меч из ножен и стал спускаться по витой лестнице, а за ним и четверо остальных. Но, дойдя до второго этажа, он остановился, воздев руки.

— Mon Dieu! — воскликнул он. — Мы погибли!

— Что там еще? — спросили шедшие следом.

— Стена рухнула, лестницу завалило, а внизу все еще бушует огонь. Клянусь апостолом, мы доблестно сражались, друзья, и можем без ложной скромности сказать, что с честью выполнили свой долг, а теперь вернемся к леди Тифен и прочитаем молитвы, ибо мы сыграли свою роль в этом мире и время готовится к переходу в мир иной.

Узкий проход был загроможден глыбами камней, беспорядочно наваленных одна на другую, а из щелей между ними поднимался удушливый сизый дым. Взрыв разрушил стену и отрезал их от единственной лестницы, по которой можно было спуститься. Защитники крепости были заперты на высоте сотни футов над землей. Под ними, словно в раскаленном горниле, металось пламя, а вокруг неистовствовала толпа, жаждавшая их крови, — казалось, из такого положения нет и не может быть выхода. Медленно возвращались они наверх, а когда пришли, леди Тифен бросилась к мужу и схватила его за руку.

— Бертран, — сказала она, — подожди! Я слышала голоса людей, они пели хором на незнакомом языке.

Все стояли молча, затаив дыхание, но, кроме рева пламени и крика врагов, не доносилось ни звука.

— Этого не могло быть, дорогая, — сказал Дюгесклен, — сегодняшняя ночь измучила тебя, и это обман чувств. Откуда взялись в этих краях людям, которые пели бы на незнакомом языке?

— Holà! — воскликнул Эйлвард и вдруг подскочил с радостным выражением лица, размахивая руками. — Мне почудились голоса еще до того, как мы спустились, а теперь я слышу их ясно. Мы спасены, друзья! Клянусь моими десятью пальцами, мы спасены. Это боевая песня Белого отряда. Тише!

Подняв указательный палец и склонив голову, он весь превратился в слух. Откуда-то из темноты, все нарастая, долетели густые звуки бодрой хоровой песни. Никогда самые нежные и прелестные мелодии Прованса или Лангедока так не ласкали слух этих шестерых людей, как грубая сакская песня, которую они слушали на башне горячей крепости, ловя каждое слово:

Пью от души теперь яЗа гусиные серые перьяИ за родину серых гусей.

— Эй, клянусь эфесом, — заорал Эйлвард, — да ведь это старая, славная песня лучников Белого отряда! Сюда идут две сотни молодцов, лучших из всех, кто когда-либо пускал стрелу! Слушайте, как лихо поют эти черти!

Все ближе и громче звучал в ночи веселый походный марш:

Так что ж сказать о луке?Он в Англии сработан, лук.Искуснейшие рукиИз тиса выгнули его.Поэтому сердцем чистымМы любим наш тис смолистый,И землю тиса своего...А что сказать о людях?Мы в доброй Англии росли,Мы нашу землю любим.Мы лучники, и нрав наш крут...Так пусть же наполнятся чаши —Мы выпьем за родину нашу,За край, где лучники живут!

— Они поют так весело, — сказал Дюгесклен, — будто идут на пир.

— Такой у них обычай, когда предстоит бой.

— Клянусь апостолом, это они! — воскликнул сэр Найджел. — Но, кажется, они опоздали, ибо я ума не приложу, как нам спуститься с этой башни.

— Смотрите, вот они, золотые ребятки! — крикнул Эйлвард. — Они выходят из тени. Пересекли луг. Теперь подошли ко рву. *Nolà*, друзья, *Nolà*! Джонстон, Эклс, Кук, Харвард, Блай! Неужели вы допустите, чтобы прекрасная дама и два храбрых рыцаря погибли гнусной смертью?

— Кто там? — раздался басовитый голос снизу. — Кто здесь говорит на английском языке?

— Это я, дружище. Я, Сэм Эйлвард из Белого отряда! Здесь и ваш командир, сэр Найджел Лоринг, и еще четверо, всех нас положили на рашпер, чтобы поджарить, как истерлингскую селедку.

— Разрази меня гром, такая манера выражаться только у старины Сэмкина Эйлварда, — произнес человек внизу среди жужжания остальных голосов. — Где стычка, там Сэмми — главный участник. Но кто эти мордачи, которые загородили дорогу? Прочь в свои конуры, негодяи! Как? Вы еще смеете глядеть нам в глаза? Хватай мечи, ребята, и бей их плашмя. Не тратьте стрел на этих бунтовщиков и мошенников.

Но крестьяне еще не опомнились после взрыва и были подавлены своими потерями, а появление регулярного отряда лучников вконец лишило их мужества. Через несколько минут они во весь опор мчались к себе в заросли. Между тем солнце уже всходило над черными, залитыми кровью развалинами, где еще накануне вечером стоял величественный замок сенешала Оверни. На небосклоне занималась утренняя заря, когда лучники собрались у подножия крепости, чтобы решить, как спасти ее защитников, оставшихся в живых.

— С этой стороны пока нет огня, — сказал Аллейн, — и будь у нас веревка, мы могли бы спуститься по стене.

— Но где достать веревку?

— Есть такой фокус, — отозвался Эйлвард. — *Nolà*, Джонстон! Брось-ка мне веревку, как тогда при осаде Мопертюи.

Седой лучник, к которому он обратился, собрал у своих товарищей куски веревки разной длины и, крепко связав их вместе, растянул на земле по длинной тени, которая падала от зловещей башни, озаренной лучами восходящего солнца. Потом он воткнул в землю конец тисового стержня своего лука у конца тени и измерил длину тонкой черной полоски, которая обозначилась на земле.

— Шестифутовый стержень отбрасывает тень в двенадцать футов, — пробормотал он. — Тень от башни — шестьдесят шагов. Значит, веревки в тридцать шагов хватит за глаза. Еще кусок, Уоткин, для большей верности. Подвяжи к концу. Теперь готово.

— А как они до нее дотянутся? — спросил молодой стрелок, стоявший позади.

— Раскрой глаза и увидишь, дурья твоя голова, — прорычал старый лучник.

Он вынул из своей сумки тонкую бечеву и привязал ее к стреле.

— Ты готов, Сэмкин?

— Готов, дружище.

— Тогда пускаю.

Лучник легонько натянул тетиву, стрела мягко вспорхнула и упала на каменный пол у ног Эйлварда. Другой конец бечевки привязали к веревке, и через минуту надежный канат висел на единственной уцелевшей стене горящей башни. Леди Тифен спустили с помощью петли, затянутой под мышками, за ней пятеро остальных быстро соскользнули на землю, где спасители встретили их, радостно приветствуя и поздравляя.

Глава XXXII

Как Отряд держал совет вокруг поваленного дерева

— А где сэр Клод Латур? — спросил сэр Найджел, как только его ноги коснулись земли.

— Он в лагере, неподалеку от Монпеза, достойный лорд, — ответил начальник лучников, седовласый стрелок Джонстон.

— Туда мы и двинемся, чтобы вовремя вернуться в Дакс и занять свое место в головном отряде Принца.

— Милорд! — радостно воскликнул Аллейн. — Я вижу на поле наших боевых коней, а среди награбленного добра, которое не успели унести эти негодяи, и ваши доспехи.

— Клянусь святым Ивом, ты говоришь истинную правду, юный оруженосец, — отозвался Дюгесклен. — Тут и мой конь, а также испанская лошадка моей супруги. Мошенники вывели их из конюшен, а сами бросились наутек. Скажу вам, Найджел, на мою долю выпало большое счастье — встретиться с человеком, про которого я слышал так много хорошего. Но нам придется покинуть вас, ибо я должен быть при короле Испании, прежде чем ваша армия перевалит через горы.

— А я полагал, что вы находитесь в Испании вместе с доблестным Генрихом Трастамарским.

— Так оно и было, но во Францию я прибыл, чтоб набрать подкрепление. Я вернусь обратно, Найджел, и приведу с собой четыре тысячи отборных французских копейщиков, так что перед вашим Принцем, быть может, предстанет достойный его противник. Господь да будет с вами, друг мой, и до встречи в лучшие времена!

— Вряд ли во всем христианском мире найдется еще такой бесстрашный человек и такая милая, прелестная дама, — сказал сэр Найджел стоящему рядом Аллейну, глядя вслед французскому рыцарю и его супруге. — Но ты бледен, Аллейн, и лицо твое печально. Уж не ранили ли тебя в этой схватке?

— Нет, достойный лорд, я думаю о своем друге Форде и как он еще вчера сидел на моей кровати.

Сэр Найджел сокрушенно покачал головой.

— Двух храбрых оруженосцев я потерял. Не знаю, почему погибли молодые побеги, а старый негодный сорняк остался невредим, но, видно, есть причина, раз все это в руках господних. Ты заметил, Аллейн, что вчера вечером леди Тифен дала нам знать о грядущей опасности?

— Да, заметил.

— Клянусь апостолом, душа моя чувствует, что в Туинхэмском замке на самом деле беда. Не представляю, однако, как могут высадиться на берег морские разбойники, скотты или французы, в таком количестве, чтобы осадить крепость. Созывайте людей, Эйлвард, нам пора двигаться. Стыд и позор, если мы не будем в Даксе в назначенный день.

Лучники разбрелись среди развалин, но по сигналу трубы быстро собрались вместе; они набили добычей все карманы, а что не поместилось — взвалили на плечи. Когда они выстроились и каждый молча занял свое место, сэр Найджел окинул их пытливым взглядом, и на лице его заиграла довольная улыбка. Высокие, загорелые и мускулистые, с ясным и суровым взглядом, ловкие, подтянутые, эти испытанные в боях люди были отменными солдатами для любого командира. Среди них попадались ветераны, сражавшиеся с французами, седые, поджарые, с морщинистыми свирепыми лицами и косматыми, нависшими бровями. Однако большинство составляли молодые, франтоватые лучники — цветущие лица, бороды расчесаны, из-под плотно прилегающих стальных шлемов выбиваются волосы, в ушах сверкают золотые или украшенные драгоценными камнями серьги. Расшитые золотом перевязи, шелковые пояса, дорогие цепи, которые многие из них носили на крепкой, загорелой шее, свидетельствовали о том, что этим вольным лучникам жилось недурно. У каждого за плечами висел лук с тисовым или ореховым стержнем, простой и прочный — у людей постарше, расписанный яркими красками и с резьбой на обоих концах — у молодых. Кольчуги, белые куртки с красным львом святого Георгия, меч или боевой топор у пояса довершали снаряжение; у иных поперек лука висела еще смертоносная секира или пятафутуовый деревянный молоток, прикрепленный к кожаной перевязи. Сердце сэра Найджела радостно забилося, когда он взглянул на бесстрашные лица воинов и увидел, как

непринужденно они держатся.

Больше двух часов Отряд шел через лесную и болотистую местность вдоль левого берега реки Аверон; сэр Найджел следовал верхом, по правую руку ехал Аллейн, у левого стремени шагал испытанный лучник, старик Джонстон. К концу этого перехода рыцарь знал уже все, что ему хотелось узнать о своих людях, об их делах и намерениях. В пути лучники однажды увидели на противоположном берегу речки вооруженных всадников — это были французы, мчавшиеся в сторону Вильфранша.

— Это сенешал Тулузы со своими солдатами, — сказал Джонстон, из-под ладони разглядывая всадников. — Будь он на этом берегу, он, может быть, попытался бы атаковать нас.

— А почему бы нам не перейти реку? — заметил сэр Найджел. — Обидно разочаровывать этого достойного сенешала, если ему хочется помериться с нами силами.

— Нельзя, — сказал старый лучник, — брода нет до самого Турвиля. Сенешал направляется в Вильфранш, и с теми, кто попадет ему в руки, быстро покончат: у этого человека разговор короткий. Это они с сенешалом Бокера повесели Питера Уилкинса из нашего Отряда в день святого Петра, за что, клянусь черным распятием Уолтема, они сами будут болтаться на веревке, когда мы до них доберемся. Но вот и лагерь и наши товарищи.

Лесная тропа, по которой они шли, вывела их на прогалину, отлого спускавшуюся к реке. С трех сторон ее окружали высокие нагие деревья с густым подлеском падуба меж стволов. На дальнем конце этой лесной прогалины стояло четыре-пять десятков хижин, аккуратно сложенных из дерева и обмазанных глиной; над крышами вился синеватый дымок. Рядом, на привязи, паслись лошади и мулы, тут же слонялись лучники; одни стреляли по мишеням, другие разводили костры и вешали над ними котлы. Увидев возвращавшихся товарищей, они шумно приветствовали их, а всадник, объезжавший за лагерем своего коня, поскакал навстречу. Это был веселый подвижный человек, богато одетый, с круглым, гладко выбритым лицом и черными, как уголь, сверкающими, живыми глазами.

— Сэр Найджел! — воскликнул он. — Сэр Найджел Лоринг, наконец-то! Клянусь честью, мы ждем вас целый месяц! Добро пожаловать, сэр Найджел! Надеюсь, вы получили мое письмо?

— Оно-то и привело меня сюда, — ответил сэр Найджел. — Но право, сэр Клод Латур, меня удивляет, почему вы сами не ведете этих стрелков, поистине лучшего военачальника им не найти.

— О нет, клянусь святой девой Эспаррской! — возразил с гасконским акцентом сэр Латур. — Кому, как не вам, знать характер ваших островитян, сэр Найджел? Они пойдут только за своим соотечественником. Их не переубедишь. Даже я, Клод Латур, сеньор Моншато, владеющий полномочиями высокого, среднего и низшего суда, не мог добиться их расположения. Две сотни дуралеев собираются и держат совет, потом приходят их представители — этот Эйлвард еще с кем-то — и заявляют что разойдутся по домам, если ими не будет командовать именитый англичанин. Многие из них, как я понимаю, явились сюда из какой-то лесной местности, не то Хампи, не то Хампти — язык не выговорит такого слова. Вы живете в тех краях, вот они и решили, что вы должны быть их командиром. Однако мы рассчитывали, что вы приведете сотню воинов.

— Мы соединимся с ними в Даксе — они уже там, — ответил сэр Найджел. — Но не будем мешать людям: они намерены нарушить свой пост, поговорим о наших делах потом.

— Пойдем в мою хибару, — сказал сэр Клод. — Пища у меня тут очень скромная — молоко, сыр, вино, свинина, — надеюсь, ваш оруженосец и вы не обессудите на угощение. Вот и мой дом, тот, где возле двери развешается знамя, — невидная резиденция для лорда Моншато.

Сэр Найджел сидел за трапезой молчаливый и рассеянный, тогда как Аллейн внимал болтовне гасконца, рассказам о великолепии его собственных владений, о его успехах у женщин, о его победах на войне.

— Вас ждут славные дела, раз уж вы тут, сэр Найджел, — сказал он наконец. — Я слышал, что Монпеза слабо укреплен, а в том замке двести тысяч крон. В Кастельно я подкупил башмачника, и темной ночью он спустит нам веревку из своего дома у городской стены, как только я ему прикажу. Обещаю вам, что вы загребете груды доброго серебра в одну из первых же ночей: тут кругом сколько душе угодно богатой добычи, отличных вин и хороших женщин.

— У меня другие планы, — сурово ответил сэр Найджел, — я пришел сюда, чтобы повести

лучников на помощь Принцу, нашему государю, которому без них не обойтись, когда он будет снова сажать Педро на испанский престол. И я намерен сегодня же двинуться в Дакс-на-Адуре, где он теперь стоит лагерем.

Лицо гасконца омрачилось, глаза злобно блеснули.

— Мне до этой войны дела нет, — сказал он, — я вполне доволен своей теперешней веселой и приятной жизнью. Я не поеду в Дакс!

— Подумайте еще раз, сэр Клод, — мягко сказал сэр Найджел. — Ведь вас всегда считали истинным, верным рыцарем. Неужели вы отступитесь теперь, когда наш государь в вас нуждается?

— Я не поеду в Дакс! — крикнул гасконец.

— Но ведь вы присягали, вы давали клятву верности.

— Я сказал, что не поеду.

— В таком случае, сэр Клод, я поведу Отряд без вас.

— Если только лучники пойдут за вами! — насмешливо бросил гасконец. — Это вам не рабы, а вольные стрелки, и против их желания вам ничего с ними не сделать. Поистине, любезный лорд Лоринг, не такие это люди, чтобы с ними шутки шутить, — легче вырвать кость из горла голодного медведя, чем увести лучника из края изобилия и удовольствий.

— Что ж, тогда соберите их, — ответил сэр Найджел, — и я скажу им, какие у меня намерения: если их командир я, они должны отправиться в Дакс, а если не я — тогда мне нечего делать в Оверни. Оседлай моего коня, Аллейн, ибо, клянусь апостолом, мне надо быть на пути домой еще до полудня.

Повинуясь призыву рога, лучники собрались на совет и небольшими кучками и группами столпились вокруг поваленного дерева, лежавшего поперек поляны. Сэр Найджел легко вскочил на ствол. Твердо сжав губы и щурясь, он окинул взором круг поднятых к нему мужественных лиц.

— Лучники, — начал он, — говорят, будто бы вы так прельстились беззаботной жизнью и мародерством, что вас не вытащить из этого веселого края. Однако, клянусь апостолом, я этому не верю, ибо вижу, что вы все до одного храбрецы и почтете для себя унижительным жить в праздности в такое время, когда вашему Принцу предстоит выполнить столь трудную задачу. Вы избрали меня своим командиром, и командиром вашим я буду, если вы отправитесь со мною в Испанию. Клянусь вам, пусть только бог сохранит мне жизнь и силы, мое рыцарское знамя с пятью розами всегда будет там, где можно своими подвигами снискать великую славу. Но если вы желаете валять дурака и лодырничать, предпочитая славе и чести презренное золото и награбленную добычу, то ищите себе другого командира, я же привык доблестно жить и надеюсь доблестно умереть. Если есть среди вас лесники из Хампшира или тамошние жители, пусть скажут, пойдут ли они за знаменем Лоринга.

— С вами пойдет малый из Ромсея! — крикнул молодой лучник с веткой молодила на шлеме.

— И парень из Олресфорда! — крикнул другой.

— И из Милтона!

— И из Берли!

— И из Лимингтона!

— И малый из Брокенхерста! — заорал верзила, разлегшийся под деревом.

— Клянусь эфесом, ребята, — заявил Эйлвард, вскочив на поваленное дерево, — я думаю, нам стыдно будет смотреть в глаза своим девушкам, если Принц перевалит через горы, а мы не натянем тетиву, чтоб очистить ему дорогу. Наша теперешняя жизнь очень даже хороша в мирное время, но когда развеваются боевые знамена, наше место на поле боя; клянусь моими десятью пальцами, коли сэр Найджел пойдет даже совсем один, старый Сэмкин Эйлвард будет маршировать с ним рядом.

Слова Эйлварда, пользовавшегося большим почетом у лучников, разрешили сомнения многих колеблющихся, и раздался хор одобрительных возгласов.

— Не пристало мне, — вкрадчиво начал сэр Клод Латур, — настраивать вас против этого достойного лучника или же против сэра Найджела Лоринга, однако мы вместе участвовали не в одном опасном походе, так что я позволю себе высказать свое мнение.

— Тише, не мешайте крошке-гасконцу! — закричали лучники. — Пусть каждый скажет свое слово. Бей прямо в цель, парень, пусть каждый играет честно.

— Не забудьте, что вы соглашаетесь на тяжелые условия, — сказал сэр Клод, — вы потеряете свободу и лишитесь удовольствий — а чего ради? Шесть пенсов в день и все; тогда как теперь перед вами вся округа — протяни руку и бери, что твоей душе любо. Вспомните рассказы про ваших товарищей, которые ушли с сэром Джоном Хоуквудом в Италию! За одну только ночь они требуют выкупа у шестисот богатых дворян Мантуи. Они разбивают лагерь возле большого города, устрешенные жители выносят им ключи от ворот, и они всласть грабят; а если им больше нравится поллюбовное соглашение, они увозят на конях тюки с серебром. Так они переходят из края в край — богатые, независимые, и все боятся их. Разве не такой должна быть жизнь солдата?

— Это жизнь мародера! — заорал Хордл Джон своим громовым голосом.

— И все-таки в словах гасконца есть смысл, — заметил смуглый парень в поношенной куртке, — что касается меня, то я предпочитаю благоденствия в Италии голодухе в Испании.

— Ты всегда был трусом и предателем, Марк Шоу! — зарычал Эйлвард. — Клянусь эфесом, если ты выйдешь против меня и мы скрестим мечи, не видать тебе ни той, ни другой страны!

— Нет, Эйлвард, — сказал сэр Найджел, — нельзя решать этот вопрос криком. А вам, сэр Клод, ваши слова не делают чести, но если сказанное мною задело вас, я всегда готов дать вам удовлетворение. Вы возьмете столько людей, сколько пойдет за вами, и отправитесь туда, куда вам заблагорассудится, — нам с вами не по пути. Кто за Принца, за свою родину, оставайтесь на месте, а те, кто гонится за набитой мошной, пусть отойдут в сторону.

Марк Шоу и еще тринадцать лучников, понуро опустив голову, вышли вперед и стали за спиной сэра Клода. Под свист и насмешки остальных они проследовали в хижину гасконца, а подавляющее большинство весело принялось укладывать свои пожитки, чистить оружие, готовиться к походу. За Тарн и Гаронну, через Арманьякские трясины, минуя быстротечную Лоссу, по длинной долине Адура еще немало лиг предстояло пройти Отряду, прежде чем влиться в мрачную рать, словно грозовая туча, медленно двигавшуюся на юг, к цепям снежных вершин, по ту сторону которых никогда еще не видели английских знамен.

Глава XXXIII

Как армия совершила переход через Ронсеваль

Раскинувшаяся на огромном пространстве равнина Гаскони и Лангедока зимой безводна и бесплодна, кроме тех мест, где быстротечный Адур и его напоянные снегом притоки — Лу, Олорон и По — бегут к Бискайскому заливу. К югу от Адур зубчатая линия гор, выступающая на горизонте, спускается в низины длинными гранитными выступами, разрезающими местность на «желоба», или узкие долины. За пригорками следуют холмы, за холмами — горы, каждый кряж возвышается над соседним, и наконец вырисовывается гигантская горная цепь, возносящая свои ослепительные, недоступные пики в пепельно-голубое зимнее небо.

Это спокойная страна, где медлительный баск в плоском берете, подпоясанный красным кушаком, обрабатывает свой жалкий участок земли или пасет своих тощих овец на склонах холмов. Страна волка и серны, бурого медведя и горного козла, страна голых скал и водопадов. И все же именно здесь волей прославленного Принца сосредоточилась доблестная армия; всю местность от Адур до перевалов Наварры заполнили ратники, бесплодные долины и обдуваемые ветрами пустоши огласились громкими приказами и ржанием коней. Ибо снова реяли на ветру боевые знамена, и через сверкающие белизной вершины лежал путь, который указала людям Слава в ту эпоху, когда они избрали ее своим вождем.

Все было готово для военных действий. От Дакса до Сен-Жан-Пье-де-Порта земля была усеяна белыми палатками гасконцев, аквитанцев и англичан — и всем им не терпелось двинуться вперед. Со всех сторон в рать вливались вольные стрелки, и вот уже у границ Наварры скопилось не менее двенадцати тысяч солдат-ветеранов. Из Англии прибыл брат Принца, герцог Ланкастерский, со свитой в четыреста рыцарей и сильным отрядом лучников; кроме всего прочего, супруга Принца благополучно разрешилась от бремени в Бордо, и Принц мог спокойно с нею расстаться, ибо мать и дитя пребывали в добром здравии.

Горные проходы все еще находились в руках бесчестного, изворотливого Карла Наваррского, который торговался и заключал сделки и с Англией и с Испанией, брал деньги у одной стороны, чтобы держать эти проходы открытыми, а у другой — чтобы никого через них не пропускать. Однако крепкая рука Эдуарда вдребезги разбила все планы и злые замыслы интригана. Английский принц не унизился ни до просьб, ни до лстивых увещеваний, но сэр Хью Калверли со своим отрядом неслышно перешел границу, и пылающие стены двух городов — Миранды и Пуэнта-делла-Рейна — явились для вероломного монарха предупреждением, что существуют металлы и помимо золота и что он имеет дело с человеком, которого обманывать опасно. Назначенная цена была заплачена, претензии удовлетворены, и перед завоевателями открылся доступ к горным проходам. Со дня праздника Богоявления начались сборы, смотры, и наконец в первую неделю февраля — через три дня после того, как Белый отряд влился в армию, — был дан приказ всей рати пройти через ущелье Ронсеваль. Холодным зимним утром, в пять часов, затрубили рога в деревне Сен-Жан-Пье-де-Порт, а в шесть отряд сэра Найджела численностью в триста человек был уже на пути к ущелью и в тусклом свете утра быстро продвигался вперед по крутой, извилистой дороге, ибо по приказу Принца они должны были первыми выйти на другую сторону и там ждать, пока не пройдет вся армия. На востоке уже разгоралась заря, и вершины грозных пиков заалели, хотя в долинах все еще лежала тень, когда воины подошли к длинному тесному проходу между отвесными скалами.

Сэр Найджел на своем вороном боевом коне, во всех доспехах, ехал впереди лучников, позади следовал с его знаменем Черный Саймон, а по левую руку Аллейн вез его щит с гербом и остро отточенное стальное копьё с ясеневым древком. Горд и счастлив был сейчас рыцарь и то и дело оглядывался на длинную колонну ратников, мерным и быстрым шагом двигавшихся за ним.

— Клянусь апостолом, Аллейн, — сказал сэр Найджел, — этот проход — весьма опасное место, и мне хотелось бы, чтобы король Наварры преградил нам путь, ибо, отбив у него проход, мы совершили бы весьма почетное дело. Я слышал песню менестреля про некоего сэра Роланда, которого именно в этих местах убили неверные.

— Если вам угодно, достойный лорд, — сказал Черный Саймон, — я могу рассказать кое-что про эти места, ведь я отслужил два срока у короля Наварры. Тут есть монастырская гостиница, — вон виднеется крыша между деревьями, — там-то и убили сэра Роланда. Слева деревня Орбайсета, и я знаю дом, где продается отличное жюрансонское вино, если бы вы пожелали с утра опрокинуть кружечку.

— Я вижу дымок справа.

— Это деревня Лес-Альдудес, тут тоже есть харчевня, где вина наилучших сортов. Говорят, хозяин зарыл клад, и я нисколько не сомневаюсь, что если ваша милость позволит мне отлучиться, я бы убедил хозяина показать мне, где он его припрятал.

— Нет, нет, Саймон, — коротко ответил сэр Найджел, — забудьте проделки вольных стрелков. Ха! Эдриксон, я вижу, ты с удивлением смотришь вокруг, ведь эти горы должны действительно казаться чудом тому, кто не видел ничего, кроме Батсерских и Портсдаунских холмов.

Ухабистая, неровная дорога вилась по гребням невысоких холмов, по обе стороны тянулись лесистые края, из-за них выступали более высокие горы, а дальше виднелись Южный Пик и громада Альтабиски, отбрасывавшая слева направо черную тень на долину. Из того места, где остановился Отряд, открывался вид на бесконечные буковые леса и пустынные склоны, заваленные камнями, все было бело от снега, до самого входа в ущелье, начинавшееся за этим нагорьем. Позади все еще были видны серые долины Гаскони, и в солнечных лучах, словно витки серебра, поблескивали ее реки. Куда ни глянь, за скалами в чаще сосновых лесов, сверкала, мелькая, сталь, меж тем как налетавший ветер доносил воинственную музыку могучей рати, стремившейся по всем дорогам и тропам к узкому горному проходу Ронсевалья. На уступах скал по обе стороны дороги также можно было заметить блеск оружия, развевающиеся знамена и воинов Наварры, смотревших вниз на чужеземную армию, проходившую по их территории.

— Клянусь апостолом! — воскликнул сэр Найджел, который, прищурясь, посмотрел на них. — Мы можем еще надеяться, что эти кавалеры не пропустят нас без боя, столько их скопилось на наших флангах. Прикажите ратникам приготовить луки, Эйлвард, — я не сомневаюсь, что там наверху найдутся достойные джентльмены, которые предоставят нам возможность добиться успехов.

— Я слышал, что Принц держит короля Наварры как заложника, — заметил Аллейн, — и говорят, что Принц поклялся лишить его жизни, если на нас нападут.

— Да, по-другому велись войны, когда славный король Эдуард взялся за это дело впервые, — с грустью сказал сэр Найджел. — Ах, Аллейн, боюсь, тебе не придется быть свидетелем таких сражений, ибо в наши времена люди больше думают о деньгах и выгоде, чем в старину. Клянусь апостолом, благородное это было зрелище, когда в один прекрасный день сталкивались две великих рати и все, кто давал какой-нибудь обет, неслись вперед, чтобы выполнить свой долг! А какие я видел сражения на копьях и даже принимал скромное участие в них! Рыцари бились ради услады души и любви к своим дамам! Никогда не скажу худого слова и про французов, ибо, хоть я и двадцать раз подъезжал к их рядам, не было такого случая, чтобы мне не встретился весьма достойный и доблестный рыцарь или оруженосец, дававший мне возможность совершить небольшой боевой подвиг. А после того, как все рыцари получали удовлетворение, начинался рукопашный бой, и обе армии сражались до тех пор, пока одна из них не одерживала верх. Клянусь апостолом, в те дни нам и в голову не приходило платить золото за то, чтоб нас пропустили через ущелье, и никто не стал бы держать заложником короля из опасения, что его люди нападут на наших! По правде говоря, если война будет продолжаться таким способом, я пожалею, что уехал из Туинхэмского замка, ибо я никогда не покинул бы свою дорогую супругу, если б не рассчитывал на почетные стычки.

— Однако, достойный лорд, — заметил Аллейн, — вы все же совершили несколько почетных деяний с тех пор, как мы покинули леди Лоринг.

— Что-то не припомню ни одного, — ответил сэр Найджел.

— Вы захватили пиратов и удержали крепость, осажденную крестьянами.

— Нет, нет, — возразил рыцарь, — это не боевые деяния, а всего только случайные дорожные приключения. Клянусь апостолом, не будь эти склоны чересчур круты для Поммерса, я подъехал бы к тем наваррским рыцарям и осведомился бы, не найдется ли среди них кто-нибудь, кто помог бы мне избавиться от мушки на моем глазу. Очень обидно видеть этот отличный проход, который мой отряд отстоял бы против целого войска, и в то же время идти по нему без всякого риска, словно это дорога от моей псарни к Эйвону.

Все утро сэр Найджел пребывал в скверном расположении духа, и его отряд, тяжело ступая, следовал за ним. Это был утомительный переход по каменистой тропе, а порой по глубокому снегу, и все же они до полудня достигли места, где ущелье выводило в нагорья Наварры, и увидели на юге, над горизонтом, очертания Памплонских башен. Отряд разместился в беспорядочно разбросанных хижинах горной деревеньки, и Аллейн до вечера стоял, глядя вниз на многочисленную армию, которая, сверкая копьями и щеголяя знаменами, выливалась

из узкого прохода.

— *No!à, mon gar,* — сказал Эйлвард, усаживаясь на камень рядом с Аллейном. — Зрелище и впрямь заслуживает внимания, и стоило забраться так далеко, чтобы поглядеть на такое множество храбрых воинов и добрых коней. Наш маленький командир сердится из-за того, что мы мирно прошли через ущелье, но клянусь эфесом и ручаюсь, что, пока мы опять повернем к северу, мы еще не раз сразимся с неприятелем. Говорят, в войске короля Испании восемьдесят тысяч человек, и к тому же еще Дюгесклен с отборными французскими копейщиками, которые поклялись биться до последней капли крови за то, чтобы этот Педро не получил обратно свой престол.

— Но ведь и у нас огромная армия, — заметил Аллейн.

— Нет, только двадцать семь тысяч. Чандос уговорил Принца многих оставить в тылу, и, я полагаю, он прав, ибо в местах, куда мы идем, мало еды и еще меньше питья. Если человеку не дать мяса, а коню фуража, от них не больше проку, чем от намокшей тетивы. Однако, *voilà, mon petit,* сюда идет Чандос со своей свитой; в его эскадронах столько знамен и вымпелов, что можно не сомневаться — под его стягом собралась вся высшая знать Англии.

Пока Эйлвард разглагольствовал, в ущелье внизу дефилировала мощная колонна лучников. Следом шел знаменосец, высоко подняв знамя с алым клином на серебряном поле, из чего следовало, что именно здесь находится прославленный воин. Он ехал на расстоянии стрелы от своего знамени, облаченный с головы до ног в стальные доспехи, а поверх них — в белое одеяние вроде балахона, которое волей судеб послужило причиной его гибели. Телохранитель, шедший позади, нес его шлем с плюмажем, а на голове у рыцаря была небольшая алая шапочка, из-под которой ниспадали на плечи белые, как лунь, кудри. Со своим длинным крючковатым носом и единственным сверкающим глазом, блестящим из-под насуспенной седой брови, он напомнил Аллейну какую-то свирепую хищную птицу. Когда взгляд его упал на знамя с пятью розами, реющее над деревней, он улыбнулся, однако путь его лежал в Памплону, и он проехал мимо, не отставая от своих лучников.

За ними следовали по пятам шестнадцать оруженосцев, все из самых знатных родов — сверкала сталь, развевались плюмажи, звенели доспехи, длинные прямые мечи звякали, ударяясь о стремяна, а стук копыт боевых коней напоминал отдаленный рокот морского прибоя. Позади оруженосцев маршировали шестьсот лучников из Чешира и Ланкашира с гербом Одлея, а за ними и сам прославленный лорд Одлей в сопровождении четырех отважных оруженосцев — Даттона из Даттона, Дилвза из Доддингтона, Фаулхерста из Крю и Хокстона из Уэйнхилла, — все они снискали себе славу под Пуатье. За знаменем Одлея ехали двести тяжело вооруженных всадников, а за ними — герцог Ланкастерский с блистательной свитой, впереди — герольды в платье с королевскими гербами, по трое в ряд, на боевых конях светлой масти. По обе стороны молодого принца ехали оба сенешала Аквитании — сэр Гискард д'Англь и сэр Стефен Коссингтон, один держал знамя провинции, другой — знамя святого Георгия. Далеко позади Принца, насколько хватало глаз, тянулась нескончаемая река стали — шеренга за шеренгой, колонна за колонной; мелькали перья, блестело оружие, реяли флажки на пиках, блестили и покачивались бесчисленные геральдические знаки. Весь день любовался Аллейн этим пестрым зрелищем, и весь день лучник-ветеран, стоя рядом, обращал его внимание на различное снаряжение рыцарей из знатных семей и знаки на гербовых щитах прославленных воинов. Были тут золотые рыбы Пакингтонов, чернедь и горностаевое поле Макуортов, алые поперечники Уэйков, золото и синь Гровнеров, пятилистник Клифтонов, серебряные перья Бошанов, кресты Молине, алые стропила Вудхаусов, червлень с серебром Уорслеев, мечи Кларков, кабаньи головы Льюси, полумесяцы Бойнтонов, волк и кинжал Липскомбов. Так в солнечный зимний день рыцарство Англии продефилировало через мрачный горный проход Ронсевалья и вышло на равнины Испании.

Войска герцога Ланкастерского благополучно перевалили через Пиренеи в понедельник. А во вторник стоял суровый мороз, и земля звенела подобно железу под копытами коней, однако в тот же день сам Принц с основной частью своей армии прошел через ущелье и соединился с авангардом в Памплоне. Вместе с ним прибыли король Мальорки, король-заложник Наварры и свирепый дон Педро Испанский, тусклые голубые глаза которого вспыхнули зловещим огнем, когда их взгляд задержался на отдаленных вершинах его родины, отрекшейся от него. Под королевскими знаменами ехало немало отважных гасконских баронов и пылких островитян. Здесь были знатные сенешалы Аквитании, Сентонжа, Ла-Рошели, Керси, Лимузена, Аженуа, Пуату, Бигорры со знаменами и гербовыми щитами своих провинций. Были также доблестный граф Ангусский, сэр Томас Банастер с подвязкой на наголеннике, сэр Нил Лоринг, троюродный брат сэра Найджела, и длинная колонна валлийских пехотинцев, маршировавших под алым знаменем Мерлина. С рассвета и до захода солнца длинная вереница ратников извивалась по горному проходу, и при каждом их выдохе белые клубы поднимались в студеной

воздух, словно пар над котлом.

В среду погода была менее суровой, и арьергард с бомбардами и военным обозом без затруднений прошел ущелье. Число вольных стрелков и гасконцев составляло в войске десять тысяч. Неукротимый рыжегривый сэр Хью Калверли и суровый сэр Роберт Ноллз со своими закаленными в боях, испытанными отрядами английских лучников возглавляли длинную колонну; а по их пятам шли буйные солдаты Бретейя, Нандона де Бажерана, одноглазого Камю, Черного Ортино, Ланюи и других командиров, одни имена которых свидетельствовали о твердой руке и жестоких деяниях. Вместе с ними был первый рыцарь Гаскони — старый герцог д'Арманьяк, его племянник лорд Дальбре, хмурый и рассерженный нанесенными ему обидами, гигант Оливер де Клиссон, Капталь де Буш — краса рыцарства, весельчак сэр Пердюка д'Альбер, рыжебородый лорд д'Эспарр и длинный ряд неимущих жадных дворян пограничной полосы с роскошной родословной и тощим кошельком, которые спустились с гор из своих крепостей в надежде поправить дела, награбив в Испании добро и получив большие выкупы. В четверг утром вся армия встала лагерем в долине Памплоны, и Принц приказал участникам его совета собраться в старинном замке древнего города Наварры.

Глава XXXIV

Как Отряд развлекался в долине Памплоны

Пока военачальники держали совет в Памплоне, воины Белого отряда расположились в соседней долине, где стояли отряды Ланюи и Черного Ортинго, и принялись развлекаться фехтованием, борьбой и стрельбой из лука по мишеням, расставленным на склонах холма. Чтобы ничто не стесняло движений, молодые лучники сняли кольчуги, засучили рукава курток и, выстроившись в ряд, по очереди стреляли в цель; их смуглые руки и груди были обнажены, а льняные и каштановые волосы развевались на ветру; старшие — Джонстон, Эйлвард, Черный Саймон и еще человек пять-шесть — похаживали вокруг них, свысока и со знанием дела поглядывая на молодых, и то грубовато похваливали, то отпускали насмешливые замечания. Поодаль стояла кучка гасконских и брабантских арбалетчиков из отряда Ланюи и Ортинго и, опершись о свое незамысловатое оружие, внимательно следили за стрельбой англичан.

— Молодец, Хьюетт, отлично, — одобрил Джонстон молодого лучника, который застыл на месте, полураскрыв губы и опираясь на стержень, и смотрел вслед пущенной им стреле. — Как раз угодила в самое яблоко, впрочем, я и не сомневался в этом, лишь только запела тетива.

— Пускай стрелу мягко, но быстро и уверенно, — заметил Эйлвард. — Клянусь эфесом, топ гаг, легко стрелять в такую вот неподвижную мишень, но когда прямо на тебя несется воин, заслонившись щитом и подняв меч, и сверкает глазами из-под забрала, ты вряд ли скажешь, что попадать в цель — дело нехитрое.

— В такую цель мне уже не раз случалось попадать, — ответил юноша.

— И будешь попадать опять, не сомневаюсь, дружок. Но послушай, Джонстон, кто этот парень, который держит лук, словно не лук, а пугало?

— Сайлас Питерсон из Хоршема. Да не шурь ты один глаз, когда пускаешь стрелу и не притопывай после с высунутым языком — от этого она не полетит быстрее. Стой прямо, действуй увереннее, как положено мужчине. Левую руку с луком держи неподвижно, а тетиву натягивай проворнее.

— Сам-то я копейщик, — заметил Черный Саймон. — Мне, по чести говоря, привычнее биться на копьях и мечах, чем стрелять. Однако я провел много дней среди лучников, разбираюсь в вашем деле и признаю, что в Отряде немало метких стрелков, мастеров своего дела, способных помериться силами с кем угодно и где угодно. И все же я не встречаю теперь таких искусников, каких знал в былые дни.

— Вы рассуждаете здраво, — заметил седовласый Джонстон, повернув к говорившему лицо в рубцах и шрамах. — Извольте взглянуть туда, — добавил он, указывая на бомбарду, лежавшую посреди поля, — вот эта штука с ее дурацким грохотом и мерзкой сажей, которые вылетают из ее пасти, и нанесла ущерб хорошей стрельбе. Просто диву даешься, что такой рыцарь, как наш Принц, таскает за собой в обозе эту дрянь. Эй, Робин, рыжий лодырь, сколько раз я тебе говорил — не стреляй ты в упор при боковом ветре!

— Клянусь своими десятью пальцами, — вмешался в беседу Эйлвард, — каких искусных стрелков мне посчастливилось видеть при взятии Кале! Помнится, во время какой-то атаки один генуэзец высунул руку из-за щита и пригрозил нам, а мы стояли в сотне шагов от него. Сейчас же двадцать стрелков пустили в него стрелы, а потом, когда мы нашли генуэзца мертвым, оказалось, что у него в предплечье сидело восемнадцать стрел.

— Мне пришло на память, — заметил Джонстон, — что, когда большое судно «Кристофер», которое отобрали у нас французы, бросило якорь в двух сотнях шагов от берега, два лучника, малютка Робин Уитстафф и Илайес Бэддлсмир, выпустили каждые по четыре стрелы и начисто перерезали пеньковый якорный канат, и судно наскочило на береговые скалы.

— Да, что ни говорите, хорошие стрелки — редкость, — подтвердил Черный Саймон. — Однако я видел своими глазами, как ты, Джонстон, и ты, Сэмкин Эйлвард, и еще двое-трое из наших стариков стреляли не хуже тех, самых лучших. Разве не ты, Джонстон, состязаясь на стрельбище в Финсбери с отборными лондонскими лучниками, получил приз — жирного быка?

Неподалеку от беседовавших, опершись на арбалет, стоял смуглый черноглазый брабантец, прислушиваясь к разговору, происходившему на языке этого смешанного лагеря, понятном обоим нациям. Это был коренастый крепыш в шлеме и кольчуге; куртка, отороченная

бархатом у ворота и на свисающих рукавах, свидетельствовала о том, что он человек с весом, младший командир или головной в шеренге.

— Никак не возьму в толк, — вмешался он, — почему вы, англичане, так любите эту палку в шесть футов. Если вас это развлекает, сгибайте ее, в добрый час, но зачем мне натягивать и спускать тетиву, если моя moulіne отлично справляется с делом сама, не требуя от меня никаких усилий!

— Я не раз наблюдал хорошую стрельбу из вашего оружия с прикладом и стремянем, — заговорил Эйлвард, — но, клянусь эфесом, дружище, при всем уважении к вам и к арбалету, я все же скажу: не мужское это оружие, и любая женщина сумеет выстрелить из него не хуже мужчины.

— Ну, спорить не стану, — ответил брабантец, — но что я знаю, то знаю: за все четырнадцать лет моей службы в армии не было случая, чтобы меня с моим арбалетом перещеголял в стрельбе какой-нибудь англичанин со своим луком. Клянусь тремя царями, я скажу даже больше: мой арбалет способен выполнять столь диковинные вещи, каких вы никогда не добьетесь с вашим луком.

— Хорошо сказано, mon gar, задорный петух и поет по-боевому, — заметил Эйлвард. — Сам-то я давно уже не упражнялся, а вот Джонстон потягается с вами — постоит за честь Белого отряда.

— А я побьюсь с вами об заклад на галон жюрансонского вина, что верх возьмет боевой лук, — заявил Черный Саймон, — хотя, пожалуй, кварта туинхэмского эля пришлось бы мне лично еще больше по вкусу.

— Принимаю вызов и готов с вами биться об заклад, — ответил брабантец; он снял куртку и обвел окружающих пристальным взглядом черных прищуренных глаз. — Но я не вижу подходящей мишени, нельзя же расходовать стрелы на эти щиты — в них попадет без промаха любой пьяный мужлан на деревенской ярмарке.

— Это опасный соперник, — шепнул Эйлварду, схватив его за рукав, один из английских ратников, — самый сильный стрелок из всех отрядов арбалетчиков. Это его стрела поразила насмерть коннетабля Бурбонского в сражении под Бринье. Боюсь, что ваш ставленник не выйдет с честью из состязания.

— Я целых двадцать лет вижу, как Джонстон стреляет, и ручаюсь за него головой. А ты что скажешь, старый боевой конь? Согласен потягаться с этим молокососом?

— Полно, Эйлвард, — ответил старый лучник, — мое время прошло, мы, старики, потрудились на славу, теперь пусть продолжат наше дело молодые. И не стыдно тебе, Сэмкин, выставлять напоказ человека, который когда-то и правда умел пускать стрелы, но теперь обессилел? Дай-ка мне потрогать этот лук, Уилкинс. Я уж вижу, что это шотландский лук, по тому, как расположены зарубки: верхняя — снаружи, а нижняя — внутри. Клянусь черным распятием! Добротный лук из тиса с глубокими зарубками, у него крепкая тетива, он навощен, его и в руки взять приятно. С таким-то луком я, пожалуй, и сейчас еще мог бы попасть в крупную, заметную мишень. Подай мне колчан, Эйлвард, я люблю, чтобы стрела была из ясеня или из кизила.

— Так же как и я, клянусь эфесом, — молвил Эйлвард, — вот эти три с гусиными перьями подойдут.

— Да, дружок, подойдут. Я раньше выбирал перья с седловинкой для смертоносной стрелы, и с горбинкой, когда хотел только легко ранить. Возьму эти две. Эх, Сэмкин, глаза с годами застит туманом и рука теряет силу!

— Ну что вы там копаетесь? — спросил брабантец; едва скрывая нетерпение, он следил за обстоятельными, неторопливыми движениями соперника.

— Я охотно посостязался бы с вами, — заметил Джон-стон. — На мой взгляд, боевой лук куда более стоящее оружие, нежели арбалет, хотя доказать это, может статься, уже не в моих силах.

— И мне так думается, — заявил, ухмыляясь, арбалетчик.

Он вынул из-за пояса свою вертушку и принялся натягивать крепкую веревку, пока та не попала в щелкнувший затвор, затем извлек из колчана короткую широкую стрелу и с

величайшей осторожностью вставил ее в ложе. Весть о состязании мгновенно облетела долину, и сбежавшиеся со всех концов английские лучники, сотни арбалетчиков и воины из отрядов Ортинга и Ланюи — к последним принадлежал брабантец — столпились вокруг противников.

— Вон та мишень на холме, пожалуй, подойдет нам, — сказал брабантец, — вы ее видите?

— Да, там какое-то серое пятно, — ответил Джонстон, глядя вдаль из-под ладони, — но расстояние очень велико.

— Тем лучше, тем лучше! Эй ты, Арно, стань поодаль, не то получишь стрелу в зоб. Ну, друзья, даю вам возможность полюбоваться, как я стреляю.

Он приложил арбалет к плечу и готов был нажать спусковой крючок, как вдруг с вершины холма снялся крупный серый аист и полетел над долиной, медленно взмахивая крыльями. Своим резким, пронзительным криком он привлек к себе всеобщее внимание, и смотревшие на него заметили, когда он подлетел ближе, что над ним кружит еще какая-то темная птица. Это был сокол, который, то паря над головой аиста, то нависая над ним с распластанными крыльями, готовился схватить в свои когти неповоротливую жертву. Обе птицы, занятые друг другом, все приближались к отряду стрелков, и, когда они оказались от них на расстоянии сотни шагов, брабантец высоко поднял арбалет, и раздался низкий звук его мощной тетивы. Стрела вонзилась аисту в подкрылье. Раненая птица перевернулась в воздухе и забилась в предсмертной судороге, падая наземь. Арбалетчики разразились криками одобрения. Но в ту минуту, когда стрела арбалетчика поразила аиста, Джонстон, который с натянутым луком в руках молча наблюдал за этим зрелищем, послал стрелу, пронзившую сокола. Затем, вырвав из-за пояса другую стрелу, он нацелил ее так точно, что, пролетев совсем низко над долиной, она пронзила аиста, когда тот еще не успел коснуться земли. Восторг лучников при виде этой двойной удачи перешел всякие границы. А Эйлвард даже заплясал от радости и с такой силой сжал в объятиях старого лучника, что их кольца затрещали.

— Ах, друг ты мой! — воскликнул он вне себя. — Придется мне угостить тебя кружкой вина! Ишь, старый пес, недостаточно тебе сокола, подавай в придачу еще и аиста! Позволь мне еще разок прижать тебя к сердцу!

— Уж больно лук добротен да крепка тетива, — заметил Джонстон, и его глубоко посаженные серые глаза весело заблестели. — Из этакого лука даже старый, ослабевший вояка, вроде меня, и то попадет в цель.

— Что же, вы удачно стрельнули, — сердито бросил брабантец, — однако отнюдь не показали себя лучшим стрелком, чем я, ибо я попал, куда метил, большего, клянусь тремя царями, не дано сделать ни одному стрелку.

— Не пристало мне хвастать, будто я стреляю лучше вас, ибо я наслышан о вашем великом мастерстве. Я только хотел доказать, что наш лук имеет кое-какие преимущества, — вы ведь не смогли на вашем арбалете натянуть тетиву так быстро, чтобы послать вдогонку вторую стрелу в падающую птицу.

— Согласен, тут вы оказались сильнее, — ответил арбалетчик, — но, клянусь святым Иаковом, сейчас я докажу вам, в чем мое оружие превосходит ваше. Я попрошу вас изо всех сил пустить стрелу над долиной, и посмотрим, какова дальность вашего выстрела.

Джонстон покачал головой и, посмотрев зорким взглядом на крепкий лук и толстую тетиву арбалета, заметил:

— Да, ваш арбалет силен, я ничуть не сомневаюсь, что он выстрелит дальше моего лука. Однако мне доводилось видеть, как иные лучники пускали свои ярдовые стрелы в такую даль, куда и вашим не долететь.

— Слышать-то я слышал, да, странное дело, никогда не видел своими глазами столь необычайных стрелков. Вот что, Арно, воткни колышки через каждые сто шагов, а сам встань у пятого колышка и принеси мне обратно мои стрелы.

Как только расстояние было отмерено, Джонстон, натянув тетиву до отказа, пустил стрелу, со свистом пролетевшую над рядами кольев.

— Здорово! Превосходный выстрел! — хором воскликнули присутствующие. — Она упала у четвертой отметины.

— Клянусь эфесом, стрела пролетела четвертый кол, — заявил Эйлвард, — я заметил, где ее подняли.

— Сейчас узнаем, — спокойно ответил Джонстон.

Тут подбежал молодой лучник и сообщил, что стрела на двадцать шагов перелетела четвертый кол.

— Значит, всего четыреста двадцать шагов! — крикнул Черный Саймон. — Ничего не скажешь, очень длинный лет. Однако сталь и дерево, вероятно, окажутся сильнее руки человека.

Брабантец выступил вперед, улыбаясь в предвкушении своего торжества, и натянул веревку на своем оружии. Крик восторга вырвался из груди его товарищей следивших за высоким полетом его тяжелой стрелы.

— За четвертый, — пробурчал Эйлвард. — Клянусь эфесом, она упала почти у пятой.

— Что вы, она перелетела пятый! — громко крикнул гасконец.

Прибежавший лучник, на бегу размахивая руками от волнения, сообщил, что стрела упала на восемь шагов дальше пятого кола.

— Ну, что вы теперь скажете, чья взяла? — заявил брабантец, пыжась и горделиво расхаживая среди своих рослых арбалетчиков, дружно приветствовавших его.

— Признаю, что вы одержали верх, — мягко ответил Джонстон.

— И одержу верх над любым лучником в мире, — запальчиво, не скрывая своего ликования, ответил победитель.

— Ну, ну, умерьте свою прыть, — вмешался рыжеволосый лучник; дюжий и плечистый, он возвышался над своими товарищами на целую голову. — Придется и мне перемолвиться с вами словечком, раз вы так уж распетушились! Куда это подевалась моя рогатка? Клянусь святым Ричардом Хамполским, чудно будет, если я не переплону его с этой его штукой; на мой взгляд, она больше похожа на мышеловку, чем на оружие воина! Ну как, вы не прочь потягаться еще со мной или с вас уже хватит?

— Пятьсот восемь шагов — это более чем достаточно, — ответил брабантец, покосившись на своего нового противника.

— Брось, Джон, зачем гнешь дерево не по себе? Ты же никогда не был сильным стрелком! — шепнул ему Эйлвард.

— Не беспокойся, Эйлвард; я, правда, многого не умею, но кое в чем знаю толк. Вот забрал себе в голову, что смогу выстрелить дальше, чем он, если только мой лук не треснет.

— Что ж валяй, лесник, валяй, балда! Выступай смелее, Хампшир! — со смехом подзадоривали лучника его товарищи.

— Клянусь душой! Смейтесь, сколько влезет, — воскликнул Джон, — но да будет вам известно, что меня учил делать длинные выстрелы сам старик Хоб Миллер из Милфорда.

С этими словами Джон сел на землю и, поместив большой черный лук так, что подошвы уперлись в рукоять, он наложил стрелу на тетиву и обеими руками стал тянуть ее к себе до тех пор, пока наконечник не оказался на уровне основы. Старый лук скрипел и стонал, и тетива вибрировала от сильного натяжения.

— Кто этот болван, который стоит на пути моего выстрела? — спросил лучник, вглядываясь в даль.

— Он стоит по ту сторону моего колышка, — ответил брабантец, — ему нечего опасаться.

— Что ж, пусть простятся ему его прегрешения! Хотя, пожалуй, стоит он слишком близко, чтобы ему угрожала моя стрела.

Джон поднял обе ноги, нажимавшие на рукоять лука, и спущенная стрела огласила долину густым сочным гудением.

Парень, о котором шла речь, упал ничком, но тотчас же вскочил и понесся со всех ног в

другую сторону.

— Ай да выстрел, дружище! Стрела пролетела прямо над головой! — закричали воины.

— Mon Dieu! — возмутился брабантец. — Да разве так стреляют!

— Уж такой у меня фокус, — ответил Джон, — не раз зарабатывал я себе галон эля, тремя выстрелами покрывая милю в Виверли-Чейз.

— Стрела упала на сто тридцать шагов дальше пятого кола, — раздался издали голос лучника.

— Шестьсот тридцать шагов! Mon Dieu! Да это небывалый выстрел! И все же здесь нет заслуги вашего оружия, mon gros camarade. Ведь чтобы сделать это, вам самому пришлось согнуться, как лук!

— Что ж, клянусь эфесом, в этом есть доля правды, — ответил Эйлвард. — А теперь мой черед показать, какие преимущества у боевого лука. Я попрошу вас пустить изо всех сил стрелу в тот щит из вяза, обтянутый бычьей шкурой.

— Пожалуй, я и при Бринье не расходовал столько стрел, — пробурчал брабантец, — однако там были мишени получше, чем этот обрывок бычьей шкуры. Но о чем разговор, друзья англичане? Щит не более сотни шагов отсюда, в него и слепой попадет.

Брабантец туго натянул тетиву и пустил стрелу в раскачиваемый ветром щит. Эйлвард извлек из колчана стрелу. Старательно смазал наконечник и пустил ее в ту же цель.

— Уилкинс, принеси-ка сюда щит, — приказал он.

Когда тяжелый щит был принесен к состязавшимся, лица англичан вытянулись, а брабантцы заулыбались во весь рот: большая стрела глубоко вонзилась в дерево, как раз посередине щита, но не видно было ни стрелы Эйлварда, ни какой-либо отметины.

— Клянусь тремя царями! — воскликнул брабантец. — Теперь уж не может быть споров о том, чье оружие лучше и чья рука бьет вернее. Вы промахнулись, англичанин.

— Не спеши, не спеши, mon gar, — возразил Эйлвард и, перевернув щит, указал на небольшую дырочку в дереве. — Видишь ли, camarade, моя стрела пронзила щит насквозь, и я полагаю, что из двух стрел опаснее та, которая пробивает насквозь, а не только вонзается в цель.

Брабантец даже ногой топнул с досады и, казалось, обдумывал, как бы побольнее уязвить соперника, но тут все увидели скакавшего к ним Аллейна Эдриксона.

— Сейчас сюда прибудет сэр Найджел, — объявил юноша. — Он желает поговорить с Отрядом.

И мгновенно на луговине, где все было разбросано как попало, навели порядок: лучники живо облачились в свои доспехи и подняли лежавшие на траве луки. Длинный кордон оцепил поле, удалив всех посторонних, воины выстроились в четыре шеренги, на флангах расположились младшие командиры и головные. Солдаты стояли навытяжку, застыв на месте, когда к ним подъехал их командир; лицо сэра Найджела сияло, и вся его небольшая фигурка дышала радостью, так как он привез воинам вести, как видно, для него весьма лестные.

— Нам оказана великая честь! — крикнул он. — Принц избрал наш Отряд из всех частей армии. Он поручает нам отправиться в Испанию на разведку в тыл врага. Но так как воинов в нашем отряде очень много и, может быть, у кого-нибудь нет желания принимать участие в этом трудном походе, я попрошу выйти вперед тех, кто хочет по доброй воле отправиться со мной.

Какое-то движение прошло по рядам, но когда сэр Найджел снова взглянул на воинов, перед ним по-прежнему стояли сомкнутые прямые шеренги. Сэр Найджел поглядел с глубоким изумлением на солдат, и лицо его омрачилось горьким разочарованием.

— Зачем мне суждено было дожить до такого позора! — воскликнул он. — Что же это... Никто из вас...

— Достойный сэр, они все, как один, выступили на шаг вперед! — тихо сказал ему Аллейн.

— Клянусь апостолом! Ты прав. Как я мог подумать, что мои воины не поддержат меня! Так вот, завтра чуть свет мы выступаем, сэр Роберт Чени дает нам коней из своего отряда. Прошу вас быть готовыми с первым криком петуха.

Обрадованные лучники бросились врассыпную, шутя и балагурия, словно школьники, отпущенные на каникулы, а сэр Найджел с улыбкой глядел им вслед; вдруг чья-то увесистая рука легла ему на плечо.

— Эге-ге! Мой странствующий рыцарь из Туинхэма! — произнес знакомый голос. — Я слышал, вы направляетесь к берегам Эбро. Клянусь священной рыбой Товия, мне тоже хотелось бы встать под ваши знамена.

— Кого я вижу! Оливер Баттестхорн! — воскликнул сэр Найджел. — Я слышал о вашем приезде в лагерь и надеялся повидать вас. Что ж, для меня это большая честь и радость видеть вас в своем отряде.

— У меня есть особая и веская причина, чтобы идти с вами, — заявил дородный рыцарь.

— Охотно верю, — ответил сэр Найджел. — Я не знаю рыцаря, который так живо откликался бы на призыв чести, как вы!

— Нет, нет, отнюдь не честь побуждает меня стать в ваши ряды, Найджел.

— Тогда что же?

— Цыплята!

— Цыплята?

— Ну, разумеется; ведь эти негодяи из головного отряда съели всех кур в здешних местах. Не далее, как нынче утром, лошадь моего оруженосца Норбери повредила себе ногу, когда он рыскал по всем направлениям в поисках хотя бы одной курочки. Подумать только, у нас с собой целая сумка трюфелей, а с чем их есть — неизвестно. Никогда не видел такой прожорливой саранчи, как этот головной отряд. Ни одного цыпленка нам не получить, если только мы не обгоним их. Так что я оставляю своих винчестерских бродяг на попечении начальника военной полиции, а сам поспешу вместе с вами на юг, захватив с собой, разумеется, и мешок с трюфелями.

— Ах, Оливер, Оливер, вы все тот же, — заметил, смеясь и покачивая головой, сэр Найджел, и оба старых воина поехали рядом по направлению к своим палаткам.

Глава XXXV

Как сэр Найджел охотился за орлом

К югу от Памплоны в королевстве Наваррском тянется обширное плоскогорье с серовато-бурыми бесплодными холмами, усеянное огромными гранитными глыбами. По другую сторону могучих гор — в Гаскони — расстилались луга, струились ручьи, на одетых лесом склонах лепились небольшие селения; здесь же, куда ни кинь взгляд, голые скалы, скудная растительность, безжизненные каменистые пустыни. Этот угрюмый край изрезан вдоль и поперек сумрачными ущельями, «barrancas», а меж их обрывистых склонов пенятся стремительные горные потоки. Безмолвие неприглядной, унылой местности нарушается только плеском воды, орлиным клекотом да воем волков.

По этим-то диким местам и держал путь сэр Найджел со своим Отрядом. То проезжали они среди громоздящихся черных зубчатых скал по глубоким ущельям, откуда небо казалось узкой полоской, голубевшей меж густыми рядами самшита, окаймлявшими неровные края пропасти; или же, ведя коней в поводу, они брели по узким скалистым тропам, проторенным погонщиками мулов над зияющей расселиной, видя прямо под собой, на глубине тысячи футов, белую пену бурного потока.

Целых два дня шли лучники по безлюдным пустошам Наварры, миновали Фуэнте, переправились вброд через быструю Эгу, пересекли Эстеллу — и вот наконец зимним вечером горная цепь круто оборвалась, и они увидели широкую голубую реку Эбро, извивавшуюся между селениями и отдельными усадьбами. В ту ночь сон рыбаков Вьяны был нарушен резкими голосами, говорившими на иноземном языке, и рассвет еще не успел забрезжить, как сэр Найджел и его Отряд, переправившись вброд через реку, прибыли, здоровые и невредимые, на землю Испании.

Весь день воины провели в сосновом лесу возле города Логроньо — командирам надо было посовещаться, а коням отдохнуть. С сэром Найджелом делили поход многие доблестные рыцари, заслужившие бранную славу, — сэр Уильям Фелтон, сэр Оливер Баттестхорн, тучный старик сэр Саймон Берли, странствующий рыцарь-шотландец, граф Ангусский и сэр Ричард Костон, и, помимо них, еще шестьдесят испытанных в боях воинов и триста двадцать лучников. Посланные на рассвете лазутчики, вернувшись поздно вечером, донесли, что король Испании разбил лагерь в четырнадцати милях отсюда, по дороге на Бургос, и что в его войске двадцать тысяч всадников и сорок пять тысяч пехотинцев. Военачальники расположились на земле вокруг костра, отблески которого падали на их суровые лица, а лучники тем временем отдыхали и беседовали, расхаживая среди привязанных коней, жевавших свой скудный корм.

— Я полагаю, — заявил сэр Саймон Берли, — что мы уже выполнили порученное нам дело: разведали, где стоит король и как велико его войско, а ведь ради этого нас и послали сюда.

— Что верно, то верно, — ответил сэр Уильям Фелтон, — но мне давно уже не приходилось испытывать в битвах крепость моего копья, и я ни под каким видом не поверну назад, пока не схвачусь хотя бы с одним испанским рыцарем. Пусть уходят те, кому охота, а я желаю покороче познакомиться с этим народом.

— И я не отступлюсь, сэр Уильям, — ответил сэр Саймон Берли, — но как старый солдат, побывавший во многих сражениях, я опасаюсь, что нам не поздоровится, если наш небольшой отряд окажется между двух огней — многотысячной армией и широкой рекой.

— И все же, — воскликнул сэр Ричард Костон, — мы обязаны постоять за честь Англии! Нельзя возвращаться, не обменявшись ни одним ударом с неприятелем!

— А также и за честь Шотландии! — воскликнул граф Ангусский. — Клянусь святым Андреем, пусть глаза мои никогда не увидят воды Тея, если я поверну коня назад, так и не взглянув на лагерь испанцев!

— Клянусь апостолом, это речь воина! Мне всегда было известно, что Шотландия славится доблестью своих мужей и что они отважно защищали границы своей родины! Подумайте, сэр Саймон, ведь сведения о силах врага сообщил нам простой лазутчик, и вряд ли ему удалось разведать о неприятеле и его войске все то, что желал бы знать Принц.

— Командир похода вы, вам и надлежит приказывать, а я лишь сражаюсь под вашим знаменем.

— Все же мне хотелось бы услышать ваш совет, ваше мнение, сэр Саймон. Но должен вам

заметить, что река, о которой вы упомянули, останется в стороне от нас, ибо Принц уже подошел к Сальватьерре, оттуда двинется к Витториа, и если мы нагрянем на испанцев с другой стороны, то путь к отступлению не будет отрезан.

— Что же вы предлагаете? — спросил сэр Саймон, покачивая седой головой и, как видно, не вполне убежденный.

— Идти вперед без промедления, пока весть о том, что мы переправились через реку, еще не дошла до врагов; тогда мы своими глазами увидим, велико ли их войско, и, может быть, нам представится возможность хотя бы небольшой стычки.

— Воля ваша! — сказал сэр Саймон Берли.

Их сотоварищи выразили свое согласие, и, наспех перекусив, маленький отряд снялся с места, как только стемнело.

Всю ночь бредя ощупью и ежеминутно оступаясь, ратники вели в поводу своих коней, пробирались по кочковатым долинам и глухим ущельям, следуя за проводником — перепуганным насмерть крестьянином, которого они поймали в лесу и привязали за руку к стремени сэра Саймона. На рассвете они очутились в мрачной теснине — во все стороны от нее тянулись такие же узкие коридоры, а над головами ратников вздымались огромными уступами темные голые скалы.

— Что это, достойный лорд! — сказал Черный Саймон. — Этот мужлан завел нас невесть куда! Жаль, нет поблизости дерева, чтобы его вздернуть, — так сбросим негодяя в пропасть!

По свирепому взгляду воина и его грозному тону крестьянин догадался об ожидавшей его печальной участи и упал на колени, моля о пощаде.

— Почему мы здесь, пес? — спросил его по-испански сэр Уильям Фелтон. — Где же лагерь, к которому ты поклялся нас привести?

— Клянусь пресвятой Девой! Клянусь матерью божьей! — завопил, трясаясь от страха, крестьянин. — В этакой тьме кромешной я и сам сбился с дороги!

— В пропасть его! — загремели голоса.

Лучники уже оттащили было несчастного от скалистого выступа, за который тот цеплялся, но в эту минуту подъехал сэр Найджел и приказал им остановиться.

— Что тут происходит, господа? — спросил он. — Принц доверил мне вести поход, и только я один имею право отдавать приказания; но, клянусь апостолом, я охотно готов дать удовлетворение любому из вас, если кого-нибудь задели мои слова! Быть может, вас, сэр Уильям? Или вас, милорд Ангусский? Или вас, сэр Ричард?

— Нет, нет, сэр Найджел, — возразил сэр Уильям, — не хватало нам еще ссориться из-за этого мерзавца. Но он предал нас и заслужил позорную смерть!

— Вот что, парень, — обратился сэр Найджел к крестьянину, — мы еще раз даем тебе возможность найти тропу. В этом походе, сэр Уильям, мы можем добыть великую славу, и очень прискорбно, если первым падет от нашей руки этот неотесанный мужлан. Прочтем же утренние молитвы, а он тем временем поразмыслит и, надеюсь, вспомнит путь к лагерю.

Сняв шлемы и склонив головы, лучники стояли возле своих коней, а сэр Саймон Берли стал читать Pater, Ave и Credo. Надолго запечатлелась в памяти Аллейна эта картина — кучка закованных в сталь рыцарей, кирпичное лицо сэра Оливера, резкие черты шотландского графа, сияющая лысина сэра Найджела, мужественные, бородатые лица лучников вокруг них, ряд длинных лошадиных морд и нависшие над этой группой отвесные склоны гор. Но едва воины произнесли «аминь», как невидалеке раздался звон труб, затрещали барабаны, зазвенели цимбалы — и при этих оглушительных звуках воины в уверенности, что на них наступает несметная армия, схватились за оружие, а их проводник, упав на колени, возблагодарил небеса.

— Это они, caballeros! — крикнул крестьянин. — Они играют утреннюю зорю. Сдоблаговолите последовать за мной, и раньше, чем человек успеет перебрать четки, вы увидите их стан.

Крестьянин сполз в овраг, поднялся на его противоположный край и вывел отряд в небольшую долину с ручьем, по берегам которого густо разрослись самшит и бузина; пробираясь сквозь заросли, путники все же осторожно выглянули, и глазам их открылась картина, от которой

сильнее забились их сердца и участилось дыхание.

Перед ними лежала обширная равнина; орошаемая двумя извилистыми ручьями и покрытая сочной зеленой травой, она простиралась далеко-далеко, туда, где на фоне нежно-голубого утреннего неба вырисовывались высокие башни Бургоса. На этом лугу раскинулся огромный лагерь. Бесчисленное множество палаток тянулось правильными рядами, образуя как бы улицы и площади строго распланированного города. Среди их скромной белизны выделялись высокие шатры из яркого шелка, а над ними красовались знамена испанских грандов, Леонских и Кастильских баронов; над белым морем палаток, насколько хватало глаз, сверкали золотом и пылали яркими красками стяги, перевязи, пестрые кисти шатров и щиты с гербами, оповещая о том, что весь цвет Иберийского рыцарства собрался на равнине. Посреди лагеря высился великолепный шатер из белого и алого шелка, а над ним развевалось знамя с королевским гербом Кастилии, говорившее о том, что доблестный Генрих находится собственной особой среди своих воинов.

Разглядывая из своего убежища эту живописную картину, лучники заметили, что огромное войско уже пришло в движение. Лучи восходящего солнца играли на стальных шлемах и нагрудниках пращников и лучников, которые сомкнутыми рядами маршировали на отведенных для этой цели участках поля. В ясное утреннее небо поднимались тысячи синеватых столбов дыма, там горели костры, над которыми закипали походные котлы. На лугу в стремительном галопе носились сотни легконогих скакунов; всадники гарцевали, раскачиваясь из стороны в сторону и размахивая дротиками, заимствовав эту манеру у своих недругов-мавров. Вдоль поросшего осокой берега шли друг за другом пажы, ведя на водопой боевых коней, в то время как празднично разодетые рыцари стояли кучками у входов в шатры или, держа на кисти руки сокола, выезжали в сопровождении борзых поохотиться за перепелами или зайчатами.

— Клянусь эфесом, mon gar, — шепнул Эйлвард Аллейну, который так и замер и, широко раскрыв от изумления глаза, смотрел на представшее перед ним зрелище, — мы-то блуждали всю ночь, разыскивая их, и нашли, а делать нам тут, выходит, и нечего.

— Что верно, то верно, — согласился старик Джон-стон. — Лучше бы мы оставались на том берегу Эбро, подальше отсюда, ведь здесь нечем прославиться и нечем поживиться. А ты что скажешь, Саймон?

— Клянусь распятием! — воскликнул свирепый ратник. — Пока я не увижу их кровь, я не поверну свою кобылу назад. Я не мальчик, чтобы трое суток не слезать с коня впустую...

— И я так думаю, цветик мой! — поддержал его Хордл Джон. — Мы с тобой всегда неразлучны, как клинок с эфесом. Эх! Сцапать бы хоть одного из этих гарцующих щеголей, и мне наверняка удалось бы содрать с него выкуп и подарить матери корову!

— Подумаешь, корову! — усмехнулся Эйлвард. — Сказал бы лучше, акров десять земли и домик на берегу Эйвона.

— Да что ты? Клянусь пресвятой Девой, тогда я согласен хотя бы вон на того, в красном камзоле!

Лучник уже готов был очертя голову ринуться на открытое место, но сэр Найджел преградил ему дорогу и толкнул его в грудь.

— Назад! — приказал он. — Еще не настало время действовать, мы просидим здесь до вечера. Снимите шлемы и куртки, не то враги могут нас заметить, да привяжите коней где-нибудь среди скал.

Приказание было немедленно исполнено, и минут десять спустя лучники, растянувшись на берегу ручья, извлекли из походных сумок хлеб и сало и принялись есть, нет-нет да и приподнимаясь, чтобы полюбоваться живописной, непрерывно меняющейся картиной лагеря. Долго лежали они молча, лишь изредка перекидываясь шуткой или делясь своими соображениями, ибо дважды в течение этого долгого утра до них — справа и слева из-за холмов — долетали звуки горна, очевидно, их отряд вклинился между сторожевыми постами неприятеля. Командиры спрятались в самой гуще кустарника и совещались, меж тем как снизу доносился многоголосый гул, резкие возгласы, ржание коней — словом, обычный шум большого лагеря.

— Что толку отсиживаться здесь? — доказывал сэр Уильям Фелтон. — Лучше первыми напасть на них, прежде чем они нас обнаружат.

— Я полностью согласен с вами! — отозвался шотландский граф. — Они ведь и не подозревают, что неподалеку от них стоит враг.

— А по-моему, это — безумие! — возразил сэр Саймон Берли. — Не рассчитываете же вы разбить наголову столь большое войско; а куда нам отступать, что делать, если неприятель отбросит нас? Слово за вами, сэр Оливер Баттестхорн!

— Клянусь яблоком Евы! — воскликнул дородный рыцарь. — Не кажется ли вам, что с ветром доносятся запахи какой-то вкусной снеди из их походных котлов? Я за то, чтобы сразу нагрянуть на испанцев, если только мой старый друг и соратник того же мнения!

— Есть у меня план, — сказал сэр Найджел, — совершить небольшую вылазку, а потом, если богу будет угодно, унести отсюда ноги, что представляется мне при других обстоятельствах почти безнадежным, как верно заметил сэр Саймон Берли.

— Какой же это план, сэр Найджел? — хором спросили присутствующие.

— Весь день мы проведем здесь, в засаде: среди таких зарослей они нас наверняка не обнаружат. А наступит вечер — и мы сделаем вылазку в их стан, и, надеюсь, нам представится возможность совершить славный подвиг!

— Зачем же ждать до вечера?

— В темноте легче отступить и уйти через горы. Здесь, в проходе, надо будет расставить десятка два лучников, укрепить на выступах скал все наши знамена и встретить испанцев, если они погонятся за нами, громом барабанов, звуками горнов и труб — может быть, в полумраке они примут наш отряд за армию Принца и отступят. Ну как, мой план удачен, сэр Саймон?

— Он мне очень по душе, честное слово! — одобрил сэра Найджела старый, мудрый командир. — Трудно придумать что-нибудь лучшее, если четыреста воинов вынуждены напасть на шестидесятитысячное войско.

— И я так полагаю, — пылко откликнулся Фелтон, — эх, скорее бы прошел этот день, а то несдобровать нам, если испанцы пронюхают, что мы здесь.

Едва он высказал свое опасение, как раздался грохот катящихся камней, звонкое цоканье копыт, со стороны гор выехал на белом скакуне смуглолицый всадник и, промчавшись через кусты, понесся вскачь по долине. Он ехал с поднятым забралом, в легких доспехах, на его левой руке сидел сокол, рыцарь беззаботно поглядывал по сторонам, как человек, настроенный на веселый лад и далекий от мысли о какой-либо опасности. Но вот взор его случайно упал на суровые лица людей, смотревших на него из зарослей. Вскрикнув от ужаса, он вонзил шпоры в бока лошади и помчался во весь опор к узкому выходу из ущелья. Он уже было достиг цели, отбросив заступивших ему дорогу лучников или свалив их наземь в бешеном галопе, когда Хордл Джон схватил его за ногу и мощным рывком стащил наземь, а двое других воинов поймали шархнувшуюся от испуга лошадь.

— Ого-го! — загоготал Большой Джон. — Говори прямо, сколько коров получит с тебя моя мать, если я отпущу тебя?

— Брось нести вздор! — оборвал его сэр Найджел. — Подведите этого человека ко мне. Клянусь апостолом, мы с вами уже где-то встречались. Если я не ошибаюсь, вы дон Диего Альварес и прежде бывали при дворе Принца?

— Вы правы, это именно я, — ответил по-французски испанский рыцарь, — и я прошу вас, пронзите мне сердце мечом, ибо как же мне, кастильскому кабальеро, смотреть на белый свет после того, как меня стащил с коня своими грязными руками человек низкого звания, простой лучник!

— Об этом не печальтесь, — ответил сэр Найджел, — не стащи он вас наземь, ваше тело было бы уже истыкано английскими стрелами.

— Клянусь святым Иаковом! Все лучше, чем быть опоганенным его прикосновением! — воскликнул испанец, и черные глаза его засверкали злобой и ненавистью. — Во всяком случае, надеюсь, что я пленник какого-нибудь достойного рыцаря или джентльмена?

— Вы пленник человека, который вас взял, — ответил сэр Найджел. — И скажу вам в утешение, что английским лучникам случалось брать в плен и более высоких особ, чем мы с вами.

— Какой же выкуп он требует с меня? — спросил испанец.

Когда вопрос был переведен на английский, лицо Большого Джона расплылось в блаженной улыбке и, почесав свой рыжий затылок, он заявил:

— Скажите ему, что я требую десять коров и одного бычка, хотя бы маленького; да еще два платья — из синего кашемира для матери и красное для Джоан; затем пять акров пастбища, две косы и хороший новый оселок; и еще небольшой домик, коровник и тридцать шесть галлонов пива — в жару пригодится...

— Хватит, хватит! — воскликнул, смеясь, сэр Найджел. — Это добро можно приобрести и за деньги; я полагаю, дон Диего, что пять тысяч крон не слишком высокая цена для столь знаменитого рыцаря?

— Они будут ему выплачены в должный срок.

— На несколько дней мы вынуждены задержать вас. И я прошу отдать нам ваш щит, оружие и лошадь.

— Они принадлежат вам по законам войны, — хмуро ответил испанец.

— Я прошу их только на время, именно сегодня они мне весьма пригодятся, но вам возвратят их в полной сохранности. Эйлвард, позаботьтесь расставить караульных с натянутыми луками в обоих концах ущелья на случай, если еще какой-нибудь знатный кавалер вздумает не вовремя наведаться сюда.

Весь день маленький отряд англичан наблюдал из своей засады за полчищем врагов, не чувявших грозившей им опасности. После полудня в лагере вдруг возникло необычайное оживление, раздались воинственные клики, сливаясь с возгласами ликования, и на зов боевой трубы начали стекаться воины. Взобравшись повыше, лучники увидели облако пыли, клубившееся на восточном горизонте, — там реяли знамена и поблескивали на солнце копы большого кавалерийского отряда, двигавшегося по равнине. В первую минуту у англичан зародилась надежда, — уже не удалось ли Принцу, продвинувшись быстрее, чем он рассчитывал, переправиться через Эбро и не его ли это авангард идет в атаку.

— Право же, я различаю алое знамя Чандоса впереди эскадрона! — воскликнул сэр Ричард Костон, всматриваясь вдаль из-под ладони.

— Вы ошибаетесь, — ответил сэр Саймон Берли; и по мере того, как приближалось войско, лицо его все мрачнело. — Этого-то я и опасался! Смотрите, вон там двухголовый орел — герб Дюгесклена!

— Верно, сэр! — воскликнул граф Ангусский. — Это, бесспорно, французское ополчение, я уже вижу герб маршала д'Андрежена, а рядом гербы Антуана и Бризейля да и многие другие, принадлежащие знатым родам Бретани и Анжу.

— Клянусь апостолом! Меня это только радует! Что за народ испанцы, мне неизвестно. Но французы — достойные люди, они сделают все, что могут, для нашего успеха.

— О-о! — воскликнул сэр Уильям Фелтон. — Да их тут не меньше четырех тысяч, и все ратники! Смотрите-ка, возле знамени сам Бертран, а король Генрих едет ему навстречу и приветствует его. Теперь все они направляются в лагерь.

Тем временем испанские и французские войска в полном боевом порядке шли по равнине, высоко подняв знамена и размахивая мечами. Весь день в многолюдном стане царило неудержимое веселье и бурное ликование; отзвуки его доносились до укромного убежища, откуда англичане могли наблюдать, как французы и испанцы то бросались друг другу в объятия, то, взявшись за руки, лихо отплясывали вокруг пылающих костров. Когда же солнце стало клониться к закату и скрылось за облачной грядой, сэр Найджел приказал своим воинам вооружиться и снарядить коней. Сбросив панцирь и латы, он с головы до пят облачился в доспехи пленного испанца.

— Сэр Уильям, — сказал он, — пора совершить то маленькое дельце, которое задумано, и я прошу вас командовать нападением на лагерь неприятеля. Сам я вместе с оруженосцем и двумя лучниками выезжаю первым. Вы же следите за нами и, как только увидите нас среди палаток, тотчас бросайтесь в атаку. Не забудьте расставить здесь у прохода человек двадцать и возвращайтесь, когда сочтете, что уже рисковали достаточно.

— Все будет исполнено в точности, Найджел, но быть может, вы посвятите меня в свой план?

— Увидите сами, и дело-то пустяковое. Аллейн, ты отправишься со мной и поведешь запасную лошадь. Я беру с собой также тех двух лучников, которые сопровождали нас во Франции, это верные, мужественные люди. Пусть следуют верхами и оставят свои луки здесь, в кустах: никто не должен знать, что мы англичане. Ни с кем из встречаемых не вступать в разговоры и даже не отвечать на расспросы. Ну, как, собрались в путь?

— Я собрался, достойный лорд, — ответил Аллейн.

— И я, и я! — откликнулись Эйлвард и Джон.

— В случае какой-либо неожиданности полагаюсь на ваш опыт, сэр Уильям. И если бог не оставит нас, мы свидимся в этом ущелье еще до наступления темноты.

Затем сэр Найджел сел на белого скакуна испанского кавалера — собственную его лошадь вел в поводу Аллейн — и вместе со своими спутниками спокойно выехал из скалистого убежища. Среди множества французских и испанских всадников, скакавших по всем направлениям, маленькая группа, не привлекая к себе внимания, неспешной рысью пересекла равнину и без всяких помех и приключений достигла лагеря. Прокладывая путь сквозь толпу конных и пеших, всадники миновали многочисленные ряды палаток, пока перед их глазами не вырос величественный королевский шатер. Как только они поравнялись с ним, неожиданно с дальнего конца лагеря донесся неистовый гам — вопли сливались с воинственными кликами, — казалось, там кипит схватка. Тотчас же из палаток выбежали солдаты, рыцари призывали к себе оруженосцев, лошади и ошеломленные воины бросались во все стороны, началось замешательство. У королевского шатра метались разодетые слуги, не зная, что предпринять, ибо стража, стоявшая здесь на часах, умчалась на место тревоги. Два воина — справа и слева от входа — одни только и охраняли королевское жилье.

— Я приехал, чтобы похитить короля, — прошептал сэр Найджел, — и, клянусь апостолом, не сойти мне с места, если я не увезу его с собой.

Аллейн и Эйлвард, соскочив наземь, ринулись на стражников и, не дав им опомниться, сбили их с ног и обезоружили. Сэр Найджел ворвался в шатер, вслед за ним и Хордл Джон, предварительно привязав лошадей; раздались душераздирающие вопли, звон стали, и вскоре оба воина выбежали из шатра — их мечи и одежда были обгажены кровью, а Хордл Джон нес, перекинув через плечо, тело человека, лишившегося чувств, по-видимому, одного из членов королевского дома, ибо нарядный плащ его был украшен изображениями кастильских львов и башен. Вслед за ними высыпала толпа бледных от ужаса пажей и слуг — они метались, как угорелые те, кто был позади, протискивались вперед, а те, кто уже опередил остальных, отшатывались при виде свирепых лиц двух воинов и их залитых кровью мечей. Бросив своего пленника на спину запасного коня, все четверо вскочили в седла, опустили поводья и, вонзив шпоры в бока лошадей с громом промчались сквозь взбудораженный лагерь.

Однако смятение еще не скоро улеглось среди испанцев, ибо отряд Фелтона, вторгшись в лагерь, учинил там нещадную резню, усеяв свой путь убитыми и умирающими. Не понимая, кто они, эти головорезы, не умея отличить врагов от подоспевших из Бретани союзников испанские рыцари в слепой ярости рыскали по всем направлениям.

Растерянность и суматоха, царившие в лагере, смешение различных говоров, сгущавшиеся сумерки — все это облегчало побег четверым англичанам, которые одни только и понимали, что происходит. Несколько раз они с трудом пробивались через небольшие группы всадников, а однажды мимо их голов пролетели стрелы и камни. Не замедля бешеного галопа, они вырвались наконец из вражеского стана и на равнине вскоре нагнали своих товарищей, спешивших в горы. Через несколько минут отчаянной скачки они уже находились в своем убежище, а их преследователи отступили, уstraшенные барабанным боем и звуками труб: им с перепугу показалось, что вся армия Принца вот-вот хлынет на них из горных проходов.

— Клянусь честью, Найджел, — воскликнул сэр Оливер, размахивая большим окороком, — вот к этому подойдут мои трюфели! Он-таки достался мне с боем: трое сотрапезников сидели вокруг стола с ножами в руках и облизывались, когда я налетел на них и с маху вырвал добычу! Сэр Уильям, не отведаете ли вы прославленной испанской свинины, хотя у нас и запить-то нечем, кроме воды из ручья?

— Сейчас не время, сэр Оливер, — ответил суровый воин, вытирая испачканное лицо, — надо уйти подальше в горы, — только там мы будем в безопасности. Но кто же такой этот незнакомец. Найджел?

— Я похитил этого рыцаря из королевского шатра, и, поскольку у него на одежде королевский герб, надо полагать, что это и есть сам король Испании.

— Король Испании! — воскликнули в один голос ошеломленные воины и окружили пленника.

— Увы, сэр Найджел, — сказал сэр Фелтон, пристально разглядывая в полумраке лицо неизвестного рыцаря, — мне довелось дважды в жизни видеть Генриха Трастамарского, но этот человек даже и не похож на него.

— Клянусь светом небесным, — воскликнул Найджел, — тогда я немедленно помчусь обратно за ним!

— Нет, нет! Это — чистейшее безумие, сейчас там все уже при оружии. Кто вы, любезнейший, — добавил сэр Фелтон по-испански, обращаясь к пленнику, — и как вы смеее носить одежду с кастильским гербом?

Пленник, пострадавший от могучей хватки Хордла Джона, теперь уже пришел в себя и ответил:

— Если вам угодно знать, я один из девяти королевских телохранителей и обязан носить одежду с его гербом, чтобы вводить в заблуждение врагов в минуты опасности, как, например, нынче вечером. А король находится в шатре славного Дюгесклена, где и будет нынче ужинать. Я же арагонский кабальеро и, хотя и не имею чести быть королем, однако готов дать за себя хороший выкуп...

— Клянусь апостолом! Не нужно мне ваше золото! — воскликнул с гневом сэр Найджел. — Возвращайтесь к своему господину, передайте ему привет от сэра Найджела Лоринга из замка Туинхэм и добавьте, что я надеялся нынче вечером свести с ним знакомство покороче и лишь из-за пылкого желания поскорее встретиться со столь любезным и прославленным рыцарем позволил себе ворваться так неучтиво в его шатер. Ну, друзья, поспешим, нам придется проскакать немало миль, прежде чем можно будет разложить костер и отстегнуть подпругу у коней. Увы! Надеялся я избавиться сегодня вечером от этой мушки, но, как видно, еще нельзя.

Глава XXXVI

Как сэс Найджел снял мушку с глаза

Стояло хмурое, холодное мартовское утро, и густые клубы тумана плыли по ущельям Кантабрийских гор. Воины Белого отряда, проведя ночь в защищенном ущелье, чуть свет были уже на ногах, и теперь одни грелись, теснясь у костра, другие бегали или играли в чехарду, разминая окоченевшие от резкого холода руки и ноги. Кое-где смутно проступали очертания горных вершин и скалистых валунов, а далее из моря тумана вздымался высоченный пик, и его снежная шапка уже алела в лучах восходящего солнца. Земля была сырой, скалы — мокрыми, на вечнозеленых растениях сверкали бусинки влаги; но в самом лагере было шумно и весело, ибо Принц передал через гонца сердечную похвалу и благодарность своим воинам за проявленную ими доблесть, а также приказ занимать и впредь место головного отряда.

Вокруг одного из костров собралась кучка командиров, они чистили оружие и по временам бросали нетерпеливые взгляды на закипавший большой котел, висевший над пламенем. Эйлвард сидел в одной рубашке, поджав под себя ноги, и скреб свою кольчугу, громко насвистывая какой-то мотив. По одну сторону от него Джонстон подрезал по своему вкусу перья для стрел, по другую — лежал Хордл Джон, раскинувшись всем своим огромным телом, и раскачивал на ноге свой шлем. Черный Саймон из Нориджа сидел нагнувшись и точил меч о плоский камень, который он держал на коленях, мурлыча про себя балладу. Рядом с ним Аллейн Эдриксон и Норбери, молчаливый оруженосец сэра Оливера, грели окоченевшие руки у пылавшего костра.

— Подкинь-ка еще охапку, Джон, да помешай похлебку ножнами меча, — пробурчал Джонстон, в который раз уже бросая нетерпеливый взгляд на котел с варевом.

— Клянусь эфесом! — воскликнул Эйлвард. — Теперь, когда Джон получил такой большущий выкуп, ему вряд ли придется по вкусу скромная трапеза бедных лучников. Не так ли, samarade? А воротясь в свой родной Хордл, ты уже не обойдешься салом и дешевым пивом, нет, подавай тебе все семь дней в неделю только гасконские вина да жаркое.

— Как уж там будет, я не знаю. — ответил Джон, подбросил ногою шлем и тут же поймал его руками, — но знаю одно: готово ваше варево или нет, но я сию же минуту зачерпну его своим шлемом.

— Уже закипает, уже бурлит, — ответил Джонстон, заглядывая сквозь пар в котел, который тотчас был снят с огня; похлебку разлили в стальные шлемы, и воины, зажав их между колен, взяли ложки и ломти хлеба и принялись за утреннюю трапезу.

— Плохая нынче погода для стрельбы, — заметил Джон со вздохом, вычерпав свой шлем до последней капли, — моя тетива обмякла и висит, словно коровий хвост.

— А ты натри ее грязью, — предложил Джонстон. — Ты не забыл, Сэмкин, когда мы стояли под Креси, погода была куда пасмурнее нынешней, однако я не помню, чтобы тетивы были не в порядке.

— Чует мое сердце, что не успеет солнце зайти, как нам понадобятся наши луки. Недаром ночью мне снилась рыжая корова, — сказал Черный Саймон, продолжая точить меч.

— А что предвещает рыжая корова, Саймон? — спросил Аллейн.

— Да я не знаю. Помню только, что в канун битвы под Кадсаном, под Креси и под Ножаном мне снилась рыжая корова; нынче она мне опять приснилась, вот я и оттачиваю поострее свой клинок.

— И хорошо делаешь, старый боевой конь! — воскликнул Эйлвард. — Клянусь эфесом! Пусть сбудется твой сон, ведь не за тем Принц послал нас сюда, чтобы мы лопали похлебку да собирали чернику. Эх! Еще раз побываю в жаркой схватке, а там пора и честь знать: повешу лук на стену, возьму себе жену да и засяду в углу у огонька! Ты что, Робин? Что тебе нужно?

— Лорд Лоринг просит вас к нему в палатку, — обратился юный лучник к Аллейну.

Войдя в палатку, Аллейн увидел сэра Найджела, тот сидел на подушке, скрестив ноги, а на коленях у него лежал свиток пергамента, и рыцарь пристально вглядывался в него, хмурая брови и поджав губы.

— Это послание доставил мне нынче утром гонец Принца, а из Англии его привез сэс Джон

Фоллисли — он только что из Суссекса. Вы разбираете, что тут сказано?

— Написано очень красиво и понятно, — ответил Аллейн, — и означает вот что: «Сэру Найджелу Лорингу, рыцарю и коннетаблю замка Туинхэм, писано Христофором, слугою божьим из монастыря в Крайстчерче».

— Это-то и я прочел, — заметил сэра Найджел, — а вот не разберу, что там написано внутри.

Аллейн стал читать послание, но, пробежав глазами несколько строк, побледнел, и возглас изумления и горести вырвался из его груди.

— Что случилось? — спросил рыцарь, устремив на Аллейна тревожный взгляд. — Какая-нибудь беда с леди Мэри или с леди Мод?

— Нет, с моим братом — моим бедным, несчастным братом! — воскликнул Аллейн, прижав руку ко лбу. — Он умер.

— Клянусь апостолом! Насколько я понимаю, он не выказывал к тебе особой любви, и не стоит его так оплакивать!

— И все же он был моим братом, единственным родным человеком на земле. Если он и невзлюбил меня, так на то имел причину: ведь наша земля была отдана монастырю как плата за мое воспитание. Увы, увy! А я-то замахнулся на него палкой, когда мы виделись в последний раз. Он умер, он убит, и я боюсь, что с ним свели счеты за его жестокость.

— Что поделаешь, — заметил сэра Найджел, — прошу тебя, читай.

— «Да будет с тобою господь, почтеннейший лорд, и да охранит тебя его святая сила. Леди Лоринг просила меня написать о том, что произошло в Туинхэме, и сообщить тебе о смерти твоего злого соседа, сокмана из Минстеда. Как только ты покинул нас, этот дурной человек собрал вокруг себя разбойников, бездомных бродяг и всякий сброд, и было их такое множество, что они поразогнали и поубивали королевских слуг, выступивших против них. Потом, выйдя из леса, они окружили твой замок и целых два дня держали нас в осаде, стреляя по замку. Их было столько, что жуть брала от одного их вида. Однако леди Лоринг стойко защищала замок, и на второй день осады сокман был убит, — как говорят, своими же людьми, — и мы были освобождены от этих поганцев за что и возносим хвалу всем святым, в особенности же преподобному Ансельму, в чей праздник это произошло. Леди Лоринг и леди Мод, твоя прекрасная дочь, пребывают в добром здравии; и я также — вот только мучает нарыв на ноге, видно, господь бог наказал меня за мои прегрешения. Да хранят тебя все святые угодники».

— Вот и сбылось видение леди Тифен, — помолчав с минуту, заметил сэра Найджел. — Помнишь, она говорила, что у вожака белокурая борода и он убит у ворот замка. Но одно мне странно, Аллейн: почему эта удивительная женщина, которая читает в сердцах людей, видит их насквозь и никогда не предсказала ничего такого, что не сбылось бы, настолько ошиблась, что стала уверять, будто твои помыслы даже более, чем мои, устремлены к замку Туинхэм?

— Да, достойный лорд, — ответил Аллейн, и на его обветренных щеках заиграл румянец, — леди Тифен и на этот раз сказала правду, ибо замок Туинхэм пребывает в моем сердце днем и в моих сновидениях ночью.

— Вот как? — отозвался сэра Найджел, искоса взглянув на Аллейна.

— Да, достойный лорд, ибо я люблю вашу дочь, леди Мод, и хоть я недостоин ее, но отдал бы все силы своего сердца на служение ей.

— Клянусь апостолом, Эдриксон, — холодно ответил рыцарь, подняв брови, — высоко же ты метишь! Наша семья принадлежит к очень древнему роду!

— И я принадлежу к древнему роду, — заявил оруженосец.

— Помимо того, леди Мод — наше единственное дитя, наследница нашего имени и всех наших владений.

— Увы! Как ни горько мне говорить об этом, но ведь и я теперь единственный наследник Эдриксонов!

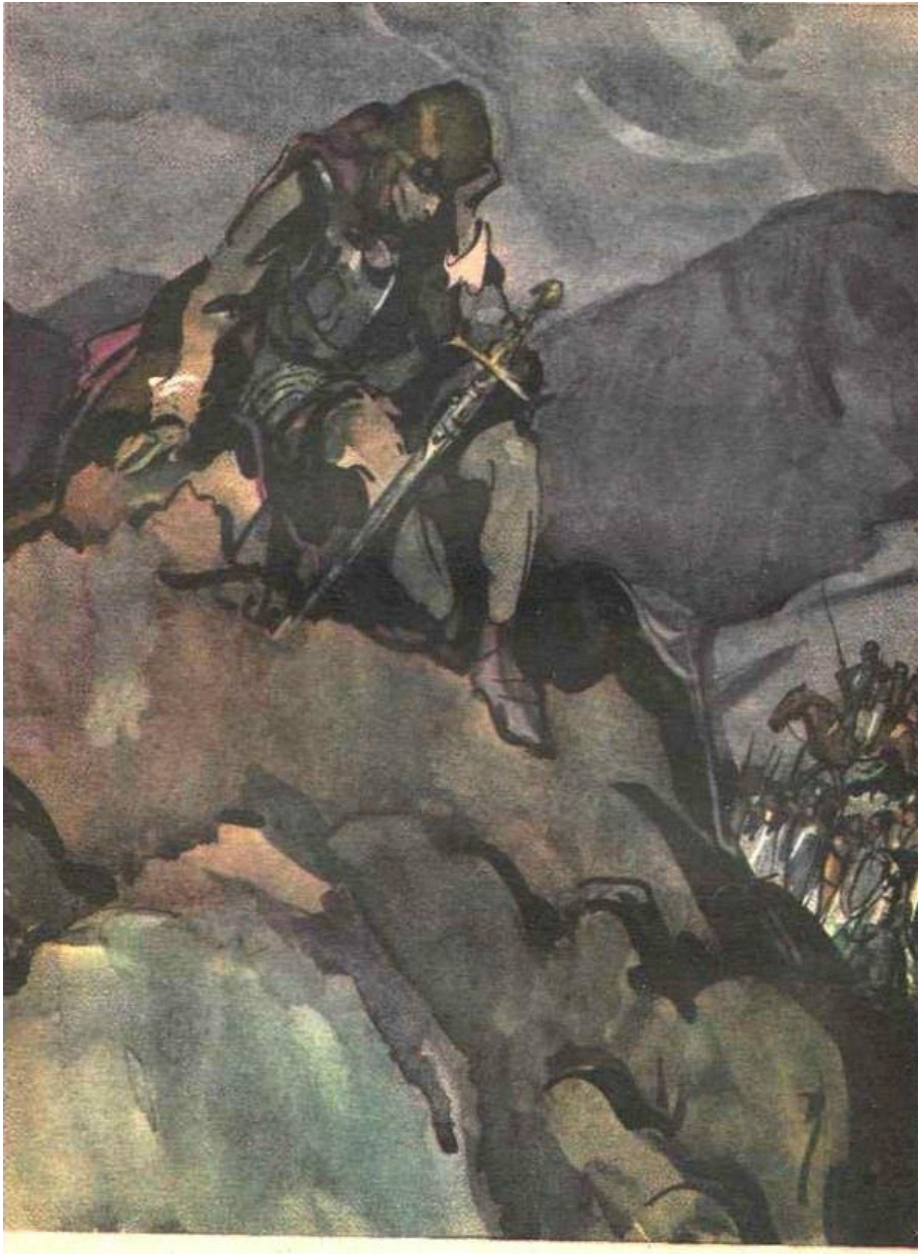
— Почему же ты до сих пор не открылся мне, Аллейн? Право же, по-моему, ты злоупотребил моим доверием!

— Нет, милорд, не обвиняйте меня в этом. Ваша дочь даже не знает, что я люблю ее, и мы не давали друг другу никаких обещаний.

Сэр Найджел задумался на минуту, затем громко рассмеялся и воскликнул:

— Клянусь апостолом, зачем мне вмешиваться в такого рода дела! Насколько мне известно, леди Мод всегда сама во всем отлично разбирается. Когда она подросла настолько, что могла топнуть своей маленькой ножкой, она всегда добивалась того, чего хотела, и если она питает к тебе такое же чувство, как ты к ней, то и сам король испанский со всем своим шестидесятитысячным войском не смог бы стать между вами. Скажу тебе одно: я хотел бы видеть тебя посвященным в рыцари, прежде чем ты скажешь моей дочери слова любви. Я всегда утверждал, что только доблестный рыцарь может стать ее мужем, и, говоря по правде, Эдриксон, если бог сохранит тебе жизнь, ты добьешься этой чести. Но довольно заниматься пустяками, нас призывают наши обязанности, об этом мы еще потолкуем, когда снова увидим меловые скалы нашей Англии. Иди к сэру Уильяму Фелтону и попроси его пожаловать ко мне: пора двигаться дальше. На другом конце этой горной долины нет прохода, и, если неприятель войдет сюда, мы окажемся в крайне опасном положении.

Передав поручение, Аллейн вышел из лагеря, чтобы побыть в одиночестве, ибо голова у него шла кругом после неожиданной вести о смерти брата и волнующего разговора с сэром Найджелом. Сев на камень и подперев руками пылающий лоб, он погрузился в воспоминания о брате, о своей ссоре с ним, о леди Мод в испачканном платье, о сумрачном старинном замке, о ее гордом бледном лице в оружейной и о сердечных обнадеживающих словах, которыми она напутствовала его перед отъездом. А ведь тогда он был еще простым клириком, без гроша в кармане, никому не известным, одиноким. Теперь же он сам стал сокманом Минстеда, главой старинного рода и владельцем поместья, которое, хоть и уменьшилось, но было все же достаточным, чтобы поддержать честь его семейства. Кроме того, он уже приобрел жизненный опыт, считался храбрецом среди храбрецов, сумел заслужить доверие и расположение отца любимой девушки, и тот — это было особенно важно — выслушал его, когда Аллейн открыл ему свое сердце. Что же касалось посвящения в рыцари, то в столь бурные времена, полные событий, оруженосцу благородного происхождения нетрудно будет добиться этой чести. И либо он сложит голову в горах Испании, либо совершит подвиг, который прославит его имя.

Аллейн все еще сидел на камне, и радость и грусть сменялись в его душе, подобно теням облаков, когда эти облака скользят над озаренной солнцем поляной, как вдруг его внимание привлёк протяжный глухой звук или, вернее, гул, донесшийся сквозь туман. Позади него раздавались голоса лучников, взрывы громкого хохота, ржание коней, которые нетерпеливо грызли удила и били копытами землю. Но, помимо этого, Аллейн различал отдаленное слитное гудение, которое поднималось отовсюду и заполняло все пространство. Аллейн вдруг вспомнил, что, еще живя в аббатстве, он слышал подобный гул, когда вышел однажды ночью на берег и слушал, как длинные валы разбиваются о прибрежную гальку. Однако здесь не было ни ветра, ни волн, а между тем глухой ропот все усиливался, все нарастал среди плывущего тумана. Юноша вскочил и пустился бежать к лагерю, громким криком предупреждая товарищей об опасности.

До лагеря было не более сотни шагов, но, ворвавшись в него, он застал воинов уже наготове: лучники держали коней за удила, а рыцари, выйдя из лагеря, настороженно прислушивались к зловещему звуку.

— Это, видимо, большой отряд кавалерии, — заметил сэр Уильям, — и они карьером несутся сюда.

— Это, должно быть, все же отряд Принца, — откликнулся сэр Ричард Костон, — они едут с северной стороны.

— Нет, непохоже, — возразил граф Ангусский, — вспомните — вчера вечером крестьянин

говорил нам, что ходит слух, будто дон Тельо, брат испанского короля, выступил в поход во главе шеститысячного отряда отборных воинов с намерением нагрянуть внезапно и разгромить лагерь Принца.

— Клянусь апостолом, — воскликнул сэр Найджел, — так оно, должно быть, и есть! Я припоминаю, что этот крестьянин глядел на нас исподлобья и, видно, не желал нам добра. Уверен, что он-то и привел сюда испанцев.

— В таком густом тумане нас не видно, и мы еще успеем выбраться отсюда через дальний конец прохода, — заметил сэр Саймон Берли.

— Будь мы стадом горных коз, — пожалуй, но всадникам там не пройти, — возразил сэр Уильям Фелтон. — Если и в самом деле сюда пожаловал дон Тельо со своими людьми, то нам лучше всего остаться здесь и приложить все усилия к тому, чтобы этот испанский отряд проклял тот день, когда он встретил нас на своем пути.

— Хорошо сказано, Уильям! — с воодушевлением воскликнул сэр Найджел. — Если их так много, то нам представится случай добыть немалую славу и честь. Однако гула что-то не слышно, боюсь, что они направились в другую сторону.

— Или они остановились у входа в ущелье и строятся. Т-сс, слушайте! Они уже совсем близко.

Вглядываясь в туман, воины Белого отряда стояли так тихо, что было слышно, как стекают по скалам струйки воды, как дышат лошади. Вдруг из недр тумана до них донеслось резкое ржание, и последовал протяжный зов трубы.

— Это сигнал испанцев, достойный лорд, — заметил сэр Саймон Берли, — так трубят их доезжачие и псари, давая знать, что зверь не ушел, а притаился в логове.

— Клянусь честью, — заявил сэр Найджел, — если они расположены поохотиться, то мы можем доставить им это развлечение, пока они не протрубят над нашими мертвыми телами. Неподалеку отсюда, среди ущелья, есть холм, мы можем на нем укрепиться.

— Я подумал об этом еще вчера вечером, — заметил Фелтон, — для такой цели лучше места не найдешь, ибо у него совершенно отвесный задний склон. Он совсем рядом, даже отсюда видно.

Воины, ведя коней в поводу, подошли к невысокому скалистому холму, очертания которого обозначались в тумане. И в самом деле, он был как бы создан самой природой для обороны, ибо передний склон опускался пологими уступами и был усеян громадными камнями, а задний представлял собой голый, отвесный утес высотой около ста футов. На вершине была небольшая продолговатая площадка в сотню шагов длиной и в пятьдесят — шириной.

— Отпустите лошадей, — приказал сэр Найджел. — Для них здесь нет места, а если мы удержим высоту, то после стычки коней у нас будет больше, чем нужно. Нет, вам, достойные сэры, они понадобятся. Эйлвард и Джон-стон, расставьте своих людей цепочкой по краям площадки. Вам, сэр Оливер, и вам, граф Ангусский, я поручаю правое крыло, а вам, сэр Саймон и сэр Ричард Костон, — левое. Я же с сэром Уильямом Фелтоном и нашими ратниками буду удерживать центр. Теперь стройтесь, друзья, разверните знамена и вспомним, что наши души принадлежат богу, наша жизнь — королю, а наши мечи — святому Георгию и Англии.

Едва сэр Найджел произнес эти слова, как туман стал редеть и расходиться, и лишь кое-где его длинные косматые клочья еще ползли над вершинами скал.

Ущелье, в котором они расположились, представляло собой клинообразную расселину, ближе к концу которой находилась небольшая неровная возвышенность, окруженная с трех сторон темными скалами; ее-то воины и заняли. Туман растаял, и яркие лучи солнца заискрились, засверкали ослепительным блеском на доспехах и шлемах большого кавалерийского отряда, который двигался через багганса, от утеса к утесу, меж тем как его арьергард был еще на равнине. Ряд за рядом, шеренга за шеренгой вливалась колонна в горный проход — колыхались знамена, сверкали копыта, развевались плюмажи и струились на ветру флажки, а курбеты и скачки боевых коней придавали еще больше оживления всей этой пестрой массе с ее переливающимися красками и ослепительным блеском доспехов. Ликующие крики и качающийся лес поднятых копий возвестили о том, что испанцы наконец увидели своих врагов, попавших в ловушку, меж тем как все нараставший рев труб, треск барабанов и звон мавританских цимбалов сливались в победный гром. И этим отважным и блистательным испанским всадникам было странно видеть горсточку людей на высоте, редкий строй лучников кучку рыцарей и ратников в заржавевших, тусклых от долгой службы доспехах, и говорить себе, что это и есть те самые солдаты, чьи подвиги и слава служили пищей для разговоров у

лагерных костров во всем христианском мире. Опершись о свои луки, они стояли неподвижно и молча, а их командиры держали совет тут же перед ними. В их рядах не звенели трубы, но в самой середине строя реяло английское знамя с леопардами, справа — знамя Белого отряда с розами Лорингов, слева, над головами шестидесяти валлийских стрелков, развевалось алое знамя Мерлина с кабаньими головами рода Баттестхорнов. Стоя в лучах утреннего солнца, англичане торжественно и спокойно ожидали действий неприятеля.

— Клянусь апостолом, — воскликнул сэр Найджел, глядя своими выпуклыми глазами на долину, — среди них, как я вижу, немало достойнейших людей! Чье это золотое знамя развевается на левом фланге?

— Это знамя рыцарей Калатравы, — ответил Фелтон.

— А на правом фланге?

— Знамя кавалеров ордена Сантьяго, я вижу, что и сам великий магистр выступает впереди своего отряда. А вон и знамя Кастилии колышется над тем отрядом в сверкающих доспехах, они идут впереди основных сил. Их здесь всего, насколько можно определить на глаз, шесть тысяч ратников и десять отрядов пращников.

— Среди них есть и французы, достойный лорд, — заметил Черный Саймон, — вон знамена де Куветта, де Бриё, Сен-Поля да и других знатных рыцарей, которые выступали против нас, на стороне Карла Блуасского.

— Верно, я тоже вижу их знамена, — вставил сэр Уильям, — здесь также много испанских гербов, но я мало знаю их геральдические знаки. Дон Диего, вы, разумеется, осведомлены относительно гербов вашей родины. Кто эти рыцари, удостоившие нас своей встречей?

Испанский пленник взглянул на густые, сомкнутые ряды своих соотечественников, и глаза его сверкнули торжеством.

— Клянусь святым Иаковом! — воскликнул он. — Если нынче вам суждено пасть в бою, вы падете не от руки мужлана — здесь весь цвет Кастильского рыцарства выступает под знаменами дона Тельо, а вместе с ним и рыцари Астурии, Толедо, Леона, Кордовы и Севильи. А вон на пиках флажки Альборнеса, Касорлы, Родригеса, Таворы, я различаю также знамена двух славных монашеских орденов, а, помимо того, бок о бок с ними выступают рыцари Франции и Арагона. Если хотите послушаться моего совета, заключите с ними почетное соглашение на тех же условиях, какие вы предъявили мне.

— Нет, клянусь апостолом! — заявил сэр Найджел. — Было бы слишком жаль, если бы такое множество отважных людей, встретившись лицом к лицу, не вступило в славную схватку. Ба, Уильям, они-таки двинулись на нас; и, клянусь честью, чтобы полюбоваться таким зрелищем, стоило переплывать моря!

И действительно, оба крыла испанской рати — слева рыцари Калатравы, справа — Сантьяго — стремительно вынеслись вперед, а основные силы последовали за ними, но без особой поспешности. Однако, не доезжая пятисот шагов до высоты, занятой англичанами, оба отряда, встретившись, круто повернули в разные стороны и, описав полукруг, отступили якобы в полном замешательстве. В былых боях с маврами последним нередко удавалось, прибегая к такого же рода притворным отступлениям, выманить из укреплений и увлечь за собой пылких испанцев. Но тут на холме стояли люди, превосходно знавшие все военные хитрости и уловки. Вновь и вновь, с каждым разом все приближаясь к холму, обе группы испанцев соединялись и тут же, испуская крики ужаса и низко пригнувшись к спинам коней, разъезжались врозь — направо и налево, англичане же, по-прежнему сохраняя полную невозмутимость, наблюдали за ними. Наконец авангард остановился на расстоянии полета стрелы от подножия утеса и, размахивая копьями и восхваляя свою отвагу, стал вызывать врагов на бой, а два всадника выехали из блестящих рядов и принялись гарцевать меж двумя вражескими станами, подняв копьё и щиты с гербами, подобно герольдам на турнире.

— Клянусь апостолом, — воскликнул сэр Найджел, и его открытый глаз сверкнул, как уголь, — эти два джентльмена чрезвычайно благородны и великодушны! Не могу припомнить, чтобы я видел народ, столь возвышенный сердцем и изобретательный на выдумки, как эти испанцы. Наши лошади при нас, сэр Уильям. Быть может, нам избавить этих двоих от тяжелого обета, который они, по-видимому, на себя наложили?

Не отвечая, Фелтон живо вскочил на коня и погнал его вниз, а сэр Найджел последовал за ним на расстоянии трех копий. Спустившись по трудному для галопа, неровному, каменистому склону, друзья помчались к двум кавалерам во весь опор, а доблестные испанцы с не меньшей

прытью ринулись им навстречу. Противником Фелтона оказался рослый юнец с головой оленя на щите, а противником сэра Найджела — плотный, коренастый муж, с головы до ног закованный в сталь; вокруг его шлема вислась бело-розовая гирлянда. Юнец с такой силой ударил Фелтона по щиту, что расколол его пополам, но копье англичанина мгновенно вонзилось в горло юноши, под забрало, и тот с хриплым воплем рухнул наземь. Уже охваченный хмелем битвы, Фелтон не удовольствовался этой легкой победой: он пришпорил коня и врезался на всем скаку в отряд рыцарей Калатравы. И еще долго в полном молчании смотрели его соратники с высоты, как он кружился, подобно неистовому вихрю, в самой гуще испанского строя, а со всех сторон сверкали клинки и ржали, вставая на дыбы, боевые кони. То тут, то там мелькало белое перо на его шлеме, вздымаясь и падая, подобно пене на гребне волны, среди кольца жарко сверкавших и сыплющих искры мечей; наконец он исчез из виду, и еще один отважный воин перешел от битв к вечному покою.

Между тем сэр Найджел нашел достойного противника — им оказался не кто иной, как Себастьян Гомес, непобедимый воин монашеского Ордена рыцарей Сантьяго, снискавший себе великую славу во время бесчисленных битв с маврами в Андалусии. Стычка была столь яростной, что копья раскололись до самой рукояти, а кони так круто взвились на дыбы и попятись, что, казалось, вот-вот опрокинутся, подмяв под себя всадников. Однако, в совершенстве владея искусством верховой езды, рыцари, сделали длинный курбет, а затем, выхватив из ножен мечи, стали наносить друг другу удары столь рьяно, словно это были могучие кузнецы, бившие по наковальне. Их кони кружили на месте, кусая и лягая друг друга, а мечи противников мелькали, со свистом рассекая воздух, и чертили в ярком свете дня сверкающие круги. Удары, парирования, выпады сменялись с молниеносной быстротой, и глаз не успевал следить за ними; но вот противники сошлись вплотную, обхватили друг друга и свалились с коней. Испанец, более плотный, чем англичанин, прижал противника к земле; под восторженные возгласы соотечественников он уже занес над ним меч. Однако роковой удар не обрушился на сэра Найджела, занесенная рука испанца внезапно дрогнула, он судорожно вытянулся и замертво рухнул на бок, истекая кровью, хлынувшей из подмышки и сквозь прорезь забрала. Сэр Найджел вскочил на ноги, держа в руках окровавленный кинжал, и наклонился к лежавшему у его ног противнику, — да, с ним было уже покончено, смертельный удар, нанесенный в ту минуту, когда рыцарь поднял руку, решил его участь. Бросившись в седло, сэр Найджел помчался к своим, по рядам испанцев прокатился многоголосый вопль ярости, и двадцать боевых труб затрубили, призывая к атаке.

Но англичане только этого и ждали. Упершись ногами в землю, закатав рукава, чтобы мышцы не были стеснены, зажав в руке длинные военные луки и перебросив на грудь колчаны, они выстроились редкой цепочкой в четыре шеренги, что давало им возможность свободно поворачиваться и пускать стрелы, не задевая своих. Эйлвард и Джонстон стали бросать в воздух пучки травы, определяя силу и направление ветра, и по рядам негромко передавались советы и указания.

— Стреляйте не дальше, чем на триста шагов, — крикнул Джонстон, — нам могут еще очень понадобиться наши стрелы, прежде чем кончится стычка!

— Лучше перелет, чем недолет, — добавил Эйлвард, — лучше бить по арьергарду, чем метать стрелы в землю.

— Спускай стрелу быстро и решительно, — советовал третий, — натянул тетиву, нацелил стрелу, пустил в цель. Клянусь богоматерью! Их знамена приближаются, и мы должны удержать эту высоту, если хотим когда-нибудь опять увидеть воды Саутгемптона.

Аллейн, стоявший с мечом наголо среди лучников, наблюдал, как сверкающие эскадроны, всколыхнувшись, медленно двинулись вперед сначала рысью, затем перешли на легкий галоп, становившийся все быстрее, быстрее, и вот уже вся колонна, ряд за рядом, понеслась во весь опор — воздух огласили громовые крики, земля задрожала под копытами коней, казалось, долину залил поток стали, развевались плюмажи и флажки, поблескивали копья, взятые наперевес. Промчавшись по долине, они ринулись на приступ высоты, где были встречены убийственным ливнем английских стрел. Целыми рядами валились испанцы, словно захваченные каким-то бешеным водоворотом, в котором метались лошади, сбитые с ног люди падали и снова поднимались, шатаясь, как пьяные, но все новые шеренги испанских всадников продолжали врываться в узкие проходы меж камнями и гнать своих коней по роковому склону. До слуха Аллейна долетали отрывистые, суровые приказы командиров лучников, воздух был полон резким гудением тетив, свистом и стуком падавших стрел. У подошвы холма выросла целая стена повалившихся лошадей и сраженных воинов она все росла, все поднималась, по мере того как прибывали свежие эскадроны и устремлялись на приступ утеса. Один молодой всадник на сером жеребце, перемахнув через груды поверженных соратников, понесся во весь опор по склону, громко взывая к святому Иакову, но на расстоянии копья от вражеского строя

пал, сраженный множеством стрел, которые так и остались торчать в каждой щели его доспехов. В течение пяти минут все вновь и вновь доблестные рыцари Испании и Франции бросались в атаку, силясь овладеть высотой, и только когда трубы проиграли отбой, они начали медленно отступать на безопасное расстояние, оставив своих лучших, доблестнейших солдат умирать в этой кровавой куче.

Но недолго отдыхали победители. В то время, как рыцари атаковали англичан спереди, неприятельские пращники и арбалетчики незаметно подкрались с флангов и разместились на утесах и отдаленных скалах. Внезапно камни градом посыпались на обороняющихся, которые, стоя на открытом месте, служили отличной мишенью для врагов, укрывавшихся за каменными выступами. Джонстон, старый лучник, вскоре упал без единого стога, сраженный камнем, ударившим его в висок, и в ту же минуту погибли пятнадцать лучников и шестеро ратников. Воины, оставшиеся в живых, легли ничком, спасаясь от смертоносного града, а лучники, растянув свою цепь по краю вершины, вступили в перестрелку с пращниками и арбалетчиками, особенно целясь в тех, кто взобрался на утесы: и всякий раз, когда от метко пущенной стрелы кто-либо из недругов срывался с высоты, они радостно вскрикивали и смеялись.

— Мне кажется, Найджел, — сказал сэр Оливер, подъезжая к маленькому рыцарю, — нам было бы куда легче, если бы устроить полдник. Солнце уже стоит высоко.

— Клянусь апостолом, — воскликнул сэр Найджел, срывая мушку с глаза, — я полагаю, что теперь я свободен от своего обета, ибо в сражении с этим испанским рыцарем можно было снискать немалую славу. Ничего не скажешь, это был достойнейший джентльмен, отважный, неустрашимый, мне и вправду жаль, что он погиб так нелепо. Однако, Оливер, забудьте и думать о еде у нас здесь ничего с собою нет.

— Найджел, — раздался голос сэра Саймона Берли, подбежавшего к товарищам с растерянным видом. — Эйлвард предупреждает, что в колчанах осталось не более двухсот стрел. Смотрите! Испанцы спешили, снимают кованые башмаки и собираются, как видно, одолеть нас врукопашную. Неужели и теперь мы не отступим?

— Скорей душа моя расстанется с телом, чем я отступлю, — воскликнул маленький рыцарь, — здесь я стою, здесь и буду стоять насмерть, пока бог дает мне силы поднимать меч!

— И я так скажу, — загремел сэр Оливер, подбросив в воздух свою огромную палицу и поймав ее за рукоять.

— К оружию, друзья мои! — загремел сэр Найджел. — Стреляйте, пока можно, а там беритесь за мечи, и победим или умрем все вместе!

Глава XXXVII

Как Белый отряд перестал существовать

И тогда с вершины холма в каменистой Калабрийской долине раздался такой оглушительный шум, какого здесь не слыхали ни прежде, ни после, пока четыреста зим не сковали горные ручьи и четыреста весен не растопили их. Низкий звучный и грозный боевой клич воинственного племени, подобный грому, гулко и далеко раскатился по горной долине — последний суровый привет тем, кто еще присоединится к погибшим в той древней, как мир, игре, где ставкой служит жизнь. Трижды он гремел, нарастая, и трижды замирал, отдаваясь многократным эхом среди скал. Воины Белого отряда вскочили, все как один, и под ливнем сыпавшихся на них камней с решительными лицами взирали на бесчисленную рать, быстро поднимавшуюся по склону, чтобы схватиться с ними не на жизнь, а на смерть. Лошади были оставлены внизу, испанские рыцари шли в атаку пешими, с мечами и секирами, заслонившись широкими щитами.

И вот начался бой, столь лютый, продолжительный и столь упорный с обеих сторон, что и донныне еще сохранились о нем воспоминания, передаваемые из поколения в поколение, калабрийских горцев; и отцы указывают детям на проклятый скалистый холм, прозванный «Altura de los Inglesos», на котором сшиблись в жаркой схватке заморские пришельцы и рыцари юга. Вскоре была вы пущена последняя стрела, да и пращники не могли метать камни, так близко друг к другу стояли свои и чужие. По верху утеса растянулся сильно поредевший строй лучников, легко вооруженных, но быстроногих, а на них шли приступом разъяренные, бушующие толпы доблестных бретонцев и пылких испанцев. Звон мечей, глухой звук тяжелых ударов, прерывистое дыхание раненых и выбившихся из сил — все это сливалось в дикий и протяжный гул, доносившийся до слуха крестьян, которые сбежались из окрестных деревень и с удивлением и ужасом глядели с соседних утесов на бешено кипевшую битву. Среди этого столпотворения кружилось знамя с леопардами, то взвываясь к вершине под напором огромной массы испанцев, теснивших врагов, то опускаясь вниз, когда сэр Найджел и Черный Саймон вместе с воинами-ветеранами рьяно бросались в схватку и отбивали неприятеля. Аллейн, держась по правую руку от своего рыцаря, тоже метался туда и сюда, ибо едва он успевал обменяться ударом с каким-нибудь испанским кавалером, как вихрь сражения увлекал его в другую сторону, и он дрался мечом с новым противником. На правом фланге сэр Оливер, Эйлвард, Хордл Джон и лучники из Отряда сцепились с рыцарями монашеского ордена Сантьяго, которых вел их приор — рослый, плечистый муж, носивший под монашеским одеянием сетчатую кольчугу. Тремя мощными ударами он уложил трех лучников, но тут сэр Оливер обхватил его обеими руками, и рыцари, борясь друг с другом, раскачивались некоторое время из стороны в сторону, пока не сорвались вниз с острого края утеса, так и не разжимая железного кольца своих объятий. Но напрасно рыцари и монахи неистовствовали, пытаясь прорвать редкий строй английских стрелков и овладеть утесом. Меч Эйлварда и секира Большого Джона так и сверкали впереди, а увесистые обломки скал, сбрасываемые вниз мощными руками лучников, давили и ушибали многих. Наконец нападающие, преследуемые по пятам лучниками, начали медленно отступать, оставляя на своем пути вереницу корчившихся в предсмертных муках людей. В это время на левом фланге отряд валлийцев под командой шотландского графа выскочил из засады между скал и бурным натиском обратил испанцев в беспорядочное бегство. И только в центре защитникам, видимо, приходилось худо. Выбыл из строя Черный Саймон, — старый воин умирал, как он и хотел умереть: вокруг валялись тела убитых им врагов. Дважды сэр Найджел был сбит с ног, и оба раза Аллейн самоотверженно боролся за его жизнь, отражая удары, пока к его хозяину не возвращались силы и он снова не поднимался с земли. Берли, оглушенный ударом палицы, упал замертво, а рядом лежали его воины, чуть не поголовно перебитые. Щит сэра Найджела был расколот, доспехи рассечены, от шлема оторваны забрало и гребень; но он не падал духом, поспевал и тут и там, быстрый на ногу и ловкий на руку, бился одновременно с тремя воинами — двумя бретонцами и одним испанцем, — наносил удар, увертывался, снова бросался вперед, отскакивал в сторону Аллейн неотступно сражался бок о бок с ним, сдерживая вместе с небольшой горстью соратников свирепый натиск врагов, готовых их уничтожить. Разумеется, дело окончилось бы плохо, если бы не подоспели лучники которые, ударив в оба фланга атакующих, стали оттеснять неприятеля упорно, шаг за шагом, вниз по склону пока те не отступили на равнину, где их товарищи готовились к новому нападению.

Однако последняя атака была отбита поистине ужасной ценой. Из трехсот семидесяти человек, удерживавших высоту, в живых осталось только сто семьдесят два, среди которых было немало тяжелораненых и ослабевших от потери крови. Сэр Оливер Баттестхорн, сэр Ричард Костон, сэр Саймон Берли, Черный Саймон, Джонстон, сто пятьдесят лучников и сорок семь ратников полегли на поле боя. Между тем неотвратимый град камней уже снова свистел и жужжал, рассекая воздух, и грозил в любую минуту уменьшить и это число.

Сэр Найджел окинул взглядом поредевшие ряды, и в глазах его вспыхнула гордость воина.

— Клянусь апостолом! — воскликнул он. — Во многих схватках привелось мне участвовать, но ни одну мне не было бы так жалко пропустить, как эту. Однако ты ранен, Аллейн?

— Пустяки, — ответил оруженосец, вытирая кровь струившуюся из рассеченного мечом лба.

— Эти испанские джентльмены, оказывается, весьма достойные и учтивые люди. Я вижу, они готовятся продолжить с нами состязание. Построй лучников двумя шеренгами вместо четырех. Клянусь честью, мы потеряли несколько чрезвычайно храбрых воинов! Эйлвард, ты испытанный солдат, хотя не был посвящен в рыцари и не носил золотых шпор. Доверяю тебе командовать правым флангом, я возьму на себя центр, а вы, лорд Ангусский, левое крыло.

— Ура сэру Сэмкину Эйлварду! — раздался грубый голос одного из лучников, и все приветствовали взрывом смеха своего нового командира.

— Клянусь эфесом, вот уже не думал, что придется мне командовать флангом на поле брани! — воскликнул старый лучник. — Сомкните ряды, друзья, ибо, клянусь моими десятью пальцами, сегодня мы должны отличиться!

— Подойди сюда, Аллейн, — сказал сэр Найджел, отступая к тому краю утеса, который служил тылом их позиции, — и вы идите сюда, Норбери, — обратился он к оруженосцу покойного сэра Оливера.

Оба поспешили к нему, и все трое устремили взор на каменистый овраг, лежавший у их ног на глубине ста пятидесяти футов.

— Надо известить Принца о том, как обстоят дела, — начал рыцарь. — Еще одну атаку мы отобьем, однако неприятель многочислен, а нас мало, так что настанет час, когда нам уже не удастся выстроить боевую линию на этом холме. И все же, если бы нам обещали подкрепление, мы бы до его прихода удержали эту высоту. Вы видите тех коней, что бродят внизу между скал?

— Я вижу, достойный лорд!

— А тропу, которая вьется по холму на том конце долины?

— Вижу.

— Если бы вы сели на этих коней и поскакали бы по той дорожке — хоть она неровная и крутая — вы, пожалуй, перевалили бы в долину на той стороне. А потом помчались бы к Принцу и сообщили ему о нашем положении.

— А как же нам добраться до тех коней, достойный лорд? — спросил Норбери.

— В обход нельзя, они сразу же на вас нападут и убьют. Подумайте, хватит ли у вас мужества спуститься по этому утесу?

— Необходима веревка.

— Веревка есть, только она длиною в сто футов, а дальше придется вам довериться богу и силе своих рук. Ты готов попытаться, Аллейн?

— От всей души, дорогой лорд, но как же оставить вас в таком бедственном положении?

— Нет, ты послужишь мне более важную службу, если пробьешься. А вы, Норбери?

Молчаливый оруженосец, не сказав ни слова, взял веревку и, проверив ее крепость, привязал один конец к выступу скалы. Затем он снял с себя нагрудник, набедренники и наколенники; Аллейн последовал его примеру.

— Если Принц уже ушел вперед, расскажите о нашем положении Чандосу, или Калверли, или Ноллзу! — крикнул сэр Найджел. — И да хранит вас бог, ибо вы отважные, достойные люди!

Перед такой задачей дрогнуло бы самое мужественное сердце. Сверху казалось, что тонкая веревка, свисавшая вдоль отвесной бурой скалы, кончается чуть ниже ее середины. Дальше тянулся шероховатый, блестящий влажными пятнами утес, кое-где торчали зеленые пучки травы, но не видно было ни одного выступа или расщелины, чтобы поставить ногу. Далеко внизу щетинились зубчатые камни, черные и грозные. Норбери изо всех сил три раза дернул

веревку, потом ухватился за нее и медленно спустился до ее конца, а сотня людей напряженно следила за каждым его движением. Дважды он тянулся ногой к опоре, и оба раза ему не удавалось дотянуться до желанного места, а когда он сделал третью попытку поставить ногу на выступ, словно оса, прожужжал камень, который метнули из пращи, и ударил его сбоку по голове. Пальцы, державшие веревку, разжались, ноги соскользнули, и через секунду на каменистом дне ущелья лежал разбитый, обезображенный труп Норбери.

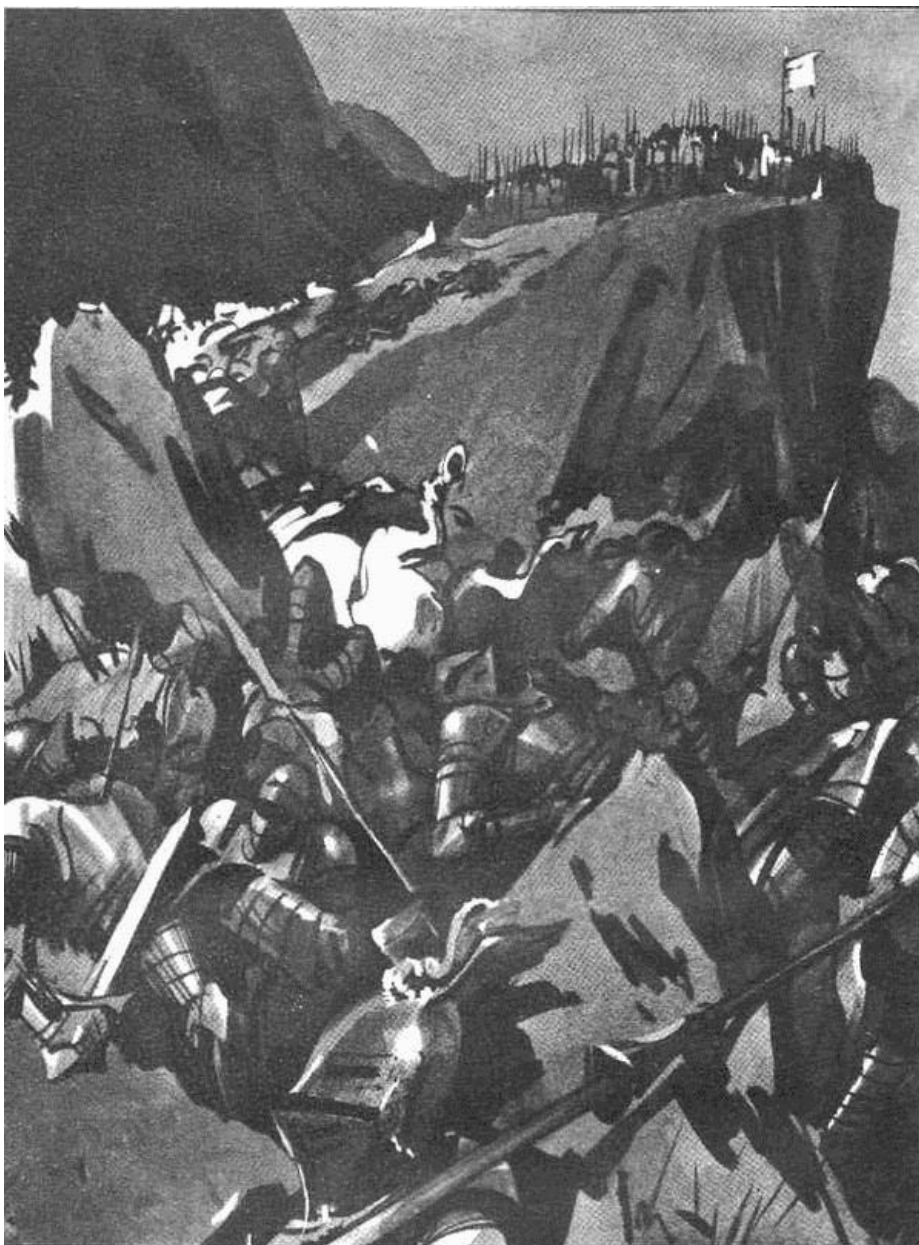
— Если меня постигнет та же участь, — сказал Аллейн, отведя сэра Найджела в сторону, — прошу вас, дорогой лорд, передайте леди Мод мое смиренное почтение и скажите, что я всегда был ей верным слугой и ее недостойным рыцарем.

Сэр Найджел молча положил своему оруженосцу руки на плечи и со слезами на глазах поцеловал его. Аллейн ринулся к веревке и быстро соскользнул по ней до самого ее конца. Когда он стоял наверху, ему казалось, будто веревка и откос почти соприкасаются, теперь же, раскачиваясь на глубине ста футов, он обнаружил, что с трудом может дотянуться ногой до поверхности этой отвесной стены и она ровная, как стекло, на ней нет опоры даже для мышонка. Однако взгляд его остановился на длинной зубчатой трещине, которая начиналась футах в трех от его ног и вкось прорезала скалу, — до нее-то и надо было добраться, если он хотел сохранить свою брентную жизнь и спасти сто семьдесят товарищей. Но спускаться до этой узкой щели по гладкому влажному утесу было бы безумной затеей. Он повис на качавшейся веревке, размышляя, и тут мимо его уха просвистел еще один из этих проклятых камней и ударился об утес, отбив от него осколок. Аллейн поднялся на несколько футов выше, подбирая за собой веревку, уперся коленом и локтем в стену, снял с себя пояс и прикрепил этот прочный кожаный ремень к концу веревки. Он снова спустился вниз, насколько позволяла ее длина, и стал раскачиваться, пока рука не дотянулась до расщелины, тогда он выпустил веревку и прильнул к скале. И опять в него полетел камень — на этот раз угодив ему в бок. Аллейну показалось, будто он услышал, как сломалась палка, его грудь пронзила острая, колющая боль. Однако теперь было не время обращать внимание на боль и страдания. От него зависит участь его командира и ста семидесяти товарищей, которых надо вырвать из когтей смерти. И Аллейн двинулся вниз. Цепляясь за острые края расщелины, он то повисал на руках всей тяжестью тела, то, обнаружив какой-нибудь крохотный выступ или пучок травы, опирался на него ногой. Неужели конца не будет этим пятидесяти футам? Он не осмеливался посмотреть вниз, только медленно полз лицом к стене утеса, не разжимая пальцев, шаря ногами в поисках зацепки. Каждый каменистый карниз, каждая трещинка, каждое пятно на поверхности утеса навсегда запечатлелись в памяти Аллейна. Наконец он нащупал площадку и отважился взглянуть вниз. Слава богу! Он добрался до самого верхнего из роковых камней, на которые упал его товарищ. Быстро перескакивая со скалы на скалу, он достиг земли и уже протянул было руку, чтобы схватить лошадь за повод, но внезапно новый камень ударил его по голове, и он упал без чувств.

Удар причинил Аллейну большое зло, однако большим злом он обернулся для человека, который в него метил. Испанский прашник, видя свою жертву недвижимой и поняв по одежде, что это не простой солдат, подбежал к нему, чтобы его ограбить — он знал, что лучники, находившиеся на вершине утеса, израсходовали все свои стрелы. Он был еще в трех шагах от своей жертвы, когда Джон, следивший за оруженосцем сверху, схватил огромный обломок скалы и обрушил на прашника. Раздавленный сокрушительным ударом в плечо, испанец, падая, закричал истошным голосом, и от этого крика, раздавшегося у самого его уха, Аллейн очнулся; он с усилием приподнялся и стал озиаться вокруг. Взгляд его упал на лошадей, щипавших тощую траву, и в ту же секунду он все вспомнил — порученное ему дело, товарищей, необходимость спешить. Он был ранен, обессилен, кружилась голова, однако он знал, что умирать нельзя и нельзя мешкать, ибо сегодня в его руках жизнь многих людей. И вот он уже в седле и во весь опор мчится по долине. Гулко звенели копыта боевого коня, под их сильными ударами о скалы летели искры и градом сыпались мелкие камешки. Аллейн почувствовал, что снова теряет сознание, кровь текла из рассеченного лба, из виска, изо рта. Он ощущал все более нестерпимую боль в боку, казалось, его пронзила раскаленная стрела. Глаза застилало туманом, голова кружилась, слабела рука, державшая поводья. Сделав отчаянное усилие, он на минуту овладел собой. Наклонившись, он отпустил стремянные ремни, обмотал ими колени и крепко привязал ноги к седлу, потом повернул морду благородного коня в сторону горной тропы, вонзил ему шпоры в бока и, теряя силы, ткнулся лицом в его черную жесткую гриву.

В его памяти почти ничего не осталось от этой бешеной скачки. В затуманенном сознании жила только одна мысль, и он гнал коня все вперед и вперед, пронесился по крутым лощинам, перемахивал через огромные камни, скакал по краю мрачных пропастей. Впоследствии ему смутно вспоминались нависшие скалы, бурлящие, пенящиеся речки, заросли горного бука, хижины, у дверей которых стояли люди, изумленно глядя на него. Едва успел он отъехать, как позади раздался троекратный глухой мрачный вскрик — значит, товарищи его снова

встретились лицом к лицу с неприятелем. Потом наступило беспамятство, а когда к нему вернулось сознание, на него смотрели ласковые голубые глаза англичан, и он услышал дорогую его сердцу английскую речь. То был всего лишь фуражный отряд, — сотня стрелков и столько же ратников, — зато командовал ими сэр Хью Калверли, а этот человек не стал бы сидеть сложа руки, если в трех лигах от него шел ожесточенный бой. Сэр Хью послал в лагерь Принца гонца, а сам со своими двумя сотнями людей бросился на выручку. С ними был и Аллейн, все еще привязанный к коню, истекающий кровью, то терявший сознание, то снова приходивший в чувство. Всадники мчались к роковой долине, а когда поднялись на горный хребет и посмотрели вниз — о, что за страшная картина предстала их взору!

На самом высоком месте залитого кровью утеса реяло бело-желтое знамя со львами и башнями королевского дома Кастилии. А по длинному склону шеренга за шеренгой быстро двигались вражеские солдаты с развевающимися знаменами, возбужденно крича и размахивая оружием. Вся вершину занимали толпы рыцарей, и не было видно никого, кто противостоял бы им, хотя беспорядочное движение и суeta множества людей у самого края плато показывали, что сопротивление окончательно еще не сломлено. Это зрелище вызвало неудержимый стон ярости у ошеломленных англичан, они прищипорили коней и во весь опор понесли по извилистой тропе, которая вела в долину.

Но они опоздали со своей местью, так же как опоздали со своей помощью. Испанцы увидели быстро мелькавший между скалами отряд, когда он был еще далеко и, не зная, сколько в нем людей, привязали своих немногих пленников к лошадям, оставили захваченную ими высоту и

длинной колонной, не спеша, ушли из долины под бой барабанов и бряцание цимбалов. Их последние ряды уже скрылись из виду, когда воины отряда Хью Калверли на взмыленных, задыхавшихся конях поднялись на утес, на котором разыгралось это долгое и кровопролитное сражение.

И какое же ужасное зрелище предстало их глазам! По всему склону горами лежали трупы людей и лошадей, сраженных первым градом стрел. Дальше вся земля была покрыта телами убитых и умирающих — французов, испанцев, арагонцев — чем выше, тем более плотным слоем они лежали, сплетенные в клубки в страшную минуту убийства. Над ними рядами лежали англичане — в том порядке, в каком были выстроены своими командирами; а еще выше горой громоздились трупы воинов всех наций, павших там, где они оказались в последней смертельной схватке. В дальнем углу, под тенью скалистого выступа, стояли семь лучников с Большим Джоном посередине, — все израненные, выбившиеся из сил, угрюмые, но непобеденные, — и, размахивая окровавленным оружием, громко приветствовали своих соотечественников. Аллейн сразу же подъехал к Джону, а следом за ним сэр Хью Калверли.

— Клянусь святым Георгием! — воскликнул сэр Хью. — Никогда еще не доводилось мне видеть последствий столь суровой битвы, однако я рад, что мы подоспели вовремя и спасли вам жизнь.

— Вы спасли гораздо больше, — отозвался Джон, указывая на знамя, прислоненное к скале за его спиной.

— Ты вел себя как подобает благородному воину, — сказал командир отряда, с восхищением солдата глядя на могучее тело и смелое лицо лучника. — Но почему, друг мой, ты сидишь на этом человеке?

— Клянусь черным распятием, я и забыл про него! — ответил Джон, поднимаясь, и вытащил из-под себя столь важную особу, как испанский *caballero*, дон Диего Альварес. — Этот человек, достойный лорд, значит для меня очень многое: новый дом, десять коров, одного быка — пусть и не очень крупного, — жернов, а может, и еще кое-что в придачу, вот я и решил сесть на него, чтоб ему не вздумалось от меня удрать.

— Скажи, Джон, — слабым голосом спросил Аллейн, — где мой дорогой лорд, сэр Найджел Лоринг?

— Боюсь, что он мертв. Я видел, как его тело перекинули через круп лошади и ускакали, но боюсь, что его уже нет в живых.

— О, горе мне! А где Эйлвард?

— Он вскочил на первого попавшегося коня, потерявшего всадника, и поскакал за испанцами, чтобы спасти сэра Найджела. Я видел, как его со всех сторон окружили и, должно быть, взяли в плен или тоже убили.

— Трубить сбор! — приказал сэр Хью, нахмурившись. — Сейчас мы возвратимся в лагерь. Но могу вас заверить, не пройдет и трех дней, как мы опять схватимся с этими испанцами. Я охотно принимаю вас всех в свой отряд, — обратился он к лучникам.

— Мы служим в Белом отряде, милорд, — заметил Джон.

— Белого отряда больше не существует, — с грустью отозвался сэр Хью и взглянул на безмолвные ряды павших воинов. — Позаботьтесь о храбром оруженосце, иначе ему, пожалуй, не дожить до завтрашнего утра.

Глава XXXVIII

Возвращение в Хампшир

Это произошло ясным июльским утром спустя четыре месяца после роковой битвы в испанском ущелье. Над головой простиралось голубое небо, внизу раскинулась зеленая холмистая равнина, то здесь, то там пересеченная изгородами и пестревшая стадами овец. Солнце все еще стояло низко, рыжие коровы жевали жвачку и щипали траву в длинной тени вязов, бессмысленно уставясь своими большими глазами на двух всадников, мчавшихся по пыльной дороге, которая, извиваясь, уходила вдаль, туда, где у подножия холма с плоской вершиной виднелись башни и шпили древнего города Винчестера.

Один из всадников был привлекательный белокурый юноша в скромной куртке и штанах из голубого брюссельского сукна, выгодно обрисовывавших его гибкую складную фигуру. Бархатный берет он надвинул на глаза, чтобы защитить их от солнечных лучей, сжатые губы и взволнованное лицо говорили о том, что душа его отягчена заботами. Хотя он был молод и носил невоенную одежду, можно было догадаться, что это рыцарь, ибо на каблуках у него поблескивали золотые изящные шпоры, а длинный шрам над бровью и рубец на виске придавали мужественную красоту нежным и тонким чертам его лица. С ним рядом ехал на крупном вороном коне рыжеволосый великан, на его седельной луке висел объемистый холщовый мешок, который мотался и позвякивал при каждом шаге коня. С его широкой загорелой физиономии не сходила улыбка, он не спеша поглядывал по сторонам, и его глаза искрились и блестели от радости. А почему бы и не радоваться Джону? Ведь он вернулся в родной Хампшир, ведь пять тысяч крон за дону Диего трутся об его колено. А помимо всего прочего, не он ли теперь оруженосец сэра Аллейна Эдриксона, молодого сокмана из Минстеда, которого недавно посвятил в рыцарское звание сам Черный Принц, — оруженосец того, кто признан всеми в армии одним из самых многообещающих воинов Англии!

Высокое мнение о Белом отряде сложилось в христианском мире повсюду, где воздавали должное отваге, проявленной на поле брани, и тех немногих, что остались в живых, увенчали славой и почестями.

Аллейн, у которого было сломано ребро и разбита голова, два месяца находился между жизнью и смертью, однако молодость, чистая и здоровая жизнь взяли верх; придя в себя после долгого жара и бреда, он узнал, что война кончилась, что испанцы и их союзники разбиты под Навареттой и что сам Принц, услышав рассказ о том, как Аллейн прискакал за подмогой, явился к его постели и своим мечом коснулся его плеча, чтобы столь храбрый и верный воин умер — если уж ему не суждено выжить, хотя бы умер — в рыцарском звании. С той самой минуты, когда Аллейн впервые оказался в силах спустить ноги с постели, он принялся за поиски своего лорда, однако ничего не узнал о нем, ни живом, ни мертвом, и теперь возвращался домой с удрученным сердцем, надеясь раздобыть деньги в своих поместьях, чтобы вновь начать розыски. Он прибыл в Лондон, но, охваченный тревогой, поспешил дальше, ибо с тех пор, как получил записку, извещавшую его о смерти брата, он больше ничего о делах в Хампшире не слышал.

— Клянусь распятием! — воскликнул Джон с восторгом. — Разве мы видели в чужих краях таких замечательных коров и пушистых овец, такую зеленую траву или даже такого пьяного, как вон тот бездельник, который валяется в канаве у изгороди?

— О Джон, — печально отозвался Аллейн, — это для тебя благодать, я же и представить себе не мог, что мое возвращение в родные места будет таким горестным. У меня сердце разрывается при мысли о милорде и об Эйлварде — да и как я передам эту весть леди Мэри и леди Мод, если до них еще не дошли слухи!

Джон испустил такой тяжелый вздох, что испугались кони.

— Дело и вправду прескверное, — сказал он, — но ты не горюй, я отдам старухе матери только половину своих крон, а половину добавлю к деньгам, которые ты наскребешь, мы купим ту желтую посудину, на которой приплыли в Бордо, и в ней пустимся на поиски сэра Найджела.

Аллейн улыбнулся, но покачал головой.

— Был бы сэр Найджел жив, он давно дал бы знать о себе. Однако к какому это городу мы подъезжаем?

— Да ведь это Ромсей! — воскликнул Джон. — Вон и колокольня старой церкви, а за нею здание женского монастыря. А вот сидит большой праведник, я дам ему крону, пусть

помолится за меня.

У дороги, подле убогой хижины, сложенной из трех больших камней, греясь на солнышке, сидел отшельник: у него было лицо землистого цвета, тусклые глаза и длинные костлявые руки. Он сидел, скрестив ноги, опустив голову и тонкими желтыми пальцами медленно перебирая четки, — так, словно вся жизнь ушла из него. Позади, между деревьями, виднелась убогая мазанка работника с открытой дверью в единственную комнату. Хозяин, суровый, желтоволосый, стоял, опершись на лопату, которой только что копал землю. Послышался веселый серебристый смех женщины, и два мальчонка, босые, кудлатые, выскочили из хижины, за ними следом вышла мать и, положив руку на плечо мужа, стала наблюдать за резвившимися детьми. Отшельник нахмурился оттого, что столь не вовремя прервали его молитвы, однако, когда он увидел протянутую ему Джоном большую серебряную монету, лицо его смягчилось.

— Вот она, картина нашего прошлого и нашего будущего, — сказал Аллейн, когда они отъехали от этого места. — Так что же лучше — обрабатывать землю божью, любоваться на счастливые лица близких, любить и быть любимым, или же вечно вздыхать о собственной душе, как мать у постели больного ребенка?

— Тут я ничего не знаю, — отозвался Джон, — когда я про такие вещи думаю, в голове у меня сплошной туман. Знаю только, что с пользой израсходовал свою крону, ибо этот человек кажется мне поистине святым. А что до второго, так я не заметил в нем никакой святости — дешевле самому за себя помолиться, чем отдать крону тому, кто тратит свои дни, вскапывая землю для салата.

В эту минуту из-за поворота дороги выехала повозка, запряженная тройкой лошадей, с фореитором на одной из них. Это была нарядная богатая коляска с расписанными, золочеными дышлами, причудливыми резными колесами и спицами, а надо всем этим высился красный с белым балдахин. В его тени, откинувшись на гору подушек, сидела дородная немолодая особа в красном наряде и выщипывала себе брови серебряными щипчиками. Казалось, эта дама могла бы служить образчиком спокойствия и безмятежности, однако и этот случай оказался символом человеческой жизни. Едва Аллейн осадил коня, чтоб пропустить экипаж, как соскочило одно из колес, и все — резьба, позолота, балдахины — повалилось набок, лошади стали рвать постромки, закричал фореитор, завизжала дама. Аллейн и Джон мгновенно спешили и подняли ее, дрожащую от страха, впрочем, ничуть не пострадавшую от этого несчастного случая.

— Горе мне! — заголосила она. — Разрази его гром, этого Майкла Изовера из Ромсея! Говорила ему, что ось разболталась, так нет, этот безмозглый ротозей вздумал перечить мне...

— Позвольте заверить вас, достойная госпожа, что вы ничего не повредили себе, — сказал Аллейн, подводя ее к скамье, на которую Джон уже успел положить подушку.

— Знаю, на мне нет и царапины, но я потеряла свои серебряные щипчики. Увы! И как только господь терпит на свете таких болванов, как Майкл Изовер из Ромсея? Однако вам я чрезвычайно признательна, любезные господа. Сразу видно, что вы военные. Я и сама дочь воина, — добавила она, бросив томный взгляд на Джона, — и меня всегда влекло к храбрым мужчинам.

— Вы правы, мы прямо из Испании, — отозвался Аллейн.

— Из Испании, вы говорите? О, как это ужасно, что так много людей там отдали свои жизни, дарованные им господом богом! Конечно, жалко тех, кто погиб, но еще более жалко тех, кто их напрасно ждал. Я вот сейчас простилась с той, у кого эта жестокая война все отняла.

— Кто же это, госпожа?

— Молодая девушка из здешних мест, теперь она уходит в монастырь. Ведь только год назад от Эйвона до Итчена не было девушки счастливее ее, а теперь — как только я перенесу это! — я должна ждать ее в Ромсее и увидеть, как она закроет лицо белым покрывалом, хоть она создана для семейной жизни, а вовсе не для монастыря. Не доводилось ли вам слышать об отряде, который называют «Белым отрядом»?

— Как не слышать! — воскликнули друзья в один голос.

— Ну, так ее отец был там командиром, а ее возлюбленный служил у него оруженосцем. Дошли слухи, что погиб весь отряд, до последнего человека, и, бедняжка, она...

— Госпожа! — закричал Аллейн, задыхаясь. — Это вы о леди Мод говорите?

— Да, именно о ней.

— Мод! Она — и в монастырь! Неужели ее так потрясла весть о смерти отца?

— При чем тут отец? — усмехнулась дама. — Мод — любящая дочь, но я думаю, что она решила уйти в монастырь из-за того златокудрого молодого оруженосца, про которого мне рассказывали.

— А я стою здесь и болтаю! — гневно воскликнул Аллейн. — Скорей, Джон, скорей!

Он вскочил в седло и, подняв облако пыли, погнал во весь опор своего доброго коня.

Велика была радость ромсейских монахинь, когда леди Мод попросила принять ее в их обитель: ведь она была единственной дочкой и наследницей старого рыцаря, и разве не собиралась она отдать свои фермы и земли этому прославленному монастырю? Во время долгих и серьезных бесед сухопарая игуменья убедила молодую послушницу навеки расстаться с мирской жизнью и успокоить свое бедное истерзанное сердце под мирной сенью церкви. А теперь, когда игуменья и ее заместительница добились своего и решение было принято, такое событие следовало отпраздновать с подобающим блеском и торжественностью. Вот почему улицы Ромсея были запружены добрыми бюргерами, яркие цветы и хоругви украсили дорогу от церкви к монастырю, и длинная процессия сопровождала Христову невесту к старой сводчатой двери церкви, в которой предстояло свершиться обряду духовного брака. Белица Агата шествовала с высоким золотым распятием в руках, три монахини несли ладан, а двадцать две девушки в белоснежных одеждах мелодично пели, бросая по обе стороны дороги цветы. За ними, с четырьмя сопровождающими, шла послушница, на опущенной голове белели цветы; шествие замыкали игуменья и облеченные ее доверием пожилые монахини, которые мысленно уже прикидывали, сможет ли их бейлиф управлять туинхэмскими фермами один или же ему понадобится помощник, чтобы извлекать все, что только возможно, из этих новых владений, которые молодая послушница принесет монастырю.

Но увы! Все хитроумные замыслы и расчеты рушатся, когда против них восстают природа, молодость и любовь и если к тому же им еще сопутствует удача! Кто этот запыленный юноша, который осмелился так бешено промчаться сквозь толпу зевак? Почему он соскочил с коня и ошеломленно озирается вокруг? Что же это происходит, ведь он чуть не сбил с ног монахинь с ладаном, он отпихнул белицу Агату, растолкал двадцать двух девиц, которые так мелодично пели, и вот он стоит, протянув руки, перед послушницей, лицо его сияет, серые глаза полны любви. Она уже поставила ножку на порог церковной двери, и все-таки он преградил ей путь, а она, забыв все мудрые слова и праведные речи матери-игуменьи, она всхлипнула, кинулась в его распростертые объятия и прижалась мокрой от счастливых слез щекой к его груди. Печальное зрелище для сухопарой игуменьи и весьма дурной пример для двадцати двух непорочных дев, которым всегда внушали, что следовать зову природы — значит ступить на путь греха. Но Мод и Аллейну нет до этого дела. Из-под темного свода, перед которым они стояли, на них веет затхлой сыростью. На воле же сияет солнце, и в плюще, меж склоненных буков, поют птицы. Выбор сделан — держась за руки, они повертываются спиной к мраку и лицом к свету.

В старой Крайстчерчской церкви отец Христофор совершил бракосочетание; помимо леди Лоринг, Джона и десятка лучников из замка, на этой скромной свадьбе присутствовало всего несколько человек. Хозяйка Туинхэма в течение долгих месяцев пребывала в тоске и унынии, лицо ее уже утратило и остаток миловидности и стало еще суровее, однако она не теряла надежды, что ее муж, побывавший в стольких переделках, и на этот раз все же не погиб. Она решила ехать в Испанию на поиски, однако Аллейн убедил ее взамен отпустить туда его. Теперь, когда земли Минстеда были присоединены к владениям Туинхэма, забот у нее стало очень много, и Аллейн обещал, что, если она возьмет на свое попечение его жену, он не вернется в Хампшир до тех пор, пока не сможет привезти какие-нибудь сведения — хорошие или плохие — о ее возлюбленном супруге.

Желтый корабль был зафрахтован. Гудвин Хаутейн взят капитаном, и спустя месяц после бракосочетания Аллейн отправился в Бэклерсхард узнать, не пришло ли судно из Саутгемптона. Проезжая мимо рыбацкой деревни Питтс-Дип, он заметил небольшой бриг, взявший курс к берегу, как будто с тем, чтобы причалить. Когда Аллейн ехал обратно, он увидел, что судно действительно бросило якорь у деревни — несколько лодок, приняв груз, перевозили его на берег.

Неподалеку от Питтс-Дипа, несколько в стороне от дороги, стояла большая, поместительная гостиница, в верхнем окне которой был выставлен шест с привязанным к нему пучком зелени.

Подъехав ближе, Аллейн заметил у окна мужчину, который, вытянув шею, как будто его разглядывал. В это время из открытой двери гостиницы выбежала женщина и бросилась к дереву, словно намереваясь залезть на него; и при этом она, смеясь, оглядывалась назад. Дивясь, что бы это могло означать, Аллейн привязал коня и направился к гостинице, как вдруг из двери выскочила еще одна женщина и тоже побежала к деревьям. Следом за нею появился могучий, загорелый мужчина; прислонившись к косяку и упершись руками в бока, он заливался смехом.

— Ah, mes belles! — воскликнул он. — Вот как вы меня принимаете! Ah, mes petites! Клянусь моими десятью пальцами, что ни один волосок не упадет с ваших хорошеньких головок; но я находился среди черных язычников, и, клянусь эфесом, душа радуется, когда я гляжу на щечки англичанок! Подите сюда, mes anges, и выпьем по стаканчику мюскадена, уж очень я доволен, что опять среди своих.

При виде этого человека Аллейн словно прирос к месту, а звук его голоса вызвал в нем бурную радость, и он едва сдержался, чтоб не закричать во все горло. Но Аллейна ожидала еще большая радость. Пока он стоял, окошко наверху распахнулось, и человек, которого он там приметил раньше, высунулся наружу и крикнул:

— Эйлвард, я только что видел весьма достойного всадника, ехавшего сюда, хоть мне и не удалось разглядеть, есть ли у него герб. Дождись его и скажи, что здесь остановился смиреннейший английский рыцарь, и, если незнакомец желает отличиться, дал какой-нибудь обет или хочет заслужить благосклонность своей дамы, так я готов ему помочь в этом.

Тут Эйлвард, шаркая ногами, вышел из-за деревьев, и через миг он и Аллейн уже обнимались, хлопали друг друга по плечам, смеялись и восторженно кричали. Тем временем прибежал с обнаженным мечом сэр Найджел, ибо ему почудилось, что между ними уже завязалась драка, и тотчас попал прямо в объятия своего оруженосца, и в конце концов все трое от шумных восклицаний, поздравлений и бесконечных расспросов даже охрипли.

По пути домой через лес Аллейн узнал их удивительную историю. Когда взятый в плен сэр Найджел пришел в сознание, он был вместе со своим товарищем отправлен морем в замок победителя; их захватил берберийский корсар, и вместо необременительной жизни в плену их ожидала скамья гребцов на пиратской галере. Но в порту сэр Найджел убил капитана-мавра, а потом он и Эйлвард подплыли к каботажному суденышку, завладели им и возвратились в Англию с богатой добычей в награду за все свои мытарства. Слушая этот удивительный рассказ, Аллейн не заметил, как протекло время, — наступили сумерки, показалась темная Туинхэмская башня и косые лучи вечернего солнца легли на подернутую рябью реку Эйвон. Можно себе представить, какая радость царила в тот вечер в замке Туинхэм и какие богатые дары с мавританского судна были переданы в часовню отца Христофора!

Сэр Найджел дожил до глубокой старости, его славил и благословляли. Он уже не принимал участия в боевых походах, зато не пропускал ни одного турнира, происходившего в округности тридцати миль; и хампширская молодежь чрезвычайно высоко ценила каждую его похвалу их умению ездить верхом и владеть оружием. Так жил он и так умер в родном графстве, всеми уважаемый, счастливейший человек.

Сэру Аллейну Эдриксону и его прекрасной супруге также нельзя было пожаловаться на судьбу. Он дважды сражался во Франции и возвращался домой, овеянный славой. Ему дали видную должность при дворе, и он прожил много лет в Виндзоре в царствование Ричарда II и Генриха IV, был пожалован орденом Подвязки, слыл храбрым воином, прямодушным человеком и пользовался репутацией тонкого ценителя и покровителя всех искусств и наук, возвышающих и облагораживающих душу.

Что касается Джона, то он взял себе в жены деревенскую девушку и обосновался в Линдхерсте, где благодаря своим пяти тысячам крон стал на много миль в округности самым богатым землевладельцем недворянского происхождения. В течение долгих лет он каждый вечер пил эль в «Пестром кобчике», эта гостиница принадлежала теперь его приятелю Эйлварду, женившемуся на славной вдовушке, которой в былые времена он доверил свою добычу. Все силачи и лучшие стрелки округи собирались здесь, чтоб помериться силой с Джоном или же меткостью в стрельбе с Эйлвардом, и хотя победитель получал в виде приза серебряный шиллинг, не было слухов, чтобы кто-нибудь на этом деле разбогател. Так они и жили, эти простые, грубые, однако честные и справедливые люди — по-своему веселой, здоровой жизнью. Возблагодарим же господ бога, если мы уже освободились от присущих им пороков. И попросим бога, чтоб он даровал нам их добродетели. Может быть, небо вновь потемнеет и затянется тучами, и опять настанет день, когда Англии понадобятся ее сыны, будь то на суше или на море. Неужели они не откликнутся на ее зов?

Сквозь пелену

(Перевод С. Маркиша)

Он был громадный шотландец, — буйная копна волос, все лицо в веснушках, — прямой потомок Лиддсдейлского клана воров и конокрадов. Несмотря на такую родословную, он был гражданином в высшей степени основательным и здравомыслящим — городским советником в Мелроузе, церковным старостой и председателем местного отделения Христианской ассоциации молодых людей. Браун была его фамилия, и вы могли видеть ее на вывеске «Браун и Хэндлсайд» над большим бакалейным магазином посреди Хай-стрит. Его жена Мэгги Браун, в девичестве Армстронг, вышла из старой фермерской семьи с Тевинхедских пустошей. Она была маленькая, смуглая и темноглазая, с необычной для шотландской женщины нервной натурой. Нельзя представить себе контраста более резкого, чем этот рослый рыжеватый мужчина рядом со смуглой маленькой женщиной, а между тем оба уходили корнями в прошлое этой земли так далеко, насколько хватало человеческой памяти.

Однажды (это была первая годовщина их свадьбы) они отправились поглядеть на раскопки римской крепости в Ньюстеде. Место оказалось не слишком живописным. От северного берега Твида, как раз оттуда, где река делает петлю, покато спускается поле. Через него-то и прошли траншеи археологов, обнажив местами старинную каменную кладку — основания древних стен. Раскопки были обширные, потому что лагерь занимал пятьдесят акров, а сама крепость — пятнадцать. Но мистер Браун был знаком с фермером — хозяином поля, и это облегчило всю их экскурсию. Они провели долгий летний вечер, бродя следом за своим проводником от траншеи к траншее, от шурфа к шурфу, разглядывали укрепления, дивились странному разнообразию предметов, которые ждали отправки в Эдинбургский музей древностей. В этот самый день нашли женскую поясную пряжку, и фермер увлекся рассказом о новой находке, как вдруг его взгляд остановился на лице миссис Браун.

— Ваша женушка притомилась, — сказал он. — Может, передохнете малость, а после еще походим.

Браун посмотрел на жену. Она и в самом деле была очень бледна, а ее темные глаза сверкали ярко и возбужденно.

— Что такое, Мэгги? Я тебя замучил! Пора возвращаться.

— Нет, нет, Джон, пожалуйста, пойдем дальше! Здесь замечательно! Как будто в стране снов: все кажется таким близким и знакомым. Долго римляне пробыли на этом месте, мистер Каннингхэм?

— Изрядно, сударыня. Надо бы вам поглядеть на помойные ямы возле кухни, вы бы поняли, сколько понадобилось времени, чтобы набить их доверху.

— А отчего они ушли?

— Как сказать, сударыня, оттого, по-видимости, что пришлось уйти. Окрестным людям стало невмоготу, тогда они поднялись, да и запалили всю крепость кругом. Вон они — следы огня на камнях, сами видите.

Быстрая, короткая дрожь пробежала по плечам женщины.

— Дикая ночь... Страшная, — сказала она. — Небо было красное в ту ночь... и эти серые камни тоже, верно, покраснели.

— Да, наверно, и они были красные, — откликнулся муж. — Странное дело, Мэгги, и, может быть, тому причиной твои слова, но я как будто сейчас вижу все, что здесь творилось. Зарево играло на воде...

— Да, зарево играло на воде! И дым перехватывал дыхание. И дикари истошно вопили.

Старый фермер засмеялся.

— Госпожа будет писать рассказ про старую крепость, — промолвил он. Я многих здесь водил, показывал, но ни разу еще не слыхивал, чтобы так говорили — как все равно по писаному читали. У некоторых прямо дар от бога.

Они медленно шагали по краю рва; справа вдруг открылась яма.

— Эта яма была глубиной четырнадцать футов, — объявил фермер. — И знаете, что мы вытащили со дна? Скелет, вот что! Скелет мужчины с копьем. Я думаю, он так и помер, вцепившись в свое копье. Но как мужчина с копьем попал в дыру четырнадцати футов глубиной? Это не могила — мертвых они сжигали. Как вы растолкуете, сударыня?

— Он спасался от дикарей и сам прыгнул вниз, — сказала женщина.

— Что ж, похоже на правду, и даже очень. Профессорам из Эдинбурга, и тем лучше не объяснить. Хорошо б вы всегда были под рукой, чтобы так же легко отвечать на разные другие хитрые вопросы. А вот алтарь, который мы нашли на прошлой неделе. А на нем надпись. Мне сказывали, она по-латыни, и будто значение у ней такое, что, дескать, люди из этой крепости благодарят бога, который за них заступается.

Они рассматривали древний, ноздреватый камень. На верхней грани виднелись большие, глубоко врезынные буквы.

— Что это значит? — спросил Браун.

— А кто ж его знает? — откликнулся их гид.

— Валерия Виктрикс, — сказала женщина тихо.

Ее лицо стало еще бледнее, глаза смотрели и не видели — так смотрят, вглядываясь в туманные пролеты под сводами столетий.

— Что это? — отрывисто спросил муж.

Она вздрогнула, словно пробуждаясь ото сна:

— О чем мы говорили?

— Об этих буквах на камне.

— Без сомнения, это имя легиона, который поставил алтарь.

— Но ты произнесла какое-то имя?

— Да что ты? Какая ерунда! Откуда мне знать, как он назывался?

— Ты сказала что-то вроде «Виктрикс» — так, по-моему.

— Наверно, я пробовала угадать. Я как-то очень странно себя чувствую на этом месте, словно я не я, а кто-то еще.

— Да, место жуткое, — согласился муж, и в его смелых серых глазах мелькнуло что-то очень похожее на страх. — Я и сам это чувствую. Пожалуй, мы попрощаемся с вами, мистер Каннингхэм: надо вернуться домой засветло.

Ни она, ни он не могли избавиться от странного впечатления, которое оставила в них эта прогулка по раскопкам. словно какие-то миазмы поднялись со дна сырых траншей и проникли в кровь. Весь вечер оба были молчаливы и задумчивы, но и те немногие замечания, которыми они обменивались, показывали, что на уме у обоих одно и то же. Браун спал тревожно и видел странный, но вполне связный сон, видел настолько живо, что проснулся весь в поту, охваченный дрожью, как испуганный конь. Утром, когда они сели завтракать, он попытался пересказать сон жене.

— Все было очень отчетливо, Мэгги, — начал он. — Гораздо отчетливее, чем когда-нибудь наяву. Мне и теперь чудится, будто эти руки были липкие от крови.

— Расскажи мне... расскажи по порядку, — попросила она.

— Сперва я был на каком-то откосе. Я лежал, распластавшись на земле. Земля была неровная, поросшая вереском. Вокруг темнота, хоть глаз коли, но я слышал шорох и дыхание. Казалось, что по обе стороны от меня люди, много людей, но я не видел никого. Временами глухо звякала сталь, и тогда несколько голосов сразу шептали: «Ш-ш-ш!» В руке у меня была узловатая дубина с железными шипами на конце. Сердце билось быстро, я чувствовал, что близится миг великой опасности и великой тревоги. Раз я уронил дубину, и снова в темноте

вокруг меня зазвучали голоса: «Ш-ш-ш!» Я вытянул руку, и она коснулась ноги человека, лежавшего впереди. Были соседи и с боков, у самого локтя. Но все молчали.

Потом мы двинулись. Казалось, весь откос начал сползать вниз. Внизу была река и горбатый деревянный мост. За мостом горели частые огни — факелы на стене. Люди, крадучись, скатывались к мосту. Ни звука, ни скрипа, одна лишь бархатная тишина. А потом в темноте раздался крик, крик человека, пронзенного внезапною болью до самого сердца. Одно мгновение этот одинокий крик рос, ширился и тут же сменился бешеным ревом из тысячи глоток. Я бежал. Все бежали. Сиял алый свет, и река превратилась в багровую полосу. Теперь я увидел своих товарищей. Одетые в звериные шкуры, с длинными волосами и бородами, они больше походили на бесов, чем на людей. От ярости все обезумели — то и дело высоко подпрыгивали на бегу, неистово разевали рот, размахивали руками, и красные отблески плясали на их лицах. Я тоже бежал и тоже выкрикивал проклятия, как все. Я услышал оглушительный треск бревен и понял, что палисад рухнул. Пронзительный свист наполнял уши, и я знал, что это стрелы проносятся мимо. Я скатился на дно рва и увидел протянувшуюся сверху руку. Я схватил ее, и меня втащили на стену. Мы глядели вниз, под нами были серебряные люди с копьями. Несколько наших прыгнули прямо на копья, потом — мы, остальные, следом. Мы перебили солдат, прежде чем они успели выпростать и снова поднять свои копья. Они громко кричали на каком-то непонятном языке, но пощады не было никому. Мы прокатились по ним, как волна, и втоптали их в грязь, потому что их было мало, а нас — без числа.

— Я очутился среди домов, один из них горел. Я видел, как струи пламени бьют сквозь крышу. Я побежал дальше, теперь я был один между зданиями. Кто-то промелькнул передо мной. Это была женщина. Я поймал ее за руку, взял за подбородок и повернул ей голову так, чтобы свет от пожара упал на лицо. И кто, ты думаешь, это был, Мэгги?

Жена облизнула пересохшие губы.

— Это была я, — сказала она.

Он глядел на нее в изумлении.

— Ловко угадала, — сказал он. — Да, это была именно ты. Понимаешь, не просто кто-то похожая на тебя. Это была ты, ты сама: ту же самую душу я увидел в твоих испуганных глазах. Ты была белая и удивительно красивая в огне пожара. В голове осталась одна мысль: увести тебя отсюда, чтобы ты была моей, только моей, в моем доме где-то за грядою холмов. Ты вцепилась ногтями мне в лицо. Я вскинул тебя на плечо и стал искать пути назад, от этого света горящих домов — назад, в темноту.

И тут случилось самое удивительное, то, что я запомнил лучше всего остального. Тебе плохо, Мэгги? Дальше не рассказывать? Господи! У тебя то же выражение лица, что было ночью в моем сне! Ты отчаянно завизжала. Он примчался в пламени пожара. Голова его была непокрыта, волосы черные и курчавые, в руке обнаженный меч, короткий и широкий, чуть длиннее кинжала. Он бросился на меня, но споткнулся и упал. Одной рукой я удерживал тебя, а другой...

Жена вскочила на ноги, ее черты исказились.

— Марк! — закричала она. — Мой ненаглядный Марк! Ах, ты, зверь! зверь! зверь!

Зазвенели чашки, и она без чувств упала на стол.

Они никогда не говорили об этом странном случае, который стоял особняком во всей их супружеской жизни. На миг завеса прошлого отдернулась, и мимолетная картина забытого существования коснулась их взора. Но потом занавес закрылся, чтобы не открыться больше никогда. Они продолжали жить в своем тесном кругу — для мужа он ограничивался магазином, для жены домом, — и, однако ж, новые, более широкие горизонты смутно засинели вокруг них с того летнего вечера у разрушенной римской крепости.

Нашествие гуннов

(Перевод С. Маркиша)

В середине четвертого века состояние христианской религии было возмутительно и позорно. В бедах кроткая, смиренная и долготерпеливая, она сделалась, познав успех, самонадеянной, агрессивной и безрассудной. Язычество еще не умерло, но быстро угасало, находя самых надежных приверженцев либо среди консервативной знати из лучших родов, либо среди темных деревенских жителей, которые и дали умирающей вере ее имя. Меж двумя этими крайностями заключалось громадное большинство рассудительных людей, обратившихся от многобожия к единобожию и навсегда отвергших верования предков. Но вместе с пороками политеизма они расстались и с его достоинствами, среди которых особенно приметны были терпимость и благодушие религиозного чувства. Пламенное рвение христиан побуждало их исследовать и строго определять каждое понятие в своем богословии; а поскольку центральной власти, которая могла бы проверить такие определения, у них не было, сотни враждующих ересей не замедлили появиться на свет, и та же самая пламенная верность собственным убеждениям заставляла более сильные партии раскольников навязывать свои взгляды более слабым, повергая Восточный мир в смуту и раздор.

Центрами богословской войны были Александрия, Антиохия и Константинополь. Весь север Африки тоже был истерзан борьбою: здесь главным врагом были донатисты, которые охраняли свой раскол железными цепами и боевым кличем «Хвалите Господа!». Но мелкие местные распри канули в небытие, когда вспыхнул великий спор между католиками и арианами, спор, рассекший надвое каждую деревню, каждый дом — от хижины до дворца. Соперничающие учения о гомоусии и гомеоусии, содержавшие в себе метафизические различия настолько тонкие, что их едва можно было обнаружить, поднимали епископа на епископа и общину на общину. Чернила богословов и кровь фанатиков лились рекою с обеих сторон, и кроткие последователи Христа с ужасом убеждались, что их вера в ответе за такой разгул кровавого буйства, какой еще никогда не осквернял религиозную историю мира. Многие из них, веровавшие особенно искренне, были потрясены до глубины души и бежали в Ливийскую пустыню или в безлюдье Понта, чтобы там, в самоотречении и молитвах ждать Второго пришествия, уже совсем близкого, как тогда казалось. Но и в пустынях звучали отголоски дальней борьбы, и отшельники из своих логовищ метали яростные взоры на проходивших мимо странников, которые могли быть заражены учением Афанасия или Ария.

Одним из таких отшельников был Симон Мела, о котором пойдет наш рассказ. Католик, верный догмату Святой Троицы, он был возмущен крайностями в гонениях на ариан, крайностями, сопоставимыми лишь с теми зверствами, какие в дни своего торжества чинили ариане, мстя за свои обиды братьям во Христе. Устав от нескончаемых раздоров, уверенный, что конец света действительно вот-вот наступит, Симон Мела бросил свой дом в Константинополе и в поисках тихого прибежища добрался до готских поселений в задунайской Дакии. Продолжив путь на северо-восток, он пересек реку, которую мы теперь называем Днестром, и тут, найдя скалистый холм, возвышавшийся над безграничною равниной, устроил себе келью подле вершины, чтобы окончить свои дни в самоотречении и размышлениях. В речных струях играла рыба, земля изобиловала дичью, и дикие плоды усыпали деревья, так что духовные упражнения отшельника не слишком часто и не слишком надолго прерывались поисками пищи телесной.

В этом отдаленном убежище он рассчитывал обрести полное уединение, но надежда его оказалась тщетной. Примерно через неделю после прибытия греховное мирское любопытство овладело Симоном Мелой, и он пустился осматривать склоны высокого скалистого холма, который его приютил. Пробираясь к расщелине, прикрытой ветвями оливковых и миртовых деревьев, он вдруг наткнулся на пещеру, в устье которой сидел старец, седобородый, седовласый и ветхий — такой же отшельник, как он сам. Столь долгие годы он прожил в одиночестве, что человеческая речь почти совсем изгладилась из его памяти; но в конце концов слова потекли свободнее, и он смог сообщить, что зовут его Павел из Никополя, что он грек и тоже удалился в пустыню ради спасения души, убегая от еретической скверны и заразы.

— Вот уж не думал, брат Симон, — сказал он, — что встречу еще кого-то, кто в тех же святых исканиях забредет так же далеко. За все эти годы, а их было так много, что я и счет потерял, я ни разу не видел человека, кроме одного или двух пастухов там вдали, на равнине.

Широкая степь, блиставшая под солнцем свежеею зеленью травы и колыхавшаяся под ветром, тянулась от их холма к восточному горизонту ровно и непрерывно, как море. Симон Мела

пристально поглядел вдаль.

— Скажи мне, брат Павел, — спросил он, — ведь ты живешь здесь так долго, — что лежит по другую сторону этой равнины?

Старик покачал головой.

— У этой равнины нет другой стороны, — отвечал он. — Здесь край света, и она уходит в бесконечность. Все эти годы я провел подле нее, но ни разу не видел, чтобы кто-нибудь ее пересек. Ясное дело, если бы другая сторона существовала, в один прекрасный день непременно появился бы путник оттуда. За большой рекой стоит римская крепостца Тир, но до нее целый день пути, и римляне никогда не прерывали моих размышлений.

— О чем же ты размышляешь, брат Павел?

— Сперва я размышлял о многих священных тайнах, но вот уже двадцать лет, как я постоянно сосредоточен мыслью на одном — на природе Логоса. А что думаешь ты об этом наиважнейшем предмете, брат Симон?

— Тут не может быть двух мнений, — отвечал с уверенностью младший отшельник. — Логос — это, конечно, не что иное, как имя, которым святой апостол Иоанн обозначает божество.

Старый отшельник испустил хриплый вопль ярости, его темное, иссохшее лицо бешено исказилось. Схватив громадную дубину, которую он припас, чтобы отбиваться от волков, старик замахнулся на своего собеседника.

— Вон отсюда! Вон из моей кельи! — закричал он. — Неужели я для того прожил на этом месте так долго, чтобы увидеть, как его испоганит гнусный приспешник негодяя Афанасия? Проклятый идолопоклонник, запомни раз и навсегда, что Логос есть лишь эманация божества и ни в коем случае не равен ему — ни сущностью, ни вечностью! Убирайся вон, тебе говорят, или я расшибу твою дурацкую башку вдребезги!

Взывать к рассудку взбешенного арианина было бесполезно, и Симон удалился в скорби и изумлении от того, что даже здесь, на самой дальней оконечности вedomого человеку мира, уединенный покой пустыни разбит и разрушен духом религиозной борьбы. Понуриив голову, с тяжестью на сердце спустился он в долину, и снова поднялся к своей келье близ макушки холма, и по дороге дал себе слово никогда больше не видаться с соседом-арианином.

Год прожил Симон Мела в уединении и молитве. Не было никаких оснований ждать, что кто-нибудь или когда-нибудь явится в эту крайнюю точку обитаемой вселенной. И все-таки однажды молодой римский офицер Гай Красс приехал из Тира, проведя целый день в седле, и взобрался на холм к анахорету, чтобы с ним поговорить. Он происходил из всаднической семьи и все еще держался старых верований. С интересом и удивлением, но в то же время и с некоторой брезгливостью разглядывал он аскетическое устройство убогого жилища.

— Кому вы угождаете такую жизнью? — спросил он.

— Мы свидетельствуем, что дух наш выше плоти, — отвечал Симон. — Если мы бедствуем в этом мире, то верим, что пожнем плоды в мире будущем.

Центурион пожал плечами.

— Среди наших есть философы — стойки и другие, — которые рассуждают так же. Когда я служил в герульской когорте Четвертого легиона, мы стояли в самом Риме, и я часто встречался с христианами, но не смог услышать от них ничего такого, чего бы уже не знал раньше — от собственного отца, которого вы в своей заносчивости назвали бы язычником. Да, правда, мы признаем многих богов, но уже давно никто не принимает этого буквально и всерьез. А наши представления о до блести, долге и достойной жизни те же, что у вас.

Симон Мела покачал головой.

— Если у вас нет священных книг, — возразил он, — чем же вы руководитесь на путях к жизни?

— Если ты прочитаешь наших философов, и прежде всего божественного Платона, ты уедишься, что есть и иные вожатаи, способные привести к той же цели. Не попадалась ли тебе случайно книга нашего императора Марка Авралия? Разве не открываешь ты в ней все добродетели, какие только могут быть у человека, — а ведь он ничего не знал о вашей вере. А задумывался ты когда-либо над словами и делами нашего умершего императора Юлиана — я

ходил под его командою в свой первый поход, против персов? Можешь ли ты указать мне человека более совершенного?

— Такие речи ни к чему не ведут, — сурово промолвил Симон. — оставим их, довольно! Остерегись, пока еще есть время, и прими истинную веру, ибо конец света близок, и когда он настанет, тем, кто зажмурился перед светом, пощады не будет!

Сказавши так, он снова обернулся к молитвенной скамеечке и распятию, а молодой римлянин в глубокой задумчивости зашагал вниз по склону, сел на коня и поехал к своей отдаленной крепостце. Симон провожал его взглядом до тех пор, пока бронзовый шлем центуриона не превратился в светлую бусинку на западном краю великой равнины; ибо это было первое человеческое лицо, которое он видел за весь этот долгий год, и бывали минуты, когда его сердце томилось тоскою по людским голосам и лицам.

Еще год миновал, и, не считая перемены погоды и медленного чередования весны и лета, осени и зимы, дни были неотличимы друг от друга. Каждое утро, открыв глаза, Симон видел все ту же серую полосу далеко на востоке, наливавшуюся красным до тех пор, покуда яркая кайма не пробьется над дальним горизонтом, которого никогда не переходило ни одно живое существо. Медленно шествовало солнце по широкой дуге в небесах, и тени, падавшие от черных скал над пещерой, перемещались, подсказывая отшельнику срок молитвы и время размышлений. Ничто на свете не могло отвлечь его взор или рассеять мысли, ибо травянистая равнина внизу была из месяца в месяц столь же пустынна, как небо над головой. Так текли долгие часы, и вот уже красная кайма скользит и сползает на другом краю неба, и день кончается в том же жемчужно-сером сиянии, в каком начался. Как-то раз два ворона несколько дней подряд кружили вокруг одинокого холма, в другой раз белый орел-рыболов прилетел с Днестра и пронзительно клекотал в вышине. Иногда на зелени равнины показывались красноватые точки — это паслись антилопы, и часто волк выл во мраке у подножия скал. Такова была бедная событиями жизнь пустытника Симона Мелы, и тут наступил День гнева.

Была поздняя весна 375 года. Симон вышел из кельи с пустою тыквой в руке, чтобы зачерпнуть воды из родника. Солнце уже село, и темнота подступала, но последний розовый свет еще мерцал на скалистой вершине, поднимавшейся за холмом. Выйдя из-под уступа, прикрывавшего его жилище, Симон выронил тыкву и замер в изумлении.

На вершине стоял человек — черный контур в гаснущем свете. Облик его был странен, почти уродлив: короткая, сутулая фигура, большая голова совсем без шеи и какой-то длинный прут, торчавший между плечами. Он стоял, наклонившись, вытянув голову, и очень внимательно разглядывал равнину на западе. Через миг он исчез, и одинокая черная вершина была нагой и холодной на фоне неверного мерцания востока. Потом опустилась ночь, и чернота разлилась повсюду.

Симон Мела долго не мог тронуться с места, гадая, кто же этот странный незнакомец. Как и всякий христианин, он слышал про злых духов, которые обычно являлись отшельникам в Фиваиде и на окраине Эфиопской пустыни. Странное обличье этого одинокого существа, темные его очертания, чуткая, напряженная поза, напоминающая скорее о свирепом и хищном звере, нежели о человеке, — все помогало пустыннику уверовать, что наконец-то он столкнулся с одним из тех исчадий преисподней, в существовании которых он сомневался столь же мало, сколько в собственном существовании. Большую часть ночи он провел в молитве, не сводя глаз с двери своей кельи, с черно-фиолетовой, в частых звездах завесы, закрывшей низкий свод. В любой миг какое-нибудь ползучее чудище, какая-нибудь рогатая мерзость могла уставиться на него, и, уступая человеческой слабости, млея от ужаса при этой мысли, он отчаянно зывал к своему распятию. Но в конце концов усталость взяла верх над страхом, и, упав на постель из сухой травы, он уснул и спал до тех пор, пока яркий свет дня не вернул его к действительности.

Пробуждение было позднее — позднее обычного, — солнце успело подняться высоко над горизонтом. Выйдя из кельи, он оглядел вершину напротив, но она была пуста и молчалива. Ему уже начинало казаться, что та странная, мрачная фигура, которая так его напугала, была лишь видением, примерещившимся в сумерках. Его тыква валялась на том же месте, где упала, и он поднял ее, собираясь продолжить путь к роднику. И вдруг он понял, что совершилась какая-то перемена. Воздух гудел и дрожал. Ворчливый гул несся со всех сторон, неопределенный, невнятный, низкий, но густой и мощный, слабея и усиливаясь, дробясь и отдаваясь в скалах, стихая до глухого шепота, но ни на миг не исчезая вовсе. В крайнем изумлении Симон поднял глаза к голубому, безоблачному небу. Потом вскарабкался на скалистую макушку холма, укрылся в тени и окинул взором равнину. Даже в самом диком сне не могло ему привидеться ничего подобного.

Все широкое пространство было покрыто конниками — сотни, тысячи, десятки тысяч конников ехали медленно и безмолвно с неведомого востока. Топот бесчисленных копыт и вызывал глухое содрогание воздуха. Некоторые проезжали так близко, что, глядя вниз, он ясно видел отощавших, но жилистых коней и странные сутулые фигуры смуглых всадников: они сидели на самой холке, короткие ноги свисали, не опираясь на стремена, но человеческое тело, похожее на бесформенный узел, покачивалось так уверенно и твердо, словно срослось воедино с телом животного. У этих ближайших к нему он видел лук, колчан, длинное копье и короткий меч, свернутое кольцом лассо за спиной, и это свидетельствовало, что перед ним не безобидная орда кочевников, но гигантское войско на марше. Его взгляд скользил все дальше, дальше, но до самого горизонта, который теперь мелко колыхался, не было ничего, кроме этой чудовищной конницы. Головной отряд уже давно миновал скалистый остров, на котором жил Симон Мела, и теперь он мог понять, что впереди авангарда шли разведчики, направлявшие движение всего войска, и что одного из них он и видел накануне вечером.

Весь день отшельник, зачарованный поразительным зрелищем, робко прятался в тени скал, и весь день внизу, по равнине, катилось море всадников. Симону случалось видеть кишащие народом причалы Александрии, он видел толпу на ипподроме в Константинополе, но никогда не мог он себе представить такого множества людей, какое теперь проходило перед его глазами, появляясь с востока, от той черты горизонта, которая прежде была краем света. Время от времени плотные потоки всадников разрывал табун кобылиц с жеребятами, тоже под присмотром верховых, временами то были стада коров, временами вереницы повозок с кожаными навесами, но потом, после каждого разрыва, вновь шли конники, конники, сотни, тысячи, десятки тысяч, медленно, неиссякаемо, безмолвно — с востока на запад. Долгий день миновал, свет померк, упали тени, но великий поток не останавливался.

Ночь принесла новое и еще более поразительное зрелище. Симон заметил, что многие выючные лошади нагружены хворостом — теперь он увидел назначение этого груза. По всей равнине замерцали сквозь мрак красные точки, они росли и светлели, превращаясь в трепещущие столбы пламени. К востоку и к западу, насколько хватало глаз, тянулись огни. Белые звезды сияли в широком небе над головой, красные — на бескрайней равнине внизу. И отовсюду поднимался глухой, невнятный шум человеческих голосов, смешанный с мычанием коров и ржанием лошадей.

Прежде чем отречься от мира, Симон был и солдатом и дельцом, и то, что он видел теперь, не оставляло в нем ни малейших сомнений. Из истории он знал, что римский мир непрерывно подвергался атакам все новых варварских полчищ, приходивших из «внешней тьмы», и что Восточная империя, возникшая всего пятьдесят лет назад, когда Константин перенес столицу мира на берега Босфора, уже страдала от тех же самых нашествий. Гепиды и герулы, остроготы и сарматы — все эти имена были знакомы ему. То, что передовой караульный Европы увидел со своего одинокого, отдаленного холма, было еще одною волной, хлынувшей на Империю и отличавшейся от предыдущих лишь неслыханными, невероятными размерами да странным обликом воинов, которые ее составляли. Из всех цивилизованных людей он один знал об этой страшной тени, которая надвигалась, точно тяжелая гроздовая туча, из неведомых глубин Востока. Он подумал о римских крепостях вдоль Днестра, о разрушившемся дакийском вале Траяна у них за спиной, а потом — обо всей стране, открытой вплоть до самого Дуная, с разбросанными по ней беззащитными деревнями, даже не подозревавшими об опасности. Разве не в силах он хотя бы поднять тревогу? Может быть, именно ради этого и привел его в пустыню Господь!

Тут внезапно он вспомнил о соседе-арианине, который жил в пещере пониже. Раз или два за минувший год он мельком видел этого долгоязого сутулого старика — как тот, едва ковыляя, осматривает силки, поставленные на перепелов и куропаток. Однажды они случайно встретились у ручья, но старый богослов знаком приказал ему удалиться, словно Симон был прокаженный. Что-то думает он об этих неожиданных событиях? Несомненно, разногласия следует забыть в такой миг! И Симон, крадучись, стал спускаться по склону холма, направляясь к пещере второго отшельника.

Но жуткое молчание встретило его, когда он приблизился, и сердце Симона сжалось в ответ на мертвую тишину маленькой долины. Ни лучика света не пробивалось сквозь расщелину в скале. Он вошел, окликнул старика — ответа не было. Тогда с помощью кремня и стального кресала он высек искру в сухую траву, которую употреблял вместо трута, и раздул огонек. Старый отшельник — белые волосы в малиновых брызгах — раскинулся на полу своей кельи. Осколки распятия, которым была пробита его голова, валялись рядом. Симон опустился на колени подле трупа и принялся расправлять его сведенные судорогой руки и ноги, бормоча слова заупокойной службы, как вдруг послышался стук копыт, поднимающийся по долине, которая вела к жилищу пустытника. Сухая трава догорела. Симон, весь дрожа, притаился во мраке и твердил молитвы святой Деве, чтобы она укрепила его мышцы.

Возможно, новый пришелец заметил свет в пещере, а могло быть и так, что он услышал от своих приятелей про старика, которого они убили, и любопытство привело его на место убийства. Он остановил лошадь у входа, и Симон, прячась в густой тени, отчетливо видел его в свете луны. Он сполз с седла, привязал повод к какому-то корню и теперь стоял, глядя в устье пещеры. Это был очень короткий и толстый человек с очень смуглым лицом и тремя рубцами на каждой щеке. Маленькие глазки сидели глубоко и казались черными отверстиями в тяжелом, плоском, безбородом лице. Ноги были короткие и очень кривые, так что он неуклюже переваливался на ходу.

Симон притаился в самом темном углу, сжимая в правой руке узловатую дубину, ту самую, которую богослов однажды поднял против него. Когда омерзительная, втянутая в плечи голова просунулась в темноту пещеры, он изо всех сил обрушил на нее свое оружие, а потом, когда дикий упал ничком, бешено колотил до тех пор, пока бесформенное тело не обмякло и не замерло неподвижно. Одна кровля была над первыми убитыми Европы и Азии.

Жилы Симона бились и трепетали непривычною радостью действия. Вся энергия, накопленная за долгие годы покоя, хлынула потоком в этот час нужды. Стоя во мраке пещеры, он видел, словно на огненной карте, очертания великого варварского воинства, линию реки, места поселений, рассчитывал, каким образом можно всех предупредить. Молча ждал он, пока зайдет луна, а потом вскочил на лошадь убитого, спустился по ущелью и погнал ее галопом через равнину.

Повсюду горели огни, но он держался в стороне от света. Подле каждого огня он видел, проезжая мимо, кружок спящих воинов и длинную вереницу стреноженных коней. Миля за милей, лига за лигой тянулся этот исполинский лагерь. Наконец Симон добрался до пустой равнины, которая вела к реке, и скоро костры захватчиков обратились в туманное мерцание на черном фоне неба. Все быстрее и быстрее мчался он по степи, словно одинокий листок, который кружится впереди смерча. Заря, выбелившая небо у него за спиной, отразилась и в широкой реке впереди, и, нахлестывая усталого коня, он погнал его через отмели и погрузился в полные желтые воды Днестра.

Так это и произошло, что молодой римский центурион Гай Красс, обходя утром крепостцу Тир, заметил одинокого всадника, скакавшего к ним от реки. Истомленные, измученные, покрытые грязью и потом, а напоследок вымокшие в реке и конь и всадник были чуть живы. С изумлением наблюдал за ними римлянин, а когда они приблизились, узнал в оборванном человеке с взлохмаченными волосами и остановившимся взглядом пустынного восточника. Отшельник уже едва держался в седле, и римлянин поспешил навстречу и подхватил его на руки.

— Что такое? — спросил он. — Что случилось?

Но тот лишь указал движением головы на восходящее солнце.

— К оружию, — прохрипел он, — к оружию! День гнева настал.

И, взглянув туда, куда он показывал, римлянин увидел вдали за рекою громадную черную тень, медленно подвигавшуюся над равниной.

Состязание

(Перевод С. Маркиша)

В год от рождества Христова шестьдесят шестой император Нерон на двадцать девятом году своей жизни и тринадцатом году правления отплыл в Грецию в самом странном сопровождении и с самым неожиданным намерением, какое когда-либо приходило на ум монарху. Он вышел в море из Путеол на десяти галерах, везя с собою целый склад декораций и театрального реквизита, а также изрядное число всадников и сенаторов, которых опасался оставить в Риме и которые, все до последнего, были обречены умереть во время предстоящего путешествия. В свиту императора входили Нат, его учитель пения, Клувий, человек с неслыханно зычным голосом, — его обязанностью было возглашать императорский титул — и тысяча молодых людей, натасканных и выученных встречать единодушным восторгом все, что ни споет или разыграет на сцене их владыка. Такою тонкой была эта выучка, что каждый исполнял свою, особую роль. Иные выражали свое одобрение без слов, одним только низким, грудным гулом. Другие, переходя от одобрения к полному неистовству, пронзительно орали, топали ногами, колотили палками по скамьям. Третьи — и эти были главной силой — переняли от александрийцев протяжный мелодический звук, похожий на жужжание пчелы, и издавали его все разом, так что он оглушал собрание. С помощью этих наемных поклонников Нерон — несмотря на посредственный голос и топорную манеру — вполне основательно рассчитывал вернуться в Рим с венками за искусство пения, которыми греческие города награждали победителей в открытом для всех состязании. Пока его большая позолоченная галера с двумя рядами гребцов плыла по средиземноморским водам к югу, император сидел целыми днями в своей каюте, бок о бок с учителем, и с утра до ночи твердил песни, которые выбрал, и каждые несколько часов нубийский раб растирал императорское горло маслом и бальзамом, приуговаривая его к тому великому испытанию, которое ему предстояло в стране поэзии и музыки. Пища, питье и все упражнения были строго расписаны заранее, словно у борца, который готовится к решающей схватке, и бряцание императорской лиры вперемежку со скрипучими звуками императорского голоса несло бесперывно из его покоев.

А случилось так, что в эти самые дни жил в Греции козопас по имени Поликл. Он был пастухом — а отчасти и владельцем — большого стада, которое щипало травку по склонам длинной гряды холмов вблизи Гереи, что в пяти милях к северу от реки Алфея и не так далеко от прославленной Олимпии. Этот человек был известен по всей округе редкими своими дарованиями и странным нравом. Он был поэт, дважды увенчанный лаврами за свои стихи, и музыкант, для которого звуки кифары были чем-то столь естественным и неотъемлемым, что легче было повстречать его без пастушеского посоха, чем без музыкального инструмента. Даже в одиноких зимних бдениях подле стада не расставался он с кифарою, но всегда носил ее за плечами и коротал с ее помощью долгие часы, так что она сделалась частью его «я». Вдобавок он был красив, смугл и горяч, с головою Адониса и такою силою рук, что никто не мог с ним тягаться. Но все было не впрок, все шло прахом из-за его характера, такого властного, что он не терпел никаких возражений. По этой причине он постоянно враждовал со всеми соседями и, в припадках дурного настроения, проводил иной раз целые месяцы в горной хижине, сложенной из камней, ничего не зная о мире и живя лишь для своей музыки да для своих коз.

Однажды утром, весною шестьдесят седьмого года, Поликл со своим рабом Дором перегнал коз повыше, на новое пастбище, откуда открывался далекий вид на город Олимпию. Глядя с горы вниз, пастух был изумлен, заметив, что часть знаменитого амфитеатра покрыта тентом, словно давали какое-то представление. Живя вдали от мира и всех его новостей, Поликл и вообразить не мог, что там готовится: ведь до греческих игр, как он отлично знал, оставалось еще целых два года. Да, несомненно, идут какие-то поэтические или музыкальные состязания, о которых он ничего не слышал. А ежели так, есть, пожалуй, кое-какие возможности склонить судей на свою сторону; да и без того он любил слушать новые сочинения и восхищался мастерством больших певцов, которые всегда собирались по таким случаям. И вот, кликнув Дора, он оставил коз на его попечение, а сам, с кифарою за спиной, быстро зашагал прочь, чтобы посмотреть, что происходит в городе.

Добравшись до предместий, Поликл увидел, что они пусты; еще более он изумился, когда, выйдя на главную улицу, не встретил ни души и там. Ускорив шаг, он приблизился к театру, и тогда его ушей коснулся низкий, сдержанный гул, извещавший о стечении большого числа людей. Никогда, даже во сне, не мог он представить себе музыкального состязания такого размаха! Несколько солдат тесно загораживали ворота, но Поликл быстро протолкался внутрь и присоединился к толпе, которая наполняла широкое пространство под кровлею, растянутою

над частью национального стадиона. Оглянувшись, Поликл увидел очень многих своих соседей, которых знал в лицо; они сидели на скамьях вплотную друг к другу и не сводили глаз со сцены. Еще он заметил, что вдоль стен выстроились солдаты и что среди присутствующих много молодых людей чужеземного обличья — в белых тогах и с длинными волосами. Все это он видел, но что это означает, сообразить не мог. Он наклонился к соседу, чтобы спросить, но солдат тут же ткнул его ратовищем копыя и яростно приказал держать язык за зубами. Человек, к которому он обратился, решил, что Поликл просит подвинуться, и притиснулся к своему соседу еще плотнее; так пастух очутился на самой ближней к выходу скамье, и теперь все внимание его обратилось к тому, что происходило на сцене. Мета, известный певец из Коринфа и старый друг Поликла, пел и играл, не вызывая у слушателей особого воодушевления. Поликлу казалось, что Мета заслуживает большего; он громко захлопал в ладоши и тут же обнаружил, что солдат грозно нахмурился, а соседи взирают на него с каким-то недоумением. Но, как человек сильный и упрямый, он только захлопал еще громче, когда заметил, что большинство судит не так, как он.

Однако ж в совершенное и крайнее изумление повергло пастуха-поэта то, что за этим последовало. Когда Мета из Коринфа раскланялся и удалился под нерешительные и вялые рукоплескания, на сцену, встреченный бешеным энтузиазмом части собравшихся, вышел человек самой необыкновенной наружности — коротенький, жирный, неопределенного возраста, с бычьей шеей и круглым, тяжелым лицом, которое обвисало складками, точно подгрудок у коровы. Он был нелепо наряжен в короткую синюю тунику с золотым поясом. Шея и часть груди были открыты, и короткие, жирные ноги обнажены от котурнов до середины бедер, то есть до того места, где кончалась туника. В волосах у него блестела пара золотых крылышек, и такие же крылышки были на пятках — в подражание богу Меркурию. Следом шел негр с арфой, а рядом — богато одетый служитель со свитками нот. Станный этот певец взял арфу из рук раба и, подойдя к краю сцены, поклонился и улыбнулся ликующей аудитории. «Верно, какой-нибудь хлыщ из Афин», — подумал Поликл, но тут же возразил себе, что лишь великий мастер пения мог встретить такой прием у греческих слушателей. Нет, очевидно, что это какой-то замечательный исполнитель, чья слава опередила его в пути! Поликл облегченно вздохнул и приготовился отдать душу во власть музыки.

Человек в синей тунике ударил несколько раз по струнам и вдруг разразился «Песнью о Ниобе». Выпрямившись на своей скамье, Поликл изумленно взирал на сцену. Мелодия требовала быстрого перехода от низких тонов к высоким и специально ради этого перехода была выбрана певцом. Низкие тона казались ворчливым и громким, но нестройным рычанием сварливого пса. Потом внезапно певец поднял лицо к небу, встал на цыпочки, вся приземистая его фигура вытянулась, голова затряслась, щеки побагровели, и он издал такой вой, какой мог бы издать тот же самый пес, если бы ворчание его было пресечено хозяйским пинком. Тем временем арфа гнусаво тренькала, то отставая от голоса, то забегая вперед. Но всего более удивил Поликла отклик, который вызвало у аудитории это выступление. Каждый грек был опытный критик и столько же беспощаден в свисте, сколько расточителен в рукоплесканиях. Многие певцы, куда лучшие, чем этот дурацкий хлыщ, бежали с возвышения, спасаясь от града проклятий и насмешек. Но тут, когда человек умолк и вытер пот, обильно струившийся по жирным щекам, разразилась целая буря бешеного восторга. Голова у пастуха раскалывалась, он сжал виски ладонями, чувствуя, что разум покидает его. Бесспорно, это всего лишь музыкальный кошмар, сейчас он пробудится и будет хохотать, вспоминая нелепый сон. Но нет! Люди вокруг были настоящие, он видел лица своих соседей, восторженные клики, которые гремели у него в ушах, действительно испускали зрители, заполнявшие театр в Олимпии. Восхваления были в самом разгаре. Жужжальщики жужжали, крикуны выкрикивали, колотильщики с головою ушли в работу, молотя палками по скамьям, и то и дело проносился музыкальный циклон: «Несравне-е-н-н-о-о! Боже-е-ств-е-н-н-о-о!» — это вымуштрованная фаланга выводила нараспев свои похвалы, их дружные голоса покрывали всеобщую сумятицу, как гудение ветра заглушает рев моря. Это было безумие, нестерпимое безумие! Если его не остановить, — всей музыкальной справедливости в Греции конец! Совесть не даст Поликлу остаться безучастным! Он вскочил на скамью, замахал руками, и, напряжившись, во всю силу легких, принялся протестовать против безумного суждения аудитории.

Сперва, среди сумятицы, его протест едва ли был замечен. Его голос тонул в общем реве, который вспыхивал вновь при всяком поклоне и самодовольной усмешке глупца-музыканта. Но мало-помалу народ вокруг Поликла перестал хлопать и уставился на него в крайнем недоумении. Тишина все ширилась, пока наконец громадное собрание не умолкло, глядя на этого разъяренного и прекрасного человека, который бешено кричал на них со своего места у выхода.

— Дураки! — бушевал он. — Чему вы рукоплещете? Чему радуетесь? И это вы называете музыкой? Да у малого нет голоса и в помине! Вы либо оглохли, либо сошли с ума, и да будет

вам стыдно за ваше безумие — вот что я вам скажу!

Солдаты ринулись, чтобы стащить его со скамьи, и вся аудитория пришла в замешательство: иные, похрабрее, одобряли слова пастуха, иные требовали выгнать его вон. Тем временем удачливый певец, отдавши арфу черному прислужнику, расспрашивал людей на сцене, чем вызвано волнение среди публики. Кончилось тем, что глашатай с невероятно мощным голосом выступил вперед и объявил: если придурковатый субъект из задних рядов, который, по-видимому, расходится во мнениях с остальными зрителями, выйдет вперед и поднимется на возвышение, он может — если дерзнет — показать, на что способен он сам, и убедиться, достанет ли у него сил, чтобы затмить то изумительное и восхитительное выступление, которое все собравшиеся имели счастье только что услышать.

В ответ на вызов Поликл живо соскочил с сиденья, ему очистили проход, и минутою позже пастух, в небрежном своем наряде, с облезлой, облинявшей под дождем кифарою в руках, уже стоял перед напряженно ожидавшею толпою. Мгновение он помедлил, настраивая кифару — натягивая одни струны и отпуская другие, — а потом, под шум смешков и острот с римских скамей прямо перед ним, запел.

Готового сочинения у него не было, но он приучился импровизировать, перекладывая в песню все, что копилось на сердце, — просто из любви к музыке. И он стал рассказывать о любимой Зевсом стране Элиде, где они собрались в этот день, о нагих горных склонах, о сладостной тени облаков, об извилистой синей реке, о бодрящем воздухе нагорий, о прохладе вечеров, о красотах земли и неба. Рассказ был по-детски прост, но граждан Олимпии он брал за душу, потому что говорил о стране, которую они знали и любили. И тем не менее, когда Поликл наконец опустил руку, лишь немногие из них посмели выразить свое одобрение, и слабые их голоса захлестнул ураган свистков и жалобных стонов с передних скамей. В ужасе от столь непривычного приема Поликл отпрянул назад, и тут же его место занял соперник в синей тунике. Если прежде он пел плохо, то теперешнее его выступление уже невозможно и описать. Его визг, рычание, диссонансы и грубые, отвратительные неблагозвучия были оскорблением самому имени музыки. И однако всякий раз, как он умолкал, чтобы перевести дыхание или утереть мокрый от пота лоб, новый гром рукоплесканий прокатывался над аудиторией. Поликл спрятал лицо в ладонях и молил богов, чтобы ему остаться в здравом уме. Потом, когда страшное выступление окончилось и рев восхищения засвидетельствовал, что венок наверняка будет присужден толстомерному мошеннику, ужас перед публикой, ненависть к этому племени дураков и страстная жажда мира и тишины пастбищ овладели всеми его чувствами, всем существом. Он пробился через массу народа, столпившуюся по обе стороны сцены, и выбрался на свежий воздух. Его старый соперник и друг Метя из Коринфа ждал его снаружи; лицо Метя выражало тревогу.

— Скорей, Поликл, скорей! — закричал он. — Моя лошадка привязана вон за тою рощицей. Серая, в красной попоне. Скачи во всю прыть, потому что если тебя схватят, нелегкая предстоит тебе смерть!

— Нелегкая смерть?! О чем ты толкуешь, Метя? Кто этот малый?

— О, великий Зевс! Ты не знал? Где ж ты жил? Это император Нерон! Он никогда не простит того, что ты сказал о его голосе. Быстрей, друг, быстрей, или стража кинется следом!

Спустя час пастух был уже далеко на пути к своему дому в горах, и примерно в то же время император, получив олимпийский венок за несравненную красоту пения, хмуро расспрашивал, кто этот наглый тип, который позволил себе так высокомерно критиковать его искусство.

— Немедленно привести его ко мне, — сказал он, — а Марк с ножом и раскаленным железом пусть будет наготове.

— С твоего изволения, великий Цезарь, — промолвил Арсений Плат, офицер личной стражи, — его невозможно сыскать, и очень странные слухи носят в воздухе.

— Слухи! — сердито вскричал Нерон. — На что ты намекаешь, Арсений? Говорю тебе, что этот малый — невежда и выскочка с повадкой грубияна и голосом павлина! И еще говорю тебе, что многие среди народа провинились не меньше, чем он: я слышал собственными ушами, как они хлопали ему, когда он спел свою смехотворную песню. Я уже почти решил сжечь этот город, у которого такие нечуткие уши, — пусть помнит Олимпия, как я побывал у нее в гостях!

— Нет ничего удивительного, Цезарь, что они высказались в его пользу, — ответил воин. — Сколько я понял из разговора, тебе — даже тебе! — было бы не стыдно выйти и побежденным

из этого состязания.

— Мне? Победленным? Ты рехнулся, Арсений! На что ты намекаешь?

— Никто не знает этого человека, великий Цезарь. Он спустился с гор и снова исчез в горах. Ты заметил дикую, необычную красоту его лица? Повсюду шепчутся, что великий бог Пан, в виде особой милости, снизошел до смертного, чтобы помериться с ним силою искусства.

Угрюмые складки на лбу Нерона разгладились.

— Конечно, Арсений! Ты прав. Никто из людей не осмелился бы бросить мне такой дерзкий вызов. И каков рассказ для римлян! Пусть гонец едет нынче же в ночь и пусть поведает им, как их император поддержал сегодня в Олимпии честь Рима!

Р. Олюнин «Белый отряд»

Роман «Белый отряд» переносит нас в далекую эпоху второй половины XIV века, когда две сильнейшие в то время европейские монархии, Англия и Франция, вели жестокую войну, вошедшую в историю под названием Столетней. Столетняя война (1337-1453) издавна привлекала к себе внимание поэтов и прозаиков. «Орлеанская дева» Шиллера и «Жакерия» Мериме, «Жизнь Жанны д'Арк» Анатоля Франса и «Святая Иоанна» Шоу — эти и многие другие произведения, написанные в разное время и в различной художественной форме, содержали в себе стремление осмыслить и запечатлеть историческое прошлое двух народов, переживавших тогда глубокий социальный кризис.

В отличие от авторов, обращавшихся к наиболее драматическим, напряженным этапам этой войны, Конан Дойль остановился на эпизоде, не столь значительном для последующего хода истории. Речь идет о событиях 1366 года, когда после подписания перемирия в Бретиньи (1360) военные действия между англичанами и французами были прекращены, и на полях сражений наступило временное затишье.

Но и эти годы были насыщены борьбой. Затишье не принесло мира. Именно к этому периоду относится возникновение так называемых «белых отрядов», или, по-иному, «белых братств», «белых компаний». Они состояли из английских и французских солдат, а также иностранных наемников, которые избрали войну своим ремеслом, а теперь, в мирное время, промышляли разбоем и грабежами на территории Франции. Во главе их находились опытные военачальники, такие, как Бертран Дюгесклен, ставший впоследствии одним из влиятельнейших людей Франции, Черный принц, сын царствовавшего тогда английского короля Эдуарда III, Джон Чандос и другие. К их услугам охотно прибегали и короли и крупные феодалы, постоянно враждовавшие между собой и всегда нуждавшиеся в солдатах.

Немалую роль «белые отряды» сыграли в борьбе за испанскую корону. Главным действующим лицом этих событий был кастильский король Педро I, за свой характер и поступки получивший прозвище «Жестокий». Пытаясь сосредоточить в своих руках всю полноту власти, Педро вступил в борьбу со знатью, не желавшей расставаться со своими древними правами и привилегиями. Борьба эта была на редкость кровавой. Публичные казни и убийства из-за угла были излюбленными методами короля. Но планам его не суждено было свершиться. В книге «Революционная Испания» К. Маркс отмечал, что в XIV столетии в Кастилии не созрели еще силы, на которые могла бы опереться абсолютная монархия, чтобы выступить «как цивилизирующий центр, как объединяющее начало общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 431).

Против Педро возник заговор во главе с графом Энрике (Генрихом) Трастамарским, сводным братом короля, ставленником феодальной верхушки. Началась гражданская война, первая половина которой оказалась удачной для Педро Жестокого. Ему удалось разбить Энрике и вынудить его бежать во Францию. Было очевидно, что король достаточно силен, чтобы противостоять заговорщикам, и что для поражения его необходимы боеспособные и надежные союзники. И союзники нашлись: это были «белые отряды». Правда, их руководители не сразу согласились стать под знамена испанского сеньора. Им отнюдь не улыбалось покидать плодородные равнины Гаронны, бывшие для них столь длительное время неистощимым источником наживы. Решив подороже продать себя, они заломили огромную сумму лишь за одно согласие уйти с территории Франции. Но столь велико было в этой стране желание поскорее избавиться от беспокойных гостей, что Карл V, французский король, и папа Урбан V не только выплатили требуемые ими сто тысяч золотых флоринов, но и разрешили им грабить церкви во время прохождения через Авиньон.

Так или иначе, отряды Дюгесклена и Чандоса оказались по ту сторону Пиренеев и разбили армию Педро Жестокого. Энрике был провозглашен королем, его предшественнику, в свою очередь, пришлось бежать из Испании. И снова «белые отряды», часть которых все еще оставалась на старом месте, оказались в качестве наемников, на этот раз призванных вернуть корону свергнутому кастильскому монарху. Именно в момент подготовки нового похода, во главе которого стал Черный принц, мы и застаем сэра Найджела Лоринга, Аллейна Эдриксона, Сэмкина Эйлварда и других героев романа.

В конце концов, Педро потерпел поражение, 23 марта 1369 года он был убит, «белые отряды» были распущены и вскоре прекратили свое существование. Но это уже события, выходящие за рамки романа. Путь же его героев закончился значительно раньше, едва лишь они вступили на испанскую землю и были разбиты в одной из схваток с наемниками Энрике.

Обратившись к небольшому историческому эпизоду, Конан Дойль, однако, не ограничился событиями, связанными лишь с именем Педро Жестокого. Расширив временные и сюжетные

рамки повествования, писатель воскресил суровую жизнь средневековья, нарисовал картину быта и нравов тех лет. Действие романа происходит то в Англии, то во Франции, то на суше, то на море. Среди его героев рыцари и монахи, принцы и крестьяне.

Конан Дойль приступил к созданию «Белого отряда» ранней весной 1889 года. Прежде чем первая строка романа легла на бумагу, писатель изучил десятки томов по истории средневековья, причем не только научные исследования, но и древние рукописи, в том числе знаменитые «Хроники» французского историка XIV века Фруассара, прекрасно иллюстрированные, содержащие бесценный фактический материал.

Работая над источниками, писатель стремился по-настоящему проникнуться духом того времени, почувствовать колорит эпохи. Правда, ему приходилось постоянно возвращаться из прошлого в настоящее: редакторы и издательства ждали от него новых похождений Шерлока Холмса, и он работал над продолжением этого цикла, повестью «Знак четырех». Все же в начале 1890 года «Белый отряд» был закончен. Конан Дойль впоследствии вспоминал, что это был один из счастливейших дней в его жизни. «На меня нахлынула волна ликования, — писал он, — и с криком «Я сделал это!» я швырнул свое перо через всю комнату, заваленную листами исчерканной бумаги. Сердцем своим я чувствовал, что книга будет жить как память о наших древних национальных традициях». Первоначально роман печатался на страницах известного в то время литературного журнала «Корнхилл», а затем, в ноябре 1891 года, вышел отдельным изданием.

Сам Конан Дойль не раз повторял, что считает «Белый отряд» едва ли не самым удачным своим произведением, во всяком случае, лучшим из своих исторических романов. Обращаясь к истории, писатель сосредоточивал внимание на сильных страстях и переживаниях, подчеркивал в своих героях дух отваги и бескорыстия. Романтику прошлого он противопоставлял рационализму современных дельцов, одержимых духом наживы. Писатель хотел напомнить современникам о былых временах, о бурной, полной опасностей жизни, столь непохожей на существование преуспевающих буржуа.

Творческой удачей Конан Дойля можно считать образ сэра Найджела Лоринга, главного героя повествования. Патриотизм, верность долгу и отвага на полях сражений сочетаются в этом внешне неказистом, маленьком человеке с трогательным и благородным стремлением защитить слабого. Он с решимостью готов встретить любую опасность, с завидным постоянством верен даме своего сердца. Помещая в центр повествования подобную фигуру, писатель вместе с тем сознает, что «великие битвы во Франции выиграны английскими йоменами и валлийскими копейщиками» и что «самое горделивое рыцарство во всем мире не способно противостоять оружию дисциплинированных крестьян. Мощь перешла в другие руки. Покровитель превратился в покровительствуемого, и вся феодальная система, пошатываясь, брела к гибели».

Поэтому немаловажное место в романе занимают люди из народа, такие, как Сэмкин Эйлвард, Хордл Джон, йомены, солдаты, трактирщики. Писатель изображает их как силу пусть пока дремлющую, но уже непокорную, готовую во весь голос заявить свой протест против социальных несправедливостей: «...разве не один у нас враг, — замечает герой романа, беглый йомен, — хоть под плащом и рясой, хоть под шлемом и панцирем? Нам одинаково приходится бояться и тонзуры и кольчуги. Ударь дворянина — и закричит поп, ударь попа — и дворянин схватится за меч. Это ворюги-близнецы. Они живут нашим трудом».

И все же голос народного гнева пугал писателя, и страх сковывал его перо, мешая ему следовать исторической правде. Конан Дойль отрицательно расценил значение Жакерии и отобразил в романе события крестьянской войны во Франции крайне тенденциозно. Антифеодальное движение французского народа выглядит на страницах «Белого отряда» как серия бесчинств, грабежей, сопровождаемых бессмысленными жестокостями. Шайкой разбойников кажутся и недовольные английские крестьяне, предводительствуемые хозяином Минстедского поместья, самым отталкивающим персонажем из всей галереи действующих лиц романа.

Конан Дойль стремился изображать события на широком фоне эпохи. Отправив героев «Белого отряда» по дорогам Англии и Франции, писатель сталкивает их с самыми различными людьми самых разных профессий и характеров. Здесь сукоңщики и монахи, бродячие скоморохи и продавцы индульгенций, морские пираты и студенты, облик, поступки, речь которых составляют тот неповторимый колорит, без которого немислимо художественное произведение на историческую тему. Рисуя всю эту разноликую, пеструю толпу, Конан Дойль особое внимание обращает на детали, иногда чрезмерно увлекаясь их внешней стороной, их перечислением, порой утомительным. В подробностях описывает он одежду своих героев, обстановку их жилищ; он великолепно знает, что ели и пили в то время, какие пели песни и

сколько платили в придорожном трактире. В стремлении к бытовой исторической достоверности сказывается несомненное влияние Вальтера Скотта. Воспевание подвига, вера в силу народной мудрости, частое обращение к фольклору — и в этом заметна традиция великого шотландца.

На родине писателя «Белый отряд» сразу же приобрел большую популярность. Достаточно сказать, что только за первые восемь лет он выдержал 25 изданий. Многие литературные критики считали и продолжают считать его лучшим произведением Конан Дойля.

Примечания

1

Ангел (господень) (лат.) — название молитвы, начинающейся этими словами, и колокольного звона, который призывал к этой молитве трижды в день: рано утром, в полдень и к вечеру. Здесь имеется в виду полуденный Angelus.

Сликарий — склад для необмолоченного хлеба, рига (средневековый латинизм).

Богородице, дево, радуйся (лат.).

Верую (лат.).

Корень зла (лат.).

Деяния блаженного Бенедикта (лат.).

Сокманы, люди чаще всего недворянского происхождения, получали в «держание» землю от короля и были за это обязаны ему повинностью — воинской, денежной и проч.

Род цитры.

Старинная трехструнная скрипка.

Так называли по всей Европе чуму, свирепствовавшую во второй половине XIV века.

Роза славы (франц.).

Открой (франц.).

Малютка (франц.).

Ах, это любовь, любовь (франц.).

Друзья мои (франц.).

Моя красotka (франц.).

Ну-ка, вперед! (франц.).

Выпьем (франц.).

За тебя, мой мальчик! (франц.).

Дети мои (франц.).

Мои храбрецы (франц.).

Эй, мой ангел! (франц.).

Здесь и далее стихи в переводе Давида Маркиша.

Тъфу, черт! (франц.).

Твое здоровье, милочка (франц.).

И твое тоже, девочка. Боже мой (франц.).

Правда — великая вещь, но редкостная (лат.).

Боже ты мой! (франц.).

Клянусь (франц.).

Мой друг (франц.).

Мой Большой Джон (франц.).

Милочка (франц.).

Злая, злая (франц.).

Прощай, жизнь моя! (франц.).

Мой мальчик (франц.).

Вперед, товарищи (франц.).

Вперед! За благодать святую — Все как один. Настал черед. Ударим дружно, памятуя О смерти
господа. Вперед! Господь наш схвачен был врагами. Он злые муки претерпел И принял смерть...
Победа — с нами! Вперед, кто доблестен и смен!

Это за ваши грехи, за ваши грехи (франц.).

Мой милый (франц.).

Клянусь! (франц.).

Господь бог (франц.).

«Деяния святых» (лат.).

Дети мои (франц.).

Черт побери! (франц.).

Лес на сто свиней (лат.).

Олень прошел? Нет? Сюда, Брокас — ты говоришь по-английски (франц.).

Благословляю, сын мой (лат.).

Мальчик с лицом благородным (лат.).

У него на рогах сено, то есть «он бодлив» (лат. поговорка).

В силу твоего довода (лат.).

Следовательно (лат.).

Не каждому удастся побывать в Коринфе (лат.).

Судья осужден (лат.).

Доктором преславным и несравненным (лат.).

Заклучение (лат.).

Будь я проклят! (франц.).

Дорогой малыш (франц.).

Клянусь богом! (франц.).

Мой мальчик (франц.).

Черт побери! (франц.).

У нее был плохой вкус, приятель (франц.).

Выпьем, мой мальчик (франц.).

Здесь — обязанностям (франц.).

Нагар (или накир) — музыкальный инструмент.

Ферлон — одна восьмая часть мили.

Благословлен господь бог мой, который учит руки мои сражаться и пальцы мои воевать (лат.).

Конечно (франц.).

«Отче наш», «Богородице, дево, радуйся», «Верую» (лат.).

Что вы говорите? (франц.).

Собачья смерть (франц.).

Чтоб тебя черт побрал! (франц.).

В твои руки, господи! (лат.).

Черт возьми (франц.).

Обувь польского происхождения (франц.).

Испытаний (франц.).

Конечно (франц.).

Здесь — смелей (франц.).

Моя Тита (итал.).

Черт возьми (итал.).

Буквально — тело Вакха. (Итальянская божба).

Черт побери (итал.).

Черт побери! (исп.).

Ей-богу (франц.).

Мой ангел (франц.).

Добрый день, хозяйюшка! (франц.).

Господа (франц.).

Германия.

Дидим Александрийский — греческий богослов IV века. Он был слепой, на что и намекает клирик, сравнивая с ним сэра Найджела.

Делай, что должен, пусть будет, что будет. Вот повеление, данное рыцарю (франц.).

Долг, обязанность (франц.).

Ко мне, друзья! Ко мне, товарищи! Ко мне, достойному защитнику епископа Монтобанского!
На помощь святой церкви! (франц.).

Любимый (итал.).

Кто идет? (франц.).

Вертушка (франц.).

Мой толстенный приятель (франц.).

Глубокий овраг; пропасть (исп.).

Господа (исп.).

Английская высота (исп.).

Ах, мои красавицы! (франц.).

Мои ангелы! (франц.).

Valeria Victrix — Валериев Победоносный (лат.) — название одного из римских легионов.

«Язычник» — по-латыни *raganus*. Первоначальное значение этого слова — «мужик», «деревенщина».

Единосущие и подобосущие (греч.). Ариане утверждали, что бог-сын в Троице всего лишь подобен богу-отцу, их противники, — что отец и сын одинаковы по самой своей сущности.

Герулы — кочевое германское племя; герульские воины часто служили наемниками и у своих сородичей-германцев и у римлян.